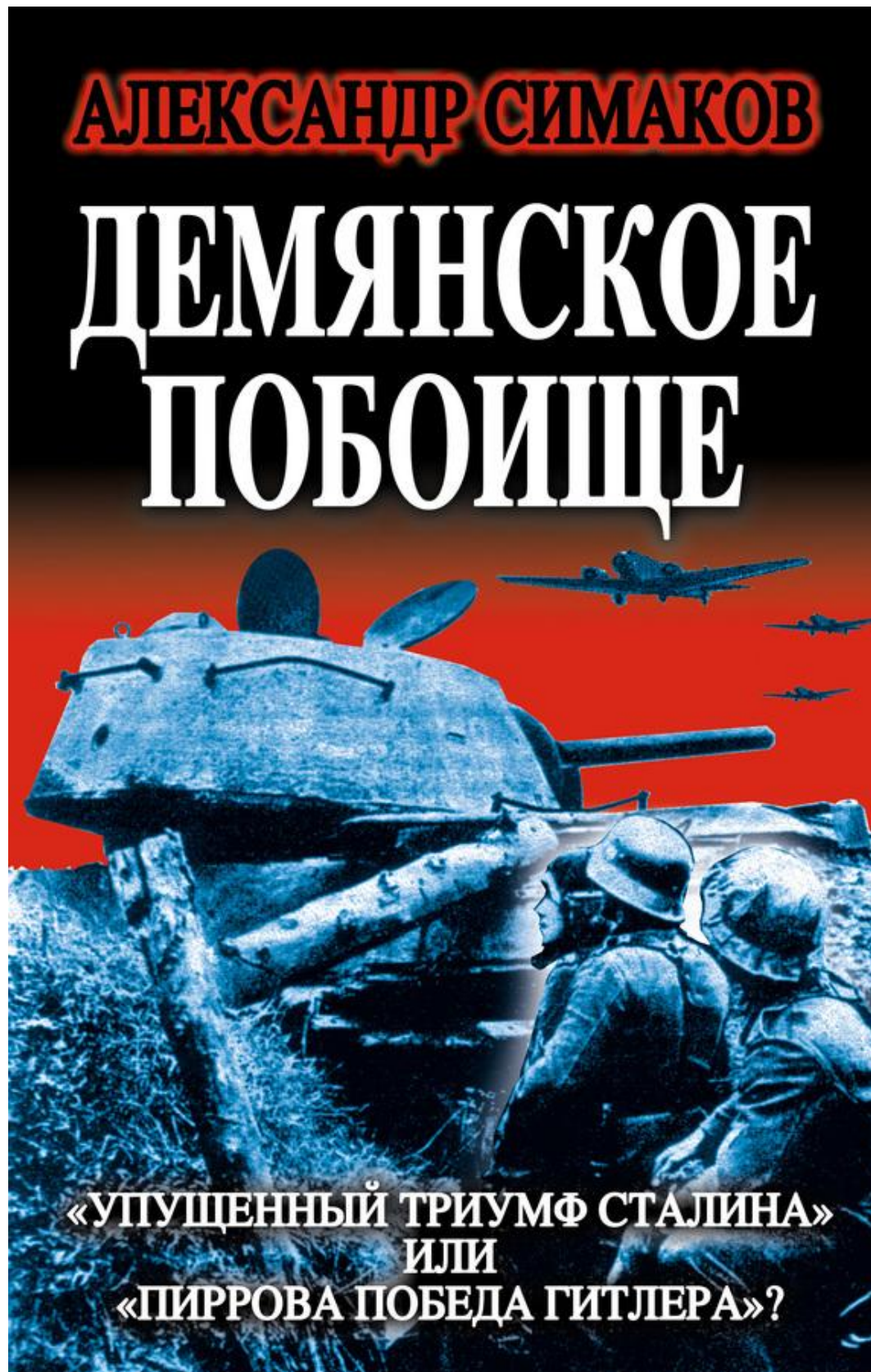

Библиотека сайта <http://www.dogswar.ru>

Dogswar.ru - Информационный портал о стрелковом оружии, военной технике, вооруженных силах стран мира. Статьи и обзоры о армиях мира, оружии и военной технике, боеприпасах и амуниции. Тактико-технические характеристики и фотографии вооружения. Электронные книги, справочники и энциклопедии оружия, униформы, военной истории. Форум.

Александр Петрович Симаков
Демянское побоище.
«Упущенный триумф Сталина» или «пиррова победа
Гитлера»?

Автор выражает благодарность Е. Виноградову, А. Григорьеву, В. Миронову, С. Петрову, В. Степанову, С. Сковородкину, О. Хрущеву за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

*Сражается насмерть в лесах и болотах
Израненный Северо-Западный фронт,
В атаку идут поредевшие роты,
Но солнце, как Знамя Победы, встает.*
А. Булавкин

Глава 1 ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Соотношение сил

События весны и лета 1941 г. говорили о том, что Германия совершит военное нападение на СССР. В полосе Прибалтийского особого военного округа в мае – июне участились случаи нарушения госграницы немецкими самолетами, отдельные из них проникали до Риги, Шауляя, Вильно. Пятая колонна в Прибалтике начала подниматься и разворачивать свою деятельность.

Наша агентура и перебежчики указывали, что вооруженное выступление Германии против нас произойдет в ближайшее время. Почти точно указывались сроки – 20–22 июня 1941 г.

Командованию Прибалтийского округа представлялась возможность немедленно передислоцировать ряд частей ближе к границе. Однако темпы сосредоточения и развертывания шли медленно. Пропускная способность железных дорог Прибалтики была невелика, войска дислоцировались на большой территории и в удалении от госграницы.

Вместе с тем имелась реальная возможность под видом вывода частей в лагеря провести скрытое сосредоточение главных сил у госграницы, занять и совершенствовать полевые оборонительные сооружения. Но это было возможно при условии правильной оценки и предвидения надвигающихся событий. Своевременно были выведены только 90, 188 и 5-я стрелковые дивизии, но они в основном занимались оборудованием лагерей, нежели боевой подготовкой.

Таким образом, непосредственно у госграницы от Балтийского побережья до Аугстогаллена находились: 10-й стрелковый корпус – 10, 90 и 125-я стрелковые дивизии 11-го стрелкового корпуса; от реки Неман до Копциво – 5, 33, 188 и 128-я стрелковые дивизии 16-го стрелкового корпуса.

Эти части в основном находились в лагерях, имея непосредственно у госграницы прикрытие от роты до батальона, по существу лишь усилив пограничную службу.

11, 16, 23, 126, 183-я стрелковые дивизии совершали переброску или марши из районов лагерей или зимних квартир к границе.

179, 180, 181, 182, 184, 185-я стрелковые дивизии продолжали оставаться в лагерях или на зимних квартирах.

3 и 12-й механизированные корпуса заняли районы сосредоточения согласно плану [1].

Сосредоточение войск опаздывало на 5–7 суток. Не было ярко выраженной группировки, более того, ударная сила – механизированные корпуса были растащены по дивизиям по ряду направлений.

К исходу 21 июня в боевую готовность были приведены только части прикрытия (шесть стрелковых дивизий) и мехкорпуса.

В полосе Прибалтийского особого военного округа сосредоточивалась группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба, в состав которой входили 16-я и 18-я армия и 4-я танковая группа.

Противостоящие им наши войска состояли из 8, 11, 27-й армий во главе с генерал-майором П.П. Собенниковым, генерал-лейтенантом В.И. Морозовым и генерал-майором Н.Э. Берзариным, а также 3-го и 12-го механизированных корпусов под командованием генерал-майора танковых войск А.В. Куркина и комбрига Н.М. Шестопалова.

Всего имелось 25 дивизий (19 стрелковых, 4 танковых и 2 мотострелковых), 1 стрелковая и 3 воздушно-десантных бригады. На базе Прибалтийского особого военного округа в первый день войны был создан Северо-Западный фронт под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова.

По данным разведки и агентуры, наше командование неверно оценивало соотношение сил сторон. В журнале боевых действий фронта 21 июня записано:

«Войска СЗФ имели равные силы, а по отдельным элементам вооружения – превосходство. Пулеметы: немцы – 13 500, мы – 18 760; минометы: немцы – 1400, мы – 3517; артиллерия: немцы – 2256 орудий, мы – 2884, из них 60 % тяжелых систем; по танкам превосходство у немцев на 900 танков; ПТартиллерия – на 560 орудий; явное превосходство в автоматах и авиации».

К нанесению удара на этом направлении противником привлекались 3-я танковая группа и два левофланговых корпуса 9-й армии из состава группы армий «Центр». Вся группировка насчитывала 42 дивизии, в том числе 7 танковых и 6 моторизованных. Наступление группировки поддерживал 1-й воздушный флот, имеющий 760 самолетов.

Противник превосходил советские войска в дивизиях в 1,7 раза (фактический перевес в людях был более значительным), в танках – в 1,3 раза, в орудиях и минометах – в 2 раза, в авиации – в 1,2 раза [2].

Наши глубинные резервы влияния на ход боя оказать не могли, так как опаздывали с прибытием на 3–5 суток, а резервы противника вводились на 1–2 сутки. Немцы имели полную возможность бить наши войска по частям, то есть в первую очередь 7–8 стрелковых дивизий прикрытия, потом моторизованные части и затем резервы, которые подходили на пятые – седьмые сутки.

Немецкое командование планировало глубокие стремительные прорывы танково-моторизованных соединений, чтобы предотвратить отход пограничных частей на подготовленные для обороны рубежи. Поэтому Лееб выдвинул в первый эшелон лучшие части прорыва – 41 и 56-й моторизованные корпуса генералов Рейнгардта и Манштейна.

Несколько слов об авиации. Ударом с воздуха большая часть советской авиации на пограничных аэродромах была уничтожена на земле, не успев подняться в воздух.

Связь. К 22 июня в нашем тылу оказалось невероятное количество диверсантов, которые резали телефонные провода и убивали посыльных. Все! Без телефонной связи никаких армий, корпусов, дивизий и полков у нас в западных округах не стало. Осталось несколько тысяч рот и батальонов, которые действовали без единого плана и приказов. А штабные радиостанции армий, корпусов и дивизий были смонтированы в автобусах – легко распознаваемые цели для немецкой авиации. Через несколько дней не стало и этих радиостанций.

Немецкие войска начали выдвижение на исходные позиции с восьми часов вечера 21 июня.

Таким образом, утром 22 июня войска Прибалтийского округа вступили в войну в заведомо невыгодных условиях. В первые же часы была нарушена связь штабов всех уровней с воинскими частями и потеряно управление ими. На пограничных аэродромах была уничтожена или повреждена большая часть наличной авиации. Поэтому весь первый день войны немецкие самолеты непрерывно «ходили по головам» наших войск, бомбя и штурмуя занимаемые ими позиции.

В соответствии с планом «Барбаросса» войска Лееба должны были нанести главный удар в направлении Даугавпилса (Двинск) и Ленинграда, уничтожить советские войска в Прибалтике и, захватив порты на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить Краснознаменный Балтийский флот его баз [3].

Правофланговые 4-я танковая группа и 16-я армия, наступая на Даугавпилском направлении, должны были как можно быстрее продвинуться в район северо-восточнее Опочки, преградить путь отхода советским войскам из Прибалтики, разгромить их и создать предпосылки для продвижения на Ленинград. Главный удар 18-й армии был направлен на Ригу – должны были быть отрезаны и уничтожены советские войска юго-западнее города. В дальнейшем, развивая наступление на Остров, Псков, 18-я армия должна была воспрепятствовать отходу советских войск на восток и овладеть Эстонией.

В первые дни

Освещение хода боевых действий в начальный период войны не входит в тематику этой книги. Поэтому ограничимся отдельными замечаниями. В первый же день войны враг продвинулся на 30–50 км. Были захвачены два неповрежденных моста через реку Дубисса. Вражеские танки на плечах отступающих советских частей захватили мосты и форсировали Неман. На Шауляйском

направлении корпус Рейнгардта прорвался дальше всех немецких частей. Командующий фронтом решил фланговыми ударами 3-го и 12-го механизированных корпусов «срезать» танковый клин врага. Кроме того, он отдал приказ развернуть на подступах к Шауляю 9-ю подвижную артиллерийско-противотанковую бригаду полковника Н.И. Полянского. В ее составе находились 250 орудий калибром 76 и 85 мм. В качестве поддержки была придана 202-я механизированная дивизия полковника В.К. Горбачева.

Между наступающими мехкорпусами не было налажено надлежащей связи и взаимодействия. Дивизии вводились в сражение вразнобой, без взаимной поддержки. Вводимые в бой «в порядке живой очереди», отрезанные от тылов и не имея прикрытия с воздуха, танковые дивизии обоих корпусов к исходу 26 июня были противником разгромлены. Артиллеристы полковника Полянского и дивизия Горбачева успешно отражали вражеские атаки. Разгром мехкорпусов позволил Рейнгардту высвободить основные силы и осуществить обходной маневр. Поэтому 202-я мотострелковая дивизия и 9-я артбригада, оказавшись под угрозой окружения, оставили Шауляй.

К этому времени резко ухудшилась обстановка в полосе 11-й армии. После тяжелых боев за Вильнюс армия, понесшая тяжелые потери и рассеченная на части, начала отходить на северо-восток. Направление Каунас – Даугавпилс оказалось практически без прикрытия, и Манштейн начал быстро продвигаться к Западной Двине.

Потеряв почти все танки, командующий фронтом генерал Кузнецов отдал войскам приказ отходить за Двину и там, за сильным естественным рубежом, организовать крепкую оборону. Одновременно для ликвидации образовавшегося между 8 и 11-й армиями разрыва было решено выдвинуть из резерва фронта в район Даугавпилса еще не отмобилизованные и технически слабо оснащенные 5-й воздушно-десантный и 21-й механизированные корпуса. Руководство ими возлагалось на командующего 27-й армией генерала Н.Э. Берзарина. Решение это было правильным, но принято, как оказалось, поздно. Противник не собирался отдавать инициативу. Первыми к Западной Двине успели подойти немцы. 26 июня передовые части Манштейна ворвались в Даугавпилс и захватили стратегически важный объект – мост. В результате фронт оказался рассеченным надвое. 27-я армия опоздала с выдвижением, а Манштейн уже захватил плацдармы на восточном берегу Двины, нацелившись на Псков и Ленинград.

Командир 21-го механизированного корпуса генерал Д.Д. Лелюшенко получил приказ Ставки Главного командования выдвинуться из района Опочка – Идрица в район Даугавпилса и не допустить форсирования противником Западной Двины. Однако эта задача была совершенно невыполнима, и противник уже 26 июня крупными силами форсировал реку и захватил Даугавпилс. Манштейну было приказано остановиться, так как его 56-й моторизованный корпус вырвался на 130 км вперед, оставив далеко позади другие войска группы «Север». Командование опасалось, что корпус может попасть в «мешок».

На немецкие плацдармы были брошены 5-й воздушно-десантный корпус полковника И.С. Безуглова и 21-й механизированный корпус генерал-майора Д.Д. Лелюшенко. Но, к сожалению, взаимодействие, связь, управление войсками как следует не организовывались. В итоге трехдневных ожесточенных боев наши войска понесли тяжелые потери, а плацдармы остались в руках Манштейна. И все же до 20 июля враг, рвавшийся к Ленинграду, был остановлен.

Тем временем корпус Рейнгардта форсировал Двину, части немецкой 18-й армии вошли в Ригу. Рано утром 2 июля корпус Рейнгардта нанес мощный удар в стык ослабленных 8 и 27-й армий. Фронт был сразу прорван. Немцы развивали наступление на Остров и разрезали надвое 8-ю армию. Обе наши армии вновь отходили по расходящимся направлениям. Штаб фронта попал в окружение.

Враг на русской земле

4 июля Ставка Главного командования назначила новым командующим фронтом генерал-майора П.П. Собенникова, ранее командовавшего 8-й армией. В этот день 1-я танковая дивизия немцев ворвалась в Остров. В числе трофеев ей достались целые и невредимые мосты через реку Великая. Выдвигавшиеся из резерва Ставки 1-й механизированный, 22 и 41-й стрелковые корпуса вынуждены были вступать в бой за Остров с ходу и потому опрокидывались противником. Только на правом фланге корпус Лелюшенко отбил атаки Манштейна на рубеже Себеж – Опочка. Как отмечал в воспоминаниях Г.К. Жуков: *«Из-за опоздания выхода наших резервов на реку Великая*

противник с ходу захватил город Псков. 8-я армия Северо-Западного фронта, потеряв связь с другими войсками, отходила на север» [4].

Вечером 8 июля 118, 111, 235-я стрелковые дивизии 41-го стрелкового корпуса оставили Псковский укрепрайон и сам город Псков и начали беспорядочный отход на Лугу и Сольцы. Противник обнаружил этот отход, и 9–11 июля преследовал наши войска небольшими передовыми отрядами, за которыми двигались мощные мотомеханизированные колонны.

Ставка ВГК хорошо осознавала нависшую над Ленинградом опасность. Быстрыми темпами шло сооружение Лужского рубежа обороны. В предельно сжатые сроки был создан укрепрайон, состоящий из двух полос протяженностью около 175 и глубиной 12 км.

9 июля корпус Рейнгардта начал наступление на Лугу. 12 июля он завязал бои в предполье Лужского УРа. Столкнувшись с хорошо организованной, глубокоэшелонированной обороной, 41-й моторизованный корпус противника сразу увяз в ожесточенных позиционных боях. Командующий войсками укрепрайона генерал П.М. Пядышев, ведя упорную и активную оборону, к исходу третьих суток окончательно остановил врага. Манштейн, убедившись в прочности находившихся перед ним русских позиций, ввел свои танки в пробитую ранее брешь в районе Острова. 56-й моторизованный корпус обошел Себежский укрепрайон и развил наступление на Порхов, Шимск и Новгород. Порхов был взят на следующий день. В нем осталась включенная в состав корпуса Манштейна моторизованная дивизия СС «Мертвая голова», а 3-я моторизованная и 8-я танковая дивизии повели наступление на Сольцы и Новгород.

41-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора И. Кособуцкого ничего не мог противопоставить наступающему противнику – в первые же часы боя была потеряна связь со штабом армии. Части в беспорядке начали отход в восточном и северо-восточном направлениях.

Хорошо, что на участке отхода 41-го стрелкового корпуса разворачивались соединения, занимавшие Лужский оборонительный рубеж. В противном случае могла случиться катастрофа фронтового масштаба. Командир корпуса был отстранен от командования и отдан под суд. Многое ему пришлось пережить, но войну он все же закончил командиром 34-го стрелкового корпуса в звании генерал-лейтенанта. А вот командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Гловатский решением Военной коллегии Верховного суда 3 августа был расстрелян.

В сложном положении оказался 22-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта А.С. Ксенофонтова. Он являлся национальным, сформированным в 1940 г. из подразделений эстонской армии, во главе которого были назначены русские командиры. После объявления мобилизации ни один эстонец не прибыл в части корпуса. В наследство досталась военная форма эстонского образца и устаревшее вооружение.

Погруженные в эшелоны части были направлены в Островский укрепрайон, который уже был занят противником. Поэтому новая задача корпуса была занять позиции юго-западнее Порхова. Имелись многочисленные случаи перехода эстонских военнослужащих на сторону немцев. Только к середине июля боеспособность частей была повышена, когда начал поступать личный состав из глубины страны.

Первое столкновение с противником произошло 7 июля. Два дня вражеские атаки 180-я и 182-я стрелковые дивизии успешно отражали. Затем связь между дивизиями и со штабом корпуса прекратилась. Особенно жестокие бои вела 180-я стрелковая дивизия полковника И.И. Миссана за курорт Хилово. Под напором танков части корпуса отходили на восток.

12-й механизированный корпус, выведенный во фронтовой резерв, с утра 9 июля сосредоточивался для укомплектования в районе Сольцов. В состав корпуса входили 23-я стрелковая, 28-я танковая, 202-я моторизованная дивизии и 10-й мотоциклетный полк.

Для усиления армии генерала Морозова 11 июля из фронтового резерва передавался 1-й механизированный корпус в составе двух танковых дивизий – 3-й и 21-й. Корпусом командовал генерал-майор М.Л. Чернявский. Обе дивизии были размещены северо-западнее Дно в районе деревни Боровичи в пятнадцати километрах к северу от Порхова.

КВ-1 в захваченной немцами деревне

С 8 июля в Эстонии началась оборонительная операция 8-й армии (с 3 июля ею командовал генерал-майор Ф.С. Иванов) против 18-й армии противника. Закрепившись 10 июля на 250-километровом рубеже Пярну – Тарту – Чудское озеро, армия задержала врага до 22 июля (14 июля армия вошла в состав Северного фронта). На левом фланге соединения 27-й армии вели ожесточенные, с переходом в контратаки, оборонительные бои на рубеже Опочкинского укрепрайона. Хотя 27-я армия и была усилена 5, 126-й и 188-й стрелковыми дивизиями и отдельными частями, ее численный состав был по-прежнему невелик и крайне утомлен боями.

...

9 июля 27-я армия в течение дня вела упорные оборонительные бои на реке Великая, к исходу дня противнику удалось захватить Опочку, Пушкинские Горы, Выбор [5] .

11 июля 24-й стрелковый корпус ночной атакой овладел Пушкинскими Горами. 46-я танковая дивизия 21-го механизированного корпуса ворвалась в Опочку и вела бой в окружении. У войск армии не хватало вооружения и боеприпасов. Под воздействием 126, 30, 122-й пехотных дивизий противника 27-я армия вынуждена была оставить Опочкинский укрепрайон и начать отход в направлении на город Холм.

Контрудар в районе Сольцов

В связи с тем что 16-я немецкая армия наступала на Холм и Старую Руссу, между ее соединениями и 56-м моторизованным корпусом Манштейна образовался 100-километровый разрыв. Эту брешь командование фронта решило использовать с целью срыва наступления врага на Новгород и разгрома прорывавшихся к Шимску частей 56-го корпуса.

Бои за Сольцы вели войска 11-й армии. Заслоном на пути врага к городу стали у деревни Боровичи части 1-го механизированного корпуса. Экипаж старшего лейтенанта В.В. Платина 3-й танковой дивизии вступил в бой с 13 вражескими танками. За шесть часов, умело меняя позиции, отважные танкисты подожгли 10 машин, а остальные заставили повернуть назад.

Оборона города была в основном возложена на 202-ю мотострелковую дивизию. Ее командир полковник Б.К. Горбачев за плохое руководство боем 13 июля был отстранен от командования. Его заместитель полковник С.Г. Штыков сумел пресечь панику и умело руководил боем. Выбрав

удобную позицию, грамотно разместив артиллерию и маневрируя стрелковыми подразделениями, Штыков сумел сутки удерживать город и все переправы. С 14 по 16 июля бои доходили до рукопашной. Начальник отдела 1-го механизированного корпуса полковник Марченко доносил в штаб 11-й армии 17 июля 1941 г.: *«...в течение 15–16.07.41 г. частями 202 м.с.д. на северном берегу р. Шелонь уничтожено более 100 транспортных машин, около 50 танков, один штаб на западной окраине Сольцов, большое количество живой силы противника».*

К 18.00 14 июля противник захватил Сольцы. Командующий Северо-Западным фронтом приказал осуществить контрудар и восстановить положение. Из Северного фронта в 11-ю армию были переданы: 21-я танковая дивизия полковника Л.В. Бунина, 70-я стрелковая дивизия генерал-майора А.Г. Федюнина и 237-я стрелковая дивизия генерал-майора Д.А. Попова (с 15 июля его сменил полковник В.Я. Тишинский).

Для проведения контрудара были созданы две группировки: северная – в составе 70 и 237-й стрелковых и переброшенной сюда 21-й танковой дивизии (всего 148 танков) и южная – в составе 183-й стрелковой дивизии.

Замысел командующего 11-й армии состоял в том, чтобы ударом по сходящимся направлениям окружить 8-ю танковую и часть сил 3-й моторизированной дивизии немцев, рассеять и уничтожить их. Чтобы не допустить отхода противника за Шелонь, на ее правом берегу была развернута 202-я мотострелковая дивизия. 182-я стрелковая дивизия должна была перейти в наступление и овладеть городом Порхов.

Контрудар начался в 18.00 14 июля. За несколько часов до этого авиация Северо-Западного фронта, 1-го дальнебомбардировочного авиакорпуса и 2-я смешанная авиадивизия Северного фронта наносили удары по скоплениям личного состава, техники и батареям корпуса Манштейна, а также по резервам в районе Сольцов, Ситни, Порхова, Дно. Нашей авиации удалось на время контрудара захватить в воздухе локальное господство. После 16-часового боя 70-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 237-й стрелковой дивизией 15 июля отрезали пути отхода врага на запад. 17 июля части дивизии овладели городом Сольцы.

180-я стрелковая дивизия наносила удар в северном направлении из района Дно на Ситню. 183-я и 182-я стрелковые дивизии сдерживали натиск врага с запада.

В четырехдневных боях 8-я танковая дивизия и инженерный полк противника были разгромлены. Хотя остаткам и удалось вырваться из окружения, но для восстановления боеспособности 8-й танковой дивизии потребовался целый месяц. Части 56-го моторизированного корпуса были отброшены на 40 км на запад.

Контрудар 11-й армии временно устранил угрозу прорыва немецких войск к Новгороду и сорвал первую попытку врага овладеть Ленинградом с ходу. Была создана угроза коммуникациям 4-й немецкой танковой группы. Это вынудило противника приостановить наступление на Кингисеппском и Лужском направлениях до подхода основных сил 18-й армии к Луге и 16-й армии на рубеж Старая Русса – Холм. Фронт на Луге стабилизировался до 10 августа. Защитники Ленинграда получили дополнительное время для укрепления обороны.

В эти дни на советско-германском фронте наступление противника развивалось успешно. В дневнике Ф. Гальдера присутствует такая запись: *«23 июля. Пока все идет по плану. Текущие вопросы, требующие немедленного разрешения: ...3. Войска двигаются быстро. Публичные дома не успевают за частями. Начальникам тыловых подразделений снабдить бордели трофейным транспортом».*

Во второй половине июля 1940 г. в Берлине вышел приказ, в котором говорилось о создании борделей для вермахта. Отбор кандидатур «жриц любви» для полевых борделей вначале был довольно строгим. Прежде всего их внешность должна соответствовать критериям арийского образца. Все немки, поступающие на такую работу, числились служащими военного ведомства и получали жалованье, страховку, а также имели льготы [6] .

Но недалеко то время, когда Ф. Гальдера будут волновать совершенно другие проблемы. В немецкой газете было «разъяснение» гиганта демагогии и парадокса рейхсминистра Геббельса, ближайшего сподвижника Гитлера. Отправляющиеся на Восточный фронт немецкие солдаты спросили его: *«Как же так, мы воюем с русскими, но русские – славяне, а славяне произошли, как и немцы, – от арийцев?»* Геббельс, не моргнув глазом, ответил так: *«Русские были славянами, но перемешались с татарами и стали большевиками!»*

Немецкие солдаты принимали присягу: *«Я клянусь тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру Рейха, в верности и храбрости! Я обещаю Тебе и назначенным Тобой начальникам повиноваться до самой смерти. Да поможет мне Бог!»*

Официальное извещение о гибели немецкого солдата в Первую мировую войну: *«Он погиб за Бога, Императора и Отечество»*; во Вторую мировую войну: *«Он погиб за Фюрера и народ»*.

Уже в летние месяцы 1941 г. немцы стали понимать, что все не так просто и прекрасно. Вот воспоминания немецкого врача: *«...Сводки новостей вермахта полны оптимистических прогнозов. Но потери возрастают, госпитали танковой дивизии, сражающейся на линии фронта прямо перед нами, переполнены. Подразделения медицинской службы, о которых вермахт никогда не сообщает, находятся в критическом положении. Госпитали Даугавпилса не справляются с работой. Самолеты не успевают перевозить раненых...*

В середине месяца, 15 июля 1941 года, в нашу армию прибывает генерал-фельдмаршал фон Браухич... Он спешит объявить собравшимся офицерам, что поход на Россию уже почти выигран.

Когда до нас, советников, доходит эта стремительно распространяющаяся фраза генерал-фельдмаршала, от ужаса мы теряем дар речи» [7] .

Немецкое командование принимало срочные меры для спасения своих войск. Ожесточенным атакам подверглись дивизии 22-го стрелкового корпуса. 17 июля наиболее сильные удары при поддержке танков противник производил в районе Пески, в результате чего правый фланг 183-й стрелковой дивизии был отеснен на рубеж Петрово – Сухарево, а затем был отброшен на южный берег Шелони. 182-я стрелковая дивизия к исходу суток под давлением введенного в бой 24-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии немцев с Порховского направления медленно отходила на восток.

В этот день активно действовала наша авиация. Мелкими группами в 2–3 самолета и одиночными машинами велась разведка, был нанесен удар по колонне мотомеханизированных частей противника на дороге Высоцкое – Дуброво. В результате бомбардировки Псковского аэродрома загорелось 8–10 самолетов, один самолет «Фокке-Вульф» был сбит над аэродромом Пскова [8] .

18 июля в полосе 183-й стрелковой дивизии в районе Большие Луки противник переправил на восточный берег Шелони группу танков и роту пехоты с мотоциклами. 182-я стрелковая дивизия после отхода с Порховского направления к 5.00 восстановила положение, но затем атакованная частями 21-й пехотной дивизии отошла на рубеж Поддубье – Дуброво.

202-я мотострелковая дивизия была направлена в район Дно, но опоздала. Противник силами пехотной дивизии уже занял Дно и наступал в восточном направлении.

19 июля 16-й стрелковый корпус приостановил наступление из-за отхода частей 22-го стрелкового корпуса, который в связи с прорывом фронта 182-й дивизии начал отход на рубеж в 10 км к востоку от Дно. Проводная связь с командованием 11-й армии бомбардировщиками вражеской авиации была выведена из строя, что создавало большие трудности в руководстве дивизиями.

20 июля 11-я армия своим правым флангом продолжала занимать прежний рубеж.

...

22 с.к. – фронт которого еще накануне был прорван ударом 21 п.д. в стык 182 и 180 с.д., с утра 20.8 продолжал отход на восток, и к 14.00 эти дивизии совместно с частями 21 т. д. и брошенной на помощь 202 м.д. вели бои на рубеже Каменка – Волотово – Рвы. На этот же рубеж были переброшены остатки 5-го мотополка. Положение этого корпуса на указанном рубеже все же было неустойчивое (точное положение частей, ввиду отсутствия связи к концу 20.7 определить не представлялось возможным) [9] .

В этот же день командующий фронтом своей директивой требовал: без его разрешения сложившийся к 20 июля рубеж не оставлять. Эта директива требовала от армий принятия мер к усилению оборонительных работ и развития их в глубину.

Директивой отмечалось, что войска по-прежнему не ведут разведки. Командующий требовал под личную ответственность начальников штабов армий устранения этих недостатков и обязательного ведения разведки как днем, так и ночью.

...

Официальной датой завершения контрудара войск Северо-Западного фронта под Сольцами считается 20 июля.

После 20 июля противник, подтянув в район Сольцы – Шимск свежие 11-ю и 21-ю пехотные дивизии и танки, начал теснить части 16-го корпуса, намереваясь его окружить. В том, что врагу не удалось это сделать, особая заслуга артиллеристов. 22 июля противник ввел в бой дивизию СС «Мертвая голова». В ее состав входили только два полка. Один полк был уничтожен подразделениями 237-й дивизии незадолго до этого. Манштейн в своих мемуарах подтверждает это: *«Дивизия понесла колоссальные потери... три полка дивизии пришлось свести в два».*

После этого боя потом насчитали *«более тридцати подбитых танков, свыше двух десятков бронемашин, около двухсот сожженных грузовиков со снарядами, бензином, продовольствием... а счет убитых и раненых немецких солдат шел на тысячи. Среди убитых найден начальник штаба дивизии и командиры двух полков, но трупа командира дивизии не обнаружено»* [10].

Сражение за Новгород

Ведя упорные арьергардные бои, 26 июля 16-й корпус начал отход. Вскоре он закрепился на восточном берегу Мшаги на заранее подготовленных позициях. Здесь наши соединения 31 июля были объединены в Новгородскую армейскую оперативную группу, преобразованную 4 августа в 48-ю армию под командованием генерал-лейтенанта С.Д. Акимова.

Согласно планам вермахта непосредственно на Новгород должен был наступать 1-й армейский корпус под командованием генерал Куно-Ганса фон Бута. Ширина фронта наступления была определена всего в 16 км. Корпус усиливался артиллерией, но главным козырем немецких войск должны были стать самолеты 8-го авиакорпуса Рихтгофена. 1-й армейский корпус должен был прорвать оборону советских войск на реке Мшага, овладеть Новгородом и далее наступать в направлении железной дороги Ленинград – Москва.

Из-за плохой погоды немецкое наступление несколько раз откладывалось. 10 августа погода улучшилась, и в 5.20 наступление началось. После авиационных и артиллерийских ударов немецкая пехота двинулась на наши позиции. В ходе упорных боев 13 августа оборона 48-й армии на Новгородском направлении была прорвана. Решающую роль в этот день сыграл тот факт, что в руки немцев попал подробный план обороны 128-й стрелковой дивизии.

Для усиления 48-й армии из резерва фронта ей передавался кавалерийский полк и весь личный состав 12-го механизированного корпуса. Корпус был таким только по названию. На 30 июля в нем числилось всего 45 танков и 5 бронемашин. Корпусу была поставлена задача занять оборону по обводам Новгорода. Командира корпуса комдива И.Т. Коровникова назначили начальником обороны Новгорода.

Враг продвигался по шоссе и вдоль берега озера Ильмень. На направление предполагаемого удара И.Т. Коровников выдвинул 28-ю танковую дивизию полковника И.Д. Черняховского. Дивизия в начале августа находилась во фронтовом резерве и ожидала поступления боевой техники. Примерно 1500 человек, которые насчитывались в дивизии, были вооружены легким стрелковым оружием и снятыми с танков пулеметами.

Рано утром 14 августа пешие танкисты заняли оборону в районе Григорова, Новой Мельницы, Аркажи, Юрьева. Враг не жалел снарядов и мин, волнами налетали бомбардировщики. К концу дня немцы смогли занять лишь Новую Мельницу.

На второй день к И.Д. Черняховскому прибыло подкрепление: примерно 1000 человек из 3-й танковой дивизии и артиллеристы 128-й стрелковой дивизии.

С утра 15 августа до двух немецких пехотных дивизий, поддержанные танками, артиллерией, минометами, пошли в наступление. Решающим моментом уличных боев была оборона Кремля и борьба за предмостные укрепления. Два дня начиная с 16 августа противник пытался форсировать Волхов в районе моста. Пять суток не затихали неслыханные по своему накалу схватки.

С болью в душе оставили наши воины древний русский город. 21 августа наши части прочно закрепились на восточных подступах к Новгороду. На этом направлении была образована Новгородская армейская группа. Ее командующим стал генерал И.Т. Коровников. Вначале в нее

вошла подошедшая из резерва 305-я стрелковая и известные нам 28-я и 3-я дивизии, именуемые танковыми, а также части обеспечения.

Теперь вернемся в боевые порядки 11-й армии. 20 июля произошло событие не столь уж у нас редкое – рукоприкладство. В 1967 г. бывший комиссар 202-й мотострелковой дивизии С.Ф. Хвалей рассказал, что представитель Ставки Н.А. Булганин обвинил полковника С.Г. Штыкова в самовольном оставлении Острова. Н.А. Булганин с размаху ударил С.Г. Штыкова по лицу и сказал: *«Вы арестованы, сдайте оружие, представить к суду военного трибунала...»* [11]. В результате Штыков и Хвалей шесть суток находились под арестом (Прим. автора.).

...

22-й стрелковый корпус 22 июля производил перегруппировку для нанесения контрудара противнику в направлении Сольцы с юга и юго-востока. В состав ударной группы входили 21-й мотострелковый полк, 180, 182-я и переданная из 27-й армии 163-я мотострелковая дивизии.

Рубеж развертывания для контрудара намечался – Рашницы (9 км с.з. Волот), Веретье, Колпово, Карпово [12].

Выполняя директиву командующего фронтом № 021, днем 23 июля части корпуса продвигались с рубежа развертывания к реке Шелонь. 180-я стрелковая дивизия к 16.00 вышла к берегу и попала под сильный артиллерийский и минометный огонь с северного берега Шелони. Чтобы избежать лишних жертв, дивизия была отведена от берега на 1,5–2 км и форсирование реки отложили до наступления темноты.

25 июля один батальон дивизии форсировал Шелонь и овладел деревней Лебитово. Это был, пожалуй, единственный успех корпуса. Следующие два дня части 22-го корпуса под напором 126 и 30-й пехотных дивизий противника отходили в восточном и юго-восточном направлениях.

202-я мотострелковая дивизия в непрекращающихся боях понесла большие потери. Пока полковник С.Г. Штыков находился под арестом, дивизия вошла в группу Хрястова.

В журнале боевых действий войск Северо-Западного фронта есть запись от 27 июля: **«Группа Хрястова – 5 мп и остатки 202 мсд в течение дня 27.7. удерживали за собой рубеж Овсяная Нива – Свх. Выбити».**

Бои на подступах к Старой Руссе

Нужно обратить внимание – записано, что не дивизия, а остатки. И эти «остатки» через два дня нанесут противнику ощутимый удар. 29 июля в 5 часов утра полковник С.Г. Штыков, недавно освобожденный из-под ареста, получил боевой приказ занять оборону и задержать противника, идущего из района Дно к Старой Руссе. Уверенные в себе, немцы шли в походных колоннах, не соблюдая боевых порядков. Штыков решил ударить в районе станции Тулебли. Полки дивизии с ходу обрушились на противника, огнем артиллерии расчленили его походные колонны.

Начальник артиллерии дивизии полковник Ф.Т. Дахновский под Сольцами был ранен, в этом бою не участвовал, но слаженные орудийные расчеты в упор расстреливали танки, автомашины, живую силу противника. Под разгром попали части свежей 290-й немецкой пехотной дивизии, особенно 503-й пехотный полк и кавалерийские подразделения. Было уничтожено 20 танков, свыше 70 автомашин с пехотой, 150 мотоциклов и много кавалеристов.

На следующий день противник стал искать обходные пути с целью охвата дивизии справа и слева, начал продвижение на восток от Тулебли. У деревни Алексино враг пошел в атаку, гоня перед собой местных жителей – женщин, детей и стариков. Штыковой атакой противник был отброшен. Об этом бесчеловечном случае В.М. Молотов рассказал в выступлении по радио. К вечеру 202-я мотострелковая дивизия оказалась в полукольце, но получив боевой приказ о переводе на другой рубеж, дивизия вышла из окружения.

Вечером 31 июля 202-я стрелковая дивизия была выведена из боя в резерв, ее позиции заняла вновь прибывшая 254-я стрелковая дивизия генерал-майора Похозникова. Через два месяца его сменит генерал-майор И.М. Кузнецов. Дивизия была сформирована в Тесницких лагерях около города Тулы с 3 по 12 июля и сразу же погружена в эшелоны, хотя еще не до конца было получено стрелковое и артиллерийское вооружение.

Три дивизии (254, 257, 262-я) были сформированы на территории военного округа по приказу Л.П. Берии от 29 июня 1941 г. Из кадров НКВД на формирование каждой дивизии выделялось 1000 человек рядового и младшего начальствующего состава и 500 человек командно-начальствующего состава, преимущественно из пограничников. Кадры НКВД, в сущности, растворялись в массе призываемых из запаса, но все же играли роль ядра спешно формируемых соединений [13].

31 июля 254-я стрелковая дивизия заняла рубеж обороны Тулебля – Утошкино – Нагаткино. Рядом оборонялись дивизии 22-го стрелкового корпуса: 183-я стрелковая дивизия обороняла рубеж Борисово – Вилинка – Тулебля;

180-я стрелковая дивизия была сосредоточена в районе Бакочино в готовности для контратаки в направлении Тулебля;

163-я мотострелковая дивизия сосредоточивалась в районе 4 км южнее Старой Руссы;

202-я мотострелковая дивизия располагалась в районе Заболотья;

182-я стрелковая дивизия, составляла резерв 11-й армии, была сосредоточена в районе Дубовиц.

Солдаты 290-й пехотной дивизии. Франция – 1940 г.

Стык с 27-й армией и левый фланг 254-й стрелковой дивизии обеспечивался 3-м полком НКВД с 84-м мотоциклетным полком, занимавшим восточный берег Полисти от Утошкино и южнее. Штаб 11-й армии располагался на восточной окраине Старой Руссы. На Старорусском направлении противник силами 30 и 290-й пехотных дивизий к 17.00 31 июля занял Вилинку, Дубровку, Тулеблю, Великое Село.

В тяжелом положении оказалась 254-я дивизия. К ее рубежу обороны стали подходить передовые подразделения 290-й немецкой пехотной дивизии, а орудия полковой артиллерии и половина пулеметов еще не были получены. Только благодаря сражению под Тулеблем и задержке основных сил врага 254-я стрелковая дивизия получила необходимое вооружение и укрепила оборону.

Битва за Старую Руссу

1 августа наши части вели напряженные бои на линии Старорусских полевых укреплений, отражая атаки врага в общем направлении Вилинка – Старая Русса.

Особенно сильные бои происходили на фронте 183-й стрелковой дивизии. Противник овладел районом Вилинка – Еваново. Контратакой при поддержке 10 танков к 17.00 положение было восстановлено. 254-я стрелковая дивизия вела сильный огневой бой на участке Заболотье. Остальные соединения подготавливали оборону на своих рубежах. Штаб 11-й армии переместился в лес у переезда Анишино.

2 августа 183-я стрелковая дивизия обороняла северную часть Старорусских укреплений

позиций, имея перед собой части 30-й пехотной дивизии в районе Вилинка и Еваново. 254-я стрелковая дивизия в 12.30 отбила атаку двух рот пехоты 290-й пехотной дивизии. Остальные части продолжали оборудование своих рубежей обороны.

3 августа 182-я и 183-я стрелковые дивизии вели бои за Борисово и Зиминку. После удара двух вражеских пехотных полков при поддержке артиллерии Борисово и Иванцево нами были оставлены. В 15.00 ударом двух полков 182-й стрелковой дивизии при поддержке танков наступление противника было приостановлено.

В ходе боев был выявлен 503-й полк 290-й пехотной дивизии, ранее не участвовавший в боях. До этого он в тылу приводил себя в порядок после разгрома под Тулеблей, остальные части 22-го стрелкового корпуса занимали прежнее положение, не имея перед собой противника.

4 августа 182-я и 183-я стрелковые дивизии под напором врага еще ночью отошли на рубеж Жилой Чернец – Большое Вороново – Пустой Чернец. Днем противник группировал силы 30-й пехотной дивизии в районе Барзуново – Хутынка – Вилинка и при поддержке бомбардировочной авиации, артиллерии, минометов с танками до двух рот перешел в наступление. Главный удар силами до пехотного полка наносился в направлении Барзуново – Нагово и Вилинка – к/х. Отрадное (к/х. – колхоз).

5 августа в 11.30 противник силами 30 и 290-й пехотных дивизий развивал наступление в юго-восточном направлении и к 15.30 отбросил части 22-го стрелкового корпуса на линию Добросково – Малое Орехово, северная окраина Заболотья. Части корпуса начали контрнаступление в 18.00, и к 23.00 продвижение противника было остановлено. 202-я мотострелковая дивизия с 21-м мотострелковым полком вышла в район 6 км западнее Старой Руссы. Остальные части находились в районе Вороново – с/х. Птицетр (с/х. – совхоз).

Решающие бои за Старую Руссу происходили в первой половине дня 6 августа. Наши части повели наступление в направлении Нагово – Катицево. В 12.00 противник нанес контрудар силами 30-й пехотной дивизии на узком фронте. Сломив сопротивление 22-го стрелкового корпуса и частей 254-й стрелковой и 202-й мотострелковой дивизий, противник повел наступление вдоль шоссе и железной дороги на Старую Руссу. В результате упорного боя части 22-го стрелкового корпуса оставили западную часть города, где продолжала вести бой 202-я мотострелковая дивизия.

Разрушенный железнодорожный вокзал в Старой Руссе

В.С. Кислинский, ветеран Северо-Западного фронта, автор многих публикаций на эту тему, в письме от 24.09.67 г. пишет: «...В материалах мало о Ст. Руссе, дело в том, что в журналах боевых действий и политдонесениях много незаполненных страниц конца и начала августа. По-видимому, были слишком жестокие бои, и было не до писанины. Конечно, повинен в этом нач. штаба, который надеялся заполнить пропущенное в более спокойное время, но этого не сделал» [14] .

По приказу 202-я мотострелковая дивизия отступила из города. Она выводилась в резерв армии в район Ершино – Новое Рамушево.

7 августа линия фронта проходила по реке Полисть. Немцы готовились к наступлению, а наши войска оборудовали позиции на восточном берегу. На следующий день бои возобновились. Уже в шесть часов утра 180-я стрелковая дивизия была атакована и отошла на южную окраину города. Дивизия была обескровлена. За месяц боев она потеряла до 60 % личного состава. Попытки немцев форсировать Полисть были отражены 182-й стрелковой дивизией.

Немецкий «Живой мост» в Старой Руссе, осень 1941 г.

9 августа немцы окончательно овладели городом и продвинулись на 4–5 км восточнее реки Порусь. 10 августа противник добился успеха севернее города. 182, 183 и 180-я стрелковые дивизии отошли в район Иванково, Брагино на Редье. 254-я стрелковая дивизия глубокой ночью была атакована двумя пехотными полками при поддержке 10 танков и артиллерии. 929-й полк был окружен, но смог прорваться. 163-я стрелковая дивизия отходила на рубеж Козлово – Давыдово. В целом 254-я стрелковая дивизия потеряла управление и хаотично отходила в район Плешаково, Гонцы к переправам через Ловат. На восточном берегу дивизия заняла оборону на участке Гонцы – Плешаково. Выполняя приказ командующего 11-й армией, 13 августа 180-я стрелковая дивизия перешла на восточный берег Ловати по наведенному понтонному мосту, так как железнодорожный мост был взорван, и заняла оборону по линии Парфинская Лука, соседствуя с 254-й стрелковой дивизией. 202-я мотострелковая дивизия занимала рубеж по реке Редья – Михалкино – Овчинниково. Умело маневрируя малыми силами, командование дивизии навязывало свою волю противнику, нанося короткие, жесткие удары. Обычно в полосе наступления противника выставлялся небольшой, но хорошо вооруженный отряд, основные силы обходили врага и били его с флангов и тыла.

Подвижной отряд пехоты и артиллерии во главе с командиром 645-го стрелкового полка капитаном А.С. Кожуровым 14–15 августа в лесном бою у деревни Пенно уничтожил около 250 вражеских солдат и офицеров, захватил 10 орудий, 10 станковых и 12 ручных пулеметов и 2 миномета.

В районе деревни Ожедово немцы атаковали батальон старшего лейтенанта Кравченко. В помощь ему был направлен резерв, который возглавил капитан А.С. Кожуров. Атака врага была отбита, но капитан в этом бою погиб. Новым командиром полка был назначен майор И.А. Лобода.

Глава 2 ТРАГЕДИЯ 34-й АРМИИ

Подготовка наступления

Событием, призванным переломить обстановку на Северо-Западном направлении, должно было стать наступление южнее озера Ильмень во фланг нацеленной на Ленинград ударной группировки немецкой 16-й армии и 4-й танковой группы. В подготовке этого наступления принимали участие начальник штаба Северо-Западного фронта Н.Ф. Ватутин и начальник штаба Северо-Западного направления М.В. Захаров – опытные штабисты.

Немецкое командование считало советские войска, находившиеся к югу от озера Ильмень, разгромленными. В приказе по группе армий «Север» № 1770/41 от 27 июля 1941 г. фон Лееб писал:

«Противник перед фронтом 16-й армии уничтожен. Остатки отходят через болотистую местность к югу от озера Ильмень на восток» [15].

Основные силы 16-й армии сосредоточивались в направлении Ленинграда, а против «остатков» выделялось минимум войск. Южнее озера Ильмень вел боевые действия 10-й армейский корпус, имеющий оперативную плотность около 25 км на одну дивизию. Такие разреженные порядки способствовали успеху советского контрнаступления.

30 июля был подписан приказ Ставки ГК № 00583, согласно которому создавался Фронт резервных армий:

«2. В состав Резервного фронта включить:

а) 34-ю армию в составе 254, 245, 259, 262 и 257 сд; 25 и 54 кд; 264, 644 кап; 171, 759-го арт. полков ПТО, 16-го и 95-го бронепоездов».

254-я стрелковая дивизия уже действовала в составе 11-й армии. К 25 июля 1941 г. в состав 34-й армии входили: 245-я (комбриг В.В. Корчиц), 257-я (генерал-майор Урбанович), 259-я (генерал-майор Ф.Н. Шилов) и 262-я (генерал-майор Клешнин) стрелковые дивизии, 264 и 644-й корпусные артиллерийские полки, 171 и 759-й артиллерийские полки ПТО. Армии был также придан дивизион РС (12 машин) лейтенанта П.Н. Дегтярева и 108-й отдельный танковый батальон (капитан Федоров).

По состоянию на 30 июля в составе армии насчитывалось 54 474 человека личного состава, 1117 автомашин, 10 легких танков, 24 бронемашины, 633 станковых и 963 ручных пулемета, 222 пушки и 291 миномет. Стрелковым оружием армия была укомплектована полностью, но испытывала примерно 50 %-ный некомплект орудий и минометов, а зенитных орудий не имела совсем. Танковый батальон имелся только в составе 257-й стрелковой дивизии, хотя по штату они должны были быть в каждой дивизии.

Директивой Ставки от 3 августа командующим армией был назначен генерал-майор К.М. Качанов, а 6 августа 34-я армия была передана Северо-Западному фронту.

Ставкой ВГК в директиве № 00824 от 9 августа Северо-Западному фронту ставилась ограниченная задача: *«нанесение поражения силам противника, группирующимся в районе Сольцы – Старая Русса – Дно, занять Старую Руссу и Дно и закрепиться на рубеже последней».*

Кроме 34-й, в операции должны были участвовать 11, 27 и 48-я армии. Этим четырем армиям ставилась задача:

«3. Исходное положение войскам 34-й армии занять к вечеру 11 августа по восточному берегу р. Ловать, на фронте Кулаково, Коломна, имея к западу от р. Ловать на р. Порусья лишь передовые части и разведывательные отряды.

В болотах Приильменя

4. Главный удар нанести силами 34-й армии с одновременным ударом левого крыла 11-й армии в направлении пл. Взгляды и 48-й армии на Уторгош – Пески. Для обеспечения стыков между 11-й и 34-й армиями за правым флангом 34-й армии иметь стрел. дивизию и за стыком 34-й армии и 27-й армии – 181-ю стрелковую дивизию». Планируемый Н.Ф. Ватутиным и М.В. Захаровым темп наступления в 15 км в сутки маршал Б.М. Шапошников считал завышенным. Он приказал иметь темп продвижения четыре-пять км. Начало операции было намечено на 12 августа.

Подготовка наступления не ускользнула от внимания немецкого командования. Однако это не повлияло на план подготовки наступления на Ленинград.

Войскам армии противостояли растянутые войска 10-го армейского корпуса. В начале наступления войск противника против левого крыла армии не было, исключая редкое боевое охранение. 290-я пехотная дивизия развернулась фронтом на юг южнее Старой Руссы, а 30-я и 126-я пехотные дивизии продолжали наступление на восток от города, отбрасывая войска 11-й армии. Они же после начала советского наступления были срочно оттянуты западнее Старой Руссы, но так или иначе наши войска имели трех-четырекратное превосходство над противником.

Первые успехи

Наступление 34-й армии началось не рано утром, как планировалось, а в полдень 12 августа. Задача на день была полностью выполнена. Лишь только правифланговая 257-я стрелковая дивизия встречала сопротивление мелких групп противника.

В полосе 11-й армии наступление было не так успешно. 22-й корпус топтался на месте. Только 163-я мотострелковая дивизия, не встречая сопротивления, вышла передовыми отрядами на восточный берег Порусьи.

Войска 27-й армии были остановлены восточнее Холма, который долго станет для нас «крепким орешком».

Немецким командованием ситуация оценивалась по-разному: командование группы «Север» и начальник Генерального штаба ОКВ Ф. Гальдер не придавали серьезного значения наступлению 34-й армии, тогда как Йодль, начальник оперативного управления ОКВ, напротив, затребовал целый танковый корпус для ликвидации прорыва 34-й армии.

Утром 14 августа части 34-й армии сумели перерезать железную дорогу Дно – Старая Русса. За первые два дня наступления немцы определили направление удара и приняли меры к его отражению. Уже 12 августа от командира партизанского отряда пришло сообщение, что в районе Алексино – Паревичи и Погибное концентрируется до дивизии противника. С утра 13 августа по всей полосе движения 34-й армии, на всю глубину, войска и штабы подверглись массированному воздействию 8-го авиакорпуса Рихтгофена, оперативно переброшенного с Новгородского направления, где оборона 48-й армии была уже фактически прорвана. Немецкий авиакорпус был, пожалуй, самым сильным аргументом против наступления наших армий. Над полем боя действовало одновременно до 60 самолетов.

...

Наша истребительная авиация отсутствовала – появилось только 4 самолета всего на 20 минут [16].

Окружение

Для парирования советского наступления фон Лееб 14 августа развернул моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» с Новгородского направления к станции Дно. За «Мертвой головой» вскоре последовали 3-я моторизованная дивизия и управление 36-го моторизованного корпуса.

Э. Манштейн впоследствии в своих мемуарах «Утерянные победы» писал:

«В штабе 16-й армии выяснилось следующее. 10 ак, который вел бой на правом фланге 16-й армии южнее озера Ильмень, был атакован значительно превосходящими силами противника (38-я советская армия восемью дивизиями и кавалерийскими соединениями) и потеснен ими. Теперь он, обернувшись фронтом на юг, вел тяжелые оборонительные бои южнее озера Ильмень. Противник, видимо, имел намерение охватить его западный фланг. 56 тк должен был срочно отвлечь силы противника и выручить 10 ак.

Задача нашего корпуса, прежде всего, состояла в том, чтобы вывести свои две мотодивизии по возможности незаметно для противника к его открытому западному флангу восточнее Дно с тем, чтобы затем с фланга сбить его с позиций, обращенных фронтом на север против 10 ак, или зайти ему в тыл...

К 18 августа нам удалось скрытно перебросить обе дивизии к западному флангу войск противника, тщательно маскируясь, занять исходное положение. 19 августа утром началось наступление корпуса, явившееся, по-видимому, неожиданным для противника. Действительно, удалось, как и было задумано, сбить противника с позиций, нанеся ему удар во фланг, и во взаимодействии с вновь перешедшим в наступление 10 ак в дальнейших боях нанести решительное поражение советской 38-й армии. 22 августа мы достигли реки Ловать юго-восточнее Старой Руссы. Несмотря на то что в этой песчаной местности, почти полностью лишенной дорог, пехоте обеих моторизованных дивизий пришлось большую часть пути проходить пешим строем».

Манштейн ошибся относительно номера армии – 38-я армия только создавалась и действовала в полосе Юго-Западного фронта. Речь идет о 34-й армии.

34-я армия силами 259-й и 257-й стрелковых дивизий продвигалась в северном направлении, ее противником были отдельные группы 290-й пехотной дивизии немцев общей численностью более двух батальонов.

Утром 15 августа авиаразведка обнаружила крупные передвижения войск противника. На

следующий день 34-я армия продолжала наступать на Старую Руссу, имея задачу выйти на рубеж Горуджа – Муравьево – Нагово – Вилинка. Исключительная активность немецкой авиации вынудила командующего 34-й армией принять решение на проведение ночных атак. Их целью был выход на железную дорогу и шоссе Старая Русса – Шимск с последующей атакой на Старую Руссу.

17 августа части 34-й армии отбивали поддержанные авиацией вражеские атаки в районе Дуброво и Скудиново и медленно продвигались в северо-восточном направлении. Обстановка резко осложнилась с несанкционированным ночным отходом частей 257-й стрелковой дивизии. Отход оголил фланг соседней 262-й стрелковой дивизии, которая вела бой в направлении Тулебля. 18 августа наступление армии прекратилось.

Обеспокоенная медленным развитием наступления и осознавая важность наносимого контрудара, Ставка ВГК 18 августа направила на Северо-Западный фронт своего представителя – бывшего командующего 43-й армией Западного фронта генерал-лейтенанта П.А. Курочкина. Ему были даны самые широкие полномочия – вплоть до устранения от должности командармов, и разрешение давать рекомендации командующему фронтом. Утром 19 августа Курочкин самолетом прибыл в штаб фронта.

17 августа части 11-й армии возобновили наступление. Отдельные подразделения 182-й стрелковой дивизии переправились на западный берег Полисти и завязали бои за северные и северо-восточные окраины Старой Руссы. 183-я стрелковая дивизия захватила деревню Медниково и к трем часам дня вела бои на восточных окраинах города. Наступающая южнее 254-я стрелковая дивизия смогла достичь юго-восточных окраин Старой Руссы. 180-я стрелковая дивизия заняла Бряшную Гору, аэродром и район деревни Медниково. Подразделения 30-й и 126-й пехотных дивизий противника оказывали упорное сопротивление. Низкий темп нашего наступления позволил немцам вывести части сил из намечающегося окружения. К вечеру 182-я стрелковая дивизия была контратакована и отошла обратно на восточный берег Полисти.

202-я мотострелковая дивизия вела бои на рубеже Пенно – Новосвиногово с частями 290-й пехотной дивизии и продвижения не имела. 16 августа командиром 202-й мотострелковой дивизии был назначен полковник С.Г. Штыков, сменивший нового командира полковника А.М. Филиппова после его ранения.

Два последующих дня части 11-й армии пытались наступать, но очень активно вела себя немецкая авиация. Полки 202-й мотострелковой дивизии сумели выйти на восточный берег Полисти, но, встреченные организованным огнем противника, переправиться через реку не смогли. Два полка 180-й стрелковой дивизии вышли к восточным берегам рек Порусь и Полисти в черте города, но были остановлены огнем дзотов с противоположного берега Полисти. Не смогла сделать этого и 254-я стрелковая дивизия.

С утра, 19 августа 34-я армия перешла в наступление в северном и северо-западном направлениях, но практически успеха не было. Сразу после полудня ее боевые порядки подверглись массированным ударам авиации, после которых начались атаки немецких пехотных подразделений. В результате все дивизии армии отступили. Успешно действовала только 181-я стрелковая дивизия, которая в районе Жемчугово окружила и уничтожила группу противника и овладела деревней.

20 августа части 34-й армии безрезультатно пытались наступать на Тулеблю.

На этом контрнаступление фактически захлебнулось. 21 августа 11-я армия снова пыталась наступать, но также успеха не имела. Предвидя возможность немецкого наступления, 182, 183, 254-я стрелковые и 202-я мотострелковая дивизии отошли на восточный берег Полисти, оставив на западном только отряды прикрытия. 180-я стрелковая дивизия закрепились на достигнутых рубежах.

Запись в журнале боевых действий СЗФ:

...

«Противник, сковав действия 11А, на участке 34А с утра 21.8 продолжал активные наступательные действия во фланг и тыл 34А и при поддержке мощной авиации вынудил войска 34А к беспорядочному отходу на восток» [17].

Мелкие группы автоматчиков противника, усиленные пулеметами и минометами, прорвались в тыл 34-й армии и захватили переправы через Полисть. Успех был развит подошедшими частями (по оценке разведки – до трех дивизий). В результате атак противника между порядками 11-й и 34-й

армий образовался разрыв до шести километров. Части 34-й армии прорывались из окружения в восточном направлении мелкими группами, практически вся артиллерия оказалось потерянной.

202-я стрелковая дивизия продолжала удерживать рубеж Горуджа – Пенно и только по приказу отошла на восточный берег Полисти.

Отступление

Части 34-й армии закрепиться на реке Полисть не смогли и в течение 22 августа продолжали отступать до Порусьи и Редьи. Штаб 34-й армии, подвергаясь непрерывному авиационному воздействию, отступлением своих войск не руководил, подавляющаяся часть войск стремилась выйти на восточный берег Ловати.

В результате отхода наших войск за Ловать немецкое командование смогло перебросить 39-й моторизованный корпус в район Чудова для наступления на Ленинград.

В этих условиях Ставка приняла решение заменить командующего фронтом – с 23 августа им стал генерал-лейтенант П.А. Курочкин. О своем назначении на должность он узнал от Б.М. Шапошникова. П.П. Собенников был осужден на пять лет. Однако вместо заключения он был оставлен на фронте, понижен в звании и впоследствии снова стал генералом [18].

В сложившейся ситуации Военный совет фронта посчитал необходимым вывести войска 34-й армии за реку Ловать, а войскам 11-й армии обороняться по реке Полисти и только при угрозе окружения отходить на рубеж Ловати. Ей передавались семь танков КВ. Официальный переход к обороне был определен директивой Штаба фронта № 034/оп от 23 августа, которой предусматривалось организовать оборону по реке Ловать с сохранением переправ через нее.

22-й стрелковый корпус в ночь на 23 августа начал отвод частей на восточный берег Ловати. Противник ограничился лишь воздействием авиации по войскам и путям отхода. К утру 24 августа части корпуса вышли на рубеж Ловати и организовали оборону.

Положение 34-й армии оставалось напряженным. К утру 24 августа противник, преследуя мелкими группами отходящие части, занял Птицино, Медведово. Линия фронта задержанных и направляемых на фронт отрядов отходящих частей 34-й армии проходила по рубежу Демидово – Пинаевы Горки. Данных о местонахождении основных сил армии в штабе не имелось. Штаб армии как таковой отсутствовал.

Отход 34-й армии на реку Пола открывал левый фланг 11-й армии. Для обеспечения стыка между армиями выдвигались 182, 183-я стрелковые и 202-я мотострелковая дивизии. 645-й полк 202-й мотострелковой дивизии утром 26 августа выбил немцев из Сутоки, но к вечеру был вынужден отступить. Передовые части противника продвинулись вперед и захватили Демидово, Дубки и Великое Село.

Утром следующего дня после артиллерийской и минометной подготовки при поддержке танков враг перешел в наступление в полосе 11-й армии. До пехотного полка дивизии СС «Мертвая голова» форсировали Ловать и вышли на западный берег Пола в районе Тулитово, Щечково, овладели совхозом «Хмелево». Южнее были заняты деревни Васильевщина, Закорытно, Июдкино, Залучье.

Отряды прикрытия 34-й армии старались вести беспокоящие действия. 27 августа к 16.00 враг был выбит из Закорытно. К полудню было занято Залучье, но повторной атакой противник вернул Залучье себе.

Не надо думать, что в первые месяцы войны наши войска шли на противника только в лоб и заваливали его трупам. Были грамотные, рискованные операции, которые приносили хорошие результаты.

Противник имел сильную группировку в районе деревни Редцы и в резерве также до роты в лесу, что в 1 км севернее Михалкино. Штурмовая группа 171-го стрелкового полка 182-й стрелковой дивизии в количестве 34 человек под командованием командира роты старшего лейтенанта Суворова прошла в тыл противника и к часу ночи 28 августа сосредоточилась около дороги Михалкино – Редцы. Подвода и 30 человек немецкой пехоты,двигающиеся по дороге, были пропущены. В 2.00 группа приняла боевой порядок и начала движение к южной окраине Редцов. Впереди шел переводчик, задача которого была вступить в разговор с часовым, обмануть его, что якобы группа пленных идет на оборонительные работы. В 2.40 группа сосредоточилась на южной окраине деревни и начала атаку двумя отрядами. Бойцам удалось снять часового, забросать гранатами блиндаж

командира немецкой роты и находившиеся рядом укрепления. Первый отряд под командованием лейтенанта Пикунова наносил удар с тыла. Второй, лейтенанта Паполицына, – фланговый удар. В результате атаки сразу удалось взять под контроль большую часть деревни. Из соседней деревни Михалкино немцы открыли минометный огонь по окраине Редцов. Под его прикрытием оставшийся в живых гарнизон закрепился и организовал оборону на окраине. В результате огневого налета группа начала нести потери.

В 3.30 из Михалкино выдвигалась группа пехоты противника. Часть ее, идя вдоль берега Ловати, натолкнулась на засаду группы старшины Пятакова. Все 15 человек немецкого взвода были уничтожены огнем из автоматов. Вторую группу в количестве 25 человек удалось уничтожить только частично. Немцы открыли ответный огонь и забросали засаду гранатами. Часть бойцов получили ранение, но атака была отбита. Вторая рота 1-го батальона 171-го стрелкового полка после начала боя поднялась в атаку, чтобы помочь своим товарищам, но прорваться через вражеские позиции не смогла.

После двухчасового боя в Редцах группа оставила деревню и начала прорываться к своей линии обороны. К девяти утра вышли 23 человека. Почти все они были ранены. Только к шести вечера из немецкого тыла вышел и старший лейтенант Суворов.

В результате ночного боя потери немцев оценивались примерно в 200 человек. Было уничтожено 12 блиндажей, склад боеприпасов, две минометные батареи.

Дивизия Миссана остановила врага

Поздно вечером 27 августа до войск была доведена директива командующего фронтом о восстановлении оборонительных позиций на реке Ловать. Между тем противник продолжал наступление, стремясь выйти к берегам реки Пола.

Атаки частей 11-й армии не приносили результата. Оборона 180-й стрелковой дивизии полковника И.И. Миссана, растянутая почти на тридцать километров, не смогла сдержать напор наступающего противника. Деревни Любохово, Антипово, Мануйлово и Щечково на восточном берегу Пола пришлось оставить. Дивизия, ведя оборонительные бои, отходила на восток. Части 290-й немецкой пехотной дивизии были остановлены на рубеже от Большого Волосько, по реке Колпинка, исключая Тараканово, до деревни Пустынька. Дальше противник не смог продвинуться и был остановлен окончательно.

Немецкое кладбище на реке Колпинка, декабрь 1941 г.

Да и немецкая 290-я пехотная дивизия атаковать не могла. Ее 301-й полк на протяжении почти 20 км имел лишь 1600 человек, то есть 80 солдат на один километр фронта. В своих воспоминаниях немцы пишут: «...ненавистная русскими 290-я пехотная дивизия приближалась к катастрофе» [19]. Войска Северо-Западного фронта наносили огромные потери наступающему врагу. Дивизия СС «Мертвая голова» в первые месяцы войны потеряла около половины личного состава. Солдат этой дивизии сами немцы называли «путешественниками на тот свет». К началу 1942 г. она потеряла 14 000 человек. 290-я пехотная дивизия за 10 месяцев войны потеряла около 120 % личного состава (с учетом полученных пополнений). 30-я пехотная дивизия – около 130 % личного состава и 60 % материальной части. 32-я пехотная дивизия с крикливым прозвищем «Дивизия львов» только в период 1941 г. потеряла 120 % людьми и 60 % материальной части.

У убитого ефрейтора Конрада Думлера нашли письмо. Он сообщает брату: «Русские – отчаянные смельчаки, они дерутся как дьяволы. В нашей роте почти никого не осталось от старых товарищей. Кругом новички, но и они не задерживаются. Каждый день составляются длинные списки убитых и раненых» [20].

3 сентября на командный пункт 180-й стрелковой дивизии прибыл член Военного совета 11-й армии бригадный комиссар И. Зуев и объявил благодарность командованию и всему личному составу за то, что дивизия первой на фронте остановила наступление противника.

Остальные дивизии 11-й армии с боями медленно отходили на восток. Вечером 1 сентября, в 18 часов, 254-я стрелковая дивизия под натиском 26-го полка 30-й пехотной дивизии отошла на восточный берег Полы и оставила райцентр Полавского района. 5 сентября, к вечеру, дивизия закрепились в районе Кузьминского и Пожалеева. Севернее, по соседству, была 202-я мотострелковая дивизия С.Г. Штыкова. 182-я стрелковая дивизия, отступая вдоль железной дороги, заняла позиции в пяти километрах от станции Беглово. 183-я стрелковая дивизия, отойдя после немецкой атаки, своим левым флангом закрепились на рубеже Никольское – Голубово.

Железнодорожный мост через Полу был подорван подразделением лейтенанта Б.И. Сумина из 30-й железнодорожной бригады. Команды на подрыв моста не было, лишь только когда в сумерках на мосту показались немцы, мост был взорван.

В полосе 34-й армии 6 сентября также шли напряженные бои. На боевые порядки 163-й мотострелковой дивизии наступало не менее двух пехотных полков, при поддержке танков и тяжелой артиллерии. После того как подключилась немецкая авиация, полки дивизии оставили Симоново и Росино.

Дальнейшее наступление врага в этом направлении остановила 262-я стрелковая дивизия. Неожиданно появились наши истребители и вынудили вражеские самолеты частично сбросить бомбы на позиции. Остальные части 34-й армии сохранили свои рубежи.

Бои вокруг Холма

Обратимся к событиям в полосе 27-й армии. На Холм с юго-запада наступала 32-я пехотная дивизия, а с юго-востока – пехотный полк 12-й пехотной дивизии противника. В два часа ночи 3 августа Холм нашими частями был оставлен. Овладев районом Холма, немцы отрезали 27-ю армию от коммуникаций на Осташков.

3 августа в полосу действий соседней 22-й армии вышли из окружения части 5, 23, 33, 84 и 188-й дивизий с командованием 5, 23 и 84-й дивизий, оставшихся в окружении западнее Локни, общей численностью до 2500 человек. Первоначально командование армии предполагало использовать их для укомплектования частей 22-й армии, но уже через два дня они были направлены в Молвотицы в состав 27-й армии.

7 августа командующий войсками 27-й армии отдал приказ № 044 о ведении наступательных действий с целью окружения и уничтожения вражеской группировки в районе Холма и выходе к вечеру 9 августа на рубеж Рдейское озеро, Макарово, реки Кунья, Юринка.

8 августа в 12 часов дня части 27-й армии перешли в наступление. В течение дня удалось на отдельных направлениях продвинуться вперед на один-полтора километра. 9, 10, 11 августа части пытались продолжить наступление, но, столкнувшись с подготовленной обороной, остановились. 12 августа некоторый успех имели 188, 5 и 23-я стрелковые дивизии. Два полка 42-й танковой дивизии к 17.00 овладели Болдашевым и к вечеру выбили немцев из Ивановской.

14 августа 188-я стрелковая дивизия продвинулась на несколько километров и вела бой в 12 км восточнее Холма. Примерно столько же отвоевала и 5-я стрелковая дивизия.

Атаки всех дивизий армий, проведенные 15, 16, 17 августа, не увенчались успехом.

В ночь на 18 августа войска 27-й армии проводили перегруппировку и готовились в 6.45 утра перейти в наступление. Первые атаки оказались безрезультатными. Только к четырем часам дня два отряда 185-й мотострелковой дивизии смогли наконец-то перерезать дорогу между Холмом и Старой Руссой. Успехи других дивизий были незначительными. 19 августа сопротивление противника еще более усилилось, и части, кроме 185-й мотострелковой дивизии, продвижения не имели. В следующие два дня атаки наших частей не принесли никакого результата.

Командующий фронтом 23 и 25 августа своими директивами устанавливал сроки овладения Холмом – к исходу 23 августа и к вечеру 25 августа. Эти указания не отражали реальной обстановки. Нашим войскам сильно мешала артиллерия противника, а наши артиллеристы имели мало боеприпасов и могли поддерживать своим огнем пехоту только ограниченное время.

Вечером 23 августа штабом фронта была принята директива № 035/оп, в которой для 27-й армии ставились наконец-то оборонительные задачи по удержанию восточного берега Ловати.

Под натиском противника войска 27-й армии с боями отходили. Офицер связи штаба 27-й армии капитан Португалов докладывал о результатах боевых действий: *«5-я, 23-я и 188-я стрелковые дивизии 2 сентября – имеют общий отход. У 23-й стрелковой дивизии беспорядочный отход. Во всех дивизиях большие потери»*. 142-й полк 5-й стрелковой дивизии потерял 50 % личного состава. 256-я стрелковая дивизия в беспорядке вышла из боя. Организовать ее подразделения не удавалось до 5 сентября. Отступили и другие части армии.

5 сентября немцы отрезали 188-й стрелковой дивизии путь к отступлению, штаб дивизии вынужден был переместиться на восток в Марёво. Такое развитие событий вызвало беспокойство Ставки, которая требовала всеми имеющимися средствами остановить и выправить положение на фронте 27-й армии (директива № 001696).

6 сентября в войсках 27-й армии начало теряться управление. После обстрела немецкой артиллерией штаба армии в Морозово его срочно перебросили в Молвотицы. Прорыв линии фронта в нескольких местах способствовал изоляции дивизий друг от друга. Командиры самостоятельно принимали решения на отход и выбор рубежей для обороны.

К 21.00 немцы были на южной и западной окраинах Молвотиц и вели там бои. Кроме 185, 5 и 256-й стрелковых дивизий, командование армии не имело связи ни с одним подразделением.

Утром 6 сентября противник подошел к позициям 188-й и 23-й стрелковых дивизий. Оборона продержалась до обеда, затем начался беспорядочный отход к Молвотицам. К вечеру остатки дивизий достигли западной окраины поселка. На этом события дня не закончились. Решением начальником штаба 27-й армии с восьми часов вечера остатки частей 188-й и 23-й стрелковых дивизий должны были наступать на Луковец и Осиновец. Из состава 188-й дивизии удалось собрать 134 человека! Результат наступления можно было предсказать. Успеха не было.

На фронте 11-й армии 126-я пехотная дивизия немцев к 12.00 6 сентября овладела Запольем, Таракановым, Веретьем и к вечеру заняла Бабки. Разведчики дивизии И.И. Миссана Веретье у немцев отбили. По одному пехотному полку 30-й пехотной дивизии атаковали 202-ю и 254-ю дивизии. К 14.00 противник овладел соседними деревнями Кузьминским, Пожалеевым и Свинороем. К пяти часам дня Штыковская дивизия выбила немцев из Свинороя. При этом были взяты трофеи: 12 станковых пулеметов, одна минометная батарея.

5 и 6 сентября полки 202-й мотострелковой дивизии три раза ходили в атаку. Начальник политотдела 11-й армии затем доносил в политуправление фронта, что удары были настолько стремительными, что противник не успевал подбирать убитых и раненых. Уцелевших немцев наша пехота преследовала три километра. Болота помогли 182-й стрелковой дивизии удержать свои позиции восточнее Беглова. 254-я стрелковая дивизия не позволила противнику овладеть гатью на Пустыню, но к вечеру Норы и Лялино были сданы врагу.

7 сентября напряженные бои вела 163-я мотострелковая дивизия. Рано утром, в 4 часа, после артиллерийского налета и залпа РС она овладела Симоновом. Затем она пыталась выбить немцев из Росина, Большого и Малого Степанова. К вечеру дивизия отошла на восток в район Софронково. Туда же отошли 183-я и 262-я стрелковые дивизии. Остальные дивизии 34-й армии отступали незначительно.

Генерал Качанов теряет управление войсками

В условиях начавшегося немецкого наступления у командования 34-й армии отсутствовала регулярная связь с командованием фронта. Командующему генерал-майору К.М. Качанову приходилось принимать самостоятельные решения, сообразуясь с обстановкой. Именно в этих условиях 7 сентября он отдал приказ № 031, где предусматривались чисто оборонительные задачи и был спланирован отход частей армии из намечающегося кольца окружения. Именно этот приказ будет поставлен в вину К.М. Качанову при устранении его от командования армией.

Уже на следующее утро управление дивизиями армии было окончательно утеряно, и части прорывались на восток хаотично.

На участке 27-й армии обстановка была близкой к катастрофической – враг рвался к Молвотицам. Была собрана группа в основном из личного состава штабов 23, 188 и 5-й дивизий. Такими силами не удалось сдержать врага, и в 9.20 Молвотицы были оставлены. Идущая на выручку 33-я стрелковая дивизия сама попала в окружение. К утру 8 сентября Демянск с юга прикрывал отряд в количестве 100 человек, к четырем часам он отошел к южным окраинам поселка.

Около шести часов вечера противник подошел к Демянску. Серьезного сопротивления защитники поселка оказать не смогли. 25 танков из состава 19-й танковой дивизии противника с ходу ворвались в Демянск. Только 185-я мотострелковая и 262-я стрелковая дивизии смогли оказать сопротивление.

В журнале боевых действий фронта дается общая картина обстановки в полосе 27-й армии: **«Части 27А, разбросанные по широкому фронту и в глубину, разобщенные между собой и почти не управляемые штабом, в исключительно тяжелой обстановке, сдерживая наступление противника, отходили в северо-восточном и восточном направлениях».**

Военным советом фронта были предприняты срочные меры. В распоряжение командующего 27-й армией из состава Новгородской армейской группы передавался личный состав 28-й танковой дивизии полковника И.Д. Черняховского. В район Демянска направлялся сводный полк из тыловых учреждений фронта, 3-й полк НКВД и другие небольшие подразделения. В тыловой район Орехово и на берег озера Селигер перебрасывались 9-я и 10-я противотанковые бригады. Все эти подразделения, а также 23-я и 33-я стрелковые дивизии 9 сентября были объединены в оперативную группу.

В полосе 11-й армии противник продвижения не имел. Более того, 180-я стрелковая дивизия к 21.00 выбила немцев из Циблова и Мясниц. 9 сентября дивизия была передана в состав Новгородской армейской группы.

Помощь в обороне оказывал рельеф местности – болота и овраги не позволяли противнику использовать механизированные соединения и обходные маневры. Однако положение складывалось очень сложное – часть дивизий 11-й и 27-й армий и все дивизии 34-й армии оказались глубоко охваченными с северного и южного направлений и вскоре могли оказаться в окружении.

Планируемый командующим фронтом удар силами 34-й и 27-й армий не состоялся. Сосредоточение войск не удалось закончить. Тем более что Демянск был уже в руках противника.

На рубеж Пески – Шульгина Гора сосредоточивались оперативная группа и 28-я танковая дивизия. Сюда же был направлен личный состав 188-й стрелковой дивизии. Отступающим частям 34-й армии препятствовала 32-я пехотная дивизия противника.

Утром 9 сентября 30 немецких танков при поддержке до батальона пехоты прорвались в Лычково. 254-я стрелковая дивизия атаковала поселок, но дальше западных окраин не продвинулась. Соединение подразделений дивизии СС «Мертвая голова» и 19-й танковой дивизии означало, что кольцо окружения замкнулось. Для выхода советских войск из-за географических особенностей оно не было непроницаемым, но делало практически невозможным вывод материальной части и тяжелого вооружения из «котла».

182-я стрелковая дивизия, отступая через болото Невий Мох, продолжала седлать железную дорогу и к утру 10 сентября закрепились в районе Бегловского болота и Замошки.

30-я железнодорожная бригада во главе с генерал-майором Д.А. Лебедевым вынуждена была взорвать два стоящих на станции Лычково паровоза и громоздкие технические сооружения. Пробиваясь болотами, бригада через неделю вышла на станцию Дворец.

Части прорываются на восток

На фронте 34-й армии противник особой активности не проявлял, но командование планировало начать организованный отход. Реальность была иная. Отход дивизий был беспорядочным. Бойцы пробивались отдельными группами на восток. Большая часть материальной части была брошена. Штаб армии своими войсками не управлял. Организованные отряды заграждения направляли окруженцев в отведенные для каждой дивизии пункты сбора.

202-я мотострелковая дивизия основными силами сосредоточилась в лесах в одном километре севернее станции Выдерка. На следующий день, 11 сентября, совместно с 254-й и 183-й стрелковыми дивизиями она вела бой с противником в районе Лычкова. Два полка Штыковской дивизии, начав атаку в 6.15, овладели северной окраиной поселка и железнодорожным мостом. Но к вечеру отошли на исходные позиции. Правофланговый полк 254-й стрелковой дивизии продвинулся на один километр, но пробиться до Лычкова не смог.

11 сентября части 11-й армии удержали свои позиции, наступление немцев стало выдыхаться. Части 27-й армии получили директиву штаба фронта с задачей освободить Демянск. Этого 27-я армия сделать не могла, наступление не состоялось. 23-я стрелковая и 28-я танковая дивизии пытались наступать, но положительного результата не достигли.

На 12 сентября армиям Северо-Западного фронта снова были поставлены наступательные задачи. 11-я армия должна была нанести удар в направлении Белого Бора и оказать помощь в выходе из окружения частям 11-й и 34-й армий из районов западнее Демянска и Лычкова. 202-я мотострелковая дивизия в пять часов вечера атаковала Лычково и смогла овладеть северо-западной и северной частью поселка. Бои продолжались и ночью. Только в шесть часов вечера 13 сентября под давлением противника Лычково было оставлено. Попытки переправиться на восточный берег Поломети успеха не имели.

Понимая серьезность положения, командование фронта из своего резерва направило в район Лычкова 84-ю мотострелковую дивизию генерал-майора П.И. Фоменко. Сразу после марша она сосредоточилась в лесу северо-восточнее Лычкова и в половине пятого перешла в наступление. Ей содействовала группа Ксенофонтова, наступающая на Белый Бор. Группа была усилена двумя ротами танков КВ. Нашим частям удалось продвинуться на 3 км западнее Белого Бора и до Ильиной Нивы. Немецкие 37-мм противотанковые пушки ничего не могли сделать с нашими танками. Их удалось остановить, только используя тяжелые орудия и башенные пушки 19-й танковой дивизии.

Дивизии 27-й армии начали свои атаки с раннего утра. 185-я моторизованная, 33-я и 23-я стрелковые дивизии, 28-я танковая дивизия при поддержке танкового батальона из армейского резерва пытались атаковать, но успеха не было. Приданный 23-й и 28-й дивизиям 116-й отдельный танковый батальон потерял 12 сентября 8 танков Т-34, Т-26 и 15 ХТ-26.

Вечером, оставив арьергардное прикрытие в районе Гибно, 28-я танковая дивизия организовано, единой группой, начала выход из окружения в направлении Филипповой Горы. С собой бойцы забрали всех раненых и две 45-мм пушки – все оставшееся тяжелое вооружение. С утра 13 сентября над ними завис немецкий самолет-разведчик, а потом налетели бомбардировщики. Через несколько дней дивизия вышла из окружения в районе Филипповой Горы и получила приказ готовить в Корзово оборонительный рубеж.

12 сентября из отступающих частей 34-й армии удалось сформировать две группы, которым сразу же ставились наступательные задачи. В одной имелось около 600 человек из состава 262-й стрелковой и 163-й моторизованной дивизий. В тот же день они атаковали и заняли Кирилловщину. Продвижение на Каменную Гору было остановлено огнем из танков, находившихся в Сухой Ниве.

Вторая группа численностью до 1000 человек была сформирована из состава 245-й и 259-й стрелковых дивизий и пыталась наступать на Мирохны, но успеха не достигла.

Утром 12 сентября в командование 34-й армией вступил генерал-майор П.Ф. Алферьев.

К 13 сентября на Северо-Западном фронте сложилось неустойчивое равновесие. Немцы смогли только немного потеснить 182-ю стрелковую дивизию, заняв Выдерку. Совместные усилия 202-й и 84-й мотострелковых, 254-й стрелковой дивизий не привели к освобождению Лычкова. Справедливости ради надо отметить, что в составе 202-й мотострелковой дивизии к вечеру 13 сентября имелось только 155 человек. Немцы держали в своих руках Ильину Ниву и Лужно.

14 сентября 84-я мотострелковая дивизия овладела Алешенкой и Ямником, а вечером завязала

бой за Лужно. Оборона 6-го полка 30-й пехотной дивизии была прорвана, а командный пункт был окружен. Наши танки застряли в реке Лужонка. Пехота оказалось прижатой к земле. В ходе боя был получен новый приказ – идти в район Чичилова на помощь окруженной 183-й стрелковой дивизии.

Для предотвращения прорыва наших частей на восток немцы выставили во всех деревнях гарнизоны силою до роты, при поддержке танков.

Немецкая блокада дорог и рельеф местности делали вывод материальной части почти невозможным. Даже 270-й корпусной артиллерийский полк был вынужден бросить 17 орудий на тракторах в двух километрах западнее Красеи. Для его вывода была запланирована частная операция силами 11-й и 34-й армий. Предусматривалось образование коридора западнее дороги Демянск – Лычково. Для этого 84-я мотострелковая дивизия с 10 часов утра 14 сентября атаковала и овладела Лужно, но удару двух полков немецкой пехоты противодействовать не смогла. Лужно вновь оказалось у противника.

В тот же день немцы продолжали наступать на восток и к вечеру вновь захватили Кирилловщину и соседние деревни.

После некоторого затишья в полосе 27-й армии противник возобновил наступление силами 32-й пехотной дивизии. Оборона 28-й танковой дивизии и 3-го мотострелкового полка НКВД была прорвана. Наши части с боями отошли и заняли рубеж южный берег озера Велье – Городилово – Филипповщина – Крутуша – Полново – озеро Селигер. 23-я стрелковая дивизия оборонялась севернее, в районе Исаково.

28-я танковая дивизия после двухмесячных боев была обескровлена. Полковник И.Д. Черняховский, только что вернувшийся в дивизию после болезни, направил боевое донесение Военному совету фронта и копию командованию 27-й армии, в котором показал реальную картину состояния дивизии. Это возымело действие. В короткие сроки дивизии были приданы два дивизиона артиллерии, армейские саперы и выходившие из окружения бойцы различных частей.

11-я армия продолжала вести боевые действия. После получения 1000 человек пополнения 254-я стрелковая дивизия в три часа дня 15 сентября взяла Сухую Ниву. 84-я мотострелковая дивизия, потеряв 49 убитых, 387 раненых бойцов, 8 танков, в том числе 5 КВ, взять Лычково не смогла.

К 17 сентября немцы вышли к основной укрепленной полосе, опирающейся на систему озер. С этого дня атаки противника прекратились, наступление окончательно заглохло. До шоссе Москва – Ленинград враг не дошел и застрял в болотах южнее озера Ильмень.

Кроме того, 19-я и 20-я танковые дивизии до 24 сентября должны были быть переданы группе армий «Центр». 123-я пехотная дивизия генерал-майора Рауха сменила танковые части и приняла ответственность за весь фронт на Валдайском направлении. Фронт окончательно стабилизировался, и дальше противник продвинуться уже не мог.

В связи с большими потерями артиллерийских систем и бронетанковой техники 17 сентября 1941 г. Ставка ВГК издала директиву № 002059. Согласно ей, стрелковые дивизии должны иметь вместо двух артиллерийских полков один легкий артиллерийский полк. Все мотострелковые дивизии с существующими номерами стали именоваться «стрелковыми».

Так начиналась история 84, 163, 185 и 202-й стрелковых дивизий.

За окружением войск Северо-Западного фронта, сыгравших важную роль в августовских боях на дальних подступах к Ленинграду, последовали наказания. Инициатором их был прибывший на фронт Л.З. Мехлис. О снятии с должности командующего фронтом генерал-майора П.П. Собенникова было сказано ранее. За снятием с должности последовали расстрелы. Генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров был расстрелян перед строем штабных работников 34-й армии 11 сентября 1941 г., а приказ о его расстреле был составлен лично Мехлисом на следующий день. Необоснованные обвинения были предъявлены командующему 34-й армии генерал-майору К.М. Качанову. Он был расстрелян 29 сентября 1941 г.

После долгого согласования 19 декабря 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговор военного трибунала Северо-Западного фронта в отношении К.М. Качанова отменила, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

15 октября 2002 г. Главная военная прокуратура признала В.С. Гончарова жертвой политических репрессий и реабилитировала.

Глава 3 ОСЕННИЕ БОИ

Прибыла дальневосточная дивизия

В двадцатых числах сентября на станцию Любница начали прибывать первые из тридцати эшелонов одной из старейшей в Красной Армии 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии под командованием полковника П.Г. Кузнецова. Ее стрелковые полки имели почетные наименования: 87-й Карельский, 349-й Казанский, 312-й Новгородский. Большая часть дивизии еще находилась в пути. Бологое бомбила вражеская авиация – там образовалась пробка. Любница – конечная станция, дальше на запад все станции находились в руках противника. В этих местах так называемые дороги после дождей были непригодны для передвижения войск. Единственное шоссе на Семеновщину, Сухую Ниву и далее на занятый немцами Демянск подвергалось налетам вражеской авиации.

Немцы в полной мере испытали «прелесть» русских дорог под Демянском

Командующий 11-й армией, куда вошла дивизия, генерал-лейтенант В.И. Морозов планировал вводить в бой полки дивизии поэтапно, не дожидаясь сосредоточения всех частей. Командующий фронтом приказал силами 11-й армии нанести упреждающий удар по демянской группировке противника. К наступлению, запланированному на 24 сентября, готовились три дивизии: 26, 182, 84-я стрелковые и 8-я танковая бригада, в недалеком будущем знаменитого танкиста, полковника П.А. Ротмистрова. Бригада имела в своем составе несколько тяжелых танков КВ, изготовленных в Ленинграде, а их экипажами были рабочие – добровольцы Кировского завода.

Планировалось нанести удар на узком фронте, прорвать оборону дивизии СС «Мертвая голова» и, развивая успех, овладеть Демянском. Участок фронта противника был растянут на 24 км: на южном фланге располагался полк Симона, а на северном – полк Клайнхайстеркама. Деревня Лужно стояла на самой северной точке обороны. Эсэсовцы готовились к боям. Еще 22 сентября Эйке узнал, что в его район прибывают свежие советские части [21].

После 10-минутной артподготовки наши подразделения пошли в атаку. Огневая система противника не была разрушена, стрельба велась по площадям, не имея наблюдения и не выявив цели. Эта своего рода моральная поддержка, по сути, была пустой тратой боеприпасов.

Но на молодых, необстрелянных эсэсовцев и это произвело сильнейшее впечатление. Вот что пишет Герберт Крафт: «Круглосуточно минометы и артиллерия противника вели огонь по опорным

пунктам и дорогам. Иногда под обстрел попадали и обозы. Однако то, что разразилось над нашей дивизией 24 сентября 1941 года, до сих пор не имело примеров. Отдельных разрывов было уже не разобрать. Над фронтом стоял сплошной грохот. Впервые мы перешли к позиционной обороне. Хотя из допросов пленных мы знали, что готовится наступление, однако о его силе мы не имели никакого представления» [22] .

Бои за Лужно

Полковник Кузнецов смог ввести в бой только один Карельский полк. До самой ночи длилось прогрызание вражеской обороны на берегу Лужонки между Каменной Горой и Лужно. Только с темнотой была захвачена Красея. Немцы подтянули резервы, применили реактивные минометы и окружили в Красее подразделения Карельского полка.

182-я стрелковая дивизия полковника Назарова реально была полком, хотя и по численности в три раза меньше дивизии Кузнецова. На всю дивизию имелось всего два станковых пулемета. Совместно с танками Ротмистрова немецкая оборона была прорвана, захвачено Лужно. К вечеру, под непрерывными контрударами противника, части дивизии отошли на исходный рубеж. Успехи 84-й стрелковой дивизии были незначительны.

Вступивший в бой 25 сентября Новгородский полк неверно выбрал направление атаки. Но затем, неся большие потери, помог Карельскому полку выйти из окружения. К вечеру оба полка отступили в исходное положение. Только на третий день боев смог наступать на Лужно Карельский полк.

На второй день наступления фланговый огонь вражеского пулемета прижал к земле одну из рот Новгородского полка. Николай Сосновский, вырвавшись вперед, бросился к дзоту врага и своим телом закрыл его амбразуру [23] .

Эсэсовцы несли тяжелые потери, но все-таки в ночь с 26 на 27 сентября смогли захватить Лужно. В этот день деревня четыре раза переходила из рук в руки.

Казанский полк был временно подчинен танковой бригаде. Ротмистров решил атаковать Лужно с фронта, а в помощь полку выделил роту танков непосредственной поддержки, которая так и не прибыла в полк. Поздно вечером 26 сентября, вне всякой связи с пехотой, танки бригады атаковали позиции противника. Они вышли на заболоченный луг и повернули на Лужно вдоль переднего края немецкой обороны, подставляя под обстрел бортовую броню. Понеся значительные потери, и, по сути, не выполнив боевой задачи, танки бригады отошли назад.

Для немцев наши новые танки были неприятным сюрпризом. 37-мм немецкая пушка была бессильна против мощного бронирования. Она могла что-то сделать против американского «Генерала Ли», представляющего хорошую цель с его трехэтажной высотой и плохой проходимостью. Только новая 50-мм пушка, которых было недостаточно, могла еще как-то справиться с Т-34.

26 сентября войска 11-й армии, согласно приказу командующего фронтом, перешли к обороне. Хорошо укомплектованная 26-я стрелковая дивизия, не получив еще достаточного боевого опыта, потеряла треть боевого состава. И это всего за три дня боев! Наступление не принесло тактического успеха, но имело важное оперативное значение. Ф. Гальдер в своем дневнике записал 27 сентября: «Противник усиленно атакует наши позиции западнее Валдая». А запись 30 сентября: «На валдайском участке желательно перегруппировать и привести в порядок дивизии, которые совершенно перемешались».

После сентябрьского ненастья установилась сухая погода. Бои за Лужно отгремели, наступило затишье. И наши войска, и немцы окапывались, улучшали позиции, вели разведку и иногда беспокоили друг друга короткими огневыми налетами.

Подбитый Т-34

На Северо-Западном фронте с тревогой следили за сводками Совинформбюро. Для этого были весомые причины. 2 октября развернулись ожесточенные оборонительные бои Западного и Резервного фронтов на Ржевском и Вяземском направлениях. 5 октября войска правого крыла Западного фронта начали отход к Осташкову и Селижарову. Прорвав нашу оборону, враг устремился к городу Калинин, и его моторизованные части 14 октября ворвались в город. Создавалась реальная угроза выхода немецких войск группы армий «Центр» в глубокий тыл Северо-Западного фронта. Решением Военного совета фронта на его левом фланге группировались 185-я и 183-я стрелковые, 54-я и 46-я кавалерийские дивизии, 8-я танковая бригада и 46-й мотоциклетный полк. Командовать этой группой было поручено начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Н.Ф. Ватутину. Совершив за сутки двухсоткилометровый марш, танкисты и мотоциклисты в четырехчасовом бою преградили путь врагу и сдерживали до подхода основных сил. 19 октября враг был выбит из райцентра Медное и разгромлен.

Немецким войскам не удалось прорваться к Бологое и с Маловишерского направления. Малая Вишера 22 октября была оставлена войсками 52-й армии, но 27 октября враг не мог преодолеть нашу оборону на реке Малая Вишера и там остановился. 8 ноября город Тихвин оказался у немцев. В результате Ленинград лишился единственной железной дороги, связывающей его с тылом страны.

Октябрьское наступление врага

С утра 17 октября противник после часовой артиллерийско-минометной подготовки силами свыше пехотной дивизии с танками в полосе Лычково, Ямник, Кирилловщина, РАИ перешел в наступление. Главный удар наносился силами более двух пехотных полков с рубежа Бардовка,

Кирилловщина в общем направлении на Любницу. К 10.30 противник овладел Белым Бором, Ильиной Нивой, Польцом. На остальных участках противник был отброшен в исходное положение с большими для него потерями.

В районе Лужно, Кирилловщина действовали 1-й и 3-й пехотные полки дивизии СС «Мертвая голова». Их удар пришелся в основном на боевые порядки 26-й стрелковой дивизии. К ее траншеям устремились четыре батальона пехоты при поддержке пяти танков. Наступающих остановил огонь 19-го артиллерийского полка, наносившего удар по Польцо. Пехоту удалось отсечь от танков и рассеять, один танк был подбит. Немецкое наступление на Сухую Ниву было сорвано. На следующий день атака двух батальонов 3-го эсэсовского полка вновь захлебнулась. Решающее слово при этом сыграла артиллерия дивизии дальневосточников.

19 октября враг также не добился результата. В этот день удачно действовал 19-й артиллерийский полк. Своим огнем он подавил скопление пехоты СС на северной окраине Лужно и минометную батарею восточнее Каменной Горы.

Вражеская разведка определила слабое место в нашей обороне. В журнале боевых действий 20 октября записано:

...

«Противник в 6.30 начал артподготовку и в 7.30 перешел в атаку пятью батальонами из деревень Польцо и Кирилловщина на наш левый фланг. На стыке с 34-й армией он прорвался двумя ротами и к вечеру вышел на южную окраину Сухой Нивы».

21 октября 26-я и 182-я стрелковые дивизии наступали на фронте Борок, Сухая Нива. Две атаки на Сухую Ниву были безуспешны. Взвод танков КВ мало чем помог наступающим. Немцы из орудий стреляли по гусеницам и останавливали машины.

В 13.00 эсэсовцы перешли в контратаку силами трех батальонов пехоты и танковой роты. Новгородский полк предпринял встречную атаку. В жестокой рукопашной схватке эсэсовцев удалось остановить.

Кровопролитие продолжалось. 24 октября удалось отбить у противника Сухую Ниву и Ерушково, в котором был разгромлен штаб 3-го полка эсэсовцев. Но через несколько дней немцы смогли вернуть себе эти деревни.

В районе Лычкова было не менее сложно. В конце сентября и начале октября противник несколько раз пытался прорваться к Валдаю на участке обороны 84-й стрелковой дивизии. С помощью 8-й танковой бригады удалось ликвидировать угрозу прорыва, причем была применена хитрость. Трактора без глушителей имитировали танки. Противник готовился отразить атаку с этого направления, а удар был нанесен в другом. Наши подразделения смогли даже ворваться на станцию Лычково.

Пренебрежительное отношение немцев к нашей пехоте быстро изменилось. Вот что пишет эсэсовец в начале октября 1941 г.: *«А противник дрался с небывалым ожесточением. Если мы во время контратак натыкались на солдат «Сталинской дивизии», на поднятые руки рассчитывать не приходилось. Они оборонялись до последнего и предпочитали погибнуть в своей ячейке, чем сдаться. Один офицер, такой же молодой, как и его солдаты, выхватил гранату и лег на нее, чтобы погибнуть от взрыва. Эта гвардия – и она заслужила такого наименования – явно отличалась от того противника, которого мы встречали раньше. Ее выделяла не только храбрость, но и внешний вид. В каждом из этих молодых солдат угадывался будущий офицер»* [24] .

У немцев, с их точностью и пунктуальностью, каждое участие в пехотной атаке, пусть и не решающего наступления, отмечалось особой медалью. Ленточка от медали нашивалась наискосок на борт кителя. Это были знаки геройства, фронтового опыта, предмет особого уважения. У иного нашего солдата таких ленточек хватило бы на все борта кителя, да вот и кителя-то не было, только вылинявшая гимнастерка, да и атаки не считал никто. У некоторых лейтенантов таких ленточек набрался бы не один десяток [25] .

О настроении эсэсовцев перед наступлением 17 октября можно узнать из их воспоминаний: *«Казалось, фронт на нашем участке замер. Но тихие дни остались позади. В середине октября под проливным дождем мы пошли в наступление. Теперь мы познали мощь пристрельного*

артиллерийского огня, убийственные минные и огнемётные заграждения и действие стрелкового оружия из искусно оборудованных дзотов.

Нам не удалось выполнить поставленную задачу. После трех дней боя у дзотов и в окопах мы вынуждены были перейти к обороне. Мы прочно сели на захваченной территории и снова окапывались. Обмундирование и снаряжение за несколько недель полностью пропиталось грязью. Теперь, когда внезапно ударил мороз, они замерзли и превратились в железные доспехи, а сапоги раза в два прибавили в весе...

Наше здоровье из-за того, что мы неделями не снимаем с себя промокшую одежду, сильно пошатнулось. У многих от простудных и кишечных заболеваний возникло недержание. Они так и ходили в полностью обгаженных штанах. Мы стали похожи на заросшую, грязную, вонючую, залитую дерьмом орду. Но это было лучше, чем вернуть противнику обратно завоеванное» [26] .

В направлении стыка 11-й и 34-й армий враг бросил крупные силы. На участке Кирилловщина – Хилково к 17 октября для усиления частей СС введен полк 290-й пехотной дивизии. На участке Хилково – Сухая Ветошь введен дополнительно 27-й полк 12-й пехотной дивизии. На участке Сухая Ветошь – РАИ оборону продолжали держать два батальона 4-го полка 32-й пехотной дивизии.

На участке РАИ – Григорьевщина оборонялись два батальона 96-го полка 32-й пехотной дивизии, один батальон из-за высоких потерь был расформирован [27] .

Утром, 17 октября, два батальона 1-го пехотного полка дивизии СС повели наступление в направлении северо-восточнее Кирилловщины и к исходу дня смогли выйти в район Холмов.

В 7.00 до батальона 503-го пехотного полка из района Хилково наступали в направлении Злодари. К исходу дня с большими потерями противник отброшен. Свыше батальона 27-го полка 12-й пехотной дивизии при поддержке семи танков из района Крутихи наступали в направлении Малого Замощья. Контратакой наших частей противник был отброшен в исходное положение.

245-я стрелковая дивизия вела бои с целью окружения подразделений противника в районе озера Пестовское.

18 октября 163-я стрелковая дивизия овладела Холмами. Одновременно была отбита атака противника в районе Крутихов. Огнем артиллерии пехота рассеяна, один танк подбит, но уведен на буксире. Юго-западнее Крутихов осталось до 60 трупов противника.

На участке Лобаново – Исаковское немцы оказались окруженными подразделениями 245-й стрелковой дивизии. 20 октября части этой дивизии совместно со сводным танковым полком и подразделениями 188-й стрелковой дивизии перешли в наступление, но взять Лобаново не смогли, лишь овладели дорогой Лобаново – Исаково.

В деревне Исаково немцы захватили в плен раненых, больных и медперсонал 898-го стрелкового полка. На следующий день враг, прикрываясь военнопленными, пошел в атаку. Наши бойцы без выстрелов, с раскатистым «Ура!» бросились навстречу. Немцы были ошеломлены нашей контратакой и в панике, бросив пленных, побежали назад [28] .

Противник упорно рвался вперед. 23 октября 245-я стрелковая дивизия оставила Пестово и отошла на восток. Два полка 188-й стрелковой дивизии, армейские курсы младших лейтенантов и истребительный отряд при поддержке 270-го противотанкового артиллерийского полка блокировали Лобаново с запада и юго-запада. 29 октября в 16.00 противник был выбит из поселка и отошел на юг.

245-я стрелковая дивизия силами разведроты и усиленной роты 901-го полка ночью взяла Исаково. Но из-за несогласованных действий командиров подразделений Исаково было потеряно.

Командование фронта было обеспокоено невысокой эффективностью боевых действий 34-й армии. В результате появилась директива штаба № 098/ог от 30.10.41 г. В ней, в частности, говорилось:

...

«Военным советом СЗФ приказано:

1. Сократить все тыловые учреждения на 20 % и отобранных направить в строевые части дивизий.
2. Организовать сбор всяких отставших от частей.
3. Немедленно устранить всякие перемешивания частей и поставить их под управление своих командиров и штабов.
4. Прибывшие семь маршевых рот направить в 34А.

Справка:

- За период с 20 по 30.10.41 г. потери составили 2660 чел.
- По данным отдела укомплектования, за это время потери составили 5901 чел.»

На левом крыле фронта в полосе 27-й армии было немало горячих схваток. Дивизия полковника И.Д. Черняховского переправилась через Селигер. Была освобождена от врага деревня Велье, велся упорный бой за Городилово.

30 октября противник снял часть сил с фронта 27-й армии и группировал до трех пехотных дивизий в районе Сухая Ветошь, Лужно в направлении Валдая.

В целом атаки частей 27-й армии в октябре – ноябре имели ограниченный успех.

В полосе 11-й армии обстановка была беспокойной. 12 ноября в 9.30 противник открыл сильный минометный и артиллерийский огонь на фронте 254-й стрелковой дивизии. 1-й и 2-й батальоны 929-го стрелкового полка, без достаточных для этого оснований, бросили свои рубежи и разбежались. Только к исходу дня подразделения полка были остановлены и собраны на реке Лужонка в 2,5 км северо-восточнее Володихи. С двумя ротами полка, находившимися восточнее Лычкова, полк потерял связь. В бою командир полка и командиры двух батальонов были ранены, управление было потеряно.

По этому поводу в журнале боевых действий фронта 12 ноября записано:

...

«...Командование дивизии генерал-майор Кузнецов и полковой комиссар Алкашир обстановки на фронте не знали и узнать не пытались, своими неправильными докладами о действиях якобы мелких групп противника и принятии ими мер для ликвидации их неправильно ориентировали штабм.

...За период их командования 254-й стрелковой дивизией такой факт произошел вторично. 17.10.41 г. в аналогичной обстановке был сдан Белый Бор. ВС 11А возбудил ходатайство о снятии командования 254-й стрелковой дивизии и назначении на них новых лиц».

Многострадальную Сухую Ниву занимал эсэсовский батальон численностью до четырехсот человек. Там, где ранее не помогла сила, помогло умение. Группа снайперов во главе с зачинателем снайперского движения в 26-й стрелковой дивизии сержантом Г. Савченко за полтора месяца вывела из строя свыше трехсот человек гарнизона. Обложив Сухую Ниву с двух сторон, снайперы продвигались к горловине, связывающей эсэсовский гарнизон с остальной их обороной. Постепенно гарнизон оказался парализованным. 30 декабря 1941 г. в журнале боевых действий 26-й стрелковой дивизии записано:

...

«...в 9.00 разведкой 349 с.п. было установлено отсутствие пр-ка в Сухой Ниве, оставлены дзоты, землянки, дома, отдельные участки заминированы».

Врагу покоя нет

Зима в 1941 г. установилась рано. Уже в первых числах ноября земля покрылась тонким слоем снега. Ночью и по утрам было холодно. Днем по-осеннему пригревало.

В истории 290-й пехотной дивизии 5 ноября появилась запись:

«...Позиционная война напрягала нервы благодаря постоянным новым методам боя противника, партизанам и регулярной русской пехоте численностью до 100 человек. Когда выпал первый снег, применение саней и лыж стало испытанием совершенно нового вида боя. Появилось такое подозрение, что русские в противовес природным условиям оказались в преимуществе».

20 ноября справа от нашего фронта 25-я армия выбила немцев из Малой Вишеры. Действия Северо-Западного фронта были намного скромнее. Войска вели активную оборону, засылали во вражеский тыл многочисленные истребительные отряды. Первые отряды появились еще в ходе июльских боев. Они подчинялись непосредственно штабу фронта, имелись в каждой армии и

дивизии. Формировались они из добровольцев. Перед отрядами стояла задача – нарушить работу вражеского тыла.

К 13 ноября 1941 г. уже были организованы семь истребительных отрядов численностью около 100 человек каждый, четыре армейских и один отряд 180-й стрелковой дивизии. Целый ряд истребительных отрядов дивизий, группы охотников в полках были уже частично сформированы и частично находились в стадии формирования.

В ночь на 12 ноября истребительный отряд 11-й армии под командованием лейтенанта Брославского произвел налет на станцию Беглово. Было уничтожено семь 150-мм орудий на платформах, один вагон со снарядами подорван, один вагон с горючим и смазочными материалами подожжен. Подорваны стрелки на перегоне Беглово – Кневицы, подожжено четыре дома и казарма, в которых уничтожено до 100 немцев. Заминированы две дороги южнее Кневиц. Отряд потерял три человека и вышел в свой тыл, унеся раненых с собой. И это только один из многих и многих эпизодов.

Не было покоя немцам на фронте дивизии полковника И.И. Миссана. Три дня, с 12 по 14 декабря, шел бой одного из батальонов 86-го стрелкового полка за овладение сильно укрепленным пунктом Большое Волосько. Ворвавшись с тыла, бойцы завязали уличный бой, в гарнизоне поднялась паника.

Немалое беспокойство противнику приносили «кочующие» 82-мм минометы 21-го стрелкового полка. Их огнем 6 декабря около Тараканова была уничтожена большая группа немцев, вышедших на заготовку дров. 15 декабря на окраине деревни Дубровы была уничтожена баня, в которой мылись немцы.

Беспримерный по героизму бой у деревни Пустынька был заметным событием для всего Северо-Западного фронта. Здесь, на возвышенном сухом клочке лесистой местности, был оборудован опорный пункт 180-й стрелковой дивизии. Обороняла этот «пятачок», удаленный от соседних подразделений на несколько километров, неполная рота младшего лейтенанта В.В. Смолина. В 9.30 3 декабря до двух рот противника, при поддержке артиллерии из района деревни Шкварец, начали наступление на Пустыньку.

Мужественно и умело руководил боем своего взвода старший сержант И.М. Мамедов. В его секторе обстрела потом насчитали более 70 трупов, в том числе трех офицеров. В 23.30 противник, нанеся потери до 85 % обороняющимся, овладел Пустынькой. Высланный на помощь сводный отряд к 18.00 4 декабря выбил врага из деревни. С наступлением темноты немцы, окружив Пустыньку, разложили кругом костры и начали сильный артиллерийский и минометный огонь.

Старшему сержанту И. Мамедову за мужество и отвагу было присвоено звание Героя Советского Союза. Об этом подвиге писали армейские и фронтовые газеты.

В ночь на 6 декабря сводный отряд и остатки роты вторично были выбиты немцами из Пустыньки.

Вершина и Высочек потеряны

В полосе обороны 202-й стрелковой дивизии произошло редкое событие. В журнале боевых действий фронта записано:

...

«3.12 в 12.15 противник атаковал Вершина через болото Невий Мох, в силу того что подразделения, оборонявшие район Вершина, ушли для принятия пищи, противник свободно овладел ею. В это же время захватил и Высочек».

Немцы от станции Кневицы прошли по восточному берегу болота Невий Мох: 1-й и 2-й батальоны 503-го пехотного полка на Вершину, а 2-й батальон 501-го и 3-й батальон 503-го пехотных полков на Высочек [29].

Ввиду создавшейся угрозы развития успеха противника встык НАГ и 11-й армии и возможности выхода его на шоссе Крестцы – Новгород командующим фронтом поставлена задача уничтожения прорвавшегося противника, перейдя в наступление с утра 4 декабря. В район Вершины был выслан истребительный батальон Сошальского и 104-й полк 25-й кавалерийской дивизии.

Две атаки 202-й стрелковой дивизии, проведенные 5 декабря, успеха не имели. Неоднократные атаки 202-й и 254-й стрелковых дивизий и в последующем результата не дали. 11 декабря истребительные отряды № 12 и 14 смогли ворваться в Высочек, вели там бой, уничтожили до 400 немцев, но вынуждены были его оставить.

Противник времени не терял и проводил инженерные работы по укреплению обороны этих пунктов. При очередном штурме подразделения 202-й и 204-й стрелковых дивизий встречали не только сильное огневое сопротивление, но уже и минированные поля с проволокой.

5 декабря в журнале боевых действий фронта записано:

...

«Таким образом, в первых числах декабря противнику удалось вклиниться в расположение наших войск небольшими силами. Это можно объяснить слабой работой разведки всех видов. Были такие дивизии, которые в течение более двух месяцев не захватили ни одного пленного (180, 182 с.д.). Обращает на себя внимание слабая организация системы наблюдения за поведением противника.

При проверке оборонительных районов выявились существенные недостатки и прежде всего плохая организация кинжального, косопрямельного и фланкирующего огня пулеметов».

Войска Северо-Западного фронта с 25 декабря начали перегруппировку и развертывание для предстоящего наступления. Противник в это время оставался в прежней группировке, активности не проявлял, ограничиваясь редкой артиллерийско-минометной стрельбой.

Рассказ о событиях конца 1941 г. хотелось бы закончить отрывком из воспоминаний рядового эсэсовца:

«После Рождества температура постоянно снижалась. Сильный ветер нес кристаллики льда, и с открытыми глазами ходить было невозможно. Нам противостоял настоящий противник – зимняя ударная группа, хорошо обученная, вооруженная, стойкая и жесткая, как сталинская гвардия. Ее солдаты атаковали днем и ночью на лыжах, неприметные в своих маскировочных халатах.

Советы своевременно позаботились о своих солдатах. Валенки, ватные штаны и телогрейки, меховые рукавицы и шапки, лыжи и сани были их стандартным оснащением. Оружие их тоже хорошо стреляло на морозе. А мы без зимнего обмундирования лежали в наших ледяных пещерах.

...Серая полевая форма на белом снегу делала нас великолепной мишенью для противника. С горечью мы признавали неспособность руководства.

...В полосе соседней 30-й дивизии противник подстрекал против нас: «Вы, храбрые солдаты вермахта, истекаете кровью на фронте, в то время как эсэсовцы едут в отпуск, чтобы по заданию Гимmlера оплодотворять ваших жен для воспроизводства нордического пушечного мяса. Вы голодаете, тогда как ваш паек отдают в качестве дополнительного питания эсэсовским ублюдкам. Не давайте этому продолжаться» [30].

Глава 4 ФРОНТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Почему отступали

Нанесенный врагом удар ошеломил наши не подготовленные к этому войска. В первую очередь это касается частей, которые вступили в бой неорганизованно. Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков, подвергались панике. Боязнь окружения и страх перед парашютистами противника долго были настоящим бичом. Чем можно объяснить, что отступали отдельные группы бойцов, как правило, без оружия, часто без обуви, имея лишь вещевые мешки и котелки? У нас не хватало жесткой дисциплины: умри, а держись, противник в этом отношении был сильнее нас. У немецких пленных все, как правило, цело до последнего личного номерка, и у всех обязательно вычищены сапоги и лица побриты [31].

«Если личный состав танкистов, летчиков, артиллеристов у нас неплохой, они дерутся достаточно стойко, то это нельзя сказать про пехоту» (из письма командира 141-й стрелковой

дивизии полковника Тетушкина тов. Маленкову от 10 июля 1941 г.).

Но основная тяжесть войны легла на плечи пехоты. Об этом говорят страшные цифры ее потерь. Если общие потери родов войск в 16 миллионов 859 человек (4 миллиона 28 тысяч безвозвратные и 12 миллионов 831 тысяча санитарные) взять за 100 %, то на ее долю приходится 86,6 %. Более того, в стрелковых войсках только за 28 месяцев войны из строя выбыло – 546,3 %, в бронетанковых войсках за тот же период это число более чем в два раза меньше – 236,7 % [32] .

Одним командирам было не под силу останавливать трусов, паникеров и дезертиров. Уже 27 июня 1941 г. введена директива № 35523, адресованная начальникам третьих отделений, начиная с дивизии и выше. В ней говорилось об организации «подвижных контрольно-заградительных отрядов» на дорогах, ж.д. узлах, для прочистки лесов и т. д.

Уже 19 июля 1941 г. при Особых отделах были сформированы отдельные подразделения, укомплектованные личным составом войск НКВД. Установленные ими дезертиры подвергались аресту и находились под следствием в течение 12 часов до предания их суду военного трибунала. Отставшие же от части под командой проверенных командиров направлялись в штаб соответствующей дивизии. В исключительных случаях начальник Особого отдела имел право расстреливать дезертира на месте.

16 августа 1941 г. Ставка ВГК издает приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем четко и ясно говорилось:

«Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начальствующего состава».

Сегодня некоторые осуждают все эти, на их взгляд, «бесчеловечные меры». Однако даже генерал Д.А. Волкогонов в своей книге «Семь вождей» не смог не признать: *«Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертной кары».*

Уже в сентябре 1941 г. заградительные отряды постепенно создавались и в составе стрелковых дивизий фронтов, численностью не более батальона. Такие отряды формировали и Особые отделы территориальных органов НКВД.

С 22 июня по 10 октября 1941 г. Особыми отрядами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Было арестовано из этого числа 25 878 человек, остальные 631 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстрелян 10 201 человек, из них расстрелян перед строем – 3321 человек [33] .

28 июля 1942 г. вышел приказ № 227. Он был жесток, но этого требовала обстановка, сложившаяся к этому времени. В этом документе абсолютно все без сантиментов:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армий:

а) безусловно, снимать с поста командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в Военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизий выполнять свой долг перед Родиной».

Заградительные отряды в период ожесточенных боев с противником сыграли положительную роль в деле наведения порядка в частях. В критические моменты эти отряды вступали непосредственно в бой с противником.

По мнению ветеранов-окопников, страшнее начавшейся паники на фронте не могло быть ничего [34] .

Отношение к СМЕРШу у нас до сих пор двойственное. В книгах, кинофильмах оно, как правило, выражено в негативных тонах. Но конкретные отрицательные персонажи в военной контрразведке не могут отражать истинной работы СМЕРШа. С началом войны задачи Особых отделов изменились на сто восемьдесят градусов, ибо теперь борьба с контрреволюцией, которая была главной задачей, отошла на второй план.

Главной задачей Особых отделов на период войны была решительная борьба со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидация дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе. (Постановление ГКО № 187 СС от 17 июля 1941 г.)

Когда встал вопрос о названии военной контрразведки (проектное название «Смернеш» – смерть немецким шпионам) Сталин сказал: *«А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах против нашей армии? Давайте назовем «Смерть шпионам», а сокращенно СМЕРШ»*.

Занимался СМЕРШ и радиоиграми с разведками противника, которые стали абсолютно новейшим направлением в их деятельности.

Успешной оказалась работа СМЕРШа по централизации зафронтовой деятельности – внедрения в германские разведорганы и школы наших агентов. СМЕРШ сумел не только парализовать подрывную работу германских спецслужб по всем ее направлениям, но и перехватить инициативу в свои руки.

Так, бывший начальник отдела «Абвер-1» генерал Ганс Пиккенброк однажды откровенно заявил: *«Россия – самая тяжелая страна для внедрения вражеской разведки»*.

Другой немец, бывший генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, был более красноречив: *«В ходе войны данные от нашей агентуры касались только тактической зоны, мы ни разу не получали данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных действий»*.

Таким образом, эффективность советской военной контрразведки признал и потерпевший сокрушительное поражение противник [35] .

Вот мнение простого фронтовика старшего лейтенанта, фронтового разведчика: *«О СМЕРШе надо сказать несколько слов. Эта неуклюжая аббревиатура прикрывала военную контрразведку, которая имела «своих» во всех подразделениях»*.

В полку это был офицер в звании не менее капитана, при нем отделение охраны и конвоя, писарь и пр. – все в отдельных землянках и на довольствии со штабной кухни. «Стукачи» – в каждом взводе, роте. Их весьма «любили», а высвечивались они в боевых условиях довольно быстро. Тех, кто особенно усердствовал, почему-то очень «любили» шальные пули, и попадали они по чистой случайности всегда в спину, и все-таки «стукачи» держали под подозрением практически всех.

Неосторожное слово, взгляд, и того гляди попадешь к такому на «карандашик», а дальше могло пойти и до штрафного подразделения. Отсюда и «теплое» отношение ко всем, причастным к сему ведомству – СМЕРШу [36] .

Окопная жизнь

Как жили, как воевали на передовой настоящие фронтовики, а не прифронтовые «фронтовики» и «окопники» батальонных, полковых и дивизионных служб? Вот выдержка из книги О.С. Смыслова «Окопная правда войны»: «Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных «фронтовиков» и «окопников» (батальонного, полкового и дивизионного начальства).

Война – это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот с передовой вернулись одиночки, их никто не знает. ...Но жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколок. Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть настигает его.

Однажды в одном интервью генерала армии В.А. Варенникова спросили:

– Путь к победе был долгим и тяжелым. Какие из эпизодов войны вы вспоминаете?

– Таких эпизодов было много... Я всегда завидовал летчикам, танкистам. Белой завистью, конечно. Истребитель в полете 40 минут, максимум час. Затем он возвращается на аэродром, где его машину обслуживает техник. У летчика есть землянка, есть банька. Он прилетел, поел, отдохнул. А мы всегда с противником в контакте, друг другу смотрим в лицо».

Есть еда – хорошо, нет – терпеть надо. Стужа, холод, жара, зной – надо выдерживать...

Когда начиналась окопная жизнь? Если быть точным, то она всегда начинается неожиданно, без всяких сантиментов, словно рубилась с плеча, как самая что ни на есть правда. Шли ли пехотинцы на передовую, находились ли там, все одно, это уже была их жизнь – окопная. Та земля, которая всегда была под ногами, была и домом и постелью. Зимой и летом все одно: по ней ходили, на ней воевали и в нее ложились.

На земле всегда был отдушиной солдатский смех, царским подарком – табак, лучшим другом – лес и великим счастьем – еда. Ведь ничто так не беспокоит солдатскую душу на передке, как харч.

Лес давал возможность соорудить блиндаж, разжечь костер, настелить дорогу, да и, бывало, кормил сносно. А если его не было рядом? Одна надежда только на старшину роты.

Это он тащил с помощниками термос с похлебкой, буханки хлеба, сахар, махорку и водку.

Поставив термос между ног, с цирковой ловкостью он опускал туда черпак и таким же привычным движением плескал содержимое в подставленный котелок, при этом тут же отмечал химическим карандашом галочку в листке замусоленной бумаги. Но одно дело летом, другое – зимой. Пока пищу дотащат до передовой, хоть в руках, хоть в повозке, все одно: горячее мгновенно превращается в холодное пойло. Хорошо, если мучная, слегка подсолненная водица не успела схватиться на сильном морозе. Да, в сущности, и это была еще не беда. Ведь если солдат с термосом накрывали немецкие мины, если по несколько суток старшина не мог добраться до передка, тогда все: и настроения не было, и вши заедали особенно. Ведь они ползали на голодных.

Другое дело батальонная кухня, когда, попыхивая горячими топками, уже издалека чувствовался соблазнительный запах, она въезжала в лес. Фырканье лошадей и позвякивание уздечек поднимали солдат без каких-либо команд. Одним словом, война войной, а обед по распорядку. Но батальонная кухня на передке могла быть мечтой нереальной. Ведь назад с передка только уносили.

Выносить с передовой раненых имел право только санинструктор или санитар, легкораненые выбирались из-под огня сами. Покидать боевой порядок запрещалось, даже если ранили кого-нибудь из твоих друзей. Всякая попытка сопровождения раненых в тыл расценивалась как прямое уклонение от боя. Однако не всегда выходило так, как требовал устав, в боевых условиях приходится строго разбираться между необходимой помощью и дезертирством с поля боя».

Белорусский писатель В. Быков до конца дней не мог забыть будни окопников: «Убитых мы не хоронили, – где упал боец, там и остался лежать. Не было времени валандаться с трупами. Старшие командиры орали: «Вперед!» Потом после боя убитых хоронили специальные похоронные команды. Они собирали оружие убитых, снимали с них одежду и сапоги, рыли ямы и сбрасывали в них трупы. Закапывали.... В штабе части составляли список убитых. Но это совсем не означало, что в той или иной братской могиле лежат только те, кто занесен в список, точнее, именно те. Порой случались ошибки – боец жив, а числится в списке. И, наоборот, – в списке убитых солдата нет, а он числится в этой могиле».

Осенью 1941 г., когда Красная Армия оставляла одну позицию за другой, вдруг стали задумываться: почему красноармейцы, увидев танки и пехоту противника, порой без приказа оставляют линию обороны своих подразделений и частей.

«Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе, – писал К.К. Рокоссовский.

– Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгались. Но, увы! Война показала другое...

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранилось, но я их не видел и не слышал.

Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался.

Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули, а я остался один».

Генерал А.В. Горбатов примерно в это же время также обратил свое пристальное внимание на эту проблему.

Жизнь заставила не распылять взвод, располагать его на одном из бугров – в общей траншее, не более ста двадцати метров по фронту, чтобы командир видел своих подчиненных, а они – своего командира.

Немного о каске (от исп. casco – череп, шлем). Этот защитный головной убор из металла появился во Франции в 1758 г. у драгунов. В Первую мировую многие страны использовали стальную каску для защиты от пуль и осколков. В Красной Армии стальная каска после 1939 г. стала называться шлемом. Одни на передовой ходили без касок и даже под пулями и об ее отсутствии не жалели, так как, по их словам, каска звенела на голове, цеплялась за сучки, мешала думать и сосредоточиться.

Другие даже ночью, когда ложились спать, оставляли ее на голове, надеясь, что каска защитит от стального осколка и пули. В целом во всей Красной Армии отношение к каскам было пренебрежительное. «Почти восемьдесят процентов, – говорил киевский профессор Костенко, – убитых и умерших от ран имеют поражения в голову. И все это люди, не имеющие каски. Те, кто имел поражения в голову через каски, отделялись царапинами и контузиями, иногда тяжелыми. Но смерть при поражении головы через каску – исключение. Очень, очень редкое исключение. Выходит, мы погибали из-за отсутствия дисциплины. В сущности, мы самоубийцы, самоубийцы по расхлябанности».

У немцев спрос за каски был строгим. Там за появление на передовой без каски судили как за членовредительство [37] .

По-разному говорят о наркомовских ста граммах, однако как бы воевали без них окопники!

В Постановлении ГКО № 562 от 22 августа 1941 г. было указано: «Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу водки 40 градусов в количестве 100 г в день на человека (красноармейца) и начальствующему составу передовой линии действующей армии».

До действующей армии это указание было доведено 25 августа 1941 г. в приказе НКО СССР № 0320. Характерно, что уже в июне (Постановление ГКО № 1889 от 6 июня 1942 г.) Сталин внес в этот процесс некоторые изменения:

«1. Прекратить с 15 мая 1942 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки в размере 100 г только тем частям передовой линии, которые ведут наступательные операции.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 г производить в революционные и общенародные праздники».

Ровно через пять дней в Приказе НКО № 0470 от 12 июня 1942 г. разъяснялось:

«1. Выдачу водки по 100 граммов в сутки на человека производить военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции.

2. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки в размере 100 граммов на человека производить в следующие революционные и общественные праздники: в дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – 7 и 8 ноября, в День Конституции – 5 декабря, в день Нового года – 1 января, в день Красной Армии – 23 февраля, в дни Международного праздника трудящихся – 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника, во Всесоюзный день авиации – 16 августа, а также в день полкового праздника (формирования части)».

Однако 12 ноября 1942 г. в разгар Сталинградской битвы Сталин установил более либеральный порядок в деле приема 100 граммов. В сутки на человека эту норму выдавали не только наступающим частям, но и всем частям, ведущим боевые действия и находившимся на передовой.

При этом не забыли и полковые, и дивизионные резервы. Им, выполняющим работу «под огнем противника», а также раненым (по указанию врачей) разрешалось принимать «для аппетита» по 50

граммов в сутки. Водку на фронт привозили в молочных бидонах или в дубовых бочках.

М.И. Сукнев, будучи комбатом, так вспоминал о наркомовских: *«Три года на фронте – это было мало кому дано из тех, кто не поднялся выше комбатов, командиров батальонов и батарей. Месяц-два, а то и сутки-двое, и твоя гибель неизбежна!»*

Я уже знал свою норму – стакан водки, больше нельзя. Видно, не берет, стакан на меня действует как 50 г. А не выпьешь, из окопа не вылезешь. Страх приковывает. Внутри два характера сходятся, один – твой, а другой тот, который тебя сохранять должен».

12 сентября 1941 г. Постановлением ГКО № 662 были установлены нормы продовольственного снабжения Красной Армии. Первая категория продпайка предназначалась для красноармейцев и начальствующего состава боевых частей действующей армии: хлеб (октябрь – март) – 900 г, (апрель – сентябрь) – 800 г; мука пшеничная 2-й сорт – 20 г; крупа разная – 140 г; макароны – 30 г; мясо – 150 г; рыба – 100 г; комбизир и сало – 30 г; масло растительное – 20 г; сахар – 35 г; чай – 1 г; соль – 30 г; овощи, картофель – 500 г; капуста – 170 г; морковь – 45 г; свекла – 40 г; лук репчатый – 30 г; зелень – 35 г; махорка – 20 г; спички – 3 коробки в месяц; мыло – 200 г в месяц. В период с декабря по февраль должно было выдаваться сало свиное по 25 г в сутки на человека.

Однако в первые годы войны пехотинцы чаще всего голодали. Счастьем было захватить трофейную кухню, где мог оказаться и вишневый компот. Когда Красная Армия перешла государственную границу, кормить стали значительно лучше. Выручали трофейные запасы продуктов. А уж после Победы за границей наши солдаты и офицеры питались, что называется, от пуза.

Третья категория красноармейского пайка предназначалась для строевых и запасных частей, не входивших в состав действующей армии. От первой она отличалась граммами значительно: хлеб (зима) – 750 г, (лето) – 650 г; мясо – 75 г; комбизир и сало – 20 г; мыло – 150 г в месяц.

Известен продовольственный паек немецкой 290-й пехотной дивизии 2-го корпуса 16-й армии группы «Центр» в июне 1942 г., когда дивизия держала оборону восточнее реки Пола: хлеб – 600 г; мясо – 96 г; горох – 75 г; сахар – 60 г; соль – 15 г; масло – 40 г; твердый сыр – 50 г; кофе – 5 г; чай – 4 г; шоколад – 25 г. [38]

Здесь вы не увидите картофеля, овощей, макарон, нет дополнительного сала. Хлеба и мяса в немецком пайке намного меньше, чем в пайке военнослужащего Красной Армии.

С началом войны Красная Армия оказалась в трудном положении. Большие запасы продовольствия, вооружения и вещевого имущества попали в руки противнику. Ресурсы обмундирования оказались существенно сниженными, в связи с чем 13 июля 1941 г. было решено на период обучения призывников в запасных частях временно заменить пилютку – фуражкой, а шинель – ватной курткой или телогрейкой.

Все предметы обмундирования, демаскирующие войска, по возможности старались заменить на военное время – полевыми, защитного цвета (знаки различия, звезды на головных уборах, пуговицы и т. д.), хотя такие нововведения встречали некоторое сопротивление у многих бойцов и командиров. К концу шестой недели войны стала очевидной уязвимость начальствующего состава и генералов, находившихся на фронте, из-за слишком заметных отличий.

Еще в довоенное время всему командному составу на случай военного времени была введена однобортная шинель (приказ НКО СССР от 1 февраля 1941 г.) и предусматривалась отмена наруканных знаков отличия.

1 августа 1941 г. по телеграфу был распространен приказ НКО СССР № 253, предусматривающий отмену ношения наруканных знаков для всего начальствующего состава, находящегося на театре военных действий и в маршевых частях. Этим приказом устанавливалось всем родам войск действующей армии ношение петлиц защитного цвета с защитными знаками различия, а также выдачу на фронте генералам защитных гимнастеров и шаровар с лампасами. К концу августа 1941 г. защитные петлицы и знаки различия были разосланы по фронтам.

Советскими генералами приказ от 1 августа был воспринят неоднозначно. Бессистемность в реализации приказа добавляли непереаттестованные высшие командиры в звании комбрига и комкора (такое положение сохранялось до конца 1941 г.), которые, как правило, носили генеральские фуражки и знаки различия, установленные приказом НКО СССР № 176 от 1935 г.

Все это дополнялось различными кожаными пальто, шапками-финками, нерегламентированными теплыми жилетами, кожаными куртками, теплыми пальто и фетровыми

бурками, разрешенными приказом 1936 г., что придавало высшему советскому военно-политическому командованию вид, несколько отличный от основной массы бойцов и командиров Красной Армии.

3 августа 1941 г. приказом НКО № 261 была установлена новая женская форма.

11 августа 1941 г. секретным приказом была прекращена выдача нового вещевого имущества личному составу тыловых частей и учреждений Красной Армии. Все свободное новое обмундирование к 25 августа следовало передать на обеспечение частей, убывающих на фронт.

Еще в летние месяцы 1941 г. была развернута подготовка к обеспечению личного состава Красной Армии теплыми вещами на зиму. Теплые вещи, прежде всего меховые полушубки и валенки, не только выискивались на всевозможных складах, но и широко собирались от населения в виде добровольных пожертвований и энергично производились промышленностью. Однако основным видом осенне-зимнего обмундирования продолжала оставаться ватная телогрейка. 25 августа 1941 г. взамен существующей телогрейки приказом НКО СССР № 283 была введена новая телогрейка со стояче-отложным воротником, позволяющим нашивать на воротник знаки различия, что делало это обмундирование повседневной, а не специальной одеждой.

Всякое бывало

Во фронтовой обстановке встречаются самые невероятные вещи. Иван Филюшкин, боец 1232-го стрелкового полка 370-й стрелковой дивизии, трижды был ранен. Госпитализации избежал, правда, из пехоты его отчислили и прикомандировали к санитарной роте. В конце марта 1942 г. дивизия пополнилась сибиряками-лыжниками. Шел бой, санчасть напряженно работала на передовых позициях. В этот день Иван много раз возвращался к линии огня и выносил раненых с поля боя. Вот и на этот раз он спустился в воронку, отгреб до половины засыпанного, окровавленного бойца, на руках принес на перевязочный стол, а сам снова пошел на передовую. Вынесенный боец был без памяти. Быстро сделали перевязку. А когда он пришел в себя, стали его записывать в регистрации раненых и контуженных.

– Как вас звать-величать, как ваша фамилия? – спросил сан-инструктор Семен Веселов.

– Филюшкин Иннокентий Нефедович.

– Откуда родом?

– Сибиряк, из-под Томска.

«Не родственник ли нашему Филюшкину?» – подумал Веселов.

– А брат у тебя, Иннокентий Нефедович, есть?

– Есть, тоже где-то воюет.

– А звать как его?

– Иваном.

– Так это же он тебя из воронки вытащил и сюда принес. Как же он брата родного не узнал?

По срочному вызову прибежал Иван. Какая же это была встреча!

Быстро в огне боев набирались опыта бойцы и командиры 370-й стрелковой. Вот еще история. В землянку, сырую и теплую, где разместились дивизионная разведка роты старшего лейтенанта Кривошеина, вошел солдат. По его лицу, по тому, как он держался, было видно, что человек не отдыхал. Разведчики – народ компанейский.

– Погрейся, – пригласил его кто-то к печурке – Откуда?

– Из 1230-го полка, – ответил солдат простуженным голосом, – пленного привели с лейтенантом.

– Как пленного?

– Да это летчик ихний. На парашюте спустился. Самолет его подбили, так он угодил как раз на нейтралку. Ну, наш командир и говорит: «Хорошо бы живым подцепить». Не мешкая, отменные лыжники быстро надели лыжи и в погоню. Вот и привели.

– Здорово! – заметил один из разведчиков. – Живьем, говоришь? Ну, а с той стороны обстреливали же?

– Не без этого. И летчик тоже, как разобрался, что к чему, огрызаться начал. Вот из этой штуковины раза три пальнул сверху. – Солдат достал из кармана новенький вальтер. – Пришлось легонько по затылку стукнуть: не шали, мол. Возьмите, если кому нужно.

– Погоди, а как же все-таки немцы? – допытывался разведчик.

– Ну, стрелять они, конечно, не могли – своего зацепишь, сгреб я его с этим самым парашютом, будь он трижды неладен, и скатился в лошину, под сугроб, только и делов.

А вот удивительная история, случившаяся в феврале 1942 г. с начальником полковой разведки 312-го стрелкового полка соседней с 370-й дивизией 26-й стрелковой Игорем Бескиным. Вот его рассказ: «... Мина разорвалась сзади, справа... Боль впиалась во все тело, и сознание ушло. Немцы, видя, что раненый еще шевелится, решили взять его, до их окопов метров восемьдесят, не больше.... Стало темнеть. Кто раньше доползет – свои или немцы? Сознание уже уходит надолго... Левой рукой достал гранату, надел кольцо на указательный палец, положил на грудь: в плен – ни под каким видом. Темнота накрывала и сознание, и все вокруг. Сколько времени прошло, понять трудно. Почувствовал – тормозит. Чуть было не дернул за кольцо гранаты. Кто-то в темноте странно дышит прямо в лицо, в ноздри какой-то забытый острый псиный запах. Совсем очнулся.

Собаки! Упряжка, сколько их там – три, пять? И волокуша. То ли собаки нашли его по запаху одежды, то ли еще как. Раненый собрал все силы и снова, теряя сознание, перевалился в волокушу – лодочку метра два длиной и сантиметров сорок шириной. Только почувствовал, что лодочка поползла, уползло и сознание. Очнулся от боли, когда волокуша вывернула его в наш окоп. Вот тебе и собачки» [39] .

На фронте было очень много людей с их достоинствами и недостатками. Предатели и дезертиры – это отдельный разговор и тема. Одни стремились зацепиться где-то в тылу, вне зоны обстрелов, в любом качестве, в любом месте. Попав все-таки на фронт, и тут цеплялись за тыловые подразделения, сторонились передовой как черт ладана. Такие люди забывали простую истину – все предопределено, и если тебе предназначен снаряд или бомба, то найдут тебя и в самом глубоком тылу, и будет это называться шальной снаряд, шальная бомба, а то и просто кирпич на голову с крыши. Бойся – не бойся, от своего не уйти.

Вторая категория – это те, кто стремится на передовую, искренне, сердцем защищать тех, кто нуждается в защите. Душе на передовой было свободнее, чище – подальше от начальства, от бытовой суеты прифронтового существования. Лицом к лицу с опасностью для таких людей – самая надежная безопасная позиция: все видно, можно и увернуться. Особенно унижительно для таких людей – сидеть пескарем в щели и дрожать.

Был и третий тип, которому нравилось находиться на нейтралке, на каком-нибудь наблюдательном пункте – вне зоны досягаемости, от начальства дальше некуда, от тыловых дрызг-интриг, вроде кого куда назначили, кому сапоги выдали, кому посылку дали – и того дальше. Душа с налетом авантюризма здесь чувствовала себя на месте. Свободный поиск, свободный полет, никто не связывает своими приказами – все зависит только от тебя, от твоего умения, находчивости, мужества, способности наступать на себя, когда страшно. Разведка – это была как раз та тяжелая фронтовая работа для этих людей.

Никто на фронте, в первую очередь на передовой, не застрахован от ранения, от госпитальной койки. В этих лечебных заведениях, несмотря на длительное лежание рядом, в одной палате, с людьми не завязывались дружеские отношения. Каждый сам за себя, каждый со своими болями, страданиями, при внешне внимательном и даже заботливом отношении друг к другу, взаимопомощи. А вот душевных узелков не получалось. Чаще всего человек как бы замкнут сам на себя. Другое дело на передовой, тут складывались подчас удивительные отношения сердечности, дружбы, которая потом протягивается ниточками через годы-десятилетия. Наверное, потому, что без взаимопонимания, без надежды на взаимовыручку, поддержку в окопе просто не выжить психологически, там человек на пике своих возможностей.

И еще – далеко не последнее обстоятельство в отношениях, особенно для людей с червоточинкой в душе, – страх самосуда. Будешь сволочью – пойдешь, докажи потом кому, что не шальная пуля достала тебя. На передовой, как нигде, важнее всего чувствовать, что рядом надежный человек справа и не менее надежный – слева.

Глава 5 ВОЙНА В ТЫЛУ ВЕРМАХТА

Такого враг не ожидал

Только по прошествии времени можно было оценить роль партизанского движения в деле разгрома врага.

Для правителей гитлеровской Германии, положивших в основу войны против СССР доктрину «блицкрига», мощное партизанское движение на оккупированной территории оказалось полной неожиданностью. По опыту войны 1812 г. противник знал, что партизаны будут вести боевые действия, но думал справиться с ними силами гестапо, специальных отрядов полиции безопасности, полевой жандармерии и службы безопасности. Военное командование и полевые войска рассчитывали сосредоточиться на военных операциях против Красной Армии, заниматься борьбой против партизан они не планировали. Однако размах партизанского движения заставил подключиться и вермахт.

В письмах немецких солдат и особенно солдатам от их родных и близких с начала июля начинают упоминаться партизаны, наводящие панику на солдат.

Рядовому Вальтеру Веме пишет 9.07.1941 г. жена: *«Как видно из твоего письма, вы находитесь все время в опасности, так как у вас действуют партизаны. Это, безусловно, опаснее, чем на фронте».*

Унтер-офицер Альберт Шуберт пишет своей невесте Лизе Пакулат 15.07.1941 г.: *«Эта война является настоящей войной нервов, ибо здесь мы имеем дело с партизанами. Красные так натравили народ против нас, что он способен идти на все... Поэтому предложено быть осторожными и смотреть в оба. Иными словами, пистолет нельзя выпускать из рук ни на минуту».*

Уже 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: *«...Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Нам придется выделять несколько дивизий из состава действующей армии»* [40].

«Правила» борьбы с советскими партизанами были изложены в широко известных «10 заповедях немецкого солдата по борьбе с партизанами». Вот небольшие выдержки из этого документа:

«Мы, немцы, совершаем ошибку, думая, что если мы не наступаем или не обороняемся в прямом смысле этих слов, то и вообще не воюем. На самом деле война продолжается и тогда, когда мы выезжаем на поле за кормом для лошадей, жарим картофель себе и когда мы спим. Нельзя допускать того, чтобы русские, которые не могут с нами справиться в открытом бою, напали на нас врасплох благодаря нашей беспечности, недопустимой в военное время...»

Главный результат партизанской борьбы – беспокойство: страх, возможные слухи среди населения. Навредить нам партизаны могут лишь в том случае, если у нас будет недостаточное охранение, т. е. если мы сами представим им такую возможность.

Оружие иметь при себе! Всегда и всюду!»

Уже первые значительные удары партизан по тылам и коммуникациям 16-й вражеской армии всполошили ее командующего генерал-полковника Буша, который перед Второй мировой войной был начальником отдела генерального штаба сухопутных войск и слыл «специалистом по русским делам». Буш, видимо, раньше многих понял надвигающуюся на его войска опасность с другой стороны фронта.

19 июля он признал, что позднее признает и главное командование вермахта – целеустремленный характер действий партизан. «Необходимо считаться, – говорилось в приказе по 16-й армии, – с фактом планомерной подготовки противником партизанской войны». Приказ Буша гласил: *«Партизаны подлежат расстрелу. Если возникает подозрение, что население покровительствует партизанам, то необходимо взять заложников и при первом же нападении на германских солдат их расстрелять. Населенные пункты, со стороны которых совершено нападение на немецкие войска, должны немедленно подвергаться репрессиям».*

Обычно в работах, посвященных партизанскому движению в СССР, приводится приказ командующего 6-й немецкой армией генерал-полковника Рейхенау «О поведении войск на Востоке», изданный 10 октября 1941 г. Однако приказы Буша по своей жестокости и варварству ничем не

отличаются от приказа Рейхенау.

16 июля 1941 г. Гитлер заявил: *«Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять всех, кто восстал против нас».*

Одновременно усиливают борьбу с партизанами эйнзатцгруппы «А», тайная полевая полиция и другие карательные органы.

Вначале борьба советского народа на оккупированной врагом территории в немецких документах называлась как *«повстанческое движение»*, *«партизанское движение»*. Но с середины 1942 г. партизанские отряды стали квалифицироваться как *«банды»*, а партизаны *«бандитами»*. В августе 1942 г. была издана директива № 46, которая требовала, чтобы все военные инстанции подключались к борьбе против расширяющегося партизанского движения: *«Борьба с бандами подобно командованию на фронте против врага есть дело командования»*. Верховное командование Германии потребовало до начала зимы 1941/42 г. покончить с партизанами.

В начале августа 1941 г. командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Лееб вынужден был утвердить план, предусматривающий антипартизанские меры в масштабе всей группы армий.

Партизаны в тылу группы не давали покоя в прямом смысле этих слов даже высшему командованию противника. Западногерманский историк В. Герлиц в связи с этим замечает: *«В Ленинградской области партизанская деятельность была временами столь активной, что фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекращать свои поездки на фронт. Ограничивали поездки в войска командующие армиями, командиры корпусов и даже дивизий».*

Главное командование вермахта сообщало, что партизанское движение создает угрозу «руководству войной». Принимая меры для «ликвидации» этого факта, ставка Гитлера 16 сентября 1941 г. издала документ «О подавлении коммунистического повстанческого движения», в котором, в частности, говорилось: *«...Принимаемые меры с целью подавления этого движения сопротивления оказались неэффективными. Фюрер отдал распоряжение применять повсюду самые жестокие меры, чтобы в кратчайший срок подавить это движение. Только таким способом, который всегда с успехом применялся в истории завоевания власти великими народами, вновь может быть восстановлено спокойствие»* [41].

Начало

Как же формировалось партизанское движение? По указанию Ленинградского обкома ВКП(б) весь партийный актив во главе с секретарями райкомов партии остался на оккупированной территории. Уже летом 1941 г., т. е. в наиболее тяжелый период войны, удалось создать сеть нелегальных райкомов партии, возглавивших партизанское движение. Действия партизан подчинялись задачам, которые решала Красная Армия. Осенью 1941 г. был создан областной партизанский штаб с представительствами при Военных советах фронтов и армий на территории Ленинградской области.

Немецкие войска группы армий «Север» не имели в полосе Северо-Западного фронта такого превосходства в силах, какое было у них против советских войск, непосредственно обороняющих Ленинград. Враг не располагал здесь многочисленными гарнизонами в населенных пунктах, как в центральной и западной частях Ленинградской области. Поэтому здесь партизаны сравнительно легко могли выходить в советский тыл для пополнения своих рядов и получения боеприпасов. Здесь же оседало немало бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в окружении. Вливаясь в местные отряды, они значительно укрепляли партизанские силы. Огромные лесные массивы с незамерзающими болотами позволяли создавать в юго-восточных районах области крупные партизанские базы.

Основой первых вооруженных партизанских сил в Ленинградской области, как и в других областях, явились истребительные батальоны. Через день после начала войны Советское правительство приняло решение об их создании. Чрезвычайные военизированные подразделения предназначались для борьбы с воздушными десантами, диверсионными группами и агентурой противника, для охраны важных объектов, а также поддержания общественного порядка. Формирование батальонов первоначально возлагалось на местные органы Наркома госбезопасности, с объединением же в конце июля 1941 г. сил общественной и государственной безопасности в

единый Народный комиссариат внутренних дел СССР, к созданию истребительных батальонов активно подключилась милиция.

Батальоны находились на казарменном положении. Бойцы встали на все виды довольствия по нормам тыловых частей Красной Армии. В июле 1941 г. фронт подошел к Новгородчине. Советское командование было вынуждено бросать в бой все наличные резервы. В состав Красной Армии вошли истребительные батальоны Дрегельского, Хвойнинского и Уторгошского районов. Составить костяки партизанских отрядов удалось лишь из истребительных батальонов Маловишерского, Окуловского и Чудовского районов.

Во многих районах наряду с истребительными батальонами специально создавались партизанские отряды. В каждом районе создавался один-два, а иногда и несколько отрядов, численностью по 30–50 человек. В первую очередь подбирались командный состав – командир, комиссар отряда, командиры групп и отделений. Руководителями отрядов назначались секретари райкомов, председатели райисполкомов, работники партийного аппарата. Среди командного состава были также командиры-пограничники, возглавлявшие до оккупации истребительные батальоны.

В Поддорском районе уже через месяц после начала войны действовали два партизанских отряда: П.Н. Невского – И.А. Ступакова и К.М. Мирошниченко – Г.П. Ермакова общим числом до 120 партизан. В августе, объединив отряды, партизаны провели налет на гарнизон села Поддорье. Лишь немногим оккупантам удалось спастись. В сентябре состоялся второй налет. В результате полного разгрома немцы до марта 1942 г. и не пытались закрепиться в Поддорье. А район был очень важным: здесь проходила дорога Холм – Старая Русса. В октябре совершено нападение на колонну военнопленных. У деревни Погорелушка был полностью истреблен конвой (50 немцев), захвачено оружие и освобождены около 350 советских пленных.

В ночь с 25 на 26 июля группой партизан в количестве 25 человек Уторгошского отряда под командой заместителя начальника отряда Андреева в районе деревни Мелковичи произведен налет на отдельную автоколонну противника. Немцы боя не приняли, в панике разбежались и скрылись в лесу, побросав машины, мотоциклы и часть оружия. В результате этого налета партизаны уничтожили 3 грузовые автомашины и 6 мотоциклов. Взяли трофеи: 2 ручных пулемета, 3 винтовки, несколько десятков гранат. В одной из брошенных машин обнаружены боевые документы, которые отряд сдал части Красной Армии.

30 июля 1941 г. Солецкий отряд в количестве около 40 человек совершил в районе северо-западнее Сольцов налет на проходившую из глубины колонну пехоты. Пропустив разведку и охранение этой колонны, отряд внезапно, из засады, открыл из ручного пулемета и винтовок огонь. В результате колонна противника разбежалась по лесу, оставив на дороге убитых и раненых. По данным партизан, у противника уничтожено огнем не менее 120 человек.

27 июля партизаны Уторгошского отряда Кузьмин, Федотов и Ламов были посланы на усиление засланной разведки одной части. В районе села Мелколение, встретившись с разведкой противника, в перестрелке они убили мотоциклиста, мотоцикл захвачен. Затем эта объединенная разведка доставила ценные данные о расположении противника. Отряд приобрел свыше 20 комплектов разного немецкого обмундирования, в том числе и офицерского. Нередко днем партизанские разведчики выходили в немецком обмундировании для наблюдения за расположением войск в открытых местах [42].

В Дновском районе отряд под командованием В.И. Зиновьева разгромил конный взвод, затем в деревне Гачки, недалеко от железной дороги Дно – Старая Русса, внезапно напал на колонну вражеских автомашин, забросав ее гранатами, а спустя некоторое время совершил налет на вражеские подразделения, сделавшие привал около этой деревни.

Партизанским отрядам удастся не только наносить удары по отдельным подразделениям врага, но и задерживать перегруппировку и подтягивание к линии фронта новых соединений. Сводный отряд под командованием П.Н. Невского и И.А. Ступакова ночью 19 августа своими активными, внезапными действиями заставил 3-ю немецкую моторизованную дивизию, из 56-го моторизованного корпуса Манштейна повернуть на север. Там она попала в болотистые места, чем был сорван на значительное время марш дивизии. А шла она из-под Луги к Старой Руссе, где 34-я армия генерала Качанова нанесла контрудар.

По неполным данным, партизаны южнее озера Ильмень за полтора месяца после начала оккупации уничтожили 100 автомашин, 10 танков. Враг потерял только убитыми более 500 солдат и

офицеров [43] .

От отрядов к бригадам

Первые действия партизан показали, что руководить большим числом небольших отрядов, количество которых непрерывно росло, а тем более подчинять их действия интересам Красной Армии было сложно. Отряды воевали разрозненно, как правило, в пределах своих районов, не согласовывали свои действия с общим положением на фронте. У большинства отрядов средства связи отсутствовали.

Если малыми отрядами и группами можно было успешно вести разведку и диверсии, то бороться с крупными силами врага было очень трудно. Чтобы бить оккупантов по большому счету, нужны были партизанские соединения. И их время быстро пришло. Хорошо вооруженному врагу необходимо было противопоставить огневую мощь: вооружить партизан автоматами, пулеметами, противотанковыми ружьями, а по возможности и легкой полевой артиллерией.

Уже 28 июля 1941 г. Военный совет фронта подчеркнул необходимость создания бригад, а через несколько дней утвердил план их формирования. Одновременно было принято решение об обеспечении партизан оружием, боеприпасами, снаряжением и пополнении партизанских частей кадровыми военными, уже имевшими опыт партизанской борьбы.

В августе в районах южнее озера Ильмень начали формироваться партизанские бригады. Что же они из себя представляли? В каждую входило от двух до пяти отрядов. Командир и комиссар бригады одновременно возглавляли один из отрядов. Назначался начальник штаба, организовывались две ячейки – по снабжению и медицинскому обслуживанию. Каждая бригада получала свой номер, а иногда и наименование – по основному району, где она формировалась.

Каждый партизан принимал присягу. В ее основу была положена присяга, принятая в Красной Армии.

В 1-ю Новгородскую партизанскую бригаду вошли три городских и новгородских отряда и два отряда, сформированные в сельской местности – всего 275 человек. В первых числах октября в бригаду была направлена переносная радиостанция.

Тогда же начала формироваться 2-я партизанская бригада, которая вскоре станет ведущей силой в партизанском движении Ленинградской области. Ее основу составили Порховский и Дновский партизанские отряды (около 100 человек), вышедшие в советский тыл. Командиром бригады был назначен Н.Г. Васильев, старший политрук, начальник новгородского Дома Красной Армии. Он был родом из здешних мест. В годы коллективизации он был избачом в деревне Русские Новики на Валдайщине. Не миновал деревенского активиста кулацкий топор. Но выжил. В 1929 г. призван в Красную Армию. Был пулеметчиком, младшим командиром, возглавлял комсомольскую организацию полка, работал инструктором политотдела, редактировал дивизионную газету.

Начальником штаба бригады стал помощник Васильева по Дому Красной Армии лейтенант А.С. Афанасьев. Комиссаром бригады был назначен член Ленинградского обкома, первый секретарь Порховского райкома партии С.А. Орлов, который хорошо знал места, где предстояло действовать бригаде.

Партизанский край (штрихом обозначена линия оборонительных сооружений; пунктирная линия обозначает район наиболее активных действий партизан)

Перед бригадой была поставлена задача – выйти в тыл врага в район озера Полисто и объединить партизанские отряды Дедовичского, Белебелковского и примыкавших к ним районов. В начале августа бригада прибыла в деревню Вязовка на восточном берегу реки Полисти. Эта деревня стала базой бригады. Развернув бои вначале в Белебелковском районе, партизаны бригады затем расширили сферу своих действий и стали проводить боевые операции в соседнем Дедовичском районе близ железных дорог Дновского узла, в Волотовском районе с охватом шоссейной дороги Чихачево – Старая Русса и в Ашевском районе, который входил в Калининскую область. Бой за бой партизаны выбивали оккупантов из занятых ими деревень и сел. Противник был вынужден перебираться в города или крупные населенные пункты под защиту более сильных гарнизонов. В освобожденных деревнях партизаны восстанавливали советские порядки. Проведя более 30 боев, партизаны 2-й бригады освободили значительную территорию. Обширный район между рекой Ловатью и железнодорожной линией Дно – Локня в тылу 16-й армии противника был полностью

занят партизанами. Простираясь с севера на юг на 120 км, а с запада на восток на 80 км, он занимал площадь около 9600 квадратных километров [44] .

Появление обширного освобожденного района в тылу группировки армий «Север», который стал называться Партизанским краем, было неожиданностью для врага.

К концу августа во 2-ю бригаду вошли отряд Дедовичского района, сводный отряд Поддорского и Белебелковского районов, Сошихинский и Славковичский отряды и отряд имени комиссара И.В. Красавина. В бригаде стало уже свыше 600 партизан. Из военнослужащих, оказавшихся в окружении (около 400 человек), были сформированы отряды «Боевой» и «Храбрый» – наиболее подготовленные в военном отношении. Уже в сентябре бригада состояла из 10 отрядов, насчитывающих около 1000 человек.

Вначале партизанам не хватало оружия и патронов. С помощью местных жителей был обнаружен тщательно замаскированный склад боеприпасов, оставленный при отступлении советскими войсками. На складе находилось 350 тысяч патронов и 700 снарядов для 45 и 76-миллиметровых орудий. Снаряды могли быть использованы и для минирования. Для перевозки всех боеприпасов в лагерь из окрестных деревень подошло около 50 подвод.

Взорванный железнодорожный мост через реку Полометь

3-я Залучская партизанская бригада создана в августе из трех районных отрядов – Залучского, Поддорского и Молвотицкого. В ее рядах насчитывалось свыше 200 человек. Почти одновременно создается 4-я Старорусская бригада, командиром стал А.П. Лучин. В сентябре возникает еще несколько бригад. В начале октября в полосе Северо-Западного фронта имелось 8 бригад, объединяющих 68 отрядов общей численностью 6515 бойцов. В ноябре организуется еще одна бригада – 9-я, в которую вошли отряды Мошенского и Пестовского районов.

С 15 июля по 15 октября партизанами в полосе фронта уничтожено 3760 солдат и офицеров противника, выведено из строя 176 грузовых автомашин, из них 30 автомашин с боеприпасами, 20 – с горючим, уничтожено больше 19 автоцистерн с горючим, 11 танков, 18 легковых машин, 107 мотоциклов, пущено под откос 19 воинских эшелонов, взорвано 5 железнодорожных и 234 шоссежных мостов [45] .

Для выполнения специальных задач, главным образом разведки, были созданы еще две бригады – 1-я Особая и 2-я Особая. Обе эти бригады имели больше военнослужащих, лучше вооружены и обеспечены радиосвязью. Вначале 1-я Особая была подчинена 11-й армии, которая

придала ее 180-й стрелковой дивизии, а та, в свою очередь, отвела ей участок обороны. Вместо партизанской борьбы они занимали оборону, вели наступление как регулярные подразделения. Имея слабое вооружение и недостаточный опыт ведения боя, партизаны несли большие потери. Вскоре эта практика была ликвидирована.

1-я Особая бригада объединяла отряды Лычковского, Демянского, Крестецкого, Мстинского и Полавского районов – всего 500 человек. Она базировалась в советском тылу – в Крестецком и Полавском районах, и отсюда ее отряды совершали налеты на ближайшие тылы врага. Командовал бригадой майор А. Никифоров.

2-я Особая бригада насчитывала 386 человек, ее командиром был кадровый военный майор А.М. Литвиненко. Один из отрядов полностью состоял из военнослужащих.

К концу осени 1941 г. в полосе Северо-Западного фронта было сформировано 12 бригад, из которых половина действовала в тылу врага: 1-я Новгородская (непродолжительное время), 2-я и 3-я Залучские, 4-я Старорусская, 1-я и 2-я Особые. Остальные являлись резервом, и их личный состав шел на пополнение действующих бригад.

Надо отметить, что в последующем бригады стали создаваться и в других областях и республиках, оказавшихся в гитлеровской оккупации. Были попытки создать более крупные формирования – дивизии и даже корпуса. Однако подобные объединения оказались малоподвижными и трудно управляемыми. Поэтому они все были расформированы.

Связь с отрядами являлась самым слабым местом. Связь только живая. Радиосредств нет. В условиях большой отдаленности отрядов в тылу противника (до 300 км) живая связь ни в какой степени не обеспечивала руководства отрядами. В конце октября был создан радиоузел для руководства партизанскими силами в полосе фронта. Постепенно в бригады начали поступать радиостанции.

По решению Военного совета фронта летчики авиационного полка гражданского воздушного флота стали делать вылеты в интересах партизан. Это был 3-й отдельный авиаполк рижского управления ГВФ, переданный с началом войны в распоряжение штаба фронта. В основном он состоял из машин У-2.

Мирное население немцы гоняли по кругу, из деревни в деревню. Зима 1941–1942 г.

В ночь на 4 ноября, захватив радиостанцию и первые ордена и медали, которыми командующий войсками фронта от имени Президиума Верховного Совета СССР награждал большую группу партизан, в Партизанский край вылетел А.А. Тужиков – заместитель начальника партизанского отдела Политуправления фронта. Самолет вел опытный летчик А. Тимлер, который благополучно совершил посадку на поле недалеко от деревни Глотова, Дедовичского района, ставшем основным партизанским аэродромом [46]. «Авиатрасса» между Большой землей и Партизанским краем стала действовать регулярно. Появились новые возможности надежной связи с командованием фронта. Самолеты доставляли оружие, боеприпасы, медикаменты, газеты и многое другое. Теперь партизаны могли послать письмо, получить ответную весточку. Летчики вывозили из тыла противника тяжело раненных. Они очень выручали партизан во время карательных экспедиций, нанося бомбовые удары по скоплениям войск врага, сообщая маршруты движения его подразделений.

Командир 3-го отдельного авиаполка П.С. Рассказов писал в Ленинградский обком партии: *«До этого ни на каком другом фронте и ни в какую временно оккупированную гитлеровцами область полеты с посадкой у партизан не практиковались»* [47].

В тылу 10-го армейского корпуса 16-й немецкой армии активно действовали партизаны 4-й Старорусской бригады. Во время переброски дивизии СС «Мертвая голова» к Старой Руссе партизаны не только разрушали мосты, но и нападали на немецких саперов, пытавшихся их восстанавливать.

Буш приказал коменданту 584-го армейского тылового района генералу Шпейману лично возглавлять операцию против партизан в районе Старой Руссы. Для этого были привлечены несколько охранных батальонов и подразделений 10-го корпуса, но им не удалось уничтожить старорусские отряды, партизаны, как правило, уходили из-под ударов.

9 октября отряд полавских партизан под руководством Г.П. Петрова, входивший в состав 1-й Особой бригады, совершил налет на пункт связи 10-го корпуса в деревне Свиной. Получив от подпольной группы И.И. Ширкина подробные сведения об охране пункта связи, партизаны забросали его гранатами. Была нарушена связь штаба корпуса с дивизиями и уничтожено подразделение, обслуживающее этот пункт, а также находящиеся здесь автомашины.

Отдельный партизанский отряд под командованием В.Б. Савченко из 6-го Ленинградского партизанского полка насчитывал 240 человек. В ночь с 5 на 6 ноября 1941 г. с помощью полавских партизан отряд проник через линию фронта в тыл моторизированной дивизии СС «Мертвая голова». Перед ним стояла задача – совершить нападение на штабные подразделения в деревне Дедно Лычковского района. Гарнизон насчитывал около 600 солдат и офицеров. Заминировав идущие на Дедно дороги, партизаны ночью внезапно совершили нападение. Почти одновременно партизаны этого отряда совершили налет на два соседних села, Соловьево и Вязовку, где находился лагерь военнопленных. В итоге было убито более 250 вражеских солдат и офицеров, взорвано два склада с боеприпасами, уничтожено 17 автомашин и обоз с продовольствием. Кроме того, освобождены из плена 420 красноармейцев.

Немцы забили тревогу. Командование 16-й армии принимает все новые меры против партизан. Создаются «дозорные отряды» для предупреждения о возможном нападении партизан. В район Молвотиц направляется 1-й кавалерийский полк СС, проявляющий особую жестокость к населению. Командующий 1-м воздушным флотом генерал Кортен бросает против партизан самолеты. 3 ноября по приказу Буша из прифронтовой полосы выселяется все гражданское население. Впереди зима, но судьбы жителей меньше всего волнуют немцев.

И все же партизаны держат инициативу. 10 ноября было совершено нападение на колонну артиллерийской части, следовавшей к фронту. Нанеся врагу потери, партизаны ушли в лес.

Партизанский край

Особенно успешно действует 2-я партизанская бригада. Район ее действий охватывает неправильный четырехугольник, ограниченный железными дорогами Дно – Старая Русса, Дно – Бежаницы и шоссейными дорогами Холм – Бежаницы, Старая Русса – Холм. Из этого района можно было воздействовать на вражеские коммуникации. Удобен он был и для базирования: здесь

находились крупные Серболовские, Полистовские и Рдейские леса, большие, до 60 км в диаметре, лесные торфяные болота. На территории Партизанского края до войны было 30 сельсоветов и 170 колхозов. В освобожденных районах находилось 400 деревень, в них были восстановлены колхозы, которые стали выполнять государственные поставки. Это позволило успешно решить проблему питания партизан. Каждый получал в день 200 граммов мяса, два раза в неделю по 150 граммов меда, а хлеб не нормировался.

В каждом районе были созданы так называемые организационные тройки, в которые, как правило, входили секретари или члены райкомов партии, работники райисполкомов. Эти тройки стали своеобразными органами Советской власти.

Принимались меры к открытию школ. Всего в крае начали работу 53 школы. Учителя получали из «госфонда» по 12 килограммов муки в месяц на себя и по 6 килограммов на иждивенца, а также мясо, сало, крупу, мед и другие продукты.

Работали в крае сельские библиотеки, медицинские и ветеринарные пункты. К концу 1941 г. туда была доставлена кинопередвижка.

Жители деревень собирали винтовки, автоматы, гранаты, ручные пулеметы и патроны. Все собранное они передавали партизанам. В населенных пунктах жители проделали большую работу, помогая партизанам подготовиться к зимним боям. Вязали перчатки, варежки, катали валенки, шили полушубки, ремонтировали сани и дровни. Колхозные кузнецы изготавливали «ежи» для установки на дорогах, по которым проходил вражеский транспорт.

За первые 6 месяцев войны партизаны в полосе Северо-Западного фронта (по далеко не полным данным) уничтожили свыше 700 автомашин, 275 мотоциклов, 100 подвод с боеприпасами и продовольствием, 80 мостов. Только убитыми противник потерял более 7000 человек.

Против партизан были брошены все части 281-й охранной дивизии, 10 охранных и полицейских батальонов, а всего не менее 30 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, периодически привлекались отдельные части и подразделения полевых дивизий из состава 10-го и 2-го корпусов [48].

Случилось то, на что не рассчитывало командование вермахта. По предложению фельдмаршала Лееба, одобренному генеральным штабом сухопутных войск, руководство борьбой против партизан возлагалось на штаб 16-й армии, т. е. непосредственно на вермахт.

14 ноября 1941 г. Военный совет принял постановление о создании специального партизанского отдела, подчиняющегося непосредственно Военному совету. Теперь отдел имел не только обязанности, но и права. Он мог получать со складов фронта оружие, боеприпасы, медикаменты, снаряжение, различное другое имущество и направлять все партизанам.

Большим успехом явилось проникновение партизан в города и крупные населенные пункты, почти в каждом из них они имели своих людей, посылали туда разведчиков. Взаимодействие с подпольем позволяло добывать разведывательные данные, вести работу среди населения. Чувствуя близость и поддержку партизан, население примыкавших к Партизанскому краю районов саботировало распоряжение оккупантов. Староста деревни Хлебородово Дедовичского района выгрузил колхозный хлеб из амбаров и раздал его колхозникам. Амбары сжег, а потом заявил немцам, что хлеб полностью сгорел.

Саботаж охватывал и города. В Дновском депо немцы пытались наладить ремонт паровозов. Однако рабочие делали все, чтобы не выполнять приказы оккупантов. В пути паровозы останавливались, в бункерах оказывались песок, железная стружка. Дышло в депо крепилось так, что через несколько километров выходило из строя.

Участились удары партизан по железнодорожным коммуникациям. При отсутствии взрывчатки выплавляли тол из найденных снарядов, а иногда просто развинчивали стыки рельсов. Особенно много диверсий и ударов пришлось на участок Витебской дороги. Так, 2 октября партизанами бригады Васильева выведен из строя крупный эшелон на участке Дно – Новосокольники, прервав на длительное время движение. Эффективность партизанских ударов вынужден был признать Ф. Гальдер. 3 октября в своем дневнике он сделал запись: *«Переброска испанской дивизии и 227-й пехотной дивизии несколько затягивается вследствие разрушений на железной дороге (действия партизан)»*. И далее он отмечает: *«Прибытие новых сил вызывает у командования группы колебания в отношении плана наступления»*.

Враг принимал чрезвычайные меры для охраны участка от Старой Руссы через Дно на Псков и

далее на Остров и Резекне, по которому шло обеспечение 16-й армии. В районах действий партизан на путях закрытого профиля – один часовой на 10 м, а открытого профиля – один часовой на 20 м. Все станции имели гарнизоны не менее роты. Местность вокруг них в радиусе 250–300 м была подготовлена к обороне. Но это не спасало оккупантов.

После тщательной подготовки 20 октября отряды 2-й бригады разгромили станцию Судома в районе Дедовичей. Гитлеровцы потеряли 80 человек убитыми и ранеными. На несколько дней станция Судома была выведена из строя: *«Потерь в этом бою, – сообщал комиссар бригады С.А. Орлов, – партизаны не имели»*. При нападении партизан на станцию Плотовец 30 октября было уничтожено более 100 гитлеровцев, взорван железнодорожный мост и склад боеприпасов. Вновь несколько дней участок железной дороги не работал.

Совершались нападения и на прифронтовой участок железной дороги Старая Русса – Парфино – Пола – Лычково. Здесь действовали старорусские и полавские партизаны. *«В октябре в районе Старой Руссы, – констатирует штаб 10-го армейского корпуса, – снова появились партизаны и подрывные группы, которые минировали шоссе и железнодорожные пути»*. Трижды взрывали старорусцы пути между Старой Руссой и станцией Парфино. В начале ноября полавские партизаны пустили под откос вражеский эшелон вблизи станции Беглово. Через несколько дней полавские партизаны совершили налет уже на саму станцию Беглово, где в это время находился воинский состав.

Штурм Холма

Кроме активных действий на коммуникациях, части 2-й бригады содействовали проведению Торопецко-Холмской операции левым крылом фронта. Вот что пишет А.Н. Асмолов – начальник партизанского отдела политуправлению фронта о разговоре с Ватутиным:

«Мое внимание привлекла одна из красных стрел, направленных на город Холм.

– А когда наши войска должны взять Холм?

– В ближайшие дни, – отозвался Ватутин.

– Вот там, примерно в 70 километрах северо-западнее города, сосредоточены наиболее крупные партизанские силы – не менее полутора тысяч человек, в основном из 2-й бригады. Там сейчас как раз находятся Тужиков, Васильев и Орлов.

Ватутин обрадовался:

– Садитесь, товарищ Асмолов, и пишите приказ вашим партизанам о нападении на город Холм. Взять его мы намечаем 20 января.

Тут же, в присутствии Ватутина, я составил радиogramму Тужикову, Васильеву и Орлову, где предложил в ночь с 19 на 20 января совершить нападение на Холм, который в это время будут атаковать передовые части Красной Армии.

Прочитав радиogramму, Ватутин задумался и сказал:

– В ночь на двадцатое, пожалуй, будет поздно.

И собственноручно внес исправление: вместо «с 19 на 20 января» написал «с 17 на 18 января и расписался». Это решение было одобрено Ставкой Верховного Главнокомандования [49].

Получив приказ о захвате города вместе с наступающими частями Красной Армии, командование бригады провело тщательную разведку. Было установлено, что гарнизон города насчитывает 1300 солдат и офицеров. Вокруг – широкая сеть дотов и дзотов, обширные минные поля и проволочные заграждения. Враг мог рассчитывать на поддержку гарнизонов соседних населенных пунктов. Были выявлены и уязвимые места. Имелась возможность перерезать дороги, по которым к противнику могло подойти подкрепление. На стороне партизан была внезапность.

Для помощи в бригаду было сброшено с самолетов более 4 тонн оружия и боеприпасов. Ранним утром 15 января восемь отрядов, в которых находилось более 1000 партизан, тремя колоннами двинулись к Холму. Надо было преодолеть 80 км. Только одна колонна на санях двигалась по дороге. В двух других лошади тащили сани по глубокому снегу. Через 15–20 км делали привалы, главным образом, чтобы накормить лошадей.

18 января к 4 часам утра все были готовы к атаке, по общему сигналу нанесли концентрированный удар на узких участках. Сводная группа отрядов под командованием начальника штаба бригады В.А. Головая ворвалась на окраины города со стороны Старорусского шоссе [50].

Бой шел за каждый квартал, за каждый дом. К 12 часам дня партизанское кольцо сомкнулось вокруг большого каменного собора и здания тюрьмы. Укрывшись за толстыми каменными стенами, гитлеровцы яростно отстреливались. Настойчивые атаки партизан со стрелковым оружием не дали результата.

Из соседних гарнизонов пробивались подкрепления. В районе деревни Сопки на заслон из 80 партизан наседали два батальона 396-го полка 218-й пехотной дивизии. Крупные силы подходили и из других направлений. Партизаны испытывали острый недостаток в боеприпасах. Поэтому было принято решение об отходе. Минируя дороги, партизаны сумели оторваться от преследования. Во время боя в городе погиб командир отряда Василий Иванович Зиновьев.

Вот как вспоминает участник того боя с противной стороны: «...немецких убитых уже убрали. Среди них был сам Комендант Холмской гарнизонной комендатуры. С намерением исследовать тактику партизан в этой операции мы обошли окраину города, насколько это было возможно. Стало ясно, что партизаны приближались по точно известному маршруту. Мы сделали вывод, что организованность у партизан была умной и компетентной. Основная часть нападавших продвигалась к командному пункту вдоль главной дороги на запряженных в сани лошадей. На санях были установлены «максимы».

Затем партизаны украдкой двигались огородами параллельно центральной улицы. Особая группа прокралась другим путем с задачей снять часовых по ходу основных сил. У нас создалось впечатление, что они имели необыкновенно точную информацию о расположении немецких частей в городе.

Мы прошли мимо нескольких часовых, убитых ударом штыка в спину. Других вытащили из нор скрюченных, полубомороженных, испуганных, но еще живых. Это были старые солдаты, служившие обычно в тылу, их главная функция – снабжение частей всем необходимым. При опасности они старались прятаться в укромном месте.

Было понятно, что эти старые люди проигнорировали сигнал тревоги и предпочли спрятаться в укрытии. Поэтому партизаны смогли пройти незамеченными на КП и открыть по нему огонь из всего имеющегося оружия.

Один из часовых рассказал, как он увидел медленно движущуюся в тумане колонну людей, а через несколько метров двигались сани с пулеметом. Они спокойно скользили мимо. Посты с часовыми были окружены людьми в белых полушубках. Быстро пораскинув мозгами и взвесив свои шансы выжить, он спрятался с головой в какую-то нору, где просидел в течение всего боя. Он даже слышал стоны раненых партизан и весь их отход. Когда, наконец, он вылез из укрытия, испуганный, полусумасшедший, то обнаружил, что воздух вокруг него пропитан ужасной вонью и понял, что в спешке залез в выгребную яму уборной» [51] .

Перевозки, в основном на лошадях

Не получился совместный удар партизан и 33-й стрелковой дивизии. У штабов советских войск не было опыта во взаимодействии с партизанами. Позже командир 2-й бригады Н.Г. Васильев писал: *«Нам дали несколько телеграмм взять Холм 16–17 января и предложили связаться с командиром 33-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии полковником Макарьевым, но откуда он идет и где находится, не было указано даже ориентировочно. Запрашивали по радио, но ответа не получили. Между тем дивизия была в 20 километрах, но не знала, где мы. Самому полковнику Макарьеву не было известно о нашей задаче»*. Дивизия Макарьева лишь к 20 января вышла к Холму, но выбить противника из города не смогла. Вот какова цена исправления текста телеграммы генералом Ватутиным.

После этого партизанского налета вражеское командование приняло срочные меры по укреплению всех городов и крупных населенных пунктов в полосе Северо-Западного фронта, пополнив их гарнизоны. Силы врага на фронте были ослаблены.

Нарастающие удары партизан по коммуникациям вынудило командование 16-й армии заявить 10 февраля штабу группы армий «Север»: *«Если не удастся пресечь действия партизан в тылу и восстановить контроль на «северном шоссе», то все дивизии придется снабжать по воздуху»*. Ф. Гальдер 10 февраля 1942 г. записал в свой дневник: *«Придется организовать переброску снаряжения 16-й армии воздушным путем»*.

Командование 2-й бригады, ведя бои, не оставалось в стороне от помощи осажденному Ленинграду. В феврале 1942 г. оно обратилось с призывом к населению Партизанского края послать туда обоз с продовольствием. В деревне Нивки вскоре было собрано более трех тысяч пудов продовольствия. 5 марта начал свой путь обоз, разделенный на 7 групп. Опасаясь немецкой авиаразведки, двигались только ночью. 15 марта обоз подошел к линии фронта и до вечера укрывался в лесу. Копыта лошадей были обернуты в тряпье, а морды лошадей замотаны мешковиной. Ночью по сигналу ракеты отряды быстро оттеснили оборонявшийся немецкий батальон и образовали свободный коридор шириной в полтора километра. В него и устремился обоз. Почти всю ночь сохранялся коридор, по нему без потерь прошел весь обоз. Атаки противника были все отбиты. За линией фронта все продовольствие было перегружено на автомобили [52].

В феврале 1942 г. командование фронта приказало 2-й бригаде нанести удар по станции Дедовичи, где находилась одна из головных баз снабжения 16-й армии. Районный центр и станцию Дедовичи враг превратил в хорошо укрепленные опорные пункты с гарнизоном около 800 солдат и офицеров. Гарнизоны соседних деревень были готовы прийти на помощь. Вокруг Дедовичей простиралась почти безлесная равнина. Дедовичи были опоясаны валом из снега, облитым водой, построены блиндажи из бревен.

К операции привлекались 7 партизанских отрядов, около 1000 человек. К трем часам ночи 22 февраля они скрытно заняли исходные рубежи, были перерезаны телефонная и телеграфная связь. В половине пятого два отряда без выстрелов внезапно ворвались на северо-западную окраину поселка. Завязался ожесточенный бой. В это время основные силы партизан заняли юго-восточную окраину, а диверсионный отряд, перебив охрану, взорвал железнодорожный мост через Шелонь. Чтобы не допустить бронепоезд, севернее и южнее Дедовичей взорвали рельсы, разрушили станцию и взорвали склад боеприпасов. Важный для врага участок железной дороги на несколько дней был выведен из строя. Возвращаясь в Партизанский край, в районе Яски в бою уничтожили 50 карателей.

Теперь гитлеровцами занялась 5-я бригада. К исходу 22 февраля разведка установила, что отогнанный от Ясок карательный отряд остановился на ночлег в селе Тюриково. Бойцы из входившего в бригаду отряда «Боевой» блестяще справились с задачей. Тюриковская операция продолжалась всего полтора часа. Более 200 карателей было убито, а около 50 сдались в плен. Богатыми оказались трофеи: 131 винтовка, десятки автоматов, 7 ручных пулеметов, 4 радиостанции, 16 тысяч патронов, 68 санных подвод с продовольствием.

Бои с карателями

Из Партизанского края была постоянная угроза всем коммуникациям 16-й армии, особенно железнодорожным линиям Дно – Старая Русса и Дно – Новосокольники, а также шоссе Дно – Старая Русса и рокадной дороге Старая Русса – Холм. Шоссейная дорога от станции Чихачево к Старой

Руссе также проходила через северо-западную часть края.

Первую попытку ликвидировать Партизанский край гитлеровцы предприняли в конце ноября – начале декабря 1941 г. Разработкой операции занимался штаб 16-й армии. Возглавлять карательную операцию было поручено коменданту 584-го армейского тылового района генералу Шпейману.

4000 солдат и офицеров с приданными самолетами, артиллерией, бронемашинами, танками начали наступление с четырех сторон. В это время основные силы бригады под командованием Н.Г. Васильева были за пределами края, направляясь в Локнянский район Калининской области. Каратели в численности превосходили оставшихся партизан в 10 раз. Решили не принимать фронтальных боев. Партизаны снялись с баз в деревнях и ушли на свои лесные базы. Вскоре вернулся отряд Васильева, но в открытый бой не стали вступать, слишком было велико превосходство врага.

В эти дни подвиг Ивана Сусанина повторил 70-летний житель деревни Мухарево Дедовичского района М. Семенов. Согласившись быть проводником карателей, он завел их в непроходимое болото. Каратели жгли деревни, больницы, школы, расстреляли 116 партизан. Шпейман поторопился доложить, что с партизанами покончено. Во всех крупных населенных пунктах немцы оставили гарнизоны. К середине декабря все эти гарнизоны были уничтожены, и партизаны полностью восстановили свой контроль над краем.

С конца апреля 1942 г. от партизан стали поступать радиодонесения о том, что противник подтягивает к границам Партизанского края как специальные части и подразделения СС, так и полевые войска, снятые с фронта. Все говорило о том, что против партизан готовится крупная карательная экспедиция.

Военный совет фронта стремился всячески укрепить партизанские силы. В край были переброшены еще три бригады численностью свыше 1300 человек. По решению ЦК Компартии Латвии в Партизанский край ушли отряды партийно-советского актива Латвийской ССР и воинов-добровольцев 201-й латышской стрелковой дивизии общим числом 230 человек. К началу мая 1942 г. общее число партизан составило почти 4000 человек [53].

Пользуясь разрывами в линии фронта, в край смогли пойти несколько колонн автомашин с боеприпасами и взрывчаткой. По указанию Военного совета 3-й отдельный авиаполк перебросил партизанам 20 тонн боеприпасов и оружия, в том числе и противотанковые ружья. Партизаны все больше и больше закапывались в землю, постепенно на границе края была создана линия обороны с огневыми точками, блиндажами, ходами сообщений.

В помощь была привлечена бомбардировочная эскадрилья 3-го отдельного авиаполка. На схеме, переданной летчикам, партизаны обозначили позиции вражеских войск, которые наступали со стороны деревень Крутец и Хлебородово. В первом налете участвовали 12 самолетов во главе с одним из лучших летчиков полка Богдановым. При помощи сигнальных ракет партизаны указывали цели. Было совершено 85 боевых вылетов, уничтожено около 300 гитлеровцев, 7 танков и бронемашин.

Противнику ценой усилий удалось потеснить партизан и захватить дорогу Чихачево – Старая Русса. Но свободно пользоваться ею они не могли: партизаны минировали дорогу, устраивали засады, нападали на колонны. Всего в мае партизаны края провели около 100 боев, уничтожив свыше 2000 солдат и офицеров противника, 16 танков и 2 бронемашины.

В начале июня крупные бои развернулись на всех пограничных участках края. Началась новая, третья карательная экспедиция противника. Немцы ввели в бой снятые с фронта полевые войска, в том числе танковые – 25 танков и бронемашин [54]. Каратели были оснащены артиллерией и минометами, использовалась авиация. В ночь перед наступлением вражеской группировки партизаны снялись с рубежей первой линии и скрытно сосредоточились на флангах готовых к наступлению частей противника. Была создана маневренная противотанковая группа.

После длительной артиллерийской подготовки каратели начали продвигаться в глубь партизанской обороны и попали под фланговые удары партизан. Враг был ошеломлен, бросая оружие и раненых, каратели стали поспешно отходить. Часть танков была подбита, остальные повернули обратно. Бои на границах края продолжались до середины июня. Вскоре силы гитлеровцев иссякли, и враг перешел к обороне.

Главная задача оккупантов на 1942 год

Уничтожение Партизанского края было главной заботой командования группы армий «Север». 3 июля из Берлина пришло указание: *«Кроме операции по очищению от партизан местности западнее шоссе Старая Русса – Холм, никаких особых боевых действий».*

В ходе майских и июньских боев было уничтожено свыше 2500 гитлеровцев, не считая раненых и взятых в плен, подбито 20 вражеских танков, 2 бронемашины, 8 автомашин с боеприпасами и горючим. Партизаны захватили четыре танка, из них один тяжелый, много снарядов и патронов. Кроме того, в это время подрывники пустили под откос бронепоезд и пять воинских эшелонов с живой силой и техникой.

В июле широко развернулось движение «охотников», которые поодиночке, а иногда вдвоем или втроем выходили на дороги, выслеживали гитлеровцев возле гарнизонов и уничтожали их. Используя ночь или плохую погоду, «охотники» пробирались в самое логово врага, забрасывали помещения гранатами, поджигали штабы.

В июле 1942 г. в Партизанский край вернулись 1-я и 4-я бригады, которым не удалось развернуть боевые действия в новом районе базирования. Была переброшена в край и вновь созданная 3-я бригада под командованием А.В. Германа. Бывшая 3-я бригада к лету оказалась на освобожденной территории и была расформирована. Начав боевые действия в конце июля 1942 г., 3-я партизанская бригада вскоре стала одним из самых сильных и боевых соединений. До сентября 1943 г. водил Александр Викторович Герман в боевые походы свою бригаду. Вражеская пуля оборвала его жизнь. Посмертно А.В. Герману было присвоено звание Героя Советского Союза.

Почти полтора месяца ушло на то, чтобы немцы смогли заменить потрепанные партизанами части более боеспособными. На этот раз к карательным акциям привлекались 218-я пехотная дивизия, 4-й заградительный полк СС, 16-й карательный отряд, специальное бронетанковое подразделение 3-АА, различные части и подразделения, стянутые от Старой Руссы, Пскова, Дно, Великих Лук, Холма, а также части 8-й танковой дивизии, введенные в бой позднее. По сути, враг двинул против партизан почти весь 3-й армейский корпус.

Буш отдал приказ в течение недели уничтожить Партизанский край. Немцы на этот раз главные силы сосредоточили на северной и северо-восточной границе края. Имея более чем пятикратное превосходство в живой силе, утром 8 августа каратели провели интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку. Вскоре в окопах переднего края завязалась рукопашная схватка с пьяными гитлеровцами. Несколько атак партизаны отразили. После ввода в бой танков карателям удалось потеснить партизан и овладеть несколькими деревнями. Правда, гитлеровцы переправились через реку Полисть, но дальше партизаны их не пустили. На других направлениях враг активных действий не вел.

9 августа, получив подкрепление, гитлеровцы развили свой успех. В первой половине августа генеральный штаб вермахта дал согласие на ввод в бой 8-й танковой дивизии, дислоцированной около Холма в районе озера Цевло. 15 августа части этой дивизии начали наступление на Партизанский край с юго-запада. А 16 августа противнику удалось захватить новый плацдарм на реке Полисть и переправить через нее танки. Партизаны отошли в центр края к Вязовке. Теперь здесь разгорелись наиболее ожесточенные бои. Вязовка и другие деревни по несколько раз переходили из рук в руки.

По указанию Военного совета фронта по воздуху было доставлено 500 тысяч патронов, но их хватило лишь на три дня. Даже в условиях подавляющего превосходства противника командир 3-й бригады А.В. Герман применял смелую практику маневрирования, нападал на врага с флангов и тыла. В одном из донесений он сообщал: *«Иду на риск. Снимаю всех с обороны. Наступаю».* 20 августа Герман радиogramмой донес в оперативную группу: *«Бригада дерется с 9 августа ежедневно. В боях убито солдат и офицеров 570. Подбито танков – 5, из них 1 сожжен. Уничтожено 11 пулеметных точек. По документам убитых выявлено: дерется против нас 4-й заградительный полк и бронетанковая часть».*

Бои шли весь август. После захвата врагом аэродромов положение сильно усложнилось. Воздушная блокада делала почти невозможной доставку боеприпасов на парашютах. Нередко партизаны были вынуждены драться врукопашную. За три недели августа каратели потеряли около 3000 солдат и офицеров, 14 танков. Противник продолжал наращивать силы, 3 сентября из Старой

Руссы на 300 автомашинах подброшены новые подкрепления. В руках партизан оставался небольшой участок – треугольник, образованный деревнями Сусельница, Новая Слобода и Татинец.

В этих условиях Военный совет принял решение ускорить выход 1, 3 и 4-й бригад в новые районы, завершив эту операцию к 20 сентября 1942 г. Эти бригады и несколько полков бригады Н.Г. Васильева смогли уйти на запад в новые районы базирования.

Другая часть 2-й бригады, выдержавшая основную тяжесть борьбы, прорвалась через линию фронта на восток.

После переформирования она в конце ноября перешла линию фронта и направилась к прежнему месту действий, в Серболовский лес. Бригада насчитывала 300 бойцов, имела 3 радиостанции, половина личного состава была вооружена автоматами. Враг немедленно послал против бригады карателей. Учитывая многократное превосходство противника, Н.Г. Васильев вывел бригаду из Дедовичского района в Новоржевский. Васильев болел давно, но преодолевал себя и руководил бригадой. Болезнь быстро прогрессировала. 11 декабря Васильев был вывезен в Валдай. 26 марта 1943 г. Николай Григорьевич умер от скоротечного туберкулеза легких. Похоронили его в родном Валдае на центральной площади. Посмертно Н.Г. Васильеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как свидетельствуют документы, партизаны в полосе Северо-Западного фронта с начала июля 1941 г. по 1 октября 1942 г. уничтожили более 26 тысяч вражеских солдат и офицеров, пустили под откос 150 воинских эшелонов и 2 бронепоезда, подбили и уничтожили 59 танков, 25 самолетов, более 800 грузовых и легковых автомашин, взорвали 158 шоссе и железнодорожных мостов. Партизаны разгромили 28 вражеских гарнизонов, 4 штаба, освободили 480 военнопленных и вывели из окружения свыше 6 тысяч советских воинов [55].

Глава 6 ПЕРЕД ЗИМНИМ НАСТУПЛЕНИЕМ СЗФ

Разгром под Москвой. Немецкие генералы летят с постов

Битва за Москву – это отдельная тема, но ее нельзя обойти, так как слишком велики были ее последствия. Передовые отряды немецких дивизий в районе Крюково – Истра смогли подойти к Москве на расстояние 30–40 км, а разведгруппа 62-го саперного батальона даже ворвалась на речной вокзал в Химках. Но нигде линия обороны Красной Армии немцами не была прорвана.

В этом положении воинственный Бок отдал приказ основным силам группы армий «Центр» двигаться вперед. *«Оборона противника находится на грани своего кризиса»*, – объявил он в своем приказе от 2 декабря 1941 г. Но на грани кризиса находились войска самого Бока, что и подтвердили события ближайших дней.

Армия Клюге (генерала, которого его начальник штаба высокопарно называл «человеком железной воли») остановилась уже 3 декабря. Гудериан отдал приказ о переходе к обороне через два дня – 5 декабря. А на следующий день произошло нечто непонятное, непостижимое и неожиданное для всех немецких генералов: войска советского Западного фронта перешли в контрнаступление. Одновременно с ним перешли в наступление Калининский и Юго-Западный фронты.

Внезапно и стремительно вся московская операция Браухича – Бока превратилась в свою противоположность. Ни секретные агенты Канариса, ни авиаразведка Геринга, ни все другие средства разведки вермахта не смогли проинформировать вражеское верховное командование о том, что его ожидает 6 декабря и в последующие дни. А ожидало следующее:

а) на фронте группы «Север» – сильнейший удар по 18-й армии и окружение значительных сил 16-й армии в районе Демянска и Холма;

б) отступление группы войск «Центр» с канала Москва – Волга на запад на 100–400 км;

в) на фронте группы армий «Юг» – потеря Ростова и отход за реку Миус.

Ф. Гальдер называл события под Москвой *«катастрофой и началом трагедии на Востоке»* [56].

Вот откровенное свидетельство бывшего командира 47-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Рудольфа Боммера. Он вспоминает: *«...Советское наступление застало нас врасплох. Ночью ударили морозы. На утро ударили дивизии, у которых хотя и было мало артиллерии, но имелось большое количество автоматического оружия... Я вспоминаю такие*

картины: пехотинцы бредут по снежным полям, не желая отправляться в окопы и бросая оружие. Даже некоторые офицеры бежали с передовой, крича, что продолжать бой не имеет смысла: все равно все перемерзнут или будут убиты... Командир 53-го пехотного корпуса и его начальник штаба заявили по телефону: «Сопротивление бесполезно, мы маршируем домой» [57] .

Временно немецкое командование лишилось самого эффективного инструмента ведения войны – моторизованных корпусов. Неисправные танки, броневики, грузовики и тягачи оказались в полосе наступления советских войск и были для противника потеряны вследствие невозможности их эвакуировать или отремонтировать. Та же судьба постигла исправную, но оставшуюся без горючего технику. Так, 6-я танковая дивизия потеряла всю свою бронетехнику, оставшись к концу декабря без единого танка или бронемашин. Потеря автомашин и тягачей автоматически означала потерю орудий, которые буксировались этим транспортом.

Начался жестокий кризис в руководстве вермахта. 19 декабря был снят со своего поста главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич. На день раньше командующий группой армий «Центр» Федор фон Бок сказался больным и был заменен генерал-фельдмаршалом Гюнтером фон Клюге. 26 декабря был снят генерал-полковник Гудериан и отослан в тыл, в резерв. Генерал-полковника Гепнера, командующего 3-й танковой группой, за отдачу «самовольного приказа» об отступлении разжаловали и лишили всех чинов и отличий. (Впоследствии Гепнер участвовал в заговоре против Гитлера, и 8 августа 1944 г. был повешен. – Прим. авт.). Новым командующим 3-й танковой группой стал генерал пехоты Рихард Руоф. Назначение вполне соответствовало обстановке января 1942 г. Числящиеся в составе группы танковые дивизии были танковыми только номинально. Генералы летели один за другим со своих постов не только на центральном участке. Ни один из командующих группами армий, перешедших 22 июня 1941 г. советскую границу, не удержался на своем посту.

Рождество и первые дни 1942 г. вермахт встретил, вспоминая судьбу армии Наполеона в 1812 г. Вообще аналогии с тем периодом встречаются в немецких воспоминаниях и книгах о зимней кампании 1941/42 г. довольно часто. О судьбе Великой армии также напоминало командование противника. В телеграмме, которая была разослана штабом группы армий «Центр» пяти подчиненным ей армиям 21 декабря 1941 г., говорилось: *«История отступления Наполеона грозит повториться вновь. Поэтому отход возможен лишь с тех участков, где подготовлены тыловые позиции»*. Немецкие историки и мемуаристы часто указывают на раскисшие дороги как на основной фактор неудач войск группы армий «Центр». Основная ошибка здесь – это тезис о том, что распутица не оказывала воздействия на советские войска. Раскисшие в период дождей дороги действовали на обе противоборствующие стороны. Но такое состояние дорог оказывало поистине катастрофическое воздействие на отступающих. Особенно это касалось советских войск, пробивающихся из окружений, которые были вынуждены оставлять врагу или уничтожать орудия, автотранспорт, радиостанции. Для наступающих немецких войск застревание или даже поломка автотранспорта, танков и тягачей не означали автоматически их безвозвратной потери для вермахта.

Бывший заместитель командующего 49-й армией по тылу Н.А. Антипенко позднее вспоминал: *«Дорожные войска только-только сколачивались, дорожной техники было мало, к ней относились топоры, лопаты, грейдеры на конной тяге. Старым способом, «раз, два – взяли» вытаскивали десятки и сотни машин там, где создавались пробки. Для улучшения дорог на фронте применялись жердевки, лежневки, колейно-брусчатые дороги. На наиболее трудных участках имелись дежурные тракторы, вытаскивающие застрявшие машины»* [58] .

И так бывало...

Здесь следует отметить, что инженерные части вермахта обладали совершенной строительной техникой, позволяющей им сравнительно быстро строить гати по раскисшим дорогам [59]. Нельзя утверждать, что снижение проходимости проселочных дорог существенно повысило возможность советских войск по обороне направлений. Так, 24-й моторизованный корпус 2-й танковой армии Гудериана, встретив сопротивление в районе Мценска, смог предпринять обходной маневр по бездорожью. Поэтому воздействие природных факторов не следует считать основной причиной замедления наступления немецких войск на Москву.

Основным действующим фактором были эффективные контрмеры советского командования – перегруппировки войск и ведения боев с опорой на строившиеся с лета 1941 г. инженерные сооружения.

Боевой дух войск Северо-Западного фронта подняли и успехи наших соседей. В боях под Тихвином десять дивизий вермахта понесли большие потери (из них две танковые и две моторизованные). 18-я моторизованная дивизия была полностью разгромлена, в живых остался лишь батальон мирного времени – 741 человек.

Из немецких воспоминаний: *«Войска начали наступление на Тихвин при температуре 10–15 градусов мороза. Одна группа перекрыла важнейший участок железной дороги, связывающий Москву и Ленинград, Чудово и Тихвин. Но в ночь на 21 ноября внезапно за несколько часов ртутный столбик термометра опустился до –43 С. В мгновение ока на наши боевые войска обрушивается невообразимая катастрофа. Танки, моторы, пушки – все выходит из строя. Лишенные всякого опыта солдаты в своих тоненьких летних мундирах и пальто стали абсолютно незащищенными под ударами страшного мороза»* [60].

9 декабря 1941 г. 4-я отдельная армия под командованием генерала армии К.А. Мерецкова в упорном бою ночью освободила Тихвин.

Немецкое командование придавало большое значение удержанию Тихвина. Так, на совещании у Гитлера 6 декабря 1941 г., которое описывается в военном дневнике Ф. Гальдера, излагались планы по изоляции Ленинграда и установлению связи с финскими войсками и, главное, *«удержание Тихвина»* [61]. Уже 8 декабря, всего два дня спустя, Гальдер записывает в дневнике: *«Тихвин эвакуируется»* [62]. Армия Мерецкова выбила противника и из Большой Вишеры, отбросив его за

реку Волхов.

Контрнаступление под Тихвином стало этапным. Вместе с контрнаступлением под Ростовом оно ознаменовало начало перехвата стратегической инициативы Красной Армии в зимней кампании 1941/42 г. Войска группы «Север», отброшенные за Волхов, навсегда утратили инициативу на этом участке фронта. Несмотря на вливание крупных резервов, 16-я и 18-я армии вынуждены были вести кровопролитные бои фронтом на восток. Штурм Ленинграда был отложен навсегда.

17 декабря 1941 г. был образован Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова, в состав которого вошли войска 4, 52, 26-й армий. В подчинение этому фронту перешла Новгородская армейская группа. Она была реорганизована в 59-ю армию под командованием генерал-майора И.Т. Коровникова. 180-я стрелковая дивизия полковника И.И. Миссана вернулась обратно в состав 11-й армии.

Фронтная разведка

Все чувствовали и ожидали перемен. Красная Армия готовилась гнать врага на запад. И командующие фронтами, и командиры корпусов и дивизий, полков и подразделений понимали, что это вскоре произойдет. Каждый на своем месте готовился к этому. Готовились и рядовые красноармейцы. И в первую очередь готовились разведчики, так как они знали, что успех будущего наступления напрямую зависит от результативности их нелегкой, опасной работы.

Разведка противника всегда нужна хоть в обороне, хоть в наступлении. Даже когда часть отводили в тыл на отдых, пополнение, разведчиков часто вызывали в расположенные на переднем крае подразделения – для них перерывов не было. Разведка была не только в стрелковых частях, она была и в танковом полку, и в полках связи, и у артиллеристов. Но у артиллеристов разведчики сидели на наблюдательных пунктах, разведчики связистов или танкистов не лазали за «языком». Эта задача была только на плечах разведки стрелковых частей.

И все ползком, все затаившись. Летом, прокладывая проходы в минных полях и проволочных заграждениях, разведчики честили немцев, которые привязывали к проволоке пустые консервные банки, устраивали другие хитрости. Простые сучки, валежины вдруг могли случайно хрустнуть под ногами, сороки своим громким стрекотанием выдавали присутствие человека, не вовремя могли качнуться кусты. Зимой все было присыпано снегом, легко было и наступить на припорошенную снежком мину.

В поиске у разведчиков не было мелочей, все надо было предусмотреть. Например, приспособляли немцы пулемет с эксцентричным креплением на станке, чтобы стрелял методично, веером, с минимальным темпом стрельбы. Поэтому разведчики, когда огонь «ушел» вбок, и пока пулемет займет исходное положение, успевали проскользнуть опасную простреливаемую зону и так далее. Разведка – это длительная, тихая, изматывающая нервы атака, сжимающая человека в пружину не на минуту, как в обычном бою, а на часы, сутки, и далеко не все это способны выдержать. В разведке главное качество не храбрость, а сообразительность, быстрая реакция, умение действовать сообща. Отбор в разведку был задачей непростой. Во-первых, разведчик должен быть не только смелым, это само собой разумеющееся, но и по натуре авантюристом, то и другое выявляется только в бою. Во-вторых, было негласное указание не брать в разведку всех, у кого родные, близкие остались на оккупированной территории: списки разведчиков просматривались смершевцами.

Недаром в царской армии в Первую мировую войну разведчиков называли «охотниками» – в разведку шли только добровольцы и вели именно охоту на «языков», на сведения о противнике.

Из прибывшего пополнения опытные командиры в разведку отбирали даже не глядя на тех, кто стоял в последней шеренге или прятал глаза. У разведчиков были «льготы» – вдоволь спирту – водки, хорошее обмундирование, хорошее питание с комендантской кухни, отдельное жилье неподалеку от штаба полка. Это привлекало, в разведку шли люди особого склада. Больше всего сил забирали операции по захвату «языков». Вот что рассказывает человек, который не раз в них участвовал:

«Военная мысль старших начальников, казалось, застряла на категориях Первой мировой и Гражданской войн, когда боевые действия велись как бы в «натуральном виде»: вижу врага – стреляю, не вижу – не стреляю, когда не было радио и телефонных перехватов, не было современной аналитической работы с документами, публикациями в прессе и пр. Всего этого в

головах начальников не существовало, и, как в те давние времена, все упиралось в идею «языка» как источника информации о противнике и как вещественное доказательство активности войск, умелости руководства ими. Бумажку, документ можно подложить, состряпать, а «язык» – это весомо, предметно, доказательно.

«Язык», естественно, был нужен не столько для уяснения высоких стратегических замыслов, а больше для выявления, уточнения нумерации военных подразделений противника, их дислокации. Те, кто сидел в окопах, прекрасно все это знали и без «языков»: солдатские книжки убитых немцев, документы, захваченные в окопах противника, убедительно сообщали о частях противника, противостоящих нашим. Замену частей улавливали даже без «языков»: сменялся характер шума двигателей, изменялся говор солдат, в другое время приносили еду. Солдатские книжки убитых немцев, которые удавалось подобрать на нейтральной полосе, отсылались «наверх». Там они сверялись по справочникам наименований частей, полевых почт и пр., уточняли их движение. Но разведчики тоже не лыком шиты, зная собственным хребтом, чего стоит взять одного «языка», придерживали часть солдатских книжек убитых немцев, иногда пересылали эти книжки с таким запозданием, когда часть была уже заменена. Поэтому «наверху» всегда требовали живого «языка», не доверяя донесениям разведчиков, которые, как полагали «наверху», только и знают, что отсыплются на нейтралке.

Расплачивались за это люди жизнями. За каждым «языком» приходилось выходить в ночной поиск пять-шесть раз. Без потерь обходилось редко. Чаще всего «язык» стоил жизни нескольким разведчикам, иногда с ранеными это выхватывало из боевого строя до двух десятков человек.

Ни в одной армии мира «языков» не брали и не берут. Не последнюю роль в разведке играло чутье на документы, неспроста разведчики были первыми на местах, где только что происходили боевые действия, атаки. Документы, бумаги в землянках, солдатские книжки и письма убитых солдат противника, газеты, найденные в окопах, – все это можно обмозговать и получить иногда сведения, которые не дает ни один «язык», рядовой часовой, зазевавшийся солдат из окопа» [63].

Инженерное фронтовое творчество, особенно русское, побуждаемое дефицитом самых обычных предметов, было безгранично. Самая трудоемкая, изматывающая работа в пешей разведке – проделывание проходов в заграждениях всех видов. Чтобы обезопасить и ускорить этот труд, был взят реактивный снаряд М-31, побольше «катюши», на фронтовом жаргоне прозванный «ванюшей»: большая труба метра полтора длиной с большой головой и взрывателем. Запускались эти снаряды с заводской упаковки этих самых «ванюш» – заводских ящиков из деревянных брусков, обитых жестяными полосами. Эти ящики деформировались при перегрузках, намокали на дожде, заклинивали снаряд и при запуске частенько улетали вместе с ракетой.

Немцы орали что-то вроде: «Рус, кончай ящиками кидаться». Запускать такие снаряды через головы своих войск не разрешалось, стреляли с передовой.

Лейтенант Игорь Бескин, начальник разведки 512-го полка 26-й стрелковой дивизии, приспособил «ванюшу» на лыжную установку от противотанкового ружья. Бежала такая установка до километра, прошивала всю нейтралку. По дороге она на что-то натыкалась, взрывалась, детонировали при этом близлежащие мины, получался коридор тридцать-сорок метров шириной.

Нейтральная полоса обычно 500–800 м, а иногда и до 100 м, а то и до 25 км. От нашего переднего края – метров на 200 по нейтралке стоят, как правило, дозоры боевого охранения, наблюдательные пункты разведчиков. А на те же метров 200 в тыл – командные пункты рот, располагается ротное хозяйство. Через метров 600, а то и много больше, но уже вне зоны эффективного ружейного огня – командный пункт полка, и уже за 2–3 км размещаются тылы полка.

Нейтралка – на ней было много такого, что привлекало внимание солдат, несмотря на опасность. Ползали за сапогами убитых немцев: большинство наших было в ботинках с обмотками. Ползали за соляжкой к подбитым танкам – обогреться и освещаться надо как-то. Лазали и за спиртом – сливали из противооткатных устройств подбитых немецких пушек.

Отношение рядовых разведчиков к командирам определялось одним – ходит ли сам командир в поиск или только посылает своих разведчиков, прикрываясь зафиксированными в «Положении о войсковой разведке» правилами. Например, начальник разведки стрелкового полка по должности одновременно является вторым помощником начальника штаба полка и лично в поиск ходить не обязан. Никто, кроме собственной совести, не укорит его за то, что он ограничивается организацией разведки в полку и батальонах, отработкой штабных документов на разведке [64].

Русская зима – катастрофа для немцев

Гитлер был уверен, что Восточная кампания будет победоносно закончена до наступления холодов. Но реальность оказалась иной. Германские войска к зиме оказались не готовы. Вот что вспоминает немецкий хирург, находившийся в районе Старой Руссы: *«Кто-то беспокоится о семье, оставленной на родине, другие думают о наших ребятах на передовой, которым приходится ночь за ночью выдерживать ледяной холод и северный ветер. Одна мысль об этом подвергает нас в отчаяние, мы же знаем, что они по-прежнему одеты в свои уже износившиеся летние вещи. Что, по всей видимости, наше командование считало войну с Россией лишь прогулкой, которая закончится не позднее осени. Многие не рассчитывали воевать зимой. Поэтому они не успели своевременно подготовить армию к русским морозам. Именно это приводит нас в страшное бешенство. Кажется, там, наверху, не знают или игнорируют тот факт, что у человеческого организма есть свои пределы возможностей.*

А наши солдаты выполняют свой долг безропотно и ожесточенно. Сидят в снежных окопах, одетые в свои скудные обноски. День и ночь следят за каждым движением на вражеской стороне, в то время как их конечности медленно отмерзают. Они питаются ледяными продуктами, черствым хлебом, который не раскусить. Хлеб приходится раскалывать на кусочки и согревать их в кармане. Многие не переносят замороженных продуктов, повреждая себе слизистую желудка. Зимних проблем становится все больше. Отмороженные конечности отмирают, а банальные ранения приводят к смерти в результате замерзания.

Когда незащищенная ладонь соприкасается с холодным металлом – с карабином, пулеметом, артиллерийской пушкой, – она моментально примерзает, а если ее оторвать, на металле останутся куски кожи. Стало невозможно пользоваться оружием или носить гранаты без перчаток. Но наши шерстяные перчатки никуда не годятся – уже через несколько дней ткань рассыпается. Солдаты на передовой не могут помыться, привести себя в порядок. Они жутко истощены – мы видим это по раненым с их торчащими ребрами... Мы предчувствуем, что эти жертвы будут напрасны» [65] .

В похожей ситуации находилась Великая армия Наполеона зимой 1812 г. Его личный хирург барон Ларрей сопровождал его до Москвы и как врач пережил все тяготы и лишения во время отступления. *«Голод и холод – самые ужасные страдания, которые пришлось испытать армии во время отступления, – пишет он. – Солдаты шли непрерывным маршем в строю, и те, кто не мог больше выдерживать темп, выбывали из колонны и шли с краю. Но представленные самим себе, вскоре они теряли равновесие и падали на заснеженные обочины российских дорог, после чего уже с трудом могли подняться. Их конечности мгновенно немели, они впадали в оцепенение, теряли сознание, и в считанные секунды заканчивался их жизненный путь. Часто перед смертью наблюдалось непроизвольное мочеиспускание, у некоторых открывалось носовое кровотечение...*

...Горе, если тот, у которого уже угасли жизненные функции в верхних частях тканей, внезапно заходил в прогретую комнату или приближался к сильному пламени. В отмороженных конечностях сразу же начинала развиваться гангрена, причем с огромной скоростью. Прямо на глазах» .

Немецкие военные врачи обращались к запискам Ларрея, пытаясь найти ответ или совет, что делать в аналогичных случаях, и не находили его. Их охватывал ужас от своего бессилия.

А вот что вспоминает немецкий офицер, находившийся на передовой: *«...Это утро принесло еще один сюрприз, и не только для меня одного.*

Ночью пошел снег. Вокруг все побелело. Правда, через два часа волшебство исчезло, но на следующий день снова побелело. Потом осталось немного снега под елями, вокруг межевого камня и в других местах. Но в один прекрасный день все вокруг стало белым. Зима началась.

Первый приказ, который мы получили по истечении двух недель, был предельно ясен. В соответствии с ним мы еще глубже зарылись в покрытую снегом землю.

Переход от наступления к позиционной войне был в нашем корпусе осуществлен точно по учебной программе. Тот факт, что мы были вынуждены приостановить наступление, объясняется сначала условиями местности и неблагоприятными последствиями зимы на нашем участке. Ведь нам было известно из радиоинформации, что на других участках Восточного фронта непрерывное продвижение продолжается и уже удался обход Москвы. Лишь значительно позднее мы узнали, что

и там Красная Армия не только стойко держалась, но смелыми контратаками принудила армии, корпуса и дивизии группы армий «Центр» отступить на поспешно сымпровизированную оборонительную линию, причем вермахт потерял необозримое количество техники, несчетное число убитых, раненых и попавших в плен... После первых снегопадов ударили морозы, они сковали всякое движение. Часовых в окопах нужно было сменять каждые полчаса. Нельзя было братья за оружие без рукавиц, иначе руки примерзали к железу. Участились случаи, когда люди обмораживали ноги, руки и лицо. Если раненых не удавалось сразу вынести за линию огня, они погибали мучительной смертью. Павшие в бою за короткий срок окоченевали: трупы, изуродованные судорогой, укладывались, как дрова, штабелями в сараях, так как их невозможно было похоронить в земле. Первоначально мы пытались взрывами зарядов динамита готовить могилу, но почти безуспешно. Мертвые, как и живые, должны были ждать наступления весны.

Оставшиеся в живых прятались в бункерах и избах. Только солдаты, стоявшие снаружи на часах или выполнявшие иную службу, получали полушубки и валенки, добытые в России.

Провидение послало нас на эту войну, когда грело солнце. Однако и старые, опытные офицеры генерального штаба не позаботились о том, чтобы приготовить зимнее обмундирование для миллионов немецких солдат. Они намерены были взять Москву осенью и покончить с коммунизмом, но они не приняли во внимание коммунистов. Вера в непогрешимость верховного руководства сменилась беспокойством и мрачными предчувствиями, но немецкие солдаты сражались и мерзли на льду и в снегу, потому что этого требовала от нас железная дисциплина. Они сражались, не имея зимнего обмундирования, они погибали и замерзали, многие с невысказанным вопросом на устах: почему?

Самая низкая температура в районе Валдая, о которой сообщалось в бюллетене артиллерийского метеорологического поста была пятьдесят шесть градусов ниже нуля. Вороны мертвыми падали на землю» [66] .

О настоящих теплых блиндажах немцам оставалось только мечтать. Дело в том, что бои приходилось зачастую вести в болотистой местности, где в основном росли чахлые деревца, которых хватало только на дрова. В итоге древесину, более-менее пригодную для строительства, приходилось транспортировать из тыла, расположенного далеко от передовой. Но даже этот вариант не исправлял ситуацию, так как остро ощущалась нехватка транспорта. Самые огромные трудности для противника, находившегося на передовой, – фактическое отсутствие зимней униформы. Дело доходило до того, что солдаты вермахта были вынуждены проявлять «сознательность». Солдаты из артиллерийских батарей и батальонов снабжения «добровольно» (иногда действительно добровольно) передавали пехотным подразделениям, направляющимся на передовую, свои зимние шинели и сапоги, подбитые мехом.

При суровых русских морозах оказались совершенно непригодными средства, которые должны были защищать от холода горючее и смазку. Затворы винтовок просто-напросто примерзали, оружие отказывалось стрелять. В самом затруднительном положении оказались танковые и моторизированные подразделения. Чтобы завести мотор грузовика или бронетранспортера, его приходилось долго прогревать.

Лошади сотнями умирали от голода, холода и изнеможения. Если изнуренная лошадь падала на землю, буквально за несколько минут ее полностью заносило снегом.

Глава 7 СТАВКА ВГК ПЛАНИРУЕТ

Оптимизм И.В. Сталина

В связи с разгромом противника под Москвой и успехами, достигнутыми в ходе контрнаступления, И.В. Сталин был настроен оптимистически. Он считал, что и на других фронтах немцы не выдержат ударов Красной Армии, стоит только умело организовать прорыв их обороны. Отсюда появилась у него идея начать как можно быстрее общее наступление на всех фронтах, от Ладожского озера до Черного моря.

Вечером 5 января 1942 г. Г.К. Жуков, как член Ставки, был вызван к Верховному главнокомандующему для обсуждения проекта плана общего наступления Красной Армии. После информации Б.М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И.В.

Сталин сказал:

Схема 1. Замысел Ставки по разгрому немецко-фашистских войск на северо-западном направлении зимой 1942 г.

Замыслы Ставки по разгрому немецко-фашистских войск на северо-западном направлении зимой 1942 г.

«Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку. ...Наша задача не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны... Когда у нас будут новые резервы, а у немцев не будет больше резервов...»

Целью общего наступления был разгром противника на всех фронтах.

Главный удар планировалось нанести по группе армий «Центр». Ее разгром предполагалось осуществить силами левого крыла Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска.

Перед войсками Ленинградского, Волховского фронтов, правого крыла Северо-Западного

фронта ставилась задача разгромить группу армий «Север».

Войска Юго-Западного и Южного фронтов должны были нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс, а Кавказского фронта и Черноморского флота – освободить Крым.

Изложив этот проект, И.В. Сталин предложил высказаться присутствующим. Выступил только один Г.К. Жуков.

Он предложил продолжать наступление на западном направлении, пока противник не успел восстановить безопасность. Но наши войска необходимо пополнить личным составом, боевой техникой, в первую очередь танковыми частями, усилить резервы. Без этого пополнения наступление не может быть успешным.

Что касается наступления под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских сил они не смогут прорвать оборону врага.

«Я за то, – сказал Г.К. Жуков, – чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление».

«Я говорил с Тимошенко, – сказал И.В. Сталин, – он за то, чтобы действовать и на юго-западном направлении».

После совещания, выйдя из кабинета, Б.М. Шапошников сказал Г.К. Жукову: *«Вы зря спорили. Этот вопрос был заранее решен Верховным»* [67] .

Задача войскам Северо-Западного фронта

Задачи войскам Северо-Западного фронта определила директива Ставки ВГК № 005868 от 18 декабря 1941 г. Она требовала не позднее 26 декабря нанести силами не менее шести усиленных дивизий удар на Осташков в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня. Во взаимодействии с войсками Калининского фронта отрезать пути отхода противнику и не дать возможности задержаться для обороны на заранее подготовленном рубеже озеро Отолово, Андреаполь, западный берег реки Западная Двина, Ярцево. В дальнейшем предписывалось ударом на Рудню отрезать Смоленск с запада. Войска 11-й армии должны были не позднее 24 декабря нанести удар в общем направлении Старая Русса – Сольцы. Путем обхода овладеть Старой Руссой, а в дальнейшем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противника со стороны Новгорода и Луги. Соединениям 34-й армии предстояло сковать противника на Демянском направлении.

Генерал армии П.А. Курочкин, оценивая впоследствии задачу, поставленную Ставкой ВГК, писал:

«...В общих случаях предстояло решать труднейшие задачи: во взаимодействии с другими фронтами изолировать, отрезать с флангов и тыла и разгромить крупные группировки врага, нацеленные на Ленинград и Москву. Фронт явно не имел сил, чтобы одновременно решать две такие задачи оперативно-стратегического масштаба. Хотя наши левофланговые – 3-я и 4-я ударные армии были неплохо укомплектованы личным составом, но техники на фронте не доставало. Мы имели при общей ширине полосы 250 километров всего лишь немного больше 800 орудий, 510 минометов (82-мм и 120-мм) и 170 танков. Средняя артиллерийская плотность не превышала 5 орудий и минометов на один километр фронта. Конечно, если бы мы наступали на одном направлении, представлялась бы возможность создать более или менее внушительный ударный кулак. Но ведь задача была ясной – действовать на двух направлениях».

Несмотря на свои сомнения, командующий Северо-Западным фронтом 2 января 1942 г. подписал директиву № 001/ОП о подготовке операции на Старорусском и Торопецком направлениях [68] .

К началу января 1942 г. перед войсками Северо-Западного фронта в полосе от озера Ильмень до озера Волго оборонялись 5 пехотных, две моторизированные (в том числе дивизии СС «Мертвая голова») и одна охранная дивизия. Они входили в состав 16-й армии (генерал пехоты Буш) группы армий «Север», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Лееб. Всего противник насчитывал около 100 тысяч человек, 1600 орудий и минометов. Его войска располагались двумя группами. Одна (5 дивизий) – в районе Демянска, а вторая (3 дивизии) – в районе Селижарова. Наименьшая плотность сил врага была на участке от Залесья (на западном берегу озера Селигер) до Селища (на

южном берегу озера Волго). Между этими группами оборонялись на широком фронте 123-я пехотная дивизия и кавалерийская бригада СС. Тыловой оборонительный рубеж был подготовлен по рекам Ловать и Западная Двина, а промежуточный – по рекам Пола и Шеберха, озерам Стерж и Вселуг. Резервы противника располагались в районах Молвотиц, Андреаполя и Луги. Оборона противника состояла из отдельных узлов сопротивления и небольших гарнизонов в населенных пунктах, которые были приспособлены к круговой обороне. Как правило, эти опорные пункты перекрывали дороги и узлы дорог. Подступы к населенным пунктам были заминированы.

В состав Северо-Западного фронта входили четыре армии (3, 4-я ударные, 11-я и 34-я), насчитывавшие 171 336 человек, 172 танка, 2037 орудий и минометов, 69 исправных самолетов [69]. Обеспеченность фронта артиллерией и минометами не превышала 65 % штатной потребности. Особенно велик был некомплект орудий противотанковой обороны и крупных калибров. Войска фронта превосходили противника по живой силе в 1,7 раза, по артиллерии, минометам и самолетам – в 1,3 раза, но уступали ему в 2,2 раза по количеству противотанковой артиллерии.

Надо учесть, что артиллерия и тяжелые минометы врага располагались на оборудованных, стационарных позициях. Наша же артиллерия из-за тяжелых дорожных условий, а иногда и полного бездорожья отставала от пехоты и помощь оказывала незначительную. Зачастую стрелковые подразделения атаковали врага и без артиллерийской поддержки.

Начало наступления намечалось на 5 января 1942 г. Из-за недостатка сил и средств построение фронта было одноэшелонным. Но на участках прорыва армий предполагалось создать значительное для того времени превосходство над противником: по пехоте и артиллерии в 5 раз, по танкам – в 10, по авиации – в 1,5–2 раза. В ходе операции предусматривалось применение небольших по составу подвижных маневренных групп – лыжных батальонов, танковых десантов, истребительных и партизанских отрядов. Они должны были действовать на флангах и в тылу противника, захватывать населенные пункты и коммуникации, нарушать управления войсками и их снабжение.

Подготовка к наступлению была связана с рядом трудностей. На фронте и в армиях отсутствовали резервы, войска вытянулись в тонкую линию. На Старорусском направлении вела бои одна слабая, понесшая потери 11-я армия генерал-лейтенанта В.И. Морозова, которая явно была не в состоянии осуществить прорыв на глубину 110 км к Сольцам без поддержки. 3-я и 4-я ударные армии генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева и генерал-полковника А.И. Еременко имели слишком глубокие задачи, а поддержать их из глубины было нечем. 34-я армия генерал-майора Н.Э. Берзарина, расположенная между обеими ударными группировками, могла играть лишь роль прикрытия или связующего звена.

Предстояло вести боевые действия, где имелось мало дорог и вообще направлений, пригодных для действий больших масс войск. Северо-Западный фронт снабжался по Ленинградскому шоссе и единственной железнодорожной магистрали Ярославль – Рыбинск – Бологое, по которой осуществлялось также снабжение Калининского фронта и войск левого крыла Волховского фронта. Железная дорога подвергалась постоянным ударам вражеской авиации и часто выходила из строя. Восстановительные работы воины-железнодорожники 30-й отдельной железнодорожной бригады полковника М.Л. Карнаухова (его предшественником был генерал-майор технических войск Д.А. Лебедев) проводили в предельно сжатые сроки, стремясь обеспечить бесперебойный подвоз на фронт всего необходимого. Основная магистраль Москва – Калинин – В. Волочек – Бологое будет восстановлена только в феврале 1942 г.

Чтобы облегчить положение, необходимо было срочно соединить Северную и Октябрьскую железные дороги. Для этого надо было построить соединительную 50-километровую железнодорожную линию Чагода – Кабожа. Воины-железнодорожники совершили подвиг: дорога была сдана в эксплуатацию через три недели после начала строительства.

Остальные дороги, ведущие к войскам, были грунтовые. Распутица при оттепели делала их непроходимыми. Подвоз то и дело нарушался. На складах армий почти не было бензина, а в баках машин его оставалось меньше ползаправки. Задержка с сосредоточением войск вынудила перенести срок наступления для 11-й армии на 7 января, а для остальных армий на 9 января.

В большинстве своем войска прибывали слабо вооруженные, а иногда и совсем без оружия – оно поступало отдельно. К тому же соединения и части, сформированные в спешном порядке, были плохо обучены и не сколочены, что отрицательно сказывалось на результатах боевых действий. Поэтому к ведению наступательной операции войска фронта оказались недостаточно

подготовленными.

Это касалось не только войск Северо-Западного фронта и не только начальных месяцев войны. 26 октября 1942 г. командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский в штабе 66-й армии заявил: *«...Прибывшие новые дивизии к бою совершенно не подготовлены. Сегодня буду докладывать тов. Сталину, просить его, чтобы личный состав вновь формируемых дивизий хотя бы месяц проходил боевую подготовку...»*

А вот что вспоминает бывший начальник разведки 312-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии И. Бескин: *«Рота автоматчиков, которая должна была идти первой в атаку при наступлении полка, оказалась пополненной необстрелянными солдатами, только накануне прибывшими из Средней Азии, из Казахстана. А счет времени до наступления уже шел на часы. По неписаной традиции всем выдали чистое белье. Новичков только смогли расписать по взводам, отделениям, составить списки, назначить командиров.*

Едва успели проглотить усиленный перед наступлением обед, командир роты собрал солдат для знакомства с немецким оружием, которое они видели впервые. Показал, как пользоваться немецкими гранатами, у которых в отличие от наших нет щелчка при боевом взводе. Через всю длинную рукоятку в гранате проходит толстый шнур с такой пуговкой снаружи и зажигательной смесью внутри. И если потянуть шнур, то внутри воспламеняется состав и через четыре секунды граната взрывается. После занятия солдаты собрались в кружок, рассматривая разнообразное оружие, и, естественно, кто-то потянул за шнур гранаты. Взрыв разметал толпу, ранив, контузив людей. Уцелевшие в страхе разбежались, рота была деморализована».

Далеко не благополучно решался вопрос учета потерь без вести пропавших. Об этом говорит приказ НКО от 12 апреля 1942 г.: *«...Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительно убитых.*

Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истинных. Все это говорит за то, что со стороны штабов армий и фронтов не установлено должного контроля за учетом и представлением указанных сведений».

По воспоминаниям участников тех боев, прибывающее пополнение в списки зачастую не заносилось. Большая часть рядового состава не имела красноармейских книжек, а выданные бойцам не учитывались.

Вот отрывок из письма бывшего начальника штаба 1317-го полка 202-й стрелковой дивизии подполковника А.П. Шувалова от 16.07.1974 г., направленное брату С.Г. Штыкова Виктору: *«...я работал начальником 4-го отделения штаба дивизии с марта по август 1942 года. Учет потерь личного состава был запущен, списки о потерях в вышестоящие штабы не представлялись. На мою долю досталось привести в порядок учет потерь с первого дня войны и до дня вступления в должность. К июню месяцу я наладил образцовый учет по личному составу и за это приказом командующего 11-й армии генерала Морозова я был награжден часами. Когда я приходил подписывать списки безвозвратных потерь, то Серафим Григорьевич страшно переживал, что дивизия несет такие потери в личном составе. С начала войны и к июлю 1942 года через дивизию прошло 42 тысячи человек».*

Широко известный образец «смертного медальона» был введен приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г. Он представлял собой бакелитовый или эбонитовый пенал небольшого размера черного цвета шестигранной формы с завинчивающейся крышкой. Внутри вкладывались два листка бумаги, свернутые в трубочку. На этих листках военнослужащий должен был записать свои личные данные и адрес родственников. В случае гибели военнослужащего на поле боя перед погребением один экземпляр остается в медальоне при покойном, а второй будет сдан в штаб части.

Однако роль документа, удостоверяющего личность военнослужащего, этот медальон не играл да и играть не мог. Приказом НКО № 376 от 17.11.1942 г. эти медальоны отменяются и исключаются из табелей снабжения.

И лишь 7 октября 1942 г. приказом НКО № 330 вводятся красноармейские книжки для удостоверения личности красноармейцев и младших командиров, однако его исполнение затянулось до второй половины 1942 г., причем вопрос фотографий не был решен вплоть до конца войны.

...

От автора. Немецкие данные о количестве советских военнопленных явно завышены. В условиях, когда невозможно определить, является ли данное лицо переодевшимся красноармейцем или, наоборот, это гражданский человек, надевший военную одежду по своей бедности, немцы поступали просто – задерживали и отправляли в лагерь военнопленных всех лиц мужского пола призывного возраста (18–50 лет). Тем более что на селе и гражданские мужчины не имели никаких документов. Доказать, что он местный крестьянин, а не красноармеец, ему было просто-напросто нечем. Свидетельствам односельчан немцы, естественно, обычно не верили.

3-я и 4-я ударные готовятся. Впереди Торопец и Холм

Главной темой этой книги являются события, связанные с образованием демянского плацдарма и боями по его ликвидации. Но без знакомства с наступательной Торопецко-Холмской операцией не обойтись. Она была своего рода связкой между наступлением на Московском направлении и наступлением войск левого крыла Северо-Западного фронта и, по определению Ставки ВГК, была главной.

Торопецко-Холмская операция началась на двое суток позднее наступления войск 11-й армии и уже к 20 января 1942 г. полностью и успешно завершилась. Целесообразно рассмотреть вначале ее, а уже потом боевые действия 11-й армии, которые длились гораздо дольше, тем более что привлекаемые к проведению операции 3-я и 4-я ударные армии Северо-Западного фронта 22 января были переподчинены Калининскому фронту, так как свою задачу они выполнили.

3-я ударная армия формировалась в ноябре 1941 г. в Приволжском военном округе как 60-я резервная армия. Для быстроты формирования она создавалась из стрелковых бригад. Возглавил армию генерал-лейтенант М.А. Пуркарев, бывший начальник штаба Киевского особого военного округа и Юго-Западного фронта. После окончания формирования армия была включена в состав Московской зоны обороны и в первой половине декабря 1941 г. сосредоточилась в районе Химки, Мытищи, Одинцово, Павшино. Когда угроза столице миновала, армию было решено использовать для наступления с целью глубокого охвата северного фланга группы армий «Центр».

25 декабря 1941 г. 60-я армия была переименована в 3-ю ударную армию. В этот момент в ее состав входили девять стрелковых бригад (20, 21, 27, 31, 39, 42, 48, 51 и 54-я). 3-ю ударную армию передислоцировали из Подмоскovie в район Осташкова и передали в состав Северо-Западного фронта, где она приняла от 4-й ударной армии часть полосы обороны и часть войск. После этого в ее состав входили три стрелковых дивизии (23, 334, 257-я), шесть стрелковых бригад (20, 27, 31, 42, 45 и 54-я), пять лыжных батальонов, два артиллерийских полка и один моторизованный, инженерный батальон. Армия насчитывала 51,6 тыс. человек, 35 танков, 142 орудия и 347 минометов. К началу наступательной операции имелось не более 1 б.к. боеприпасов, 0,5 заправки горючим и 1 сутодача [70].

Формирование 4-й ударной армии началось практически одновременно с 3-й ударной. Она была получена переименованием 27-й армии, сформированной еще до начала войны в мае 1941 г. и участвовавшей в боях против войск вермахта. Приказ № 05080 о преобразовании был подписан 25 декабря 1941 г. И.В. Сталиным и Б.М. Шапошниковым. В ее состав вошли восемь стрелковых дивизий (23, 33, 332, 334, 249, 257, 358 и 360-я), четыре лыжных батальона и два дивизиона РС. 332-я стрелковая дивизия была сформирована в Иваново, отдельные ее части участвовали в параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади. Командующим армией был назначен генерал-полковник А.И. Еременко.

Присвоение названия «ударная» для обеих армий было своего рода авансом «ввиду особо ответственных задач». Подобно гвардейским дивизиям начальствующий состав получал полуторный, а рядовой состав – двойной оклад содержания.

Ничто не показывает более ясно, какую важность придавал И.В. Сталин задаче, возлагаемой на 4-ю ударную армию, чем тот факт, что он вверил ее под командование одного из лучших советских военачальников, офицера в звании генерал-полковника, хотя командующий Северо-Западным фронтом П.А. Курочкин, в составе которого действовала 4-я ударная армия, был в звании генерал-лейтенанта.

В середине октября 1941 г. в «брянском котле» генерал Еременко едва не стал жертвой немецкого истребителя-бомбардировщика. Несколько осколков настигли генерала, прежде чем он успел найти убежище в сторожке лесника. Тяжело раненного, его по воздуху вывезли из окружения в один из госпиталей Москвы, расположенного в зданиях Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, где его посетил И.В. Сталин. Затем Еременко был эвакуирован в военный госпиталь в Куйбышев, где он находился до середины декабря. Еременко относился к тем немногим генералам, которых Сталин уважал и многое прощал. Сам факт посещения его в госпитале Верховным Главнокомандующим говорит об этом.

Маршал А.М. Василевский в своих воспоминаниях дает высокую оценку полководческому таланту Еременко: *«Близко познакомился с А.И. Еременко я во время битвы на Волге. В августе 1942 г. по заданию Ставки я находился в Сталинграде. В этот и последующие выезды сюда я имел возможность наблюдать работу А.И. Еременко как командующего фронтом. ...С командного пункта, оборудованного в штольне на берегу реки Царица, он умело маневрировал танковыми и артиллерийскими частями, боевой авиацией и резервом. Об этом неоднократно мною докладывалось в Ставку. ...И.В. Сталин называл А.И. Еременко «генералом обороны», давая тем самым ему боевую оценку»* [71].

24 декабря А.И. Еременко вызвал к себе И.В. Сталин. Вот как Еременко описывает этот разговор:

– Скажите мне, товарищ Еременко, вы очень обидчивы? – спросил Сталин.

– Да нет, не очень, – ответил я.

– Значит, вы не обидитесь, если я временно поставлю вас в подчинение товарищам, которые раньше были вашими подчиненными?

– Я ответил, что готов принять под командование корпус или занять любой другой пост, если партия считает это необходимым и если это послужит на пользу моей Родине.

Сталин кивнул. Он сказал, что данная мера необходима для решения очень важной задачи. Он считал меня подходящим человеком.

Разреженность железнодорожной сети в направлении 3-й и 4-й ударных армий создавала большие трудности. Имеющаяся железная дорога имела пропускную способность всего 16 пар поездов в сутки. Для снижения на нее нагрузки часть перевозок пришлось перевозить автомашинами.

Удержание 9-й немецкой армией Ржева и проходящей железной дороги на Великие Луки создавали большие трудности в подготовке наступательной операции против левого фланга группы армий «Центр». Слабо развитая, а местами полностью отсутствующая дорожная сеть сильно влияла на подготовку к Холмско-Торопецкой операции. Четыре стрелковые дивизии (332, 358, 360 и 334-я) перевозились из района Москвы автотранспортом, а обозы этих дивизий и лыжные батальоны следовали своим ходом. Солдаты сидели в открытых кузовах автомобилей, приходилось делать частые остановки для их обогрева. Мешали морозы, снегопады, изношенность автомашин приводила к поломкам в пути и разрыву автоколонн. Не хватало бензина. Все эти причины вынуждали переносить сроки наступления.

К его началу войска 3-й и 4-й ударных армий были развернуты на фронте протяженностью около 100 км. В сущности, старая полоса обороны 27-й армии делилась надвое между 3-й и 4-й ударными армиями, с передачей 23, 33 и 257-й стрелковых дивизий в «бригадную» 3-ю ударную армию.

Ее построение было двухэшелонным. В первом эшелоне были испытанные 23, 33 и 257-я стрелковые дивизии и 31-я стрелковая бригада. Дивизии получили на усиление по одному дивизиону реактивной артиллерии.

Генерал-полковник Еременко также эшелонировал свою группировку войск в глубину с введением в бой всех сил по мере расширения фронта наступления.

Наша оборона первой линии до самого последнего момента прикрывалась старыми, известными врагу соединениями, что обеспечило внезапность советского наступления для противника.

Трагедия 189-го немецкого пехотного полка

Вражеская оборона не была прочной. В полосе наступления обеих армий на широком фронте оборонялись 123-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса 16-й армии группы «Север» и часть сил 253-й пехотной дивизии 23-го армейского корпуса 9-й армии группы армий «Центр». У них в тылу находилась кавалерийская бригада СС. Как почти на всем Северо-Западном фронте, оборона противника состояла из отдельных узлов сопротивления, оборудованных в населенных пунктах. Ожидалось прибытие из Франции свежего 189-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии, которая кампанию на Западе прошла почти без потерь. Перед Рождеством 1941 г. дивизия стояла расквартированная на Атлантическом побережье, где солдаты и офицеры наслаждались службой. Но встретить Рождество на французском побережье им не пришлось. 23 декабря роты полка и артиллерийские дивизионы погрузили в воинские эшелоны. Пошли слухи: *«Мы едем в Россию, на Восточный фронт»*. Через 13 дней непрерывной дороги эшелоны прибыли на станцию Андреаполь и выгрузились в метровой глубине снега при температуре 30 градусов ниже нуля. К таким условиям ни солдаты, ни офицеры не были готовы. На весь полк не было ни одной зимней шинели. Не было ни одной шапки и наушников для защиты от холода. Не успев еще понять, что произошло, многие отморозили пальцы ног и уши [72] .

В бой с наступающими советскими войсками им придется вскоре вступить недалеко от места выгрузки – на станции Охват.

Наступление

В окончательном варианте план операции выглядел следующим образом. Войска 3-й ударной армии должны были нанести главный удар в общем направлении на Великие Луки. Войска 4-й ударной армии наступали на Пено, Андреаполь вдоль железной дороги на Торопец. Примыкавшей к правому флангу армии Пуркаева 34-й армии было приказано частью сил своего левого фланга нанести удар в направлении на Ватолино с целью обеспечить правый фланг наступления.

Исходное положение войска двух армий заняли в ночь на 8 января 1942 г. Утром следующего дня после тридцатиминутной артиллерийской подготовки войска генерала Пуркаева перешли в наступление. У их соседей, в полосе войск Еременко, артиллерийская подготовка продолжалась два часа.

Не имея опыта прорыва вражеской обороны, наступая в метровом снегу, войска 3-й ударной армии втянулись во фронтальные затяжные бои с мелкими гарнизонами. Промежутки между ними не были использованы для обхода вражеских опорных пунктов и их окружения. В первый день наступления удалось продвинуться всего на 4–5 км. Войска 4-й ударной армии действовали энергичнее и к концу первого дня наступления продвинулись на 8–15 км. Такую разницу в эффективности боевых действий войск М.А. Пуркаева и А.И. Еременко можно объяснить также разной укомплектованностью дивизий. Ядро 3-й ударной армии составляли понесшие потери в боях стрелковые дивизии (средняя укомплектованность 8689 человек). В 4-й действовали преимущественно свежие соединения (средняя укомплектованность 11 172 человека). У Еременко было едва ли не вдвое больше орудий 76-мм и выше, чем у Пуркаева, 790 против 489 по состоянию на 1 января 1942 г [73].

Тем не менее в первый день наступления войскам 4-й ударной армии не удалось взять Пено. Из-за сильного огня и контратак противника пришлось даже отвести войска на восточный берег Волги. Только подтянув артиллерию, используя гвардейские минометы, удалось к 13 часам 10 января выбить немцев из Пено.

Надо сказать, что удар на Пено оказался совершенно неожиданным для командования противника. Созданные им в этом районе укрепления и опорные пункты образовали огневой «мешок» и, фланкируя подступы к городу, по мнению немцев, обеспечивали надежную защиту этого направления. Поэтому противник, укрепив стенки «мешка», не обратил серьезного внимания на оборону его дна.

Переход в наступление войск Северо-Западного фронта встревожил противника. В журнале военных действий Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) 12 января отмечалось:

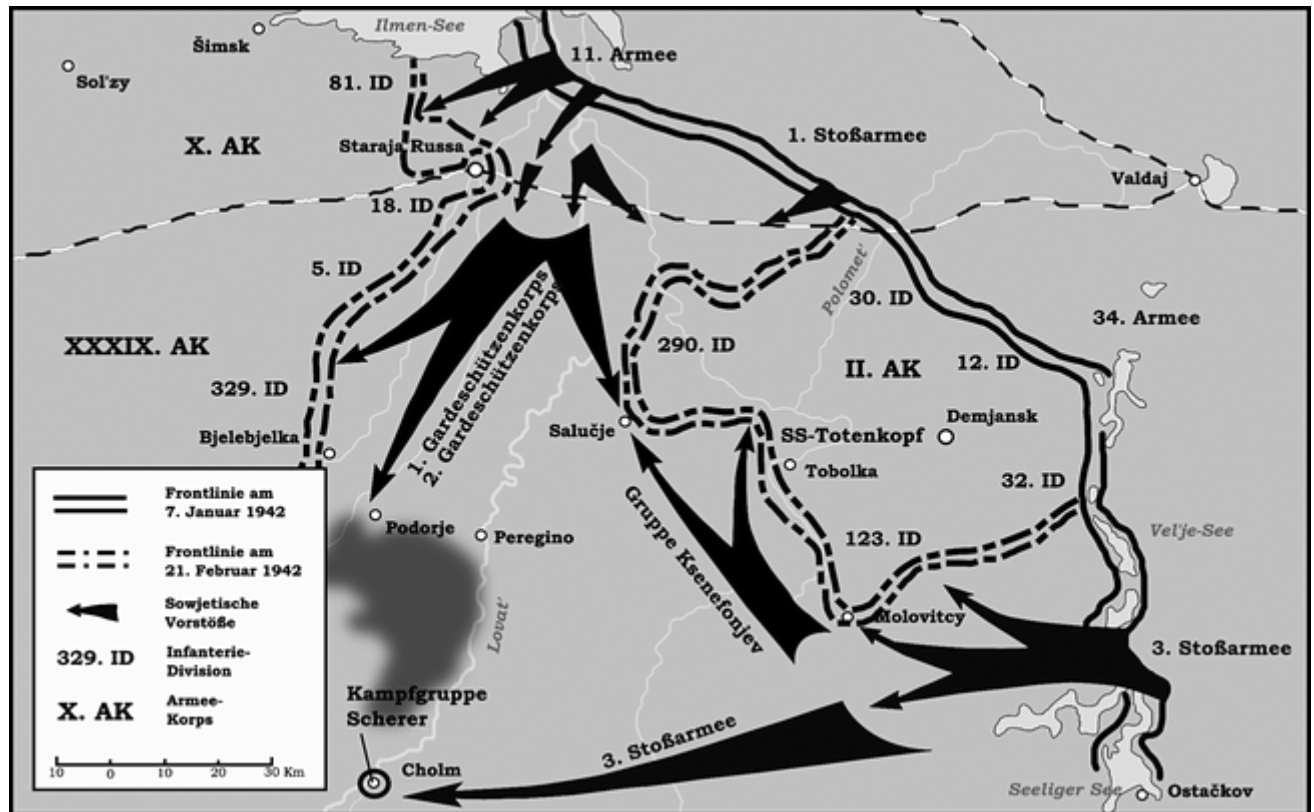
...
«Враг продолжает наступление на всем фронте озер, он занял Пено, а также многие сражающиеся до последнего опорные пункты. ...Мы вводим все имеющиеся в распоряжении резервы».

Войска обеих армий выдвигались вперед, и 13 января разрыв между ними, прикрытый лишь 31-й стрелковой бригадой из войск генерала Пуркаева, достиг 35 км и все увеличивался. Это создавало угрозу войскам Еременко, продвигавшимся быстрее. Командующий фронтом требовал от 3-й ударной армии ускорения темпов наступления. Но при застывшем под Ватолино и Молвотицами ее правого фланга это привело бы к еще большему растягиванию фронта и постепенной потере армией наступательных возможностей.

22-см орудие на огневой позиции

Осью наступления 4-й ударной армии была железная дорога Осташков – Андреанополь. В районе станции Охват наступающие войска А.И. Еременко встретили боевую группу из 189-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии и приданные ей дивизионы 181-го артиллерийского полка той же дивизии.

Наступление Северо-Западного фронта

По опыту Финской войны в СССР были сформированы отдельные лыжные батальоны, которые придавались дивизиям и армиям для обходов и охватов противника по глубокому снегу. В наступлении на Холм и Торопец лыжные батальоны были применены по прямому назначению. Два лыжных батальона (67-й и 68-й) обошли обороняющуюся вражескую группу по льду озера с тыла и перехватили пути ее отхода. С фронта противника атаковали части 249-й стрелковой дивизии генерал-майора Тарасова. Они были усилены двумя дивизионами артиллерии, дивизионом РС и 141-м танковым батальоном (4 – КВ, 7 – Т-34, 20 – Т-60).

Экипаж Т-34 осматривает местность перед наступлением

С востока боевую группу немцев атаковали части 332-й стрелковой дивизии, той самой, батальоны которой шли по Красной площади 7 ноября 1941 г. Бой с окруженным противником шел с 13 по 15 января 1942 г. Боевая группа была практически уничтожена, к Торопцу вышло всего 10 человек. Одновременно войска левого фланга 4-й ударной армии создали угрозу частям немецкой 9-й армии в районе Селижарова и вынудили их к отходу. Это дало возможность правофланговым частям 22-й армии Калининского фронта выйти на правый берег Волги.

К исходу 16 января разрыв между 3-й и 4-й ударными армиями составлял 35 км и при дальнейшем наступлении мог увеличиваться еще больше. На рассвете 15 января после 20-минутной артиллерийской подготовки при поддержке 141-го танкового батальона 290-я начала атаку на Андреанополь одновременно с северо-запада и севера. Немцы никак не ожидали, что войска 4-й ударной армии выйдут непроходимыми лесами к ним в тыл, в городе началась паника. В 17 час. 30 мин. 16 января город был полностью очищен от противника.

Глубокое продвижение войск Пуркаева заставляло выделить все больше сил для защиты северного фланга армии. 17 января 1942 г. командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин в докладе И.В. Сталину подчеркивал, что для движения вперед и выполнения основной задачи по выходу в район Великих Лук в 3-й ударной армии остается две стрелковые дивизии, три стрелковые бригады и лыжные батальоны. Накануне командующий Северо-Западным фронтом поставил перед 3-й ударной армией задачу освободить Ватолино и Молвотицы, а подвижным отрядам занять Холм. Последняя задача означала наступление почти строго на запад. Ватолино и Молвотицы – это населенные пункты, которые лежали на южном периметре окружаемой демянской группировки противника, они были хорошо подготовлены к обороне, имели сильные гарнизоны. Для наших войск они оказались «крепким орешком».

Продовольствие. Склады Торопца

Продовольствие! Чем кормить красноармейцев и офицеров? Этот вопрос мучил и Пуркаева, и Еременко. *«Через десять дней, – писал А.И. Еременко, – наши запасы иссякли».* В какой степени были важны заботы о приобретении трофеев, ясно из его слов: *«...из показаний пленных на допросах и донесений наших разведчиков, действовавших за линией фронта в тылу у немцев, мы знали о наличии больших немецких складов с огромными запасами продовольствия в Торопце, поскольку этот город являлся крупной базой снабжения группы армий «Центр». Этот факт имел для нас решающее значение. Здесь у нас появился шанс получить продовольствие как для моей, так и для соседней с ней армии».*

Генерал-майор Тарасов, командовавший 249-й стрелковой дивизией, получил задачу быстрым маневром выйти к Торопцу и взять его, захватив целыми склада. План увенчался успехом. Мы взяли около сорока продовольственных складов, где находились масло и другие жиры, мясные и рыбные консервы, различные концентраты, мука, крупа, сахар, сухофрукты, шоколад и прочее. Этим провиантом наша армия кормилась целый месяц. Успех Торопецкой акции имел для нашей операции важное значение. Я гордился, докладывая о ней в Ставку».

В гарнизон Торопца входили части 403-й охранной и остатки 123-й пехотной дивизий. 19 января части дивизии Тарасова окружили Торопец. С утра 20 января начался штурм, бои шли в городе до темноты. С рассветом 21 января началась атака. Противник в панике отступил на запад, где он попал под огонь 925-го стрелкового полка 249-й стрелковой и передовых отрядов 360-й стрелковой дивизий полковника А.Ф. Болотова. При овладении городом большую помощь оказали партизаны.

Кроме продовольственных складов, захвачено 6 танков, 725 автомашин, около 450 тысяч снарядов, несколько миллионов патронов. Грамотно были использованы лыжные батальоны (67-й и 68-й). Они были направлены на юг и захватили ж.д. станцию Старая Торопа. Тем самым была перехвачена железная дорога из Великих Лук в Ржев, являющаяся важной транспортной артерией левого фланга группы армий «Центр».

А.И. Еременко все больше беспокоил растянутый левый фланг. Разрыв между 4-й ударной армией и 22-й армией Калининского фронта сдерживал продвижение войск А.И. Еременко на юг. Армия вынуждена была выделить значительные силы: 332, 258 и 334-я стрелковые дивизии и 21-ю стрелковую бригаду. Глубокие продвижения в бедном дорогами районе привели к отставанию

артиллерийских полков на 60–80 км от основных сил армии. Отстал также приданный 4-й ударной армии 171-й отдельный танковый батальон (12 танков «Матильда», 9 «Валлентайн» и 10 Т-60).

Действия 3-й ударной армии были недостаточно успешными. К 21 января ее правый фланг оставался на прежнем рубеже. В центре 33-я стрелковая дивизия полковника Макарьева продвинулась на 60 км, ворвалась в Холм и вела бои в городе.

Левифланговые соединения армии, не встречая сильного сопротивления противника, продвинулись на 80 км. В результате фронт армии растянулся на 200 км. Отставание от армии Еременко достигало 60 км, что создавало угрозу ее правому флангу со стороны Великих Лук.

С выходом в район Торопца и Холма войска левого фланга Северо-Западного фронта выполнили поставленную перед ними задачу.

В связи с тем что Северо-Западный фронт вел наступление по двум расходящимся направлениям и его южная группировка решала общие с Калининским фронтом задачи, по директиве № 170034 Ставки ВГК от 19 января 1942 г. 4-я ударная армия вместе с 3-й ударной армией с 6 часов 22 января передана в Калининский фронт.

Глава 8 «ХОЛМСКИЙ КОТЕЛ»

Дивизия полковника Макарьева штурмует город

Холм – город старинный, в те времена умели выбирать места, удобные для обороны – на возвышенном берегу слияния Ловати и Куньи. С востока и юго-востока – открытая, болотистая местность, малопригодная для наступления на город. Обороняться в Холме немцам было легче, чем нам его брать в 1944 г. Интересны воспоминания латыша-добровольца, находившегося в городе зимой 1942 г. *«Он вместе с другими добровольцами имел одинаковое задание – уничтожить партизан. Партизаны рассматривали зону вокруг Холма как идеальную базу для своих действий, а немцы считали сам город идеальной базой для операций против партизан. Из этого центра мы могли легко и удобно ликвидировать сосредоточение партизан во всей округе.*

Но жизнь часто распоряжается совсем иначе, чем мы планируем. За несколько дней, как по взмаху волшебной палочки, все изменилось, и Холм вошел в книги по истории Второй мировой войны как осажденный город-крепость. ...Семь дорог, образуя звезду, сходились в Холме, делая его позицию ключевой среди окружающих болот и придавая городу чрезвычайную стратегическую значимость.

В этой интерпретации Холм был как засов в тыльной стороне двери 16-й немецкой армии, и, если он выдержит, то остановит непрерывный напор коммунистов к западу и помешает их главной цели – отколоть группировку немецкой Северной армии от группировки Центральной армии. За этим последует освобождение Ленинграда и продвижение вперед – на Латвию» [74] .

Как покажут дальнейшие события, между Холмом и Демянском много общего – окружение, блокада, снабжение гарнизонов по воздуху, «пробивание» коридора к осажденным, правда, масштабы были различны.

Немецкая колонна, зима 1942 г.

Комендантом гарнизона был назначен командир 281-й охранной дивизии генерал-майор Шерер. Подразделения его дивизии были разбросаны по всей ширине фронта. Оборонять Холм предстояло силами местного гарнизона и разрозненных воинских групп, входивших в состав различных немецких дивизий. Все они должны были постепенно подтянуться к городу. Подразделения 280-го пехотного батальона, например, были переброшены на Восточный фронт из Дании. Были там и горные стрелки, и полицейские батальоны, и даже моряки. Плюс ко всему 8 латышских и 7 немецких батарей. Всего в гарнизоне было около 5000 человек. Этой «боевой группе Шерера» предстояло с конца января 1942 г. удерживать небольшой участок фронта на берегу Ловати. Занимаемая противником площадь составляла всего около двух с половиной квадратных километров, а порою гораздо меньше, удерживая тем самым автодорожный узел посреди огромного заболоченного района, опорный пункт и переправу через верховья Ловати. Командир 33-й стрелковой дивизии полковник А.К. Макарьев 18 января в 15 часов получил боевое распоряжение о наступлении на Холм. Вечером того же дня в 23.30 был отдан приказ о выдвижении дивизии в район города Холм с последующим переходом в наступление и овладение городом. По этому приказу части дивизии в течение 19.01.42 г. выходили в район Холма, окружали его и, нанося удар с северо-запада и запада, в ночь на 20.01.42 г. овладевали городом, уничтожая в нем остатки отошедшего противника.

82-й стрелковый полк занял исходные положения для наступления к исходу 19 января. Остальные полки вышли только через сутки – 16-й стрелковый полк по причине отсутствия дорог, а 73-й стрелковый полк из-за того, что 19 и 20.01.42 г. он продвигался с боем. 19.01.42 г. первый раз за весь период наступления немецкая авиация группами в 15–20 самолетов бомбила наступающие части.

Дивизия при подходе к Холму имела 9924 человека, 374 автомата, 126 ручных и 18 станковых пулеметов, 50-мм минометов – 31, 82-мм минометов – 12, 76-мм орудий – 12, 122-мм орудий – 6. Вечером 20.01.42 г. началась борьба за Холм, а к утру следующего дня он был окружен. С 20.01.42 г. дивизия вела напряженные бои на подступах и непосредственно в Холме, одновременно отражая яростные атаки вновь подходящих частей 218-й пехотной дивизии в районе Куземкино. К исходу 23 января была очищена от противника вся западная часть города. Восточная часть Холма прочно удерживалась немцами.

Уже 22 января обозначилось выдвижение крупных сил противника по дороге Локня – Холм и ряд настойчивых его атак в районе Куземкино с задачей соединиться с Холмским гарнизоном. 23 января части 33-й стрелковой дивизии при поддержке 146-го танкового батальона (13 танков) вновь

предприняли штурм города. Лишенные достаточной пехотной поддержки, танки, рискуя быть сожженными на узких улочках города, вынуждены были отойти.

27 января свыше батальона пехоты противника обходом с северо-запада ворвались в город. 164-й стрелковый полк вынужден был оставить западную часть Холма и отойти в Ореховно. В результате противник смог соединиться с частями немецкого гарнизона, находившимися на восточном берегу Ловати.

Немцы, прорвавшись в Холм, продолжали атаку против Куземкино с целью расчистить себе путь в город. Напор врага ослабел только 31 января, когда на дорогу Холм – Локня возле деревни Сопки в десяти километрах от Холма вышла 45-я стрелковая бригада. Предыдущими боями она была обескровлена. На 13 января в ее 73-м стрелковом полку насчитывалось 218 человек, в 164-м – 312 человек. До 12 февраля атаки на Холм не предпринимались. Наши части приводили себя в порядок, пополняли стрелковые батальоны за счет тыловых и спецподразделений, доведя состав каждого из трех батальонов полков до 500–550 человек.

Холмская группа войск

10 февраля была образована Холмская группа войск 3-й ударной армии под командованием генерал-майора Стрельбицкого. В группу вошли 33-я и 491-я стрелковые дивизии, 45-я стрелковая бригада, 613-й артиллерийский полк, 171-й артиллерийский полк противотанковой обороны, два дивизиона РС, 145-й и 170-й танковые батальоны, два минометных дивизиона.

Для подошедшей к городу 75-й отдельной морской стрелковой бригады бои за Холм начались у деревни Тараканово на левом берегу Ловати. Используя выгодное расположение вдоль большака Локня – Холм, немцы построили там полевые укрепления на узком участке фронта. Справа река Ловать, слева – непроходимое для танков болото. Клочок земли между этими естественными преградами, изрезанный сетью траншей, усыпанный дзотами и другими огневыми точками, позволил врагу оседлать большак в непосредственной близости от Холма. Именно с этого плацдарма немцы стремились пробиться к своему окруженному в городе гарнизону.

От захваченных в ночь с 17 на 18 февраля трех «языков» стало известно, что 16 февраля из Германии на самолетах прибыли десантники. Бои за Тараканово начались 18 февраля и носили ожесточенный, кровопролитный характер. По плану 18 февраля артиллерийскую подготовку должна была вести 45-я бригада. В назначенное время – 10.00 – артиллерия соседа не открыла огонь. Части 75-й бригады, выполняя приказ, пошли в атаку. И в это время из 45-й бригады сообщили по телефону, что наступление откладывается, так как бригада не успела подготовиться. Но в это время бой уже был в разгаре, группы краснофлотцев дрались уже на окраинах села. Сильный орудийный, минометный и пулеметный огонь противника сорвал атаку. Понеся большие потери, моряки отошли на исходные позиции.

Наступление на Тараканово и Хворощино предпринималось ежедневно вплоть до 23 февраля, но малочисленные уже батальоны сломить сопротивление врага не смогли. В этих боях 75-я бригада вела наступление без поддержки артиллерии, без танков и отсутствия светлого времени на подготовку операции. Была исключительная нужда в средствах связи (провод), которая остро чувствовалась после бомбежки. Командные пункты батальонов не были связаны с командирами рот. От командного пункта бригады к батальонам шла однопроводная связь, от командных пунктов артиллерийских дивизионов не было телефонной связи с орудиями и наблюдательными пунктами.

В предыдущих боях моряки имели большие потери, и потому, чтобы не пропустить врага, пришлось перейти к обороне. Самой жестокой бомбардировке части бригады подвергались с 6 по 8 марта. Немцы бросили авиацию, которая с рассвета и до темноты бомбила передний край обороны и артиллерийские позиции в Пронинской роще.

Чувствуя безнаказанность из-за отсутствия у нас истребительной авиации и зенитной артиллерии, противник нагло и самоуверенно демонстрировал свое превосходство в воздухе. Прилетев в район наших позиций, вражеские летчики сначала летали по кругу, а затем с воем пикировали, сбрасывали бомбы и обстреливали из пулеметов. Вместе с бомбами – листовки, в которых призывали прекратить сопротивление и сдаваться в плен, показывали бессмысленность сопротивления.

Видимо, посчитав, что после трехдневных бомбежек на наших позициях не осталось никого

живого, противник утром 9 марта крупными силами пошел в наступление. Но не вышло. Встретив сильное огневое сопротивление и понеся большие потери, враг вынужден был отойти на прежние позиции.

...

18 марта 1942 года 75-я отдельная морская бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую морскую стрелковую бригаду.

Это была оценка боевых действий личного состава, мужества и героизма матросов и командиров.

Ставка ВГК 19 января для усиления 3-й ударной армии направила сформированную в Казахстане 391-ю стрелковую дивизию. Выгрузившись на станции Торопец, дивизия совершила марш к Холму и приняла участие в штурме города с 18 по 21 февраля 1942 г. Полки 33-й стрелковой дивизии, наступая с юго-востока, овладели несколькими квадратами (по топографической карте) в центральной части города. Батальоны 391-й стрелковой дивизии утром 19 февраля ворвались в город и смогли захватить две улицы, идущие вдоль города, и закрепились на них. Немцы лишились важных рубежей. Улицы соединяли два опорных пункта – школу и церковь. Артиллерия на конной тяге, преодолев за ночь 25 км через леса и болота, подоспела вовремя. С помощью артиллерии удалось обескровить атакующие подразделения врага. К концу дня 21 февраля было занято 18 квадратов, немцы были выбиты из школы и церкви. Ночью бой шел в основном в районе реки Ловать. К утру 22 февраля бои начали затихать. В дальнейшем противник смог восстановить положение.

Город Холм, зима 1942 г.

Об ожесточенности боев в городе видно из воспоминаний участника обороны: «...одной из самых важных оборонных точек в крепости Холм была бывшая тюрьма ГПУ в центре города. А сейчас оставалось защищать только стены, поскольку все остальное было в руинах. Четырехэтажное здание само по себе выглядело как крепость... Прочные наружные стены и

толстые внутренние перегородки усиливал значительный слой бетона. ...Забыв про осторожность, упрямо пытаясь захватить столь престижный объект, коммунисты штурмовали его раз за разом, в паузах концентрируя на нем постоянный огонь артиллерии. Под их нажимом мы иногда оттеснялись вплотную к стенам тюрьмы. Но здесь линия фронта становилась непробиваемая и неизменно замирала на месте, так было в течение всего нашего пребывания в Холме. Обе стороны признавали стратегически выгодную позицию тюрьмы. Для нас она превратилась в фокус обороны всей крепости, а для коммунистов – в главную цель атаки, о чем напоминалось несколько раз на дню. Было абсолютно ясно, почему мы ни в коем случае не можем себе позволить потерять тюрьму. Случись это, наша оборонительная позиция сократилась бы до узенькой полоски.

Поэтому большинство жестоких сражений происходило вокруг стен бывшей тюрьмы ГПУ. Защитники отражали массированные атаки, по меньшей мере, один раз в день, а нередко и по восемь раз в день на нас бросалась пехота при поддержке танков. Мы ухитрялись поражать танки единственным оружием – связками ручных гранат.

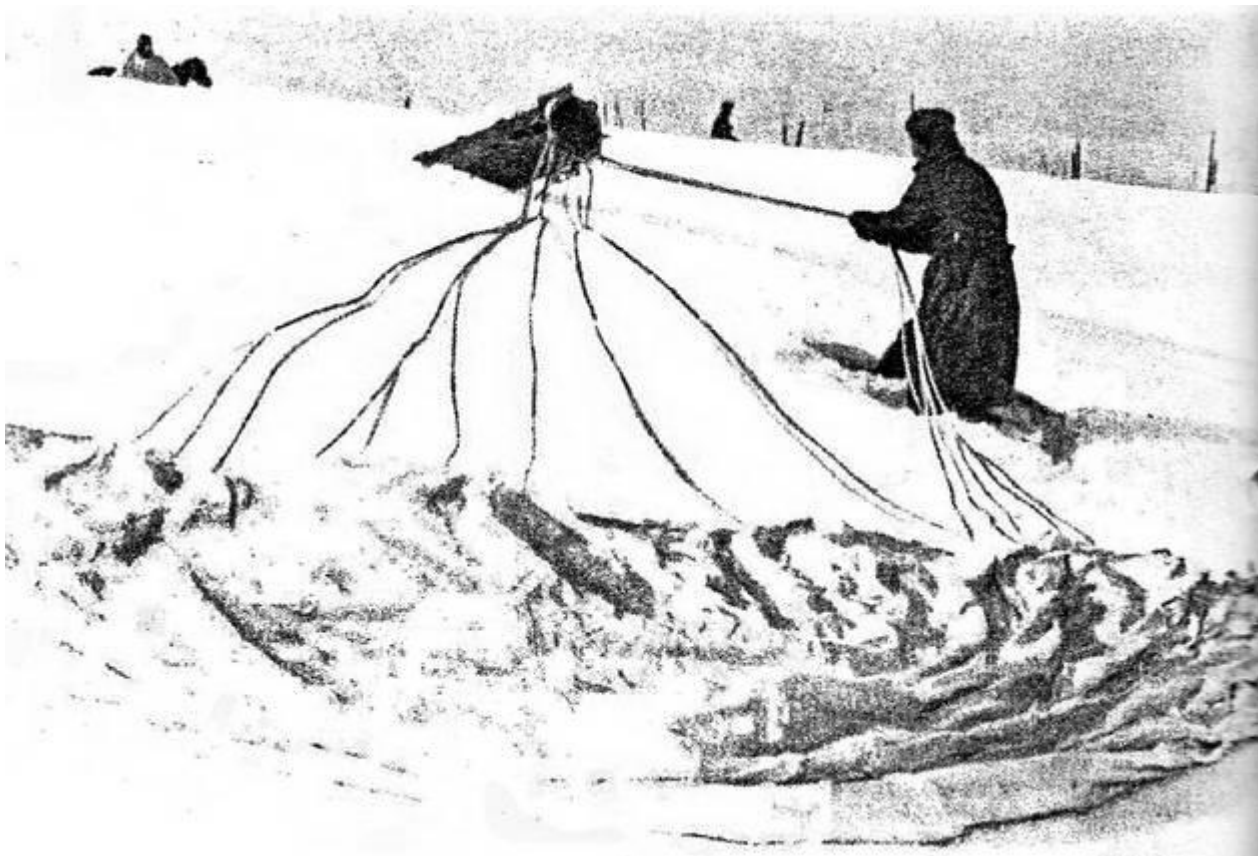
Каждый знал, что коммунисты уже неоднократно вламывались на первый и даже второй этажи тюремного форта, однако наши войска все же оставались хозяевами верхних этажей. ...Я до сих пор отчетливо вспоминаю длинный шест, который мы использовали, чтобы спустить гранату сверху вниз и кинуть в оконный проем на их головы» [75] .

В начале марта Холмская группа была распушена. 33-я дивизия в течение всего марта удерживала восточные и юго-восточные части Холма и вела бои за отдельные дома, окопы, блиндажи и дзоты противника. Атаками пехоты совместно с танками, проводимыми короткими ударами, подразделения полков овладели десятью каменными домами в центральной части города, кладбищем и двумя квадратами в северо-восточной его части. Бомбардировочная авиация противника группами по 20–30 самолетов начиная с 19 января ежедневно сбрасывала большое количество бомб различного калибра, буквально устилая ими боевые порядки и стыки частей. В начале марта из-под Москвы в район Холма прибыла 26-я отдельная курсантская стрелковая бригада. Ее подразделения расположились у речки Шульга, около деревни Ореховка, в километре от дороги Холм – Старая Русса.

Воздушный мост спасает немцев

После 21 января, когда Холм был полностью окружен частями Красной Армии, снабжение этого крошечного «котла» было возможно только по воздуху. На поле перед передним краем немецкие саперы смогли оборудовать взлетно-посадочную полосу длиной 70 и шириной 25 м. Посадка на нее была очень сложна и для многих Ю-52 заканчивалась катастрофой. Скоро поле покрылось обломками самолетов, поэтому пришлось переключиться на использование тяжелых планеров для подброски подкреплений и тяжелого вооружения. Продовольствие и боеприпасы стали сбрасывать на парашютах в контейнерах с бомбардировщиков He-111, в отдельные дни сбрасывалось до двухсот контейнеров.

Если пилоты отцепляли планеры на несколько секунд раньше, чем нужно, они приземлялись на позиции Красной Армии. Даже когда планер касался земли в правильной точке, немцам приходилось как можно быстрее высылать туда всегда находившиеся наготове штурмовые подразделения. Часто к планерам наперегонки бросались группы солдат с обеих сторон.

Контейнеры сбрасывали с помощью парашютов, зима 1942 г.

Вначале немцы пытались использовать приземлявшиеся Ю-52 для вывоза раненых. Но как только один из таких взлетевших самолетов был взорван прямым попаданием артиллерийского снаряда на высоте 50 м от земли, генерал Шерер запретил такие полеты. В «холмском котле» смогли приземлиться 80 немецких планеров и были потеряны 27 «юнкерсов». У немецкого гарнизона Холма пушки и гаубицы отсутствовали. Для отражения атак советских войск использовались орудия, находившиеся за пределами города. Это были пушки 218-й пехотной дивизии, установленные в узком коридоре к западу от города, который заканчивался в десяти километрах от него. Корректировали огонь артиллерии немецкие наблюдатели и руководили обстрелом по телефону. В некоторые дни свыше 1000 крупнокалиберных снарядов проносилось над Холмом. По словам немцев, таким способом удавалось подбить прямым попаданием даже отдельные русские танки. Немцы оборудовали в городе несколько сильно укрепленных пунктов, которые носили подчас причудливые названия: «Подвал ГПУ», «Рыцарский замок», «Северное кладбище».

Деблокада Холма

Стратегическое положение Холма, мощная оборонительная система, возведенная немцами, позволили Гитлеру назвать город Холм «крепостью». Гитлер требовал от гарнизона Холма проявлять такую же стойкость в обороне, какую проявляли русские в Сталинграде. *«Я с глубокой благодарностью наблюдаю за вашей героической борьбой за Холм, – обращался Гитлер к осажденным, – ваша мужественная защита города укрепляет ключевой пункт успешной операции, которая была запланирована».*

В ходе осады Холма произошел первый бой полевого батальона люфтваффе дивизии «Мейндль» с нашими частями. Создание авиаполевых дивизий было связано с разгромом немецких войск зимой 1941/42 г. Большие потери вермахта не покрывались текущим пополнением и переброской войск с Западного фронта. Уже осенью 1941 г. стали формироваться так называемые полевые батальоны люфтваффе. Они составили дивизию «Мейндль» по фамилии командира – генерала, действующую в районе «демянского котла». Всего была сформирована 21 авиаполевая дивизия. 21-й номер имела дивизия «Мейндль».

Для деблокады Холма командованию 16-й армии были предоставлены резервы группы армий

«Север». К Холму был направлен 39-й бронетанковый корпус генерала Арнима. Находящиеся под его командованием части приступили к повторному захвату города. В немецких документах эта операция называется «освобождение».

Самолеты привозили горючее и забирали раненых. Зима 1941/42 г.

День 3 мая был дождливым. Немецкие самолеты не смогли подняться в воздух. Но осажденные уже слышали приближающийся с юго-запада шум битвы. 4 мая немецкая авиация бомбила позиции наших войск. 5 мая, в начале одиннадцатого, на позиции обороняющихся немцев въехали самоходные орудия из 122-й пехотной дивизии.

Дорого обошлась противнику оборона Холма. На огневых позициях – в окопах и среди руин оставалось в живых лишь 1200 человек. В убежищах, подвалах находилось 1500 раненых. Примерно такое же число мертвых лежало в могилах, неподалеку от тех мест, где они погибли [76].

Теперь Холм вновь стал частью немецкого фронта – единой передовой в районе к югу от озера Ильмень, где обстановка стабилизировалась. Комендант Холма генерал-майор Шерер 6 мая 1942 г. стал 92-м офицером, награжденным Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. В звании генерал-лейтенанта он был назначен командиром 83-й пехотной дивизии, которая в ходе Великолукской операции (25.11.1942 г. – 20.01.1943 г.) была разгромлена.

1 июля 1942 г. был учрежден щит Холм, самый редкий из учрежденных щитов. Этим щитом награждались участвовавшие в обороне Холма с 21 января до 5 мая 1942 г. Всего им было награждено более 5000 человек. Он носился на левом рукаве мундира. Награждение производил генерал-майор Шерер, представление для награждения могли подаваться до 30 января 1944 г.

Глава 9 БОИ ЗА СТАРУЮ РУССУ

Старая Русса зимой 1942 г

Теперь перенесемся в район Старой Руссы. С этим городом связывали свои планы и немецкая, и советская стороны. 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова предстояло нанести удар в направлении Старая Русса – Сольцы и путем обхода овладеть городом. Эту задачу должны были выполнить три стрелковые дивизии (182, 188 и 84-я), средняя укомплектованность которых составляла 7825 человек, чуть больше половины от штатной численности [77].

А что же немецкая сторона? Зимой 1941–1942 гг. Старая Русса являлась важным транспортным

узелом, базой снабжения и центром интендантских служб, осуществлявших поставки для немецкого фронта между озерами Ильмень и Селигер. Ее падение означало бы падение и всего этого фронта.

Немцы, учитывая важное оперативное значение города, возвели сильные укрепления на окраинах. В Старой Руссе не осталось практически ни одного деревянного здания, особенно на восточной и северной сторонах. Все они были сожжены или разрушены с тем, чтобы не мешать огневой системе обороны города. В этом немцам «помогла» 250-я пехотная испанская дивизия. По пути в Новгород она сосредоточивалась в Старой Руссе. Была поздняя осень, наступили холода. Очевидцы вспоминали, чтобы согреться, испанцы жгли целые улицы деревянных домов. В нашей литературе 250-ю пехотную дивизию, как правило, называют «Голубой дивизией». В немецких источниках, в частности в книге Пауля Кареля «Восточный фронт», она названа «Синей дивизией». По всей видимости, эти названия произошли из-за цвета рубашек, которые испанцы носили под немецкой униформой, как символ фалангистов Франко.

18-я моторизованная дивизия группы «Север» понесла в боях под Тихвином громадные потери. Пополненная личным составом и доукомплектованная техникой, она была переброшена генерал-полковником Бушем в район Старой Руссы в качестве армейского резерва и дислоцирована по деревням. Тщательная разведка, знание советских тактических приемов, а также развитое «чутье» привели штаб дивизии к заключению о намерении русских использовать замерзшее озеро Ильмень и нанести удар по Старой Руссе. Корпусное начальство считало любые перспективы атаки советских войск по льду озера «нереалистичными». Но Буш разрешил сосредоточить и развернуть дивизию – все ее части по уже разведанным позициям вдоль берега озера Ильмень. 4 января 1942 г. командование 16-й немецкой армии издало соответствующий приказ, а спустя семьдесят два часа советские дивизии перешли через замерзшее озеро. Оборона Старой Руссы была возложена на 51-й моторизованный полк.

Что знали наши противники о городе? По словам немецких ветеранов, приезжавших в 90-е годы на места былых боев, им, в любом случае офицерам, доводилась информация о Старой Руссе. *«Знаменитый грязевой курорт, – вспоминает бывший военный врач, – еще с царских времен являлся гарнизоном лучших кавалерийских полков, среди которых был и полк кирасир под командованием кайзера Вильгельма II. Каждый год сюда приезжали представители высшей знати, великие князья, в том числе и Николай Николаевич. (Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – верховный главнокомандующий в 1914–1915 гг. – Прим. авт.), игравший важную роль при дворе до 1914 г. Прекрасная королева Румынии Мария (она приходилась внучкой Александру II. – Прим. авт.) тоже здесь гостила.*

Необыкновенно красивые монастыри и церкви дополняют романтический образ этого небольшого города. Многочисленные реки, соединенные мостами, вьются змейкой через город, сливаясь в устье Ловати. Старая Русса до 1900 года была русским Гамбургом. Затем над ней бурей пронеслась красная революция, оставив здесь свои кровавые следы. Место аристократии на курорте заняли новые господа красной империи – Ленин, Сталин, Молотов и другие. Теперь они уже приезжали сюда поправлять свое здоровье и пользоваться услугами оставшегося здесь врача-немца [78].

Временные успехи 182-й стрелковой

182-я стрелковая дивизия полковника М.С. Назарова в декабре 1941 г. занимала оборону на рубеже: отм.76.1, Сараи, отм. 83,2, район Белый Бор. Получив 23 января приказ штаба 11-й армии о подготовке к наступлению, дивизия сдала свой рубеж обороны дальневосточной дивизии. Соблюдая маскировку, ночными маршами, она сосредоточилась севернее расположения дивизии Миссана в районе Вилины, Лохиня, Старый Двор. В новом месте проводились занятия по боевой подготовке, материальная часть и техника готовились к тяжелому предстоящему маршу на Старую Руссу и к боевым действиям.

Дивизия заранее была усилена. Еще в первых числах октября 1941 г. в ее состав вошел 28-й мотоциклетный полк, преобразованный в 140-й стрелковый. Он принял участие в осенних боях за Белый Бор, понес большие потери. В преддверии наступления 3 января 1942 г. в распоряжении командира 182-й стрелковой дивизии прибыли 25, 26, 27 и 28-й отдельные лыжные батальоны. Это была серьезная помощь – лыжники были более подготовлены к боям в зимних условиях, чем

простые пехотинцы.

Редкую и впечатляющую картину движения большой массы войск в снегах и болотах южнее озера Ильмень, с высоты птичьего полета, можно было бы наблюдать вечером 7 января 1941 г. и в последующую ночь. В трех направлениях пехота, артиллерия, танки, тыловые подразделения, лыжные батальоны совершали марш, вернее, пробивались через глубокие снега, мелколесье, болота, кустарники. Шли три дивизии – 180, 182, 188-я. Более подробно о «прелестях» марша будет рассказано на примере 180-й дивизии полковника И.И. Миссана.

Представляют интерес воспоминания немецкого очевидца, пролетавшего над этим районом осенью 1941 г.: *«Машина низко летит над бескрайними лесами, скользит над болотами, над руслами рек и заболоченными лужицами, поросшими камышом.... То здесь, то там через узкие реки переброшены небольшие мостки – единственный след человека в этом необъятном, девственном лесу. Домов совсем не видно.*

Великолепие бескрайних просторов, одиночество над русскими лесами захватывают дух. Если летчик совершит здесь вынужденную посадку, он сгинет навеки. Из этой безграничной болотистой местности выбраться невозможно» [79] .

Автор этих строк летел на самолете, а три советских дивизии пробивались к Старой Руссе зимой, в начале января, при крепчайшем морозе. Дивизия Назарова шла правее дивизии Миссана по маршруту – Вилины, Лохиня, Старый Двор, озеро Симоново, Синецкий залив, реки Ловать и Полисть. Задача была ясна – совместно с 188-й и 84-й стрелковыми дивизиями овладеть Старой Руссой. Но реальность была такова, что 84-я стрелковая дивизия генерал-майора П.И. Фоменко в бой вступит лишь через четыре дня. Это скажется на исходе штурма города.

140-й стрелковый полк имел особую задачу, поставленную штабом 11-й армии, – совместно с 71-м отдельным лыжным батальоном захватить село Взвяд. В боях за Старую Руссу он принимать участие не будет.

8 января 1942 г. в 17.00 182-я стрелковая дивизия перешла в наступление. Глубокой ночью 9 января 171-й стрелковый полк совместно с 27-м отдельным батальоном овладел деревней Медведно. 232-й стрелковый полк при атаке с/х «Кречево» штурмом отбил пять орудий, которые вели огонь прямой наводкой по наступающим, и захватил с/х «Кречево».

К концу короткого зимнего дня в 17.00 9 января 1942 г. 25-й отдельный лыжный батальон занял деревни Большое и Малое Вороново, Лукино, оседлал дорогу Пеньково – Старая Русса. При этом он подвергся ударам авиации противника и артиллерийскому обстрелу. В пределы города смог пробиться лишь истребительный отряд дивизии, овладел железнодорожной станцией Старая Русса, но закрепиться не смог и был выбит противником.

Бои на подступах к городу продолжались и в дальнейшем. К исходу дня 10 января 171-й стрелковый полк ротой автоматчиков и вторым батальоном овладел населенными пунктами Отвидно, Мирогоща, Чертицко. На следующий день 232-й стрелковый полк совместно с 26 и 27-м отдельными лыжными батальонами вел бой на подступах к Гущино, но ввиду превосходства огневой системы противника и подвергаясь непрерывной авиационной бомбежке, успеха не имел. 171-й стрелковый полк вел бой за Дубовицы, Соломенка и взводом автоматчиков оседлал дорогу Старая Русса – Шимск.

Запись в журнале боевых действий дивизии: **«Части дивизии 23.01.42 г. получили задачу – оборонять полосу севернее Старой Руссы, занимая рубеж двумя полками малочисленного состава на протяжении 8 км. Дивизия инженерными укреплениями сделала полосу непреодолимой для врага»** [80] .

В боях дивизия понесла большие потери, в первую очередь от вражеской авиации, огневая система противника оказалась эффективной и трудно преодолимой.

Взвяд

В сентябре 1941 г. в село пришли немцы – 290-й истребительно-противотанковой дивизион. Взвяд – самая северная точка стратегически важного перешейка между озерами Селигер и Ильмень. Здесь кончалась единственная дорога, ведущая из Старой Руссы через 15 км лугов, лесов и болот к озеру и устью Ловати.

Рыбацкое село Взвяд являлось опорным пунктом на фланге 290-й пехотной дивизии. Осенью

немцы покинули село. Какой смысл охранять непроходимые болота и топи? Но с наступлением холодов, когда болота сковал мороз, мог образоваться коридор, ведущий через линию фронта в немецкий тыл. Поэтому в конце декабря 1941 г. части дивизиона под командованием капитана Преля вернулись во Взвод. 6 января 1942 г. немецкий дозор захватил пленных – двух красноармейцев. Удалось добиться от них показаний, что общее наступление 11-й армии начнется завтра – 7 января.

В распоряжения Преля добавили часть 38-го мотоциклетного батальона из состава 18-й моторизированной дивизии и 2-ю роту 615-го батальона местной обороны, отступавшие под натиском частей 182-й стрелковой дивизии. В результате у Преля собралось 543 человека [81].

Вот этот укрепленный пункт предстояло взять 140-му стрелковому полку совместно с 71-м отдельным лыжным батальоном. В помощь нашим частям были выделены танки. 16 января на подступах к Взводу были захвачены деревни Некрасово, Подборовье, Корпово. В результате немецкий гарнизон во Взваде был отрезан, пути сообщения перекрыты. У осажденных вскоре закончились боеприпасы, запасы продовольствия были малы. От неминуемой скорой гибели немцев спасло снабжение по воздуху. С самолетов сбрасывали «снабженческие бомбы» с боеприпасами, которые зачастую при ударе о землю взрывались. Однако не была решена проблема с продовольствием. У гарнизона была надежда на помощь испанских саперов, которая не сбылась.

В истории 290-й пехотной дивизии есть запись: *«Рано утром 11 января связь с 18-й дивизией снова прерывается. Радисты сооружают высокую антенну. Кругом свирепствует шум битвы между Взводом и очагами боя. В обед вступает в бой новое оружие противника, еще более опасное, чем подрывные гранаты: горящие снаряды с 20–30 фосфорными зарядами, которые, как искры фейерверка, испытываются в деревне. Взвод горит... до поздней ночи, как далеко видимая цель. 18-я пехотная дивизия передает по радио сообщение о положении: «Старая Русса, несмотря на усиленный обстрел артиллерией, осталась за немцами и удерживается, пока не придет подкрепление» [82].*

Для поднятия духа в одном из контейнеров с продовольствием капитану Прелю сбрасывается Рыцарский крест, но в другом контейнере вместо запрошенных подрывных гранат оказываются непригодные зенитные снаряды.

14 января немецкому гарнизону через парламентаря предложено сдаться. Прель, который день назад был представлен к Рыцарскому кресту, отказался капитулировать. За этим последовала ночная танковая атака.

Гитлер лично следил за этими боями, об этом сообщили Прелю и одновременно ставили в известность о невозможности деблокирования. Прелю разрешалось оставить Взвод в том случае, если гарнизону будет угрожать уничтожение [83].

Большие неприятности немцам приносили наши У-2. *«Введенные в бой бомбардировщики поднимаются в вечерние часы. С 9 вечера до 6 утра каждый час взрываются 14 взрывных и 33 зажигательных бомб на нескольких улицах умирающей деревни» [84].*

Несколько раз за время осады во Взваде смог приземлиться самолет Fi-156 «Физелер-Шторьх», который в период Второй мировой войны был основным немецким легким многоцелевым самолетом. «Аист» («шторьх» в переводе с немецкого «аист») – непритязательный, несколько причудливый моноплан, с «консерватизмом» внешнего вида и длинными стойками шасси, призванными гасить большие вертикальные скорости при посадке. По мнению специалистов, он вполне удовлетворял задачам связного армейского и легкого разведывательного самолета середины тридцатых годов. Он доставил осажденным необходимый медицинский персонал и медикаменты и смог вывезти несколько тяжелораненых солдат.

Вечером 21 января наши подразделения овладели Взводом. Ночью остаткам немецкого гарнизона, унося с собой раненых и больных, удалось вырваться и по льду озера Ильмень, преодолев 25 км за 14 часов, выйти в район деревни Ужин в расположение подразделений испанской «Голубой дивизии» и немецкого полицейского полка. По пути их атаковали два наших У-2.

Из воспоминаний немецкого хирурга: *«В предрассветные сумерки русские внезапно заметили, что все ушли. Тогда они, взбешенные, отправили вдогонку за отступающими лыжный батальон. В белой маскировочной одежде сибиряки быстро шли по следам. Они постепенно приближались, расстояние сокращалось. Наступал рассвет.*

Тут немецкие посты, расположенные на берегу около Бурегов, заметили вдали движущуюся по льду озера Ильмень колонну взводского гарнизона и, к своему ужасу, обнаружили, что за ней мчится

русский лыжный батальон. Сразу же была поднята на ноги артиллерия. Стрелки открыли огонь, в сибиряков посыпались гранаты. Окоченев от холода, в полном изнеможении, люди из гарнизона все-таки добрались до немецкого берега» [85].

Санитарный «Шторх» («Аист»)

С 21.01. по 04.04.42 г. дивизия обороняла рубеж: Бол. Вороново – Гор. Слобода, общим протяжением в 25 км, имела боевое охранение по линии Пеньково, Бол. и Мал. Вороново, Гадуново, Мухино. Противник 5–6.04.42 г. повел наступление, сбил боевое охранение, попытка наступления с танками была отбита. В связи с затоплением местности по всей полосе обороны 182-я стрелковая дивизия 09.04.42 г. получила задачу: уловив момент вскрытия рек, отойти на болотистое пространство, избежав преследования противника. Эта задача дивизией была выполнена без потерь в личном составе и материальной части. Противник в течение двух дней не обнаруживал отхода дивизии, продолжая обстреливать оставленные позиции. Части дивизии отходили ночью через разлившиеся реки Тулебля, Полисть, озеро Соминое по большому водному пространству по пояс в ледяной воде. Материальную часть артиллерии зачастую вытаскивали вручную через воду глубиной 1 метр и больше.

182-я стрелковая дивизия после отхода сосредоточилась в районе Подборовье, Слобода, Красково. Приданные 25-й и 27-й отдельные лыжные батальоны заняли рубеж обороны по реке Полисть до железной дороги Старая Русса – Парфино.

188-я дивизия Рыбакова перед Бряшной Горой и Медниково. Стена огня

188-я стрелковая дивизия в декабре 1941 г. обороняла полосу Плещевицы, северный берег озера Неверы, Лобаново, Малое и Большое Замошье. Третьего декабря, поздней ночью, она овладевает и уничтожает деревню Сухая Ветошь, находясь в готовности отрезать возможные контратаки противника. Соседи – 163-я стрелковая дивизия справа, 245-я стрелковая дивизия слева продолжали вести активную оборону.

22 декабря 1941 г. командир дивизии полковник Т.И. Рыбаков получил приказ штаба 11-й армии о наступлении, и в тот же день полки дивизии начали сдачу переднего края обороны соседям.

Совершив марш к 13.00 1 января 1942 г., части дивизии расположились за передней линией обороны 180-й стрелковой дивизии в районе Вдаль, Межники, Веретье, Маята – на юго-восточном берегу Ильменя. Неделя, оставшаяся до наступления на Старую Руссу, была использована для подготовки к маршу и предстоящим боям. Марш начался одновременно со 180-й и 182-й стрелковыми дивизиями и проходил в тяжелейших условиях. Пришлось преодолевать лед залива

озера Ильмень, форсировать реки Пола, Ловать, Редья. Первым шел 595-й стрелковый полк, проводником у него был 67-летний житель деревни Маята И.В. Липатов. Под покровом темноты, скрываясь в крутых берегах, поросших кустарником, не замеченный противником полк к 11.20 8 января 1942 г. вышел к насыпи в полукилометре к северо-востоку от деревни Подборовье и атаковал ее.

На восточной окраине деревни передовые подразделения 595-го стрелкового полка встретили сильнейший огонь из замаскированных огневых точек. В ходе боя полк понес тяжелые потери, 523-й стрелковый полк, вступивший в бой, также имел убитых и раненых. По результату первого в ходе наступления боя полковнику Рыбакову стало ясно, что дивизию ожидают тяжелые испытания.

В журнале боевых действий отмечено, что дивизия может быть готова к наступлению на Старую Руссу к 16–17 часам. Вот запись, сделанная на следующий день:

09.01.42 г. 14.00 штадив 188. Талыгино.

...

«1. 188 СД, продолжая свое наступление в общем направлении на Старую Руссу, с 2.00 09.01.42 г. вела сильный огневой бой с упорно обороняющимся б-ном пр-ка в р-не Талыгино, Анишино. В результате упорного боя 595 СП и 58 °СП выбили пр-ка из Талыгино и Анишино, продолжая преследовать его в направлении Старой Руссы.

2. К 14.00 части дивизии достигли: 595 СП – овладел Бряшная Гора. 58 °СП предположительно овладел Медниково (положение уточняется), 523 СП в 10.00 сосредоточился в лесу южн. Анишино. 3/523 СП в 5.00 овладел Иванково, ведет бой за овладение платформой Анишино.

3. Потери за сутки боя (8 т 9.01.42 г.) по неутонченным данным: убито около 40 чел., ранено около 120 чел.» [86].

Противник хорошо подготовил город к обороне, огневая система была труднопреодолимой. Полки дивизии несли большие потери.

К вечеру 9 января немцы смогли вернуть себе Бряшную Гору, и все дальнейшие попытки дивизии выбить их оттуда будут безуспешными.

Героический бой батальона капитана Величко

Тем временем 2-й батальон капитана А.Ф. Величко 595-го стрелкового полка приближался к Старой Руссе. Он незаметно для врага обошел стороной Медниково и на рассвете, 9 января, ворвался в восточную часть города на улицу Минеральная, между К. Маркса и Володарского. Застигнутые врасплох, гитлеровцы выпрыгивали из окон домов в чем попало и тут же падали, сраженные пулеметным огнем. С боем были взяты Красные казармы.

Метавшихся в панике врагов расстреливали из танковых пулеметов, выставленных вдоль улиц К. Маркса и Бетховена. Батальон согласно приказу занял оборону в ожидании основных сил полка. И неведомо было Величко, что помощи не будет, что враг остановил остальные батальоны его полка интенсивным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем из опорных пунктов Медниково и Бряшная Гора. Противодействовать врагу они не могли, так как артиллерия отстала далеко в глубоких снегах.

Батальон Величко остался в городе один, к тому же лишенный радиосвязи с командованием полка. Противник, оценив силы ворвавшихся в город, оперативно стянул в этот район резервы и начал окружать батальон. Капитан Величко приказал: *«Всем держаться до последней гранаты и последнего патрона»*.

На исходе трехчасового боя в батальоне могли сражаться лишь 80 человек. Комбат, будучи раненным, продолжал руководить боем. Командир медсанвзвода, уроженец Старой Руссы, старший лейтенант медицинской службы Н.Г. Кроленков потом свидетельствовал: *«Величко тяжело ранило в живот. Я наложил ему повязку и просил не двигаться, но капитан ответил, что жить ему недолго и, пока бьется сердце, он будет командовать батальоном»*.

Когда дееспособных осталось не более сорока человек, фашисты их полностью окружили. Дом, где находились раненые, подожгли, и они вместе с санитарями погибли в огне. Остатки батальона на прорыв повели старший лейтенант И.Ф. Шаповаленко и младший лейтенант госбезопасности Быков.

Расчищая себе путь гранатами и автоматным огнем, по железнодорожному полотну они прорвались сквозь кольцо окружения. При этом погиб Быков. Вышли к своим единицы. (В. Кислинский. Ветеран СЗФ).

В адрес командующего 11-й армией пошло донесение:

...

«За период с 7 по 12.01.42 г. части дивизии, по предварительным данным, понесли потери в личном составе убитыми, ранеными и пропавшими без вести: ком. нач. состава – 82 чел., мл. нач. состава – 175 чел., рядового состава – 939 чел. Всего 1206 чел.» [87] .

Противник активно использовал штурмовую авиацию. На бреющем полете в течение до полутора часов подвергались атаке боевые порядки полков. Дело доходило до того, что пехота, неся большие потери, не могла подняться в атаку.

Подошедшая артиллерия дивизии, не имея разведанных, вела огонь по площадям, что было малоэффективным. Такие артналеты служили больше сигналами немцам о готовящейся атаке. К исходу 13 января части 188-й стрелковой дивизии смогли достичь рубежа 300 м от окраин Медниково.

В журнале боевых действий дивизии за 14 января 1942 г. есть запись:

...

«1. Перед фронтом 188 С.Д. на участке Бряшная Гора, Медниково, Соболево, Новые Липовицы, Липовицы противник неустановленной численности и нумерации продолжает оказывать упорное сопротивление частям дивизии, особенно сильное сопротивление противник оказывает в районе Медниково.

2. С 11.00 после 2-часового артнаступления в составе двух батальонов, наступая на Медниково. С 14.00 3/523 С.П., обходя Медниково, а 2/523 С.П. на вост. и юго-вост. окраине Медниково, оба батальона вели затяжной огневой бой на окраине Медниково. Неоднократные попытки пехоты атаковать Медниково успеха не имели, пр-к подпускал наступающую пехоту до 70 м к Медниково, после чего открывал сильный огонь из дзотов и в сочетании с фланговым мин. и пуль. огнем со стороны Липовицы, Бряшная Гора своим огнем отбрасывал наступающую пехоту в исходное положение. В бою за овладение Медниково погиб командир дивизии полковник Рыбаков, ранен командир 614 А.П. майор Корочевский, убит ком. батареи А.А. 523 С.П. Ершов» [88] .

Рано утром 16 января авангардный 1-й батальон 595-го стрелкового полка достиг аэродрома, но встретил проволочные заграждения в несколько рядов и сильный огонь зенитной артиллерии. Батальон к 10.00 вынужден был отойти в район юго-западнее Горошевки, имея убитыми и ранеными около 60 человек.

580-й стрелковый полк с 30-м и 70-м отдельными лыжными батальонами и саперной ротой дивизии блокировал шоссе Рамушево – Старая Русса, Холм – Старая Русса, не допуская движения противника по этим дорогам.

Немцы постоянно использовали в течение всего светлого дня авиацию, которая бомбила расположение наших частей и огневые позиции артиллерии. 9 февраля 427-й о.з.а.б. сбил три самолета Ю-88 и один подбил, но это были редкие успехи.

Лыжные батальоны тоже понесли большие потери и были переформированы согласно приказу штаба 11-й армии. Из 31-го и 27-го сформирован 27-й отдельный лыжный батальон и придан командиру 523-го стрелкового полка, а из 70-го и 71-го сформирован 28-й лыжный батальон и придан командиру 580-го стрелкового полка.

Бои начали принимать позиционный характер. Бряшную Гору, Медниково, Липовицы нашим частям взять не удавалось.

Запись в журнале боевых действий:

...

16.02.42 г. 24.00 Штадив 188. Подборовье.

«С 9.00 16.02.42 г. части дивизии силами 595 СП, 523СП, 280 ЛБ и 270 ЛБ вели наступательный

бой с пр-ком по овладению Бряшная Гора, Медниково и Липовицы. После короткого арт. наступления, не встречая огневого сопротивления со стороны пр-ка, к 18.00 595СП и 523СП достигли рубежа 300 м вост. Липовицы и Медниково, встретили минное поле, преодолев его, вышли на рубеж атаки. Пр-к, подпустив части на близкое расстояние, открыл сильный пуль. и мин. огонь из ДЗОТов и домов, не дав возможности подразделениям подняться в атаку, подразделения с наступлением темноты отведены на исходные положения» [89].

4 мая 1942 г. в журнале отмечено, что противник перед фронтом дивизии на рубеже Гор. Слобода, Бряшная Гора, Медниково, Липовицы и Нов. Липовицы продолжает упорно обороняться.

84-я дивизия ведет бои на окраинах Старой Руссы

Подготовка к наступлению 84-й стрелковой дивизии генерал-майора П.И. Фоменко и ее последующие действия были схожи с другими наступающими на Старую Руссу соединениями. Перед новым 1942 г. ее боевые порядки были переданы 26-й и 202-й стрелковым дивизиям 34-й армии. После совершения марша 4 января 1942 г. дивизия сосредоточилась северо-восточнее штаба 180-й стрелковой дивизии уже в составе 11-й армии, в районе Ободово – Подборовье. В ночь с 7 на 8 января она была передислоцирована ближе к линии фронта, юго-западнее деревни Лажины. К наступлению на Старую Руссу готовились 41-й и 201-й стрелковые полки, 74-й артиллерийский полк, рота противотанковых ружей, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, армейский истребительный отряд. 382-й стрелковый полк перешел в резерв штаба 11-й армии.

Дивизия без 382-го стрелкового полка находилась во втором эшелоне 11-й армии, непосредственного соприкосновения с противником не имела. В распоряжение генерал-майора Фоменко прибыли 25, 122 и 202-й отдельные лыжные батальоны.

Преодолев болота, снега и форсировав реку Верготь, боевые части достигли района озера Табачное. После ночного марша части 84-й стрелковой дивизии сосредоточились к утру 10 января в районе Подборовья, уже освобожденном дивизией полковника Назарова.

Лишь 12 января части дивизии вошли в боевое соприкосновение с противником на рубеже Заднее Поле, Нагово, Дубовицы, Старая Русса. 201-й стрелковый полк в 1.30 12 января занял севернее Старой Руссы на шимском шоссе деревню Дубовицы, достиг реки Тулебля юго-восточнее Дубовиц. В 12.00 под воздействием сильного огня противника отошел в район моста на дороге Нагово – Старая Русса на ручье Крекша. С 13.00 вел повторное наступление, успеха не имел. К 8.00 12 января 1-я рота 201-го стрелкового полка, 25-й отдельный лыжный батальон и истребительный отряд 11-й армии овладели Рачушей.

В ходе яростных контратак к исходу дня 12 января противнику удалось выбить наши подразделения из Рачуши, которая ночью 13 января вновь была взята 25-м отдельным лыжным батальоном и истребительным отрядом 11-й армии.

13 января 382-й стрелковый полк вел наступление в направлении Красная Сосна, Старая Русса. Продвигаясь вперед, к утру достиг железнодорожного моста через Тулеблю, где и закрепился на день. В течение дня полк подвергался 5-кратной бомбардировке с воздуха.

14 января попытки 201-го и 382-го стрелковых полков захватить Дубовицы были безрезультатны – слишком сильным было огневое воздействие противника.

Отряд в количестве 300 человек под командованием капитана Богданова, действовавший в направлении Веселая Горка, отм. 30.4, Красная Сосна, западная окраина Старой Руссы, в 6.45 достиг северо-западной окраины города. Там были обнаружены три орудия и 20 автомашин, минометная батарея. На эти объекты был произведен налет гранатами, пулеметно-автоматным огнем, в результате часть автомашин и 3 тяжелых орудия выведены из строя. В дальнейшем отряд был взят противником в клещи и вынужден был отойти по железной дороге Старая Русса – Тулебля.

15 января 45-мм батарея 41-го стрелкового полка подбила два из четырех немецких танков, ведущих огонь с дороги Дубовицы – Муравьево. В этот день два других полка успехов не имели. Подразделения несли большие потери. Командующий 11-й армией приказал генерал-майору Фоменко перейти к обороне на фронте Старая Русса – Дубовицы – Муравьево – Нагово – Рачуша.

Как и в соседних дивизиях, бои приняли затяжной характер.

Командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин в своих мемуарах

напишет: «Однако взять Старую Руссу с ходу не удалось. Артиллерия 11-й армии отстала в глубоких снегах, стрелковые части атаковали город без достаточной огневой поддержки. Перегруппировка армии осуществлялась медленно. Враг засел в городе прочно. Он подготовил сильные опорные пункты. С окраины выстрелы раздавались буквально из каждого дома. Немецкая круговая оборона оказалась труднопреодолимой. Наши непрочное, с большими разрывами кольцо окружения вокруг Старой Руссы не обеспечило надежной изоляции группировки врага. К сожалению, некоторые командиры, не имея опыта, порой излишне торопились с атаками, часть повторяли их без должной организации. Отсутствие единого одновременного удара соединений 11-й армии по гарнизону в городе не могло обеспечить успеха. В связи с этим мне приходилось неоднократно вмешиваться в ход событий и требовать от командарма более организованных действий. Бои за Старую Руссу приняли затяжной характер».

Наши потери были огромны. «Однажды во время скучного ожидания возможности проехать по дороге, так как движение было односторонним, я попытался взобраться на высокий склон, чтобы взглянуть издали на Старую Руссу. Наконец-то с трудом я вскарабкался по крутой снежной стене и замер от ужаса, увидев открывшуюся моему взору картину. Передо мной раскинулось необозримое поле, усеянное телами погибших. Тысячи и тысячи русских полегли, скошенные нашим пулеметным огнем. Снег прикрыв тела павших, но потом ветер разметал его и обнажил их. Повсюду ввысь вздымались окоченевшие руки, ноги, колени...» [90] .

Немецкая сторона была невысокого мнения о нашей пехоте. Тому свидетельство этот разговор:

– Господин капитан, причина успешной обороны кроется не столько в решимости и мужестве, сколько в русских.

– Почему это в русских? – спрашивает он ворчливо.

– Русские, эти люди из Сибири, не извлекли никаких уроков из прошлого. Они нападают плотными рядами, как в 1916 или 1917 гг. Сбившись в кучу, плечом к плечу, они целой толпой надвигаются на противника, подгоняемые пулеметами, которые строчат у них за спиной. К тому же многие из них пьяны. Не забывайте, что в 1916 и 1917 гг. боевой дух и мораль одного нашего солдата стоили двадцати русских.

– Конечно, сегодня то же. Но русские учатся. Они становятся все более образованными и точными, они учатся по современным методикам, лучше вооружаются, разрабатывают новую технику. В этом заключается опасность. Чем больше продлится война на Востоке, тем больше будет меняться соотношение 1:20 [91] .

Многие немцы уже в январские дни 1942 года понимали, что поход на Восток скорее всего закончится для Германии плачевно.

Капитан затягивает старую песню:

– Поверьте мне, в единстве – сила. А с нашим фюрером это просто пустяк.

И в том же хорошо знакомом тоне беседа продолжается дальше. Некоторое время я слушаю детский лепет о победе, затем мое терпение иссякает. Я больше не могу сдерживаться:

– Господин капитан, вы вообще когда-либо видели карту России? Карту всей страны, какие висят в русских деревенских школах?

– К чему вы клоните, профессор?

– Ну, разумеется, вы не могли ее видеть. Не бросилось ли вам в глаза то, что, несмотря на наши сражения и захваты, несмотря на наши великие победы, мы до сих пор находимся лишь у западных границ огромной империи? Совсем с краю. И что красный колосс простирается перед лицом нашего на удивление редкого фронта, скованного снегами и льдами, еще на восемь-девять тысяч километров к востоку? Огромное пространство, господин капитан, и ни вы, ни я, ни господа генералы, ни один человек не знает, что ждет нас там. Разве наши предыдущие победы, если их можно так назвать, дались нам легко, без проблем [92] ?

Глава 10 ЗИМА 42-го. НАСТУПЛЕНИЕ ПО ЛОВАТИ И ПОЛЕ

Дивизия Миссана в тылу 290-й пехотной дивизии

В конце декабря 1941 г. в штаб 180-й стрелковой дивизии в деревне Лажины недалеко от озера Ильмень прибыл командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов. Командиру 180-й

стрелковой дивизии полковнику И.И. Миссану была поставлена предварительная задача на предстоящий переход его дивизии от обороны к наступлению. При этом присутствовал руководитель здешних партизан С.М. Глебов, который обещал к началу выступления прислать трех Владимиров – Кухарева, Зуева и Зеленцова, хорошо знающих район предстоящего наступления, и свое обещание он выполнил.

27 декабря приказ и задача на сосредоточение частей были доведены до командиров и начальников штабов полков. Уже на следующий день 21-й стрелковый полк майора Г.И. Чурмаева убыл с занимаемых позиций. К рассвету 29-го он сосредоточился в лесах, в районе между деревнями Межники и Большая Тисва в полосе обороны 56-го стрелкового полка, который должен был сняться с обороны только 5 января 1942 г. Уход с позиций двух полков происходил скрытно. Для сковывания противника с фронта обороны был оставлен 42-й стрелковый полк майора В.Г. Дорохина. Чтобы не вызвать у противника подозрений, артиллерия дивизии вела огонь с тех же позиций и в том же темпе. Разведчики дивизии уточняли маршруты движения, более подробные сведения о противнике дали старорусские и полавские партизаны.

Раненых транспортировали в «лодочках»

4 января 1942 г. ночью был получен приказ из штаба 11-й армии, уточняющий боевую задачу дивизии. Из него следовало, что 21-й и 86-й стрелковые полки с приданным 29-м и 30-м лыжными батальонами сибиряков из Кемеровской и Новосибирской областей, 150-м танковым батальоном при поддержке 264-го и 614-го артиллерийских полков РГК должны преодолеть вражескую оборону на участке Заполье – Большая Тисва, выйти в тыл 290-й пехотной дивизии противника и ее уничтожить. В дальнейшем с выходом в район деревень Мануйлово, Щечково на реке Пола и деревни Большое Яблоново запереть в окружении остатки 290-й пехотной дивизии и не допустить подхода немецких частей из района Демянска и Старой Руссы. Первым должен был вступить в бой 86-й стрелковый

полк майора Кашеева и овладеть хорошо подготовленным противником к обороне крупным населенным пунктом Юрьево на западном берегу реки Ловать. Затем, наступая на юг, освободить деревни Березицко, Анухино и Пустобородово. 21-й стрелковый полк майора Чурмаева, обойдя Юрьево с севера, должен был преодолеть болото Дрябь и выбить немцев из деревни Слобода, затем, повернув на юг, уничтожить гарнизоны противника в деревнях Красково, Ясная Поляна, Иванково, Анишино и выйти на железную дорогу Старая Русса – Парфино.

Вести боевые действия предстояло в тяжелых условиях. Морозы в эти дни доходили до 40 градусов, но дивизия была к этим условиям готова. Все бойцы и офицеры были одеты тепло: зимнее нательное белье, ватные брюки и куртки-стеганки, шинели, большинство в овчинных полушубках, в шапках-ушанках, валенках и теплых рукавицах. Кроме того, были розданы плашки с сухим спиртом для обогрева рук. Автоматическое оружие было подготовлено для стрельбы при низкой температуре. Для вывоза раненых с поля боя были сделаны специальные санки и лодочки с одеялами. Водку всем стали выдавать для поддержания здоровья по 100 граммов в сутки еще с сентября 1941 г. с наступлением дождливой, сырой погоды. Так же были одеты и лыжники, и танкисты, и артиллеристы, приданные дивизии.

Утром 7 января, перед самым наступлением, в дивизию прибыла делегация из Пермской области с большим грузом подарков. Привезли они и Красное знамя, вышитое золотом, которое вручили 21-му стрелковому полку.

Марш дивизия начала уже в темноте, вечером 7 января. Первым шел 21-й стрелковый полк. Подразделения были рассредоточены, шли в полном безмолвии, ведь враг был всего в полукилометре. Впереди двигались разведчики и старорусские партизаны во главе с В.И. Кухаревым. Вслед за командованием полка шло подразделение истребителей танков – бронебойщиков. Тяжелые противотанковые ружья, каждое на плечах двух бойцов, напоминали чем-то средневековые мушкеты или пищали. За бронебойщиками шли другие подразделения полка. Замыкалась полковая колонна обозным транспортом. 86-й стрелковый полк подполковника А.К. Кашеева двигался следом в таком же порядке.

В арьергарде (конце) – Миссан с полевым штабом, медсанрота – под прикрытием автоматчиков.

Маршрут движения дивизии проходил по юго-восточному побережью озера Ильмень. В теплое время года эти места совершенно непроходимы. На протяжении многих километров в болотах нет ни одного деревца. Но в эту зиму бездонные топи так промерзли, что выдерживали тридцатитонную тяжесть тридцатьчетверок. Все было белым на этих бескрайних застывших болотах и реках: и снег, и кустарники, и люди, одетые в белые маскхалаты, и орудия и танки, окрашенные в белый цвет. По снежному насту могли пройти только лыжники, а пехота по пояс в снегу сама прокладывала путь. Местами пройти было невозможно. Выручали саперы. Они обрушивали с берегов горы снега и прорубали просеки в кустарниках и мелколесье.

Больше суток, 25 часов, преодолевали расстояние от места выступления до пункта на западном берегу Ловати, носившее условное название Сахалин. Средняя скорость движения войск была 1 км/ч. За это время полки дивизии прошли озера Тисовское и Стягово, несколько безымянных болот, реки Верготь и Ловать.

После шести часов тяжелейшего марша Миссан отдал приказ о привале. Каждый взвод разгребал снег на отдых. Рядом оказались несколько пустых немецких блиндажей. Немцы на время сильных холодов переселились в деревни. Небольшая часть людей разместилась там. Все остальным пришлось довольствоваться наскоро сооруженными шалашами и снежными ямами. Снежная яма представляла собой расчищенную от снега площадку на трех человек. На дно ямы стелились хвойные ветки, поверх расстилалась плащ-палатка. На эту «постель» укладывались двое, третий накрывал их двумя плащ-палатками, заваливал все это сверху снегом, а затем протискивался вовнутрь сам. Люди нагревали яму теплом своих тел и мгновенно засыпали.

С рассветом 8 января движение войск возобновилось. Теперь полки ушли в разных направлениях, а штаб дивизии с охранявшими его подразделениями остался на месте. В половине девятого утра на штаб случайно наткнулась группа финских лыжников, которые не заметили передвижение частей дивизии до этого. Огнем зенитного пулемета два финна были убиты, раненого финна взяли в плен, остальные в панике бежали. Спустя некоторое время, узнав от разведчиков местонахождение штаба, немцы начали обстреливать лесок из минометов, а затем и артиллерией, не

причинив при этом особого вреда. Наша артиллерия ответила интенсивным огнем и заставила их замолчать.

Передовая рота 86-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Панина совместно с ротой лыжного батальона днем 9 января выбили немцев из укрепленных пунктов Вышка, Сахалин и Сенопункт на подступах к Юрьево. Красноармеец Шадаев Беса из 86-го стрелкового полка снял немецкого часового с вышки, а затем вся охрана была уничтожена.

Юрьево – первая освобожденная деревня

В темноте в 22 часа подразделения 86-го стрелкового полка атаковали немцев в самой деревне Юрьево, взвод истребительной роты захватил на окраине деревни четыре хозяйственные постройки, но продвижению вперед мешал пулеметный огонь дзотов, пехота залегла. Внезапно появились два наших танка. Все были удивлены, как при таком бездорожье они смогли пройти. Да, было сложно. Когда наши танки преодолевали Ловать, немцы открыли шквальный артиллерийский огонь. Замыкавшая колонну тридцатьчетверок машина вдруг наехала на пробитый взрывом снаряда лед и осела на дно реки, над поверхностью льда торчала только ее башня, через открытый люк экипаж выбрался из танка. К берегу подходил в это время мощный тягач. Танкисты в ледяной воде смогли прикрепить стальной трос к буксировочным крюкам своего танка. В одну минуту тягач вытащил танк из ледяного плена и, не останавливаясь, отбуксировал его в лес. Подавив орудийным огнем дзоты, танки Новицкого и Ниязова ворвались в Юрьево. Немецкий гарнизон, состоящий из подразделений 502-го пехотного полка 290-й пехотной дивизии, оказал ожесточенное сопротивление, но после часового боя, бросив убитых и раненых, остатки гарнизона бежали в Березицко и Слободу, где еще находились немцы. В этом бою были взяты первые немецкие пленные.

В освобождении Юрьево помогли местные проводники – 15-летние подростки Володя Попов и Вася Афанасьев. Еще в сентябре 1941 г. на КП дивизии в деревне Большие Бучки подошли два паренька, это были они. Володя рассказал, что 26 августа немцы заняли его родную деревню Юрьево, за связь с партизанами и отказ сообщить, где они находятся, засекли до смерти его отца. Он будет за него мстить врагам. Ребят накормили и поставили на довольствие в разведроту. Они полностью оправдали доверие. Особенно выделялся своей храбростью и сметливостью Володя Попов. Поэт М. Матусовский, находившийся в дивизии, познакомился с ним и написал поэму «Володька». Хорошо зная местность, он проводил в тыл врага истребительные группы. Позднее Володя научился ставить мины на дорогах, на них подрывались немецкие полевые кухни и повозки. В родной деревне юные герои из рук Миссана получили ордена Красной Звезды, а Вася Афанасьев и погоны сержанта. Спустя полгода Володя погибнет в бою, Вася закончит войну в Латвии и будет награжден вторым орденом Красной Звезды.

Для обороны Юрьево был оставлен батальон майора Белоусова. Остальные подразделения 86-го стрелкового полка двинулись на Хмелево.

Тем временем 21-й стрелковый полк, преодолев болото Дрябь, на рассвете 10 января атаковал гарнизон врага в деревне Слобода. Здесь размещались саперный батальон и рота карательного отряда. Дома, где находились немцы, были подготовлены к обороне, окна заложены мешками с песком. На помощь подошла батарея полковой артиллерии под командой Николая Макейчика. Заняв позицию для стрельбы прямой наводкой, с расстояния 100–150 м артиллеристы уничтожали засевших в домах гитлеровцев. Умело работали минометчики, ведя отсечный огонь, отрезали врагу пути отступления. Гарнизон был полностью уничтожен.

Полковник Миссан одобрил решение майора Белоусова штурмом взять находящуюся в полутора километрах от Юрьево деревню Березицко и прислал на подмогу пять легких танков. Через час сопротивление немцев было сломлено. В отвоеванной деревне разместилась рота химзащиты.

12 января противник пытался вернуть потерянные деревни Юрьево и Березицко. Вот что немцы пишут про этот бой: *«...Около 10 часов с севера и запада танки и вражеские стрелки наносят контрудар. Танки проезжают вдоль и поперек по деревням под огнем немецкой обороны, внезапно появляются во всех углах, расстреливают пехотинцев, сами уклоняются от обстрела, стреляют из замаскированных позиций по каждому отдельному рискующему собой из прикрытия немцу, у которых все еще отсутствуют снеговые костюмы, и которые при 26 ° С мороза лежат как темные мишени на сверкающем на солнце снегу холодного зимнего дня. Потери огромны.*

Подполковник Никель приказывает батальонам Родемахера и Вендлера освободиться от врага и вернуться к позиции предыдущего дня» [93] .

Местные жители не остались в стороне, помогали нашим бойцам. При отражении вражеских атак в Березицко кончились патроны. И тогда пожилой Андрей Курочкин притащил на позицию три ящика, тайно хранимых с лета 1941 г.

Трудно бы пришлось пехоте без помощи саперов. Воины 33-го саперного батальона дивизии и приданного ей 38-го отдельного инженерного батальона расчищали лесные завалы, разминировали дороги, обеспечивали прохождение стрелковых батальонов, танков и артиллерии. Были сняты тысячи вражеских противопехотных и противотанковых мин, укреплен лед на реках для прохождения танков.

Выход частей дивизии Миссана на железную дорогу поставил немцев в затруднительное положение: *«Железнодорожный узел Старая Русса находится под обстрелом. Пути снабжения оттуда в Парфино враг блокирует в Иванково. Давление на Парфинском направлении ставит под угрозу лагерь снабжения дивизии. Снабжение прекращается. Это вынуждает к сокращению всех продовольственных рационов и экономному использованию артиллерийских боеприпасов» [94] .*

В результате январских боев 180-я стрелковая дивизия завоевала плацдарм в 25 кв. км и коридор сообщения с линией фронта. Разведрота и саперный батальон не позволяли немцам его перерезать и отбрасывали их назад. 290-я пехотная дивизия противника со спецчастями усиления неплохо подготовилась к круговой обороне. Дивизия же Миссана действовала на широком фронте наступления, распыляла силы на многочисленные опорные пункты противника с хорошо оборудованными дзотами.

Что из себя представлял дзот в русской деревне? На северо-западе в лесистой и зачастую болотистой, влажной местности деревянные дома строили как бы двухэтажные – первый этаж служил хранилищем картофеля и других продуктов. Немцы, выгнав жителей в лес, в землянки, делали второй сруб меньше размеров первого этажа, засыпали промежуток между срубами камнями и землей, устраивали бойницы в направлении возможных наступлений, устилали бревнами и землей пол жилого второго этажа – и дзот готов. Его без орудия прямой наводкой не возьмешь. Такие сооружения встречались довольно часто, и возиться с ними нашей пехоте приходилось много.

Деревня Парфино на левом берегу Ловати немцами была превращена в хорошо укрепленный опорный пункт и оказалась для дивизии Миссана «крепким орешком».

Из журнала боевых действий:

«14.01.42 г. 8.00 Штадив 180, лес 3 км сев. Юрьево...

1. Пр-к в течение ночи оказывал упорное сопротивление 21 СП, 29 и 30 ЛБ, наступающим в направлении Парфино с задачей овладеть последним.

2. 3/86 СП занимает оборону по восточной окраине Парфинского шпалозавода. Пр-к ведет арт. огонь по обороне из р-на леса, что вост. Конюхово и мин. огонь из р-на Фанерн. 3-да.

3. 21 СП с 29 и 30 ЛБ сосредоточен кусты, что сев. Парфино в 1 км. Полк с 17.00 до 8.30 вел бой за овладение Парфино. Трижды повторенная атака успеха не имела. Полк, понеся большие потери, отошел» [95] .

(Только через три недели Парфино будет взято 254-й стрелковой дивизией полковника П.Ф. Батицко.)

15 января 21-й стрелковый полк повел наступление вдоль реки Редья и освободил Иванково, Ясную Поляну, Шахово, Филатово, Чириково и Брагино. Остальные части дивизии продолжали выполнять задачу по окружению и уничтожению 290-й пехотной дивизии, одновременно силами 42-го стрелкового полка сковывая противника на участке Большое Волосько – Городок.

Моряки на Ловати

В конце января на Северо-Западный фронт прибыли 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса генерал-майоров А.С. Грязнова и Героя Советского Союза А.И. Лизюкова. О задачах, стоящих перед корпусами, и ходе боевых действий будет рассказано позднее. Отметим только, что корпус А.С.

Грязнова сосредоточивался в районе Парфино, и из его состава для быстрого разгрома 290-й пехотной дивизии были выделены 52-я отдельная стрелковая и 74-я отдельная морская стрелковые бригады.

52-я отдельная стрелковая бригада формировалась по штату как курсантская с 25 октября по 5 декабря в городе Мелекес Куйбышевской области. 9 декабря прибыла под Москву в город Люблино. С 18 по 30 декабря 1941 г. находилась в подчинении Московского военного округа. В боевых действиях под Москвой не участвовала, так как еще не имела артиллерии и средств связи. С 5 января 1942 г. бригада вошла в состав 1-го Гвардейского корпуса и в конце месяца вместе с другими его частями прибыла в район восточнее Старой Руссы. Командиром бригады был назначен полковник Гузенко.

74-я отдельная морская стрелковая бригада полковника С.В. Лишенкова укомплектовывалась моряками Каспийской военной флотилии, а также краснофлотцами, прибывшими из госпиталей и призванными из запаса.

Она была одной из семи морских стрелковых бригад, сражавшихся под Москвой.

«Мне приходилось читать, – писал адмирал флота Н.Г. Кузнецов в мемуарах «Курсом к победе», – будто моряки легко расставались со своим плавучим «домом». Не так это обстояло на деле. Прощание с кораблем было нелегким. Те, кто служил на флоте, знают. Каждый хотел воевать именно на корабле, рядом с друзьями. Но война есть война, и краснофлотцы шли драться на сушу. На фронте различия между моряками и армейцами быстро стирались. Разве только флотские словечки «братва» и «полундра» да хлесткие изречения боцмана в адрес фашистов говорили о том, что здесь воюет морская пехота. Верность морским традициям проявлялась еще в том, что в решительный час моряки неизменно шли в бой в полосатых тельняшках, чтобы враг знал, с кем имеет дело.

Обычно костяк морских бригад составляли моряки с кораблей и бойцы частей береговой службы флота. К ним прибавлялось пополнение из других родов войск. В отдельных бригадах к моменту переформирования процент моряков оказывался совсем небольшим. Однако морские традиции продолжали жить. И неудивительно: во главе бригады стояли, как правило, флотские командиры-береговики или командиры корабельной службы» [96].

К слову, 1-я отдельная бригада морской пехоты, сформированная на Балтийском флоте в 1941 г. до начала Великой Отечественной войны, оставалась единственным соединением морской пехоты в Советском ВМФ, так как по мобплану 1941 г. развертывание частей морской пехоты не предусматривалось. И лишь с началом войны, когда ВМФ пришлось решать особую задачу помощи сухопутным войскам, соединения морской пехоты формировались в крайне сжатые сроки.

Январское освобождение райцентра Пола

Бригада полковника Гузенко по прибытии расположилась в лесу на левом берегу Ловати в 1 км западнее пунктов Сахалин – Сенопункт. 25 января она повела наступление и овладела совхозом «Хмелево», прорвав тем самым укрепленную полосу обороны противника: с/х «Хмелево», Щекотец, Мануйлово, Парфинская Лука, Селиваново. Для бойцов и командиров это был первый бой, потери были большие.

После взятия с/х «Хмелево» бригада в невероятно трудных климатических условиях, лесами, между опорными пунктами противника по рекам Ловать и Пола совершила марш к станции Пола, имея задачу овладеть последней и прилегающими населенными пунктами. Задачу бригада выполнила, но удержать станцию Пола не смогла.

Вот запись из истории 290-й пехотной дивизии: *«...русские нападают, и им удастся 27 января проникнуть над Ловатью, 29 января над р. Пола в местечко Пола. Батальон Кимпэ освобождает с подкреплением взвода 8-го артиллерийского полка 290 п.д. до наступления рассвета главную часть Пола, чтобы 30 января с подкреплением артиллерийского полка отвоевать остаток местечка. В 16 часов Пола снова за немцами» [97].*

52-я отдельная стрелковая бригада будет участвовать в освобождении Пола уже совместно с частями дивизии полковника И.И. Миссана в феврале 1942 г.

30 января 42-й стрелковый полк (без 1-го стрелкового батальона) атаковал Большое Волосько, успеха не имел. Потери полка: убито и ранено 120 человек. В этот же день бригада полковника С.В.

Лишенкова неудачно провела атаку по взятию укрепленного пункта Тулитово. Немецкому гарнизону, находящемуся в окружении, оказывалась помощь по воздуху, что позволило ему обороняться больше месяца, но дни его были сочтены.

Дивизия Батицкого идет на помощь Миссану

А как обстояли дела у 254-й стрелковой дивизии, которая в первых числах февраля будет вести боевые действия вместе с дивизией полковника И.И. Миссана? 254-я стрелковая дивизия под командованием полковника П.Ф. Батицкого (командиром он был назначен 16 ноября 1941 г.) в наступление перешла на сутки позже основных сил 11-й армии. Перед дивизией была поставлена задача: с занимаемого ею исходного рубежа на всем 25-километровом фронте сковать части 290-й пехотной дивизии противника, воспрепятствовать их отходу и действиями отдельных отрядов уничтожить противника в лесах севернее райцентра поселка Пола. Таким образом, дивизия П.Ф. Батицкого должна была действовать на вспомогательном направлении.

Первым добился успеха 936-й стрелковый полк. К 11 января 1942 г. он овладел районом Вершина и вышел на восточный берег болота Невий Мох. Опорный пункт Вершина, как и соседний Высочек, противником был хорошо подготовлен к обороне. Неоднократные попытки его захвата 254-й стрелковой дивизией совместно с частями дивизии полковника С.Г. Штыкова успеха не имели.

7.12.41 г. Штаб 936 СП, Яблоня Русская:

...

«3/936 с.п. в 13.00 07.12.41 г. после артподготовки совместно с частями 202 с.д. перешел в атаку на Вершина. В результате атаки немцы оставили окопы, занимаемые ими, и в панике бежали на северную окраину Вершины. В это время пр-к открыл огонь по рубежам по атакующей пехоте, и атака захлебнулась. В результате батальон имеет потери и для дальнейших действий не готов. Потери уточняются» [98].

В ночь на 12 января третий батальон 36-го стрелкового полка под командованием лейтенанта Ткаченко приступил к форсированию этой естественной преграды. По этому болоту трудно пройти без лыж и совершенно невозможно протаскать артиллерию и обозы. Но у батальона Ткаченко ни обозов, ни артиллерии не было. Проваливаясь по пояс в снегу, бойцы с риском обморожений преодолели 12 км. Батальон пересек железную дорогу и овладел опорным пунктом в поселке Беглово. Были взяты трофеи, в том числе важные документы.

Овладение этим пунктом, находившимся на стыке 290-й и 30-й пехотных дивизий, вело к их разобщению, а сама деревня стала базой для дальнейшего наступления 202-й и 163-й стрелковых дивизий 34-й армии. Лейтенант Ткаченко и его бойцы были награждены орденами Красного Знамени. Это было первое награждение в дивизии.

929-й стрелковый полк прорвал оборону противника южнее очень мощного узла немецкой обороны Пустынька (на западном берегу болота Невий Мох в 9 км к северу от Беглова). 26 января 933-й стрелковый полк окружил гарнизон этого укрепленного пункта и перерезал все его пути сообщения.

Вот что пишут немцы про эти события: «...14 января 7/503 не может больше оттеснять вражеские силы к югу Пустыньки, несмотря на неоднократные атаки. Одновременно враг прорывается между Вершина и Высочек через посты 30-й пехотной дивизии и открывает себе тем самым новую дорогу на болото.

15 января он ведет мощные силы с севера выше гати на юг. Пустыньку он обстреливает тяжелым артиллерийским и пулеметным огнем. Он снова продвигается вперед к расположению артиллерии. Командир артиллерийского полка обер-лейтенант Бикен лично проверяет положения 1-го подразделения. Он узнает у майора фон Людера, который допрашивал пленных, что приблизительно три полка между 290-й и 30-й пехотными дивизиями хотят прорвать фронт, чтобы форсировать соединение у Ловати, изолировать и уничтожить ненавистную 290-ю пехотную дивизию» [99].

Вечером 28 января 1942 г. 254-я стрелковая дивизия по приказу командующего 11-й армией сдала свой участок обороны частям 26-й и 202-й стрелковых дивизий и начала форсированный марш

в район Взада (на южном берегу оз. Ильмень, 14 км северо-восточнее Старой Руссы). За полутора суток были пройдены, вернее, преодолены 75 км, из них 30 км по полному бездорожью. 30 января к 15.00, сосредоточившись в новом районе, дивизия получила пополнение и вела сторожевую службу, охраняя тылы наступающих на Старую Руссу главных сил 11-й армии.

Для ликвидации угрозы переброски сил противника из Демянска в тыл 11-й армии к 4.00 5 февраля части дивизии совершили марш в район Юрьева, Березицко, Пустобородова на реке Ловать и через день вели боевые действия совместно со 180-й стрелковой дивизией.

933-й стрелковый полк утром 6 февраля повел наступление и овладел Парфинской Лукой (южн.), атака на Парфино успеха не имела. 936-й стрелковый полк в этот же день вечером овладел Парфинской Лукой (сев.), ожесточенный огонь противника остановил атаку полка на Заостровье. На следующий день дела пошли успешнее.

07.02.42 г. 16.00 Штадив 254, Березицко.

...

«2. К 16.00 часам части дивизии занимают положение:

а) 933 СП, овладев Парфино, продолжает наступление на Конюхово, фанерный з-д № 2.

б) 936 СП, овладев Заостровьем, прикрыв себя заслоном слева, продолжает наступать на Конюхово. В 13.00 с направления Лукино 2 танка пр-ка пытались атаковать подразделения 936 СП, огнем противотанковых орудий 936 СП один танк подбит, другой скрылся в направлении Лукино» [100].

Во второй половине дня совместной атакой 933-го и 936-го стрелковых полков дивизии П.Ф. Батицкого с севера, 21-го стрелкового полка дивизии И.И. Миссана и батальонов 52-й отдельной стрелковой бригады со стороны станции Парфино – Комарово, Мухино, Фанерный завод № 2, Конюхово были освобождены. Подразделения моряков бригады С.В. Лишенкова наступили с восточной стороны.

Пылали горы опилок. Пахло гарью. Остатки немецкого гарнизона, бросив раненых, бежали к райцентру Пола. К концу дня изможденные жители рабочего поселка Фанерного завода № 2 (сейчас это поселок Парфино, центр района) вышли из подвалов и землянок. Из фашистской неволи были освобождены тысячи мирных жителей. Только в Парфино и Брагино было сосредоточено для отправки в Германию до 4 тысяч человек, в основном молодежь.

После овладения Фанерным заводом № 2 52-я отдельная стрелковая и 74-я отдельная морская стрелковая бригады, ведя бои за деревни в долине реки Пола, совершали марш в распоряжение командира 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

936-й стрелковый полк дивизии П.Ф. Батицкого, преодолевая сильное огневое сопротивление противника, 9 февраля в 13.30 овладел Мануйловом, в 14.30 выбил немцев из Лукино (родина самого молодого Героя Советского Союза Лени Голикова. – *Прим. автора*). Противник отошел в направлении укрепленного пункта Щечково, имеющего гарнизон до 500 человек. 11 февраля 254-я стрелковая дивизия, согласно приказу штаба 11-й армии, совершает марш в район Пенно, Сычево, а 17 февраля переходит в состав 1-й ударной армии.

180-я громит врага. Февральское освобождение Полы

180-я стрелковая дивизия продолжала выполнять поставленную задачу по уничтожению 290-й пехотной дивизии противника:

– 21-й стрелковый полк, батальон 42-го полка, истребительный и заград. отряд дивизии 10 февраля в 16.50 атаковали Антипово и захватили его;

– 11 февраля противник был выбит из Любохаво и Сорокино;

– в ночь на 12.02.42 г. истребительный отряд и разведротта овладели Тулитовом. При этом отличились разведчики Рябченко, И. Локтев и Туманский.

В эти дни удалось выбить немцев из деревни Щечково. Рассказывая о взятии этого укрепленного пункта, старший политрук Е. Сильченко писал в газету «За Родину» 12 марта 1942 г.: *«Это был один из самых ожесточенных боев за время действия нашего батальона в тылу врага. Немецкий гарнизон численностью до пятисот солдат и офицеров создал в Щечково круговую*

оборону... Под прикрытием артиллерийского и минометного огня бойцы старшего лейтенанта Панина 86-го стрелкового полка ворвались в селение...

В течение пяти часов гарнизон был уничтожен. На месте боя осталось лежать до 250 вражеских трупов. Трофеи: 4 орудия, 50 автомашин, 12 мотоциклов, 150 велосипедов, склады...»

Противник продолжал упорно оборонять Большое и Малое Волосько и восточные пункты по реке Колпинка, создавая круговую оборону и оказывая сопротивление нашим частям.

Для защиты от ударов противника с запада отряд заграждения силами 2 45-мм и 2 76-мм пушек, роты противотанковых ружей, взвода 42-го стрелкового полка и взвода саперов занял район Красково – Слобода, создав прочный оборонительный рубеж. Спустя почти две недели после первой неудачной атаки 12 февраля были взяты укрепленные пункты противника Малое и Большое Волосько. Бой был ожесточенным. Командир 42-го стрелкового полка майор В.Г. Дорохин лично повел батальон в атаку. В этом бою он получил смертельное ранение.

Развивая успех, части дивизии наступали на восток и к 16.00 14 февраля последовательно овладели населенными пунктами Быково, Навелье, Кулаково, Лучки, Дрегло, Тараканово. К вечеру этого дня 21-й и 2-й стрелковые полки вели бой за Дубровы. 15 февраля в течение дня выбиты немцы из деревень Сопки, Городок, Кстечки.

Овладение районным центром Пола для дивизии Миссана было особо значимо и продолжалось долго.

30.01.42 г. 20.00 Штадив 180, лес 3 км сев. Юрьево.

...

«в) 86 СП с 29 ЛБ во взаимодействии с партизанским отрядом занимает рубеж: зап. берег р. Пола, Дом инвалидов, ж/д мост, Дубки, имея задачу овладеть Пола. В р-не Пола, по показанию пленного, имеется гарнизон до 200 чел., до 4-х пулеметов, до 3-х минометов, одна 75-мм пушка. По данным партизан, обозы пр-ка отходят в направлении от Пола к Тополево» [101] .

5 февраля в район Дубков подходят батальоны 52-й бригады. Наступление задерживается до прихода артиллерии. Все три полка 180-й стрелковой дивизии освобождали одну за другой деревни севернее и северо-восточнее Пола. Непосредственно бои за поселок вели 21-й и 42-й полки. 86-й стрелковый полк находился на противоположном берегу реки Пола и в боях за поселок не участвовал.

19.02.42 г. 20.00 Штадив 180, лес 1,5 км сев. Щечково.

...

«1. Противник незначительными силами продолжает упорно сопротивляться и удерживать ст. Пола, Мал. Ладышкино, Сельцо, создавая в них опорные пункты и круговую оборону.

3. К 20.00 части дивизии занимали положение:

а) 86 СП с 2 СР 627 АП в течение дня пытался атаковать и овладеть ж/д мостом через р. Пола, в результате атаки успеха не имели.

б) 21 СП из р-на сосредоточения – льнозавод – вел наступление с сев. – вост. от Пола, достиг рубежа южн. берег р. Лоринка, ведет бой за Мал. Ладышкино.

в) 42 СП с двумя орудиями 627 АП в течение дня достиг рубежа р. Лоринка сев. Мал. Ладышкино 300 м и севернее опушки леса вост. Мал. Ладышкино, ведет бой за Мал. Ладышкино.

21.02.42 г. На 6.00 – 42СП в течение ночи вел бой за Мал. Ладышкино. В 1.30 овладел им и укрепился на занятом рубеже.

21.02.42 г. На 20.00 – части дивизии продолжают выполнять поставленную задачу. В течение дня вели бой за овладением Пола, в результате успешного боя в 13.30 21.02.42 г. овладели Пола» [102] .

По словам полковника И.И. Миссана, противник оборонял Полу незначительными силами, но по мере потери деревень остатки их гарнизонов устремлялись в Полу, тем самым увеличивая и число обороняющихся, и их вооружение. У немцев была выгодная позиция на крутом южном берегу Лоринки. Взвод младшего политрука лейтенанта Майстренко Василия Федоровича, 1912 г. рождения, уроженца Ростова-на-Дону, в ходе ночного боя за Малое Ладышкино попал под

кинжальный огонь пулеметов, и все 28 человек погибли (по данным поисковой экспедиции «Долина». – *Прим. авт.*).

В боевых документах нет ни слова о немецких авиаударах во время штурма Пола. Наверное, потому, что эти воздействия были постоянными, и к ним привыкли.

Тамара Григорьевна Миронова, жительница Малого Ладышкино, рассказывала, что в те дни в воздухе находилось постоянно 20–30 пикирующих бомбардировщиков. Есть и другие свидетели.

Части дивизии поставленную задачу выполняли. В течение ночи продолжали теснить противника на юго-восток и после боя овладели Борками и Обшой – 1, 2, 3. Остаткам немецкого гарнизона удалось отойти в Херенку и Березку.

После кратковременной передышки части 180-й стрелковой дивизии выбивали противника из населенных пунктов и гнали его на юг. За первые две недели марта на территории Полавского и Залучского районов Ленинградской (ныне Новгородской) области были освобождены деревни Июдкино, Учны, Точково, Маклаково, Здоровец, Большие и Малые Роги, Симоново, Калиткино, Демидово, Дубки.

Предстояло взять сильно укрепленный опорный пункт Бяково, стоящий на высоком берегу реки Сутокская Рось, на шоссе Старая Русса – Демянск. Его гарнизон состоял из эсэсовцев дивизии «Мертвая голова». Оборонять деревню было удобно: она располагалась на возвышенности, господствовала над окружающей местностью и полукругом омывалась рекой. Река была неширокая, но со стороны деревни имела высокий обрывистый берег. Стоящие на окраинах деревни бани были превращены в дзоты.

Первоначальная атака 42-го стрелкового полка с запада успеха не имела. Используя крутой берег, вплотную к обороне противника подобрался 30 бойцов 21-го стрелкового полка. Одновременная атака с двух сторон, при поддержке артиллерии 42-го стрелкового полка и десанта на двух танках, решила исход боя. Это произошло 16 марта 1942 г. Убитых эсэсовцев насчитали 116, в плен сдались 32. Около 90 человек раненых лежали на снегу. Никому из гарнизона не удалось убежать.

Части дивизии повели наступление на Васильевщину, но в это время 180-я стрелковая дивизия была переведена в 34-ю армию. Наступление пришлось прекратить и совершить марш в район Лычкова.

Ранее было сказано, что после освобождения Фанерного завода № 2 52-я и 74-я бригады совершали марш по реке Пола.

Бригада полковника Гузенка на правом берегу освободила деревни Чапово, Черный Ручей. 20 февраля она вошла в соприкосновение с батальоном Барабанова 312-го Новгородского полка 26-й стрелковой дивизии [103] , со второй попытки выбила немцев из Кутилихи и Больших Дубовиц, участвовала в боях за Васильевщину, Учны, Июдкино. Начиная с середины марта занимала оборону в районе Бяково – Закорытно – Маклаково.

Моряки полковника С.В. Лишенкова смогли захватить деревню Новинка, до этого выбив противника из Березки и Кошелева. Свидетели, жители деревни Березка, рассказывали, что моряки наступали от реки Пола по полю. На чердаке одного дома находился немецкий пулеметный расчет. Черные бушлаты моряков на белом снегу были хорошей мишенью. На этом поле погибло около 40 человек, а немцы, зная, что им деревню не удержать, на мотоцикле по расчищенной заранее дороге скрылись.

Много пришлось испытать морякам и при взятии деревни Кошелево. Со слов очевидцев – жителей деревни, события развивались следующим образом: после взятия Березки моряки повели наступление на лежащую в 2,5 км на том же берегу деревню Кошелево. Ночная атака увенчалась успехом. Застигнутые врасплох немцы, полураздетые, даже не успев обуться, бежали четыре километра по бездорожью в деревню Выставо. Противник не остался в долгу и совершил мощный огневой налет на оставленную деревню. Как раз в это время в Кошелево ворвался батальон Барабанова и попал под обстрел. (Вот поэтому сейчас в Кошелево есть два захоронения – пехотинцев и моряков. – *Прим. авт.*)

Бригада совершила марш и заняла позиции в районе расположения 52-й отдельной стрелковой бригады. Недолго им осталось ждать до схваток с эсэсовцами группы Эйке.

645-й полк дивизии Штыкова прорывается в тыл врага

В конце декабря 1941 г. 202-ю стрелковую дивизию передали в 34-ю армию. Это было шестое переподчинение дивизии с начала войны. Таким перемещением штабные командиры обычно недовольны, так как это создает дополнительные трудности в управлении, в снабжении, но Штыков в таких случаях говорил: *«Красная Армия одна, и это никакой роли не играет»*.

Обескровленная непрерывными боями, она была малочисленна и слабо оснащена вооружением и боеприпасами. При получении задачи нанести удар по 290-й пехотной дивизии противника на правом фланге 34-й армии в дивизии Штыкова было: 3902 человека, станковых пулеметов – 10, орудий – 34, 50-мм минометов – 13, 82-мм минометов – 9. В то же время в соседней 26-й стрелковой дивизии (без 87-го Карельского стрелкового полка): личного состава – 6905 человек, станковых пулеметов – 35, орудий и минометов – 91 [104]. Наверное, одна из причин такого соотношения была та, что 26-я дивизия называлась «Сталинская», и командование старалось этого не забывать.

В сентябре 1941 г. 202-я дивизия была переведена со штатов мотострелковой в обычную стрелковую. Не хватало артиллерии, не было резервов, а фронт предстоящего наступления был широким – 15 км. Перед дивизией находилась цепь хорошо укрепленных опорных пунктов противника. Рубеж обороны 202-й дивизии был район деревень Вершина – Высочек – Кневицы – Лычково.

С 3 по 7 января 1942 г. велась активная подготовка: артиллерийским и минометным огнем подавлялась огневая система противника, разведывался передний край его обороны, разминировались минные поля в полосе планируемого наступления.

В ночь на 8 января 1942 г. 645-й стрелковый полк майора И.А. Лободы, усиленный батальоном 1317-го стрелкового полка, преодолел Невий Мох и вышел во вражеский тыл между укрепленными пунктами врага Вершина и Высочек. Проводником был партизанский разведчик, здешний учитель из деревни Кузьминское В.И. Кухарев. Полк при поддержке огня 652-го артиллерийского полка овладел ж.д. станцией Беглово, его передовые отряды завязали бой около деревни Беглово. Попытка ввести в бой 682-й стрелковый полк не удалась. Противник быстро подтянул резервы и нанес отсечный фланговый удар. Понеся большие потери, полк отошел на исходные позиции.

Вот что в письме от 4 июля 1968 г. брату Штыкова Виктору пишет участник этого похода, бывший военфельдшер 645-го стрелкового полка Терк Михаил Борисович: *«...Оружия было мало, и в основном винтовки и карабины. И то не для всех хватало. Когда пошли в тыл противника, в полку было 2 станковых и 4 ручных пулемета. Автоматов не было. В артиллерийском полку дивизии была всего одна или две пушки. Несмотря на все это, все же наш полк вышел в тыл противника, и мы освободили около 20 деревень, выполнив нашу основную задачу по отвлечению противника для удачного выступления нашей дивизии и фронта... Я вспоминаю первый бой нашего батальона в тылу противника за станцию Беглово. Ведь люди очень устали, в январские морозы, по глубокому снегу, в заболоченной местности переходили линию фронта, или цепочкой по одному, засыпали на ходу и падали, опять поднимались и падали. И все же так следовали мы все друг за другом, чтобы не было обмороженных, двигались тихо, да еще поддерживали кое-какую связь с нашей дивизией.*

Передний край немецкой обороны

И вот, несмотря на такую усталость, обстановка требовала, чтобы мы ночью навязали бой гарнизону на ст. Беглово, что и было сделано. Бой длился целую ночь, немцы несколько раз атаковали нас, даже после того, как станция была нашим батальоном занята. Я поместил раненых в деревянном доме станции, им была оказана медицинская помощь, наших людей немало погибло, но мы продолжали бой. Немцы так обстреливали станцию, что некоторые раненые, находившиеся там, получали вторичное ранение. Но наш батальон должен был пойти дальше. Между атаками немцев наш батальон от станции ушел дальше в тыл, оставив меня с ранеными и несколько человек охраны до подхода наших двух остальных батальонов. Пока наши батальоны подошли, немцы еще нас атаковали. Мы вышли прямо из помещений станции и развернули на железнодорожном полотне трофейный пулемет и хорошо ударили по немцам, так как мы у них взяли трофеи и автоматы. В этом бою было убито много немцев и сохранены все наши раненые, за что я был награжден орденом Красной Звезды. Больше до утра немцы атаки не возобновили, и наши батальоны подошли. После этого мы ушли к своему батальону, а раненых перевели в деревню Кочаново, где был создан так называемый «Госпиталь». Впоследствии раненных вывозили на самолетах У-2, а некоторые группы легкораненых были отправлены разведчиками через линию фронта, добрались благополучно. Остальные бои за взятие деревень в тылу были не легче, чем описанный, особенно у деревни Горчицы» [105].

645-й стрелковый полк оказался отрезанным от главных сил дивизии и сражался в условиях полного окружения. Станцию Беглово пришлось оставить и вести бои за освобождение деревень Кузьминского сельсовета. В ночь на 9 января в штаб дивизии пришла тревожная радиogramма, в которой сообщалось, что подразделения в тылу врага несут значительные потери, в числе убитых – майор Лобода.

Из воспоминаний Ф.Т. Дахновского, бывшего командующего артиллерией 202-й стрелковой дивизии, Героя Советского Союза: «...Штыков по телефону доложил обстановку командарму Берзарину и просил помочь дивизии транспортной авиацией для восстановления связи, доставки в полк заместителя командира 645-го стрелкового полка Натрашвили, который находился при Штадиве, медикаментов и других видов первой необходимости для боя в окружении. Командарм действия дивизии одобрил и обещал оказать помощь авиацией.

На следующий день самолет У-2 разведкал расположение полка, сбросил питание для рации и благополучно возвратился с разведывательными данными, связь с полком была восстановлена. В

этот же день на самолете был доставлен в 645-й стрелковый полк майор Натрашвили» [106] .

Около двух недель героически сражались воины полка под его командованием. Было освобождено 16 населенных пунктов. 11 января освобождена деревня Свиной батальоном капитана Тупикова.

В тот же день батальон старшего лейтенанта Кравченко освободил деревню Кочаново. В этом бою отличился разведчик Бабенков. Шел бой, произошла заминка. В этот момент к Кравченко подполз разведчик Бабенков и сказал: *«Я сейчас сбегу в овраг и приведу несколько немцев, сделаю мигом, увидите»*. Бабенков пробрался к оврагу, приблизился к немцам, их было пятеро. «Руки вверх!». Двое немцев пытались сопротивляться. Бабенков очередью из автомата уничтожил их, остальных доставил командиру.

11 января у деревни Беглово погиб начальник штаба 645-го стрелкового полка капитан Майданюк.

Мальчишки военной поры

14 января деревни Большое и Малое Ивановщины заняло подразделение Кравцова. При въезде в деревню висело объявление:

...

«Объявление!»

Всем нужна ивакуироваться иначе РОСТРЕЛ».

15 января батальон капитана Тупикова занял деревню Круглышево, в этом бою рядовой Петров своим пулеметом уничтожил более 20 немцев.

18 января заняли деревню Кузьминское. Отличился рядовой Сутягин, он убил 10 немцев. Наши потери – один убитый и один раненый.

21 января освобождены деревни Пожалеево и Гривка [107] .

20 февраля тяжело ранен майор Натрашвили. Командиром 645-го стрелкового полка назначен старший лейтенант Кравченко Степан Иванович.

В январе и начале февраля освобождены еще несколько населенных пунктов. Названия не могли установить, нет карты нужного масштаба и жителей нет, спросить не у кого.

Без помощи местного населения вряд ли бы эта операция была успешной. В письме Виктору Штыкову от 21 декабря 1969 г. бывший партизанский разведчик Кухарев пишет, что выбывших из строя пулеметчиков и автоматчиков-штыковцев заменяли мальчишки и девчонки Кузьминской и

Бегловской школ. Мужчины заменяли ездовых, были проводниками армейских групп по лесным тропам, участвовали в добыче «языка», содействовали разведке. Женщины и девушки заменяли солдат, занятых хозяйственными делами в прачечных отрядах, госпиталях, на кухне и т. д. При отражении атаки на ст. Беглово Семенова Екатерина заменила убитого пулеметчика, в Кузьминском это сделал Витка Рендаков, Суворов и Николай Федоров расстреливали немцев из автоматов.

Все население было вовлечено в орбиту боя, когда полк Лободы, а затем Натрашвили был окружен, население отдало на алтарь победы всех, кто имел возможность противостоять фашистам, то есть под ружье. Отданы все запасы продовольствия, скот, хлеб, картофель, в том числе семенной, помещения, и вместе с солдатами население ушло в окопы и землянки.

Отличились при отражении атак немцев мои бывшие ученики – они подносили патроны (диски) к пулеметчикам, заряжали, то есть набивали диски. Расставлялись наблюдателями за движением противника, для чего использовались колоколенки двух церквей, высокие деревья и крыши домов. Три крупные атаки были отбиты с трех направлений:

- от деревни Пустыня через Пожалеево и урочище Еременское;
- от деревни Махлюево через хутор Доркино на Круглышево;
- от деревни Ольхи через деревню Беглово на ст. Беглово.

В конце февраля убитых немцев, более 700 человек, гражданское население клало на лед, чтобы вешний паводок унес весною в Ильмень-озеро [108] .

В тяжелых условиях боя большую находчивость проявил воспитанник Воронежского медицинского института, старший врач полка, военврач 3-го ранга Исаак Исаакович Шлейфман. Он сумел организовать переброску раненых через линию фронта. Санчасть полка оказывала медицинскую помощь и местному населению. Шлейфман был награжден орденом Красного Знамени. Фронтная авиация эвакуировала раненых 645-го стрелкового полка по инициативе начальника медицинского управления фронта генерал-майора медицинской службы Модеста Абрамовича Шамашкина.

Вот отрывок из письма бывшего начальника связи дивизии Лукашова Кондратия Федоровича Виктору Штыкову от 13.04.1965 г.:

«...Перерыв связи с полком, конечно, лежал на моей совести как начальника связи. Я предлагаю комдиву, что надо взять питание для радиостанции, пару запасных р/ст. и немедленно лететь самолетом связи У-2 в расположение полка. Тогда Серафим Григорьевич мне говорит: «А кого послать из командиров-связистов, ведь этот полет связан с большим риском». Я ему ответил: «Лечу я сам лично, разыщу полк и установлю с ним надежную связь, хотя бы на пару недель...». Комдив вздохнул и сказал: «Смотри, скажи летчику, что живыми вам немцам сдаваться нельзя будет». А я ему сказал, что мы в плен и не думаем сдаваться, наоборот, мы с ним привезем вам пленного, рангом не меньше, чем я. И вот, в 23.00, числа не помню, февраля 1942 г. мы вылетели. Сели у деревни Свиной. Я покинул самолет, мотор не выключаем, и пошли искать своих, прибыл в деревню с р/ст. за плечами. Конечно, при мне гранаты, автомат. В третьем доме заметил огонек, чуть мельком посмотрел в замерзшее окно, показалось, что в доме находятся немцы. Но вдруг слышу речь нашего солдата: «Кто тут?» – Я говорю: «Свои». Он отвел меня к командиру полка. Я немедленно установил связь с комдивом, разгрузили самолет, получили обстановку и вылетели в обратный путь. Выбрал одного, действительно, майора немецкой армии, пленного. На рассвете нас сбили на нейтральной полосе. Мы дотянули до леса и упали. Вскоре к нам подошли наши бойцы, и мы с летчиком и пленным благополучно добрались до КП дивизии» [109] .

По словам бывшего комиссара дивизии С.Ф. Хвалея, была установлена связь с партизанским отрядом М.М. Полкмана. Отряд состоял из 37 человек, среди них 16 коммунистов и 6 комсомольцев, и был разделен на две группы. Он был еще молод и опыта партизанской борьбы с фашистскими захватчиками не имел. Политико-моральное состояние отряда здоровое. Для обеспечения его боевых действий созданы базы снабжения оружием, боеприпасами, продовольствием. Отряду оказана помощь в овладении подрывным делом, проведены специальные практические занятия, вел занятия дивизионный инженер Я.И. Арцишевский. Трофейное оружие, автоматы были переданы отряду.

Сражение за Малый Калинец

В первых числах февраля 1942 г. дивизия вновь возобновила наступление. К исходу 7 февраля была освобождена станция Беглово. Деревня Малый Калинец, расположенная в нескольких сотнях метров от полотна железной дороги, немцами была превращена в мощный опорный пункт. Атаки наших подразделений по его захвату 7 и 8 февраля были неудачны.

Запись в журнале боевых действий дивизии 9.02.42 г.:

«202 с.д. силами сводного батальона 1317 с.п., 14 и 15 истр. отрядов итарма атаковали противника в Малый Калинец. За 50–100 м перед деревней, понес большие потери, залегли. 1317 с.п. сводный батальон – 100 м юго-вост. Малый Калинец, наступая, понес 50 % потерь. Убито 8 чел., ранено 19 чел.

14,15 истр. отряды итарма, достигнув рубежа 50 м сев. – зап. деревни, залегли. Убито 5 чел., ранено 17 чел.

216 о.л.б. в бою 7–8.02.42 г. понес большие потери. В операции не участвовал. Потери: 282 чел.» [110].

В помощь был направлен батальон 645-го стрелкового полка. Противник при поддержке артиллерийского огня из района Веретейки, батареи 3-орудийного состава 105-мм с западной окраины Малого Калинца, во взаимодействии с бомбардировочной авиацией оказывал ожесточенное сопротивление.

13 февраля во второй половине дня наши подразделения врываются в Малый Калинец. В 23.00, подтянув с Веретейки подкрепление до 80 человек пехоты и две повозки с боеприпасами, противник переходил при поддержке двух танков в контратаки. Артиллерийская батарея 682-го стрелкового полка прямой наводкой уничтожила оба танка, вражеские экипажи пытались спастись, но были убиты. Всю ночь продолжался бой за этот населенный пункт. Днем 14 февраля остатки гарнизона смогли пробиться в Веретейку.

Вот что пишут немцы про события тех дней:

«...6 февраля русские врываются в Малый Калинец. Группа Модера выдвигается: 35 человек дивизии СС из Веретейки в Малый Калинец. В трехстах метрах от деревни попадают под русский минометный обстрел. К атаке подключаются «Штукасы». Заняли окраину – примерно 50 человек из 290-й пехотной дивизии. 7 февраля подходит подкрепление из Веретейки.

11 февраля рано утром русские с юго-востока атакуют Херенку и занимают Малый Калинец, ночью отбили две русские атаки. Полки 501,502,503, подразделение AR (артиллерийского полка) получают приказ атаковать Борки, Херенку, чтобы расчистить дорогу частям 290-й пехотной дивизии. Атака не состоялась ввиду превосходства русских сил. Весь день русские атаки на Малый Калинец отбиты. Рано утром 12 февраля части боевой группы Модера при поддержке двух танков снимают осаду с Малого Калинца. Части 290-й дивизии с севера от железной дороги пробиваются в направлении Борков. Русские берут Дуплянку и Черную, атакуют Гривку. С востока они врываются в Малый Калинец. Всю ночь продолжался бой за населенный пункт. Днем 14 февраля остатки местного гарнизона – 14 из 240 человек пробиваются в Веретейку. Перед Веретейкой уже стоит враг в полной боевой готовности» [111].

13 февраля батальоны 645-го стрелкового полка выбивают противника из деревень Дуплянка, Черная и Зорянка. Вечером 15 февраля противник силами до 300 человек: 3-я разведрота дивизии СС и 3-я рота 306-го строительного батальона, из района Горчицы – Махлюево перешел в наступление на позиции 645-го стрелкового полка в деревне Зорянка. С 15 по 17 февраля полк удерживал занимаемые позиции, продолжая уничтожать противника.

Горчицы освободили на седьмые сутки

Перед штыковой дивизией командарм Берзарин поставил задачу захватить пункт Горчицы. Предыдущие попытки соседней 26-й стрелковой дивизии полковника Кузнецова не увенчались успехом. Горчицы располагались на пологой возвышенности, позади ее к югу, под крутым берегом, протекала небольшая река Ларинка. С остальных сторон местность была открытая, удобная для обороны. Гарнизон состоял из подразделений 502-го полка 290-й пехотной дивизии и эсэсовской группы Модера дивизии «Мертвая голова».

17 февраля батальоны 645-го стрелкового полка атаковали Горчицы трижды: 2-й батальон с северо-востока, 4-й и 3-й батальоны с юго-запада, но неудачно. Во время атак батальоны подвергались огневому воздействию 1-го и 3-го батальонов дивизии «Мертвая голова».

18 февраля 645-й и 1317-й стрелковые полки четыре раза атаковали Горчицы. У врага была создана мощная огневая система, атакующие попадали под сильный пулеметный и артиллерийский огонь. Все четыре атаки немцами были отбиты. Атакующие несли тяжелые потери.

Противник в район Горчиц (1/3 п.п., 8 станковых пулеметов, установленных в подвалах деревянных домов и дзотах, большое количество автоматов) при поддержке двух батарей 105-мм трехорудийного состава из района соседней Новой Деревни, Никольского, минометной батареи из района Сомшино и бомбардировочной авиации, до 15 «Штук», в течение дня продолжал оказывать ожесточенное сопротивление. По данным разведки, вражеские обозы из Горчиц, Подбелы шли на Новую Деревню.

Попытки выбить врага из Горчиц предпринимались и в следующие дни, и только 22 февраля это удалось сделать.

23.02.42 г. 5.00 Штадив 202, лес 1,5 км зап. пос. Беглово:

...

«1 дивизия продолжает вести наступательный бой, преодолевая ожесточенное огневое сопротивление пулем., мин., и арт. огня и пр-ка, к 16.00 овладела Горчицы. В течение ночи, отбив 4 контратаки пр-ка, пытавшегося восстановить свое положение, все контратаки пр-ка отбиты с большими потерями для него, в районе Курляндское – Пустыня активности не проявлял.

Пр-к, оставив на поле боя до 300 трупов и большие трофеи, оставил деревню. Подтянув до 2 батальонов пехоты из Подбелы, Никольское, при поддержке арт. – мин. огня 4 раза переходил в яростные контратаки с юга и юго-зап. стороны деревни, все попытки отбиты с большими потерями для него, при этом оставив на поле боя еще до 200 трупов» [112].

У начальника артиллерии полковника Ф.Т. Дахновского 16-летний сын был артиллеристом. За этот бой он был награжден медалью «За отвагу».

Из немецких воспоминаний: «22 февраля 290 пехотная дивизия отводит линию фронта. Пехотный полк 502 занимает линию Курляндское – Горчицы, а 503-й пехотный полк на восточном крае леса по линии Горчицы – Подбела – Тополево – Обша.

22 февраля Горчицы переходят в руки противника, остатки III-/SS– T.JR вместе с частями 502-го пехотного полка снова врываются в деревню. Но все-таки 23 февраля Горчицы окончательно переходят к русским. Боевая группа Модера больше не существует. Все погибли, за исключением нескольких человек. Остатки III-/SS– T.JR-3, примерно 40 человек, присоединяются к боевой группе Клеффнера в Васильевщине» [113].

Ветераны дивизии хорошо помнят бои за Горчицы. Вот выдержка из письма бывшего военного фельдшера 202-й стрелковой дивизии Столбова Николая Ильича:

«...На другой день Горчицы были взяты. Там не было ни одного уцелевшего дома – все разбито. На дороге, по выходе из Горчиц, лежали трупы молодых немцев, без шапок, в сапогах. Как они шли в строю по четыре человека, так и остались лежать. Общее их число было человек пятьдесят. Мне говорил командир роты противотанковых ружей капитан, кажется, его фамилия Дронников, что это ему поручил полковник Штыков сделать засаду в белых маскировочных халатах, и он это выполнил, конечно, не один, а с каким-то подразделением» [114].

В боях за Горчицы погибли 70 человек жителей деревни. Как это произошло? Раиса Ивановна Нежнова, для которой Горчицы – родина, рассказывала, что в начале февраля 1942 г. всем жителям была дана команда собирать вещи и уходить в Сорокопенно. На сборы было отведено 2 часа. Конкретным поводом для этого послужил следующий случай. Немцы для защиты от партизан, которых они явно боялись, по берегу Ларинки установили сплошное минное поле. Одна девушка зачем-то пошла к реке и подорвалась сначала на одной, а затем и на другой мине. Ее разнесло в клочья. Тем самым была нарушена система обороны против партизан.

Староста Николаев распределил имеющихся лошадей – одна на несколько семей. Всех погнали в Сорокопенно. Семья Нежновых стремилась вернуться обратно в родные Горчицы. Отец дал ведро меда и хромовые сапоги немецкому солдату, и он их провел до Новой Деревни. Дальше они с

большим трудом, через патрули добрались до Горчиц, в дома их немцы не пустили, и пришлось устраиваться в землянках, которые были сооружены еще до боя почти у каждого хозяина. Когда начались бои, те, кто вернулся, находились вместе с немцами в окопах, землянках и других местах на территории деревни. В ходе боев деревня (около 80 дворов) исчезла целиком. Домов не осталось вообще, только у дома Бурова Василия, у поворота на Зорянку, уцелел подвал. Была уничтожена и ветряная мельница, верно служившая не один десяток лет.

25 февраля силами 645-го стрелкового полка (сводный батальон), 134-го и 144-го отдельных лыжных батальонов дважды было атаковано Сомшино (в 19.00 и 21.00), но безрезультатно. Сомшино лежало в полутора километрах к югу от Горчиц, за рекой Ларинкой и было превращено в мощный опорный пункт немецкой обороны (база «Холм полководца»).

На следующий день с утра при поддержке танков 645-й стрелковый полк овладел деревней Подбела и в 13.00 совместно с батальоном 26-й стрелковой дивизии захватил Тополево. При атаке на Подбелу погибли родные сестры Пантелеевы – Антонина – 15 лет и 17-летняя Прасковья. Они укрылись в бане, а танкист в пылу боя не мог разобраться и выстрелил из башенного орудия. Но как судить за это танкиста, у боя жестокие законы. У отца сестер Алексея Васильевича в Ленинграде погибли два родных брата и сестра, погибли и два сына – Василий служил в авиации, а Иван был танкистом. В живых остался лишь старший сын Николай. И это судьба лишь одной русской семьи.

27 февраля 202-я стрелковая дивизия продолжала уничтожать остатки разбитых частей 290-й пехотной дивизии. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, подразделения 645-го стрелкового полка и 216-го отдельного лыжного батальона при поддержке танков в 13.00 овладели Курляндским, развивая успех и преследуя отступающего противника, в 15.30 ворвались в Никольское, но вынуждены были оттуда отступить.

28 февраля последовала еще одна попытка овладеть Сомшино. 645-й стрелковый полк с 134-м и 144-м отдельными лыжными батальонами при поддержке двух танков в 11.00, удерживая за собой юго-восточную окраину деревни, атаковал закрепившегося противника в юго-западной окраине деревни, но безрезультатно. Вскоре он был контратакован противником, подтянувшим резервы из Новой Деревни. Оставаясь на достигнутом рубеже, в течение дня отбил четыре контратаки.

С 15.30 часть сил была переброшена в Курляндское для усиления обороны. От Сомшино пришлось отступить. Задачу ее захвата будут решать уже другие дивизии.

2 марта 202-я стрелковая дивизия сдала свой оборонительный участок сибирской 370-й стрелковой дивизии полковника Е.М. Андреева и вышла в исходное положение перед укрепленным пунктом противника Пустыня.

Неприступная Пустыня

Пустыня, небольшая, в 20 домов деревенька, находилась в трех километрах к востоку от Кузьминского, дорога между ними проходила по узкому перешейку болота Гажий Мох. От Пустыни, лежащей на возвышенности, наши боевые порядки просматривались в глубину до десяти километров. Следующий немецкий опорный пункт располагался через шесть километров в деревне Запрудно. Места эти были глухие, болота да непроходимые леса. Именно здесь проходила граница между 30-й и 290-й пехотными дивизиями противника.

3 марта 1942 г. части 202-й стрелковой дивизии после артиллерийской подготовки впервые атаковали немецкий гарнизон в Пустыне. Встретив ожесточенное огневое сопротивление, отошли на исходные позиции. Вот что вспоминает В.И. Кухарев, партизанский разведчик: «...Наутро противник, прочно окопавшийся в Пустыне, получил первый массированный огневой налет. От деревни не осталось и мелких щепок. Она была несколько раз перевернута, смешана с землей. Только в Сойке у часовни осталось несколько неразрушенных дотов. Благодаря им и переднему краю их обороны, построенному по опушке леса, окаймляющего деревню, атака не была удачной».

Бои за овладение Пустыней и Запрудно велись весь март. Немцы упорно оборонялись, наши атаки результата не давали.

Из воспоминаний Столбова Николая Ильича: «...Теперь о Пустыне. Пустыня расположена так: надо идти от поселка Беглово на Свиной, Кузьминское, и дальше ведет прямая дорога на Пустыню. Стоит она на чуть-чуть возвышенном месте, примерно один километр вокруг нее чистое место, а дальше лес и болото. В конце февраля я видел в Пустыне даже дома с крышами.

Начали мы наступать, но неудачно. Командиру батальона, старшему лейтенанту Хлыстову, по телефону звонил командир полка Демин и все грозил и требовал взять Пустыню. Хлыстов не вытерпел, выпил флягу водки и пошел «поднимать в атаку». Но потом послышался крик: «Комбата убили». Я за ним полез, вытащил его, он уже был мертв, ... хотя мы наступали весь март – успеха не имели» [115].

На целых девять месяцев Пустыня станет занозой и головной болью не только для полковника Штыкова, но и для командования Северо-Западного фронта и Северо-Западного направления: маршала Тимошенко и генерала армии Жукова.

В кратком обзоре боевых действий зимой 1942 г. при окружении немецких войск в районе Демянска штаб 34-й армии так характеризовал действия 202-й стрелковой дивизии: *«В зимнем наступлении основная тяжесть борьбы выпала на 202-ю стрелковую дивизию (в ее составе главным образом 645-й стрелковый полк), им по праву принадлежат лучшие страницы этой операции».*

...

645-й стрелковый полк указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1942 года удостоен ордена Красного Знамени. Это было первое на Северо-Западном фронте награждение отдельного полка.

Нелегко давались победы дивизии. Многие бойцы, командиры и политработники пали в бою смертью храбрых. Особенно большие потери имел 645-й стрелковый полк. Сменивший 20 февраля командира полка майора Натрашвили Семена Теодоровича старший лейтенант Кравченко Степан Иванович погибнет через две недели – 6 марта в бою за Пустыню. Вновь назначенный вместо Кравченко капитан Кушкин Роман Савельевич будет командовать полком лишь 5 дней – 11 марта сложит свою голову в бою за ту же Пустыню. Не обошла злая судьба и командира 682-го стрелкового полка подполковника Шабротько Моисея Никитовича. Он погибнет в бою за Кневицы 18 марта 1942 г.

Дальневосточники форсируют Невий Мох

19 января 1942 г. командир 26-й стрелковой дивизии полковник П.Г. Кузнецов получил из штаба 34-й армии сразу два приказа: приказом № 004 ставилась задача на наступление, а другим – начальник штаба дивизии, комбриг В.В. Корчиц переводился в другую армию на должность командира дивизии. В.В. Корчиц и его предшественник П.Ф. Батицкий в дивизии были недолго, но при них штаб вырос в слаженный и боеспособный орган управления. Оба стали командирами дивизий, а П.Г. Кузнецов накануне серьезных наступательных боев остался без начальника штаба.

Перед дивизией стояла задача – форсировать болото Невий Мох, спуститься западным берегом на 10 км к югу и повести наступление на опорные пункты врага Лебедское и Веретейку. В случае успеха опорные пункты противника Вершина и Высочек на восточном берегу болота потеряют свое тактическое значение. 87-й стрелковый полк приказом командующего 34-й армии был выведен из оперативного подчинения дивизии, продолжая оборонять прежний участок обороны.

21.01.42 г. к 20.00 дивизия (без 87-го стрелкового полка) сосредоточилась в районе Бараки, Лиза, Кузьма, с/х «Красная Заря». К месту сбора подтягивались подразделения Казанского полка, минометный дивизион и батарея 122-мм гаубиц.

В журнале боевых действий дивизии 22.01.42 г. записано:

...

«1. В полосе наступления дивизии на восточной опушке урочища Вершинский Кремняк дивизионной разведкой установлено наличие проволочного заграждения в два кола и четыре огневые точки. По данным разведки 254 С.Д. рубеж Большой Заход, Малый Заход, Пестовка, Лебедское, Большой Калинец является армейским оборонительным рубежом противника, имеются минные поля, дзоты и проволочные заграждения.

2. Дивизия (без 87 С.П.) к 20.00 сменила 936 С.П. в готовности к наступлению в направлении южной опушки ур. остров Соватес» [116].

Болото Невий Мох – обширное пространство к югу от озера Ильмень, в междуречье рек Полометь и Пола. На север болото тянется до 40 км, ширина – от трех до десяти. Места очень красивые. Изрезанные берега болота и острова на нем поросли густым лесом. Отдельные чахлые деревца растут и по всему заболоченному пространству. Длинный лесистый мыс посреди болота – урочище Вершинский Кремняк, на котором находится боевое охранение противника. Между западным берегом и урочищем – остров Соватес, превращенный немцами в сильный опорный пункт. Болото проходимо только зимой.

Продвижение к Кремняку пришлось приостановить, так как артиллерия и обозы не могли двигаться по болоту. Первая половина ночи с 22 на 23 января ушла на подготовительные работы. Прокладывались два маршрута: тропу для пешех и санную дорогу для артиллерии и обозов. Пехотинцы и саперы разгребали снег до слабенькой подснежной корки, затем дорогу гатили ветками и поливали водой. Мороз быстро превращал это сооружение в пригодное для проезда покрытие. Из района Кневицы по боевым порядкам полков дивизии вела огонь вражеская артиллерия.

Части дивизии (без 87-го полка) продолжали наступление, обходя с севера и северо-запада остров Соватес, и к 14.00 24.01.42 г. вышли на западный берег Невьего Мха. Сопротивление противника было незначительным. За 22 и 23 января убито и ранено было 70 человек.

Командующий 34-й армией генерал-майор Берзарин прибыл в дивизию утром 22 января и лично осмотрел, как идет форсирование болота. Полковнику Кузнецову он сказал: *«Имейте в виду, на вашу дивизию я возлагаю большие надежды. Выходом западнее болота и наступлением на юго-запад вы должны нарушить всю оборону противника, вынудить его произвести перегруппировку и тем самым облегчить задачу Штыкову. Возможно, в глубине встретите новый подготовленный противником рубеж. Прорывайте его, не теряйте времени, действуйте смелее и увереннее. От меня это требует командующий войсками фронта, а я требую от вас»* [117].

По данным разведки было известно, что находившаяся напротив острова Соватес на западном берегу болота деревенька Пустынька представляла сильно укрепленный опорный пункт. Брать ее придется в любом случае, так как она располагалась на пути дивизии. Берзарин пообещал прислать в помощь лыжный батальон армейского подчинения, а возможно, и передать его в дивизию. Вернуть обратно 87-й Карельский полк не обещал, все задачи придется решать наличными силами.

Бойцы и командиры с интересом знакомились с оборонительной системой покинутого немцами Соватеса: противо-пехотные минные поля, проволочные заграждения, система просек с легкими дзотами для перекрестного огня. Земляных построек не было. Блиндажи и землянки заменялись утепленными солдатскими шалашами продолговатой формы с длинными, во всю стену нарами и рублеными офицерскими домиками с двойными стенами. У шалашей под навесами хранились огромные, неуклюжие, сплетенные из соломы эрзац-валенки.

Впереди – вражеские дзоты

Передний край обороны 290-й пехотной дивизии противника опирался на естественный рубеж целого ряда деревень, вытянувшихся с севера на юг, – Мотыренку, Большой и Малый Заходы, Пестовку, Лебедское, Большой и Малый Калинец, Ольховец. Они были оборудованы в опорные пункты, связанные между собой огневой системой. На расстоянии трех километров к западу, по обе стороны железной дороги, были созданы батальонные узлы сопротивления – в Большом Яблонове и Веретейке. Попытка Новгородского полка 25 февраля с ходу овладеть Лебедским и Большим Калинцем была неудачной. Здесь оборону держала группа Модера дивизии «Мертвая голова», имеющая три танка. Враг оборонялся упорно. Вот запись в журнале боевых действий 26.01.42 г.:

...

«Части дивизии в исключительно трудных условиях бездорожья и глубокого снега с 17.00 ведут бои за овладение Малый Заход, Лебедское.

В Мал. Заход ворвалась пехота 349 С.П., идут упорные уличные бои, наблюдается отход мелких групп пр-ка. Из 26 домов Лебедское – 17 отбиты подразделениями 312 С.П.»

«27.01.42 г. Части дивизии после двух суточных наступательных боев с задачей овладения Мал. Заход и Лебедское, последними полностью не овладели. Потери, по уточненным данным, за 26.01.42 г.: 349 С.П. – убито 19 чел., ранено 27 чел., пропало б/в 2 чел.; 12 С.П. – убито 2 чел., ранено 2 чел., замерзших – 6 чел.» [118] .

Со взятием Лебедского произошло следующее. Незадолго до рассвета батальон Жукова Новгородского полка вышел к деревне и, установив, что она занята противником, атаковал. Бой был скоротечным, не более десяти-пятнадцати минут. Застигнутый врасплох противник был выбит из населенного пункта. Батальону достались натопленные дома, а кое-где даже готовый завтрак. Победители занялись бытовыми вопросами и забыли про врага. Люди разбрелись по домам греться и отдыхать. Противник опомнился, получил подкрепление из соседнего Большого Калинца, внезапно контратаковал и вновь занял Лебедское. Повторная атака успеха не имела. Батальон вынужден был отступить, потеряв около пятидесяти человек убитыми и ранеными. Севернее Лебедского сосредоточился Казанский полк. Для обеспечения правого стыка с 11-й армией вышел прибывший 215-й армейский лыжный батальон. Дивизионная школа младшего начсостава блокировала опорный пункт Пустынька. Берзарин торопил командира 26-й стрелковой дивизии с наступлением, но глубокий снег мешал подтянуть артиллерию, тылы, подвезти боеприпасы, продовольствие.

Бои за Лебедское продолжались 2 и 3 февраля.

Запись в журнале боевых действий:

...

«03.02.42 г. Части дивизии, сковывая пр-ка на правом фланге, вели ночной бой за овладение Лебедское. Опираясь на систему огня, пр-к вынудил наступающие части отойти на исходное положение.

Потери за 03.02.42 г.: 312 С.П. – убито 42 чел., ранено 100 чел.; 349 С.П. – убито 9 чел., ранено 26 чел., пропало б/в 2 чел.» [119] .

Да, дорого обходится Лебедское, дивизия топчется на месте, наступление срывается.

Между тем на севере наметился успех. По докладам, к исходу 2 февраля замечен отход противника из Пустыньки. Он мелкими группами сосредоточивался на западной опушке леса, что в 0,5 км к юго-востоку от деревни. Между блокирующими группами и противником завязалась перестрелка, продолжавшаяся всю ночь на 5 февраля. Остатки вражеского гарнизона, пытаясь отойти на запад к Шкварцу, были встречены разведкой первого батальона Карельского полка. В результате обстрела группа, состоящая из 18–20 солдат, потеряла убитыми 11, захвачен в плен один раненый, который по дороге умер, взяты документы и личные вещи. При обследовании Пустыньки установлено: строений нет, в районе обороны гарнизона насчитывается свыше 30 свежих трупов солдат противника, имеется 5–6 дзотов с легким перекрытиями, соединенных ходами сообщения. В течение дня противник вел артиллерийский огонь из направлений Большое Яблоново, Большой Калинец, стремясь отсечь огнем наши подразделения, контролирующие огнем дорогу Большой Калинец – Лебедское.

Противник упорно оборонял Большой Калинец. Ночная атака Новгородского полка 8 февраля была неудачной. Полк израсходовал свыше тысячи снарядов и мин, но этого оказалось мало. Немецкий гарнизон из полуподвалов и чердаков деревенских домов за всем наблюдал и поражал пехоту прицельным огнем. Артиллерия дивизии вела огонь с закрытых позиций с малой эффективностью. Надо было применять что-то новое.

Прямой наводкой по огневым точкам

Из воспоминаний командира дивизии полковника П.Г. Кузнецова:

«...Целый день мы с Шабановым, командиром полка и начартом изучали огневую систему противника, планировали новые варианты штурма. Всесторонне оценив обстановку, решили, что для успеха необходимо повысить действенность огня и сократить время броска в атаку. К этому выводу мы пришли сами, другой нам подсказал генерал Берзарин, прибывший на следующий после атаки день.

Я доложил командарму наш новый план. Если в предыдущей атаке участвовало шесть рот, то теперь число их сокращается до трех. Зато исходное положение для броска мы при помощи отрытых в снегу траншей приблизили до 100 метров. Артиллерийское обеспечение оставалось прежним, артиллерия подготавливала атаку с закрытых позиций.

Выслушав меня, командарм хотя и не возразил против плана, но, как мне показалось, не совсем остался им доволен.

– Обидно, товарищ генерал, что мы никак не можем пробить брешь в обороне, – откровенно признался я.

– А сделать это все-таки надо, – заметил Берзарин.

– Да, но как?

– Пушками.

– Снарядов маловато, товарищ командующий, – вставил Иноходов.

– А вы пушки поближе подвиньте, тогда и снарядов потребуется меньше.

«Конечно, если вести огонь прямой наводкой, тогда, пожалуй, и можно было бы выкурить немцев», – подумал я. Но в то же время эта мысль показалась странной. Применять дивизионную артиллерию для стрельбы прямой наводкой по противнику, засевшему в жилых постройках, нам еще не приходилось.

– Жалко постройки, товарищ командующий. Наши крестьяне десятками лет строили, а мы разрушать станем, – сказал Иноходов.

– А вам людей не жалко? Сколько вы их здесь потеряли?

Останутся в живых люди, дома построят новые, а вот если людей не станет, то строить уже будет некому» [120].

Через два часа на опушку леса для стрельбы прямой наводкой выдвинулись дивизион капитана Пономаренко (двенадцать пушек) и вся полковая артиллерия. Каждому орудийному расчету были указаны цели. Артиллерия с закрытых позиций должна была отражать возможные контратаки, парализовать огонь соседних опорных пунктов и преследовать противника при отходе.

В четыре часа дня полк атаковал. Это был прекрасно слаженный скоротечный бой. Внезапный шквал огня из орудий в сочетании с огнем пулеметов и автоматов быстро сделал свое дело. Рушились стены, валились чердаки и крыши. Огонь и дым, пламя разрывов ошеломили противника. После десятиминутного боя Большой Калинец был освобожден к 17.00 9 февраля. На взятие этого укрепленного пункта понадобилось девять дней.

Таким же способом были освобождены 10 февраля Лебедское, 12 февраля Малый Заход. 15 февраля 215-й отдельный лыжный батальон занял Городок, Лутовню, Шкварец. С освобождением этих пунктов ширина прорыва достигла четырех километров. В эту брешь для развития успеха в сторону Веретейки устремился Новгородский полк, Казанский же полк остался на рубеже Лебедского для прикрытия дивизии справа и развития успеха на Большое Яблоново.

Удары наших войск откалывали от обороны противника один за другим опорные пункты. Все уже становился перешеек, соединяющий полуокруженные войска 2-го корпуса 16-й армии с силами противника западнее реки Ловать. Целыми днями кружили в небе немецкие транспортные самолеты, сбрасывая восточнее реки Пола на парашютах вооружение, боеприпасы, продовольствие. Наши

войска одновременными ударами с севера и юга стремились как можно скорее завершить окружение.

Штурм Веретейки

26-я стрелковая дивизия выполняла поставленную боевую задачу. Новгородский полк выдвинулся к Веретейке на левом фланге, а правый фланг 215-м отдельным лыжным батальоном, вошедшим в состав дивизии, находился в пятнадцати километрах к северу у деревни Лутовня. Большая деревня Веретейка (Веретейка – родина моей матери, Прасковьи Петровны. – *Прим. авт.*) располагалась на пологой возвышенности. В разных направлениях от нее расходились девять грунтовых дорог на Лебедское, Дуплянку, Гривку, Горчицы, Подбелу, Тополево, Полу, Большое Яблонино и Зорянку (Зорянка – моя родина. – *Прим. авт.*)

Немцы, испытав на себе новую тактику коротких огневых ударов прямой наводкой и быстротечных атак, создали вокруг деревни внешний оборонительный обвод. С трех угрожаемых сторон они опоясали ее двухметровым снежным валом с амбразурами для стрельбы из автоматов и пулеметов. От вала в деревню были проделаны в снегу траншеи. Вал, удаленный от построек на двести-триста метров, маскировал огневые средства, позволял скрытно производить маневр живой силой.

Попытка Новгородского полка вечером 14 февраля с ходу овладеть Веретейкой была неудачной. И на следующий день подразделения полка смогли приблизиться лишь на 200 м к противнику. В боях вместе с Новгородским полком участвовали приданные дивизии 211-й и 220-й отдельные лыжные батальоны.

Днем 14 февраля остатки немецкого гарнизона Малого Калинца, взятого дивизией Штыкова, смогли прорваться в Веретейку.

Ночью 13 февраля Веретейка подвергалась бомбардировке советской авиацией. Одна бомба разорвалась в трех метрах от К.П. эсэсовского батальона Моллера. Днем 13 февраля немецкие самолеты сбрасывали гарнизону продовольствие и боеприпасы [121] .

16 февраля подразделения провели три безуспешные атаки. Утром следующего дня наши позиции бомбили немецкие пикирующие бомбардировщики, но днем пехоте удалось преодолеть снежный вал и прорваться до середины деревни. Ожесточенной контратакой немцы восстановили положение.

В помощь Новгородскому отряду был направлен Казанский полк. Лишь 18 февраля к 9.20 полки дивизии овладели Веретейкой.

Остатки разбитой 290-й пехотной дивизии предстояло уничтожить в опорных пунктах Херенка, Тополево, Горчицы, Подбела. Казанский полк повел наступление на юг с задачей овладеть опорными пунктами Подбела и Горчицы. Новгородский полк, захватив в лесу, западнее Веретейки, склады с продовольствием и боеприпасами, вышел к Херенке. Перед отступлением немцы заперли наших пленных в колхозном сарае и бане и подожгли. Когда новгородцы 23 февраля захватили Херенку, враг уже сделал свое подлое дело. Опорный пункт Тополево был взят 26 февраля батальоном Карелина совместно со стрелковой ротой 645-го стрелкового полка дивизии Штыкова, поддержанной тремя танками.

Батальон Барабанова, преодолев высоту 49,4, овладел Кошелевом на правом берегу реки Пола и вошел в соприкосновение с пехотой и лыжниками 52-й отдельной стрелковой бригады полковника Гузенко из 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 25 февраля части дивизии вели неудачные бои за Новую Деревню, 215-й отдельный лыжный батальон действовал в районе Больших Рог.

После трехдневных безуспешных боев за Горчицы 26-я стрелковая дивизия получила новую задачу. Новгородский полк, сделав поворот налево, в течение ночи пересек тыл 202-й стрелковой дивизии, уже вступившей в бой за овладение Горчицами, и поздно ночью 28 февраля вышел в район деревень Свиной, Пожалево, Кузьминское. Казанский полк и 220-й отдельный лыжный батальон после двухдневных боев и одной ночной атаки на Новую Деревню, понеся большие потери, отошли. Полк готовился 1 марта совершить марш по маршруту Горчицы – Свиной, откуда дивизии предстояло наступать в юго-восточном направлении на Вязовку. Расстояние небольшое, всего 10 км, но на пути лежали три опорных пункта – Норы, Лялино и Горбы.

Наступление на Вязовку

Проблем с опорным пунктом Норы не было, Новгородский полк овладел им с ходу. А за Лялино и Горбы бои велись несколько дней, причем каждый бой имел свои особенности.

Лялино – крохотная деревушка даже по новгородским меркам, всего 15 дворов, расположена на крутом холме. Противоположная сторона холма покрыта лесом, а в сторону атакующих подразделений Казанского полка открытая, заснеженная. 3 марта после короткой артподготовки и залпа гвардейских минометов наша пехота пошла в атаку, но противник подпустил ее на 200 м и открыл бешеный огонь. Она залегла и отступила. По похожему сценарию бои по овладению этим укрепленным пунктом продолжались и в последующие дни. Подразделения Казанского полка несли неоправданно большие потери.

Запись в журнале боевых действий дивизии:

...

«05.03.1942 г. Дивизия в течение дня вела бой за овладение узлом сопротивления выс. 66, 5 – Лялино и наступала в направлении Вязовка. Потери за 05.03.42 г.: убито 57 чел., ранено 129 чел.

06.03.42 г. Части дивизии проводили неоднократные атаки узлов сопротивления выс. 66, 5 – Лялино, успеха не имели. Потери за 06.03.42 г.: убито 30 чел., ранено 182 чел.» [122] .

Ночная атака Новгородского полка 7 марта прошла с использованием лыжников, наступавших на обратные лесные склоны холма. Пехота имитировала наступление по старому маршруту, открыв огонь из всех видов оружия, а по сигналу «две ракеты» кричала «Ура!», но в атаку не переходила. В это время был нанесен удар с тыла, который и обеспечил успех. Весь бой длился 15–20 минут, с незначительными потерями. Овладев Лялино, Новгородский полк по лесной дороге двинулся к Вязовке.

Казанский полк в это время вел бой за Горбы. Деревенька, в которой около двадцати дворов, разбросанных на пяти-шести небольших плоских холмах, со всех сторон окружена лесом. Дневная атака 8 марта с привлечением роты 233-го отдельного лыжного батальона успеха не принесла. Выяснилось, что обороняется не рота противника, а батальон. Применение огня прямой наводкой было невозможно из-за особенностей рельефа местности. Без подавления огневой системы противника рассчитывать на успех было трудно. Атаку на Горбы решено было провести ночью, ограниченными силами и без огневой поддержки. 19 марта Горбы были взяты.

Целую неделю 26-я стрелковая дивизия вела бои за Вязовку. Фронт наступления представлял собой вдавленный в оборону противника мешок, ширина его четыре-шесть километров, глубина – восемь. К Вязовке с запада примыкали два опорных пункта – Обжино и Ольховец. Все они вместе образовывали сильный узел сопротивления, занимаемый хорошо оснащенным немецким пехотным полком. Вязовка как населенный пункт не существовала, представляя собой голое выжженное плато, занятое небольшим гарнизоном, основные силы противника находились в лесу восточнее и юго-восточнее Вязовки.

18 марта Новгородский полк овладел северными и восточными окраинами Вязовки и вел бои за полное очищение ее от оставшихся групп противника. В это время Казанский полк ведет лесной бой с отдельными вражескими группами. В журнале боевых действий дивизии записано: «потери за 18.02.42 г.: убито 138 чел., ранено 200 чел.».

Потери в дивизии были большие – полки были обескровлены, пополнения не поступало.

В ночь на 20 марта дивизия получила приказ сдать свой участок только что прибывшей на Северо-Западный фронт Сибирской 370-й стрелковой дивизии полковника Е.М. Андреева и сосредоточиться в районе Пожалеева. Недолгой была передышка. Уже 21 марта части дивизии вели разведку в районе укрепленного узла Пустыня, а 22 марта в 6.00 полки атакуют Пустыню, но безуспешно. Потери за этот день: убито 58 чел., ранено 113 чел. 23 марта подразделения Новгородского полка овладели северной и северо-восточной окраиной Пустыни, но вынуждены были отойти. 24 марта в 5.00, перейдя в атаку, части дивизии были подпущены на дистанцию 50–60 м и подвергнуты шквальному огню из автоматов. Понеся большие потери, части дивизии отступили.

25 марта 1942 г. 26-я стрелковая дивизия получила приказ выдвинуться на восточный берег

Ловати и, заняв там десятикилометровую полосу с центром в Плешаково, поступить в распоряжение командования 1-й ударной армии.

Глава 11 ШЕСТЬ ВРАЖЕСКИХ ДИВИЗИЙ В «КОТЛЕ»

Приказ фюрера

Вернемся к итогам январского наступления войск 11-й и 34-й армий. Противник понес тяжелые потери. Главнокомандующий группы армий «Север» кавалер Рыцарского креста генерал-фельдмаршал фон Лееб полагал, что в условиях критического положения немецких частей к югу от озера Ильмень в первую очередь надо было принимать меры по стабилизации фронта. 12 января 1942 г. он связался со штаб-квартирой фюрера, чтобы получить одобрение плана отхода 16-й армии на защищенные позиции за рекой Ловат. В тот момент Гитлер находился в ставке «Вольфсшанц». Чтобы ознакомить фюрера с планом, Лееб вылетел в Ставку.

В подробном докладе Лееб попытался в красках изобразить, в какой опасной ситуации оказались 2-й и 10-й армейские корпуса. Он сообщал: *«Если перенести линию фронта за реку Ловат, это значительно сократит его протяженность. Этот маневр позволит имеющимся в распоряжении дивизиям действовать сплоченно, мощно, избегая отражений атак с флангов. При необходимости они смогут менять друг друга на фронте, периодически отходя в резерв. Проходящая через эти воинские части железнодорожная ветка Старая Русса – Холм в значительной мере позволит обеспечить организацию их снабжения. Если отступление будет одобрено именно сейчас, то его можно осуществить планомерно, постепенно, избегая лишних и ненужных потерь. Твердо удерживаемый фронт на участке Ловати, правый фланг которого придется на Холм, позволит более эффективно использовать силы группы армий «Центр» и 9-й армии, нежели хрупкая и неустойчивая линия фронта, проходящая через Демянск. Это стратегическое преимущество станет очевидным, если предполагается вывести значительные резервы.*

Ликвидация разрыва в линии фронта возможна путем его сокращения. При этом достаточно сил одной 9-й армии. Для самой группы армий «Север», равно как и для 16-й армии, пространство вокруг Демянска не имеет никакого стратегического и оперативного значения» [123].

Гитлер категорически отверг этот план. Его аргумент: ни одна захваченная территория не может отдаваться обратно русским. Он считал, что начини только даже незначительное отступление фронта, как Красная Армия воспользуется этим ошибочным маневром для того, чтобы расширить разрывы, имеющиеся в линии фронта. Это, в свою очередь, может привести к удару в тыл группы армий «Центр».

Приказы «держаться любой ценой» стали все чаще исходить из Берлина и зачастую могли закончиться катастрофой для немцев. Например, в районе Селигера немецкие части не получали никакого подкрепления. Сражение с превосходящими силами Красной Армии могло закончиться их полным истреблением, что означало едва ли не крушение всего фронта.

Озлобленный фельдмаршал вынужден был вернуться обратно ни с чем. Он тут же попросил дать ему отставку, так как не видел возможности сохранить фронт. Возможно, что просьба об отставке была приемом, театральным жестом, который мог заставить Гитлера задуматься и еще раз вникнуть в смысл предложений Лееба.

Более того, после визита и предложений Лееба Гитлер издал «приказ фюрера», который строго-настрого запрещал предпринимать любые отступления на Восточном фронте. Этот принцип был возведен в ранг закона.

Приведем небольшой отрывок из дневника Лееба:

«Вторник, 13 января 1942 г.

Полет в Ставку фюрера, он настаивает на том, чтобы корпуса и дальше удерживали свои позиции. Персональная просьба к фюреру о моей отставке по состоянию здоровья.

Обстановка в районе Демянска мне ясна. Я точно знаю, чего хотел маршал Ворошилов. Он хотел отрезать мои дивизии, и он их отрезал. Гитлер не обратил на это внимание. Он не прислушался к моему совету и предложениям на этот счет. Я проиграл этот бой и это сражение. Сложившееся положение стало для меня бесперспективным и безнадежным. И поэтому я ушел.

Четверг, 15 января 1942 г.

Я еще раз попросил об отставке. Повторный приказ сверху, чтобы корпуса продолжали удерживать свои позиции.

Пятница, 16 января 1942 г.

Фюрер освободил меня от должности».

Вместе с Леебом был отстранен и его начальник штаба Бренеке. Командующим группой армий «Север» стал генерал-полковник Кюхлер, который пользовался особым доверием Гитлера. Он блестяще проявил себя во время Французской и Польской кампаний. Утром 4 июня 1940 г. 218-я пехотная дивизия армии Кюхлера вошла в Париж.

В эти же дни Гитлер приказал усилить 16-ю армию маршевыми батальонами и 218-й пехотной дивизией.

«Демянский котел» для Ставки – вопрос второстепенный

Наступление войск Северо-Западного фронта по расходящимся направлениям привело к увеличению полосы наступления до 300 км, снижению силы удара, темпа наступления и большим трудностям в управлении войсками.

«В начале 20-х чисел января оперативное положение фронта оказалось противоречивым, – отмечал генерал армии П.А. Курочкин. – С одной стороны, наметился крупный успех. На левом крыле фронта полностью и успешно завершилась Торопецко-Холмская операция. В центре мы глубоко охватили демянскую группировку врага. Еще ни разу с начала войны нам не удавалось достигнуть такого успеха: создать условия для полного окружения и ликвидации крупных сил гитлеровской армии. На правом фланге мы продвинулись до Старой Руссы. Но, с другой стороны, фронту явно не хватало сил для создания прочного внутреннего и внешнего фронтов окружения вокруг демянской группировки. Особенно с юга. Приходилось растаскивать дивизии, давать им все более широкие полосы. Возникла дилемма: или бросить все силы на создание надежного внутреннего фронта окружения, но тогда оставаться под постоянным риском ударов противника извне или же усиливать внешний фронт, но тогда ежечасно тревожиться насчет возможного прорыва окруженных войск врага из района Демянска на запад. Одновременно на других участках шла ожесточенная борьба за Старую Руссу и Холм» [124].

17 января генерал П.А. Курочкин направил в Ставку ВГК докладную записку. В ней оценивался общий ход событий и высказывалось намерение завершить прежде всего разгром противника в районе Демянска. *«Мы предлагали осуществить его путем нанесения удара 11-й армии из района Старой Руссы к югу, на Холм, – писал генерал армии П.А. Курочкин. – Обещанные нам 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса предлагалось использовать для развития наступления в западном направлении. Обе задачи мы хотели выполнять последовательно, начиная с окружения и уничтожения демянской группировки. Нужно признать, что мы переоценивали наши тогдашние возможности. В частности, мы думали, что достаточно окружить врага, и он, отрезанный от путей сообщения, более или менее быстро капитулирует» [125].*

Ставка ВГК решила сосредоточить основные усилия Северо-Западного фронта только на Старорусском направлении. Здесь сложилась такая обстановка, что от того, кто сумеет быстрее ввести в бой свежие силы, зависит дальнейшее развитие событий.

К 17 января войска Северо-Западного фронта вышли на фланги демянской группировки противника в районе Старой Руссы и Холма, глубоко охватив ее с севера и юга. Единственная шоссейная дорога, соединяющая группу со Старой Руссой, была перерезана. В распоряжении немцев осталось лишь несколько полевых дорог, малопригодных для широкого использования.

Извилистая конфигурация линии фронта создавала выгодные условия для окружения противника в районе Демянска нанесением встречных ударов со стороны Старой Руссы и Холма. 19 января директивой Ставки ВГК №170034 за подписью Б.М. Шапошникова командование Северо-Западного фронта извещалось о двух новостях – хорошей и плохой. О плохой новости мы уже знаем: с 22 января 3-я и 4-я ударные армии передавались в распоряжение командования Калининского фронта. Вторым пунктом шла хорошая новость: Ставка ВГК передавала в состав Северо-Западного фронта 1-ю ударную армию. Помимо этого, фронт получил в свое распоряжение 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса.

Основной задачей фронта Ставка ВГК определила: действиями 11-й армии в направлении на Сольцы и далее в тыл новгородской группировки противника и действиями 1-го и 2-го гвардейских стрелковых корпусов, 34-й армии и 1-й ударной армии выйти в район Пскова, перерезать основные коммуникационные линии ленинградско-волховской группы противника. В качестве частных задач ставилось усиление блокады Старой Руссы, оказание поддержки войскам 3-й ударной армии Калининского фронта в ликвидации группировки противника в районе Демянска [126] .

Таким образом, главной задачей Северо-Западного фронта Ставка ВГК считала не окружение демянской группировки, а удар значительными силами на запад, в тыл главным силам группы армий «Центр». Окружение демянской группировки предполагалось осуществить путем глубокого охвата со стороны Старой Руссы на Холм. Но если командование Северо-Западного фронта намечало нанести этот удар всеми силами 11-й армии, то Ставка ВГК ограничивалась лишь двумя дивизиями и двумя бригадами, подчиненными Калининскому фронту.

Генерал армии П.А. Курочкин, оценивая это решение, подчеркивал: *«Нельзя не отметить, с одной стороны, излишней сложности, а с другой – недостаточной ясности этого замысла, особенно в том, что касалось системы подчинения войск, действующих в районе Демянска. Подобная система подчинения затрудняла взаимодействие фронтов и армий в ходе операции. Кроме того, совершенно очевидно, что как для Северо-Западного, так и для Калининского фронтов задача разгрома демянской группировки рассматривалась как второстепенная»* [127] .

В этой довольно сложной ситуации генерал-полковник И.С. Конев оказал Северо-Западному фронту всю возможную поддержку. Прибывающие в район восточнее Старой Руссы и предназначенные для наступления на юг две дивизии и две бригады он объединил в Северную группу, которой приказал после сосредоточения 1 февраля перейти в наступление на Холм. Кроме того, он по своей инициативе приказал командующему 3-й ударной армией создать на северном фланге группировку в составе одной стрелковой дивизии и трех бригад под командованием заместителя командующего армией генерал-майора А.С. Ксенофонтова для наступления на Демянск с юга во взаимодействии с 34-й армией Северо-Западного фронта [128] .

Ставка ВГК меняет планы генерала Курочкина

24 января генерал-лейтенант П.А. Курочкин представил И.В. Сталину доклад № 953 Плана разгрома демянской группировки. Командующий фронтом считал, что сил 34-й армии для разгрома демянской группировки противника недостаточно, а потому предлагал привлечь для выполнения этой задачи 1-й гвардейский стрелковый корпус. Решение генерала Курочкина заключалось в следующем. Корпус должен был выдвинуться в район Рамушево, Васильевщина (30 км юго-восточнее Старой Руссы), а затем перейти в наступление по обоим берегам реки Пола в направлении Висючего Бора навстречу 3-й ударной армии, наносившей удар на Тоболку. Силами 341-й и 245-й стрелковых дивизий 34-й армии намечалось продолжать наступление из района Ватолино в направлении на Демянск. Для окружения 290-й пехотной дивизии противника, находящейся на стыке 11-й и 34-й армий, предусматривалось выделить 180-ю и 254-ю стрелковую дивизии 11-й армии, 26-ю и 202-ю стрелковые дивизии 34-й армии. С целью сковывания демянской группировки противника с фронта планировалось силами 163-й стрелковой дивизии продолжать наступление из района Сухой Ветоши на Пески. Для более надежного окружения необходимо, чтобы 3-я ударная армия заняла и удерживала Шубино. Одновременно продолжать выполнение задачи по уничтожению противника в районе Старой Руссы с более глубоким обходом города с юга силами двух стрелковых бригад 1-го гвардейского стрелкового корпуса.

Ставка ВГК утвердила решение командующего войсками Северо-Западного фронта, но и пойдя навстречу его предложениям, передала в состав Калининского фронта 2-й гвардейский стрелковый корпус, который вводился в сражение от Старой Руссы на Бежаницы или Холм [129] .

«Следовательно, для окружения демянской группировки противника теперь привлекались уже более крупные силы: 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса, 34-я армия и часть сил 3-й ударной армии, – пишет генерал армии П.А. Курочкин . – Постепенно операция против демянской группировки стала занимать центральное место в задачах фронта. Но чем больше сил планировали направить для непосредственного окружения врага, тем меньше возможностей у нас оставалось для отражения возможных ударов противника извне» [130] .

Командующий Северо-Западным фронтом 26 января представил И.В. Сталину уточненный план наступательной операции в направлении Пскова. Глубина операции составляла 200–230 км, продолжительность – 18–20 дней. До начала этой операции предусматривалось с 26 января по 5 февраля уничтожить силами 1-го гвардейского корпуса и 34-й армии во взаимодействии с 3-й ударной армией Калининского фронта демянскую группировку противника. С 7 февраля намечалось нанести удар 2-м гвардейским стрелковым корпусом из района южнее Старой Руссы в направлении на Холм и удерживать плацдарм в районе Старой Руссы силами 11-й армии.

Замысел генерала Курочкина заключался в нанесении главного удара войсками 1-й ударной армии в направлении Старая Русса – Псков и выходу к концу операции главными силами фронта в район Псков – Остров. Таким образом, планировалось фронтальными ударами овладеть городами Старая Русса, Дно, Порхов, Псков и Остров. Это свидетельствовало о непонимании командующим фронтом задачи, поставленной Ставкой ВГК. В своей директиве № 140072 от 28 января она подвергла резкой критике представленный план операции. Ставка ВГК потребовала переработать представленный план в соответствии с директивой от 19 января, исходя из следующих указаний:

«1. Ближайшей целью операции, после уничтожения демянской группировки противника, поставить – ударом 1-й ударной армии из района южнее Старой Руссы в общем направлении на Сольцы и выходом в район Шимск, ст. Волот прочно перехватить все пути подвоза противника к Старой Руссе и тем самым заставить его покинуть Старую Руссу и совместно с 11-й армией разбить его в открытом бою. Попыток выбить укрепившегося в Старой Руссе противника атаками не допускать.

2. Операцию начать 6–7 февраля, немедленно, как только будут сосредоточены главные силы 1-й ударной армии, с тем, чтобы остальные силы армии пошли во втором эшелоне.

3. Последующей задачей операции иметь – ударом 1-й ударной армии и 1-го гв. стрелкового корпуса в северо-западном направлении перерезать жел. дорогу и шоссе Псков – Луга и отрезать новгородскую и ленинградско-волховскую группировки противника от главных их коммуникаций: действиями 34-й и 11-й армий занять Дно, Порхов и выйти к Пскову, обеспечивая главный удар фронта с юга и юго-запада» [131].

31 января командующий Северо-Западным фронтом направил И.В. Сталину доклад № 00179/оп переработанного плана операции в направлении Пскова.

Немецкое командование осознавало опасность окружения своих войск в районе Демянска. Командование 2-го армейского корпуса еще в середине января направило в штаб 16-й армии осторожную радиограмму: «Если есть шанс отойти за Ловат, мы отойдем немедленно...» Ответ пришел из ОКХ: «Демянск должен защищаться до последнего человека» [132]. Более четкий приказ оставаться на месте и ждать смыкания за своей спиной «клещей» продвигающихся через леса советских дивизий и бригад было трудно придумать.

В переработанном плане глубина операции была увеличена до 220–260 км, а ее продолжительность до 23–25 дней. Задачи 1-го, 2-го гвардейских стрелковых корпусов, 34-й и 11-й армий оставались практически без изменений. Но начать наступление 1-й гвардейский стрелковый корпус и 34-я армия должны были на один день раньше – 28 января, а 2-й гвардейский стрелковый корпус перейти в наступление на Холм 3 февраля. Задачи 1-й ударной армии были определены в соответствии с директивой Ставки ВГК от 28 января.

После захвата основных коммуникационных линий ленинградско-волховской группировки противника для взаимодействия с Волховским и Ленинградским фронтами предусматривалось развивать наступление в двух направлениях: на станцию Мшинская, обходя Лугу с запада; на станцию Веймарн (12 км восточнее Кингисеппа) для захвата западной коммуникации ленинградской группировки противника. В зависимости от обстановки намечалось развивать наступление навстречу войскам Ленинградского и Волховского фронтов для разгрома противника. В случае отхода противника из-под Ленинграда на запад планировалось вместо намеченного удара на станцию Веймарн нанести главный удар на северо-запад в направлении между Сланцами и Васкнарвой с целью перерезать пути отхода противника через Нарву на запад. Войска 11-й и 34-й армий должны были нанести вспомогательный удар в направлении Дно, Псков, занять Дно, Порхов и выйти к Пскову, обеспечивая главный удар фронта с юга и юго-запада.

В группировку сил и средств были внесены следующие изменения. Войскам 1-й ударной армии должны были содействовать не одна, а две авиационные дивизии из состава ВВС фронта, 1-й

гвардейский стрелковый корпус имел теперь две стрелковые дивизии (7-я гвардейская и 26-я), но из его состава были изъяты артиллерийский полк, танковая бригада и авиационная дивизия. Ему надлежало наступать во втором эшелоне за 1-й ударной армией. В составе 11-й армии оставалось не шесть, а пять стрелковых дивизий. После разгрома старорусской группировки ей предстояло наступать левее 1-й ударной армии в направлении Дно – Порхов [133].

Генерал-лейтенант П.А. Курочкин считал, что для нанесения ударов в северном направлении и выхода в глубокий тыл ленинградско-волховской группировки противника сил 1-й ударной армии и 1-го гвардейского стрелкового корпуса недостаточно. Необходимо дополнительное усиление на 3 стрелковых дивизии и 10 лыжных батальонов [134].

В середине января на станциях Крестцы, Любница, Дворец выгружались части 1-го и 2-го гвардейских стрелковых корпусов генерал-майоров А.С. Грязнова и Героя Советского Союза А.И. Лизюкова. К концу января они завершили сосредоточение в районе между Парфино и Старой Руссой. В первых числах февраля начали прибывать передовые части 1-й ударной армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова. Условия для подготовки были исключительно тяжелыми. Наивно полагать, что сильные морозы и снегопады мешали только немцам.

В мемуарах П.А. Курочкина мы можем прочитать: *«Подвоз то и дело нарушался. Зима выдалась суровой, снежной. Метели настолько заносили немногочисленные пути, что войскам, двигавшимся вперед, приходилось с великим трудом прокладывать траншеи в огромных снежных напластованиях. Днем их расчищали, а ночью все заносило. По автомобильным дорогам машины двигались не быстрее 10–15 километров в час. В период сосредоточения снабжение войск хоть с трудом, но обеспечивалось. Но когда двигались вперед, условия подвоза еще больше ухудшались... Положение с боеприпасами, продовольствием и особенно с горючим оставляло желать лучшего.*

На складах армий автобензина не имелось почти совсем, а в баках машин его оставалось в среднем меньше ползаправки. Нужно было побывать там, в зиму 1942-го, чтобы в полной мере оценить все многочисленные трудности, возникавшие на каждом шагу. Сильные морозы, снегопады, перебои в снабжении горюче-смазочными материалами, недостаток автотранспорта – все это затрудняло и замедляло сосредоточение войск. На переброску каждой дивизии требовалось пять-шесть суток вместо запланированных одних».

Кроме нехватки боеприпасов, продовольствия в войсках фронта, в том числе и прибывающих соединениях, недоставало танков, а авиационные соединения насчитывали всего 110 исправных самолетов.

1-й гвардейский стрелковый корпус срочно введен в сражение

Особенно плохо было с обеспечением 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 26 января находившийся там офицер Генерального штаба доносил начальнику Генерального штаба Б.П. Шапошникову: *«1 гв. С.К. в материально-техническом отношении не обеспечен для выполнения боевых заданий. Операция обречена на неудачу в связи с задержкой эшелонов в пути. Прошу операцию корпуса временно отменить».*

Оперсводка 7-й гвардейской стрелковой дивизии:

...

27.01.42 г. 5.30 Мирославье:

«Части дивизии имеют в среднем 0,5 б/к из-за отсутствия транспорта. Продовольствием дивизия обеспечена только на 27.01.42 г., не имея на 50 % хлеба, фуражом не обеспечена.

Приданный 204 ЛБ продовольствия и фуража не имеет, боеприпасы: мин – нет, противотанковых гранат на руках нет, находится на ст. Любница. 425 отд. лыж. курсантский б-н не прибыл» [135].

Донесение военного комиссара 7-й гвардейской стрелковой дивизии полкового комиссара Сергеева от 27.01.42 г. – в 1 гв. СК (перед началом перегруппировки 7 гв. СД с Западного фронта на СЗФ для участия в Демянской наступательной операции на 1942 г.):

«Доношу, что 7 гв. СД получила боевую задачу 26.01.42 г. и приступила к ее выполнению. В связи с крайне тяжелым положением вынужден донести о нижеследующем.

7 гв. СД начала движение к новому месту сосредоточения 26.01.42 г., части дивизии находились в движении, когда было получено (в 15.30 26.01.42 г.) распоряжение, отменяющее до особого распоряжения выполнение боевой задачи. Части дивизии были остановлены и возвращены на места расквартирования; в частности, 30 гв. СП прошел 10 км маршем, в 19.00 26.01.42 г. было получено распоряжение, отменяющее остановку. Все распоряжения шли из 1 гв. СК.

В 7 гв. СД на 27.01.42 г. на 9.00 имеются следующие факты:

а) отсутствие 3-х эшелонов, из них отсутствует 3 б-н и тыл 288 СП, отсутствует 50 % арт. ДОПа, весь состав ДОПа.

Весь состав ДОПа дивизии, авторота подвоза, лыжный батальон находятся в пути. Дивизия, выполняя боевую задачу, совершенно не получает на 27.01.42 г. хлеба или сухарей; несмотря на все просьбы по всем инстанциям, отсутствует водка, пища состоит на 50 % дачи крупяного супа. Никаких запасов продовольствия на руках красноармейцев нет.

Дивизия выступила без 219 ГАП, который стоит, не имея горючего. Пехота совершила марш 30–40 км в преддверии встречи с противником – не будет иметь артиллерийской поддержки, ибо 219 ГАП свои системы возит на тракторах, которые на марше не могут догнать пехоту. Автотранспорт дивизии стоит на месте, в связи с отсутствием горючего и смазочных материалов.

Обоз конного транспорта в течение 2-х суток получает рубленую солому, покупаемую у крестьян. И эта солома является соломой, снятой с крыш надворных построек. Все это приведет к падежу и истощению конского состава, фуражное довольствие отсутствует.

Приданный дивизии для выполнения задачи 204-й лыжный батальон не имеет продовольствия совсем, отсутствуют противотанковые гранаты. Последние двое суток батальон питался впроголодь, что вызывает массовое недовольство личного состава. Поступившее мне донесение лыжного батальона 1 гв. СК за подписью пом. командира батальона лейтенанта Холодова 26.01.42 г., пришедшего просить помощи и продовольствия, подтверждают не только отсутствие у этого батальона питания, но и факты воровства у местного населения и выпрашивания по домам мерзлой картошки. В батальоне также имеются случаи истощения и массового недовольства в связи с отсутствием регулярного питания.

Прошу Вас, товарищ корпусной комиссар, принять реальные меры хотя бы в минимальном обеспечении продовольствием» [136].

И все же 29 января корпус был поспешно введен в сражение еще до подхода одной стрелковой и танковой бригад и корпусных сил усиления. Наступление проводилось на широком (40-километровом) фронте двумя группами. От Парфино вверх по реке Пола наступали 52-я отдельная стрелковая и 74-я отдельная морская стрелковые бригады. Главные силы корпуса в составе 7-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Е.В. Бедина, 14-й и 15-й стрелковых бригад, 69-й танковой бригады и двух лыжных батальонов наносили удар по обеим сторонам реки Ловать через Рамушево на Залучье.

Наступающие части непрерывно подвергались ударам авиации противника.

БД № 12 02.02.42 г.

...

«Противник удерживает рубеж Новоселье – Кобылкино силою до полка СС, в 11.30 подбросил пехоту на 50 автомашинах из р-на Черенчицы и Кобылкино; в р-не Кобылкино – 10 станковых пулеметов, 5 противотанковых, 8 75-мм орудий и 4 танка».

ОС № 5 03.02.42 г. 14.00 Брагино.

...

«...С утра 03.02.42 г. проведено 5 вылетов самолетов пр-ка, в 1-м участвовало 5 Ю-88, во 2-м 7 Ю-88 под прикрытием 2-х МЕ-109, в 3-м 7 МЕ-110, в 4-м 11 Мессершмитт» [137].

Корпусной артиллерийский полк смог вступить в бой только 9 февраля, испытывая постоянную нехватку боеприпасов. Части корпуса наступали медленно. Не имея опыта наступательных боев, командиры соединений и частей допускали ошибки: слабая разведка противника, плохая организации боя за опорные пункты, перебои в связи, слабое артиллерийское обеспечение боя. Медленное продвижение корпуса, внезапные контратаки врага вызвали недовольствие Ставки.

И.В. Сталин дает указание Грязнову

3 февраля 1942 г. И.В. Сталин связался по прямому проводу с командиром корпуса и дал ему указания, как вести наступление. Они состояли в следующем: «...*Неожиданное появление полка противника в районе Рамушево, Черенчицы на фланге 7-й гвардейской стрелковой дивизии говорит о плохой разведке, особенно плохой разведке авиации. Ссылки на погоду и невозможность разведки в связи с этим надо пресечь, для этого есть У-2, которые должны летать в любую погоду, для такой разведки не жалеть ничего. Товарищ Грязнов все должен знать о противнике, что у него вокруг, все видеть как на ладони, чтобы никаких неожиданностей не было... Надо корпусу двигаться сильной группой, не растягиваться, если растянулись, лучше не торопиться вперед, иметь всегда группу, а не разрозненные полки и батальоны... Вести разведку, не считаясь ни с чем, вести ее так, чтобы товарищ Грязнов видел все вокруг как на ладони*» [138] .

БД № 13. 03.02.42 г. 19.00

...

«Авиация с 9.00 бомбит непрерывно. В результате бомбежек в 288 гв. СП убито 110 чел., в 159 гв. СП – 111 чел., в других частях потери уточняются» [139] .

Ожесточенные бои развернулись в районе Кобылкино – Черенчицы – Коровитчино. Противнику южнее деревни Кобылкино авиация постоянно сбрасывала грузы на парашютах. Так, 18 февраля в 9.50 одиннадцать Ю-52 под прикрытием трех Ю-87 сбросили груз на 48 парашютах в районе Бараки – Кобылкино.

14-я стрелковая бригада вела боевые действия в районе дороги Бяково – Васильевщина. 15-я бригада действовала на правом фланге корпуса, на западном берегу Ловати. Противник упорно оборонялся, части корпуса, неся большие потери, медленно продвигались вперед... В журнале оперативных сводок дивизии полковника Е.В. Бедина записано:

ОС № 69 28.02.42 г. 4.00.

...

«Части дивизии очень медленно продвигаются вперед» [140] .

Лишь к 22 февраля были заняты и очищались от мин Кулаково, Черенчицы, Шелгуново, Коровитчино, Кобылкино, Бараки, велась разведка в направлении Залучья. Вражеская линия обороны по реке Робья, состоящая из сильно укрепленных пунктов Шумилкино, Залучье, Великое Село, Дубки, не была преодолена. Наши части вели бой на их западных окраинах, Великое Село неоднократно переходило из рук в руки.

В течение февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, ведя непрерывные бои и подвергаясь постоянным ожесточенным бомбежкам, в тяжелейших условиях полного бездорожья прошли более 40 км. 20 февраля 15-я стрелковая бригада, наступавшая с севера, и 42-я стрелковая бригада Северной группы 3-й ударной армии, продвигавшаяся с юго-востока, соединились в районе Залучья. Тем самым был создан внутренний фронт окружения демянской группировки противника. 42-ю бригаду возглавлял Герой Советского Союза полковник М.С. Батраков.

2-й гвардейский стрелковый, корпус (8-я гвардейская стрелковая дивизия, 26, 38, 75 и 37-я стрелковые и 71-я танковая бригады, 879-й артиллерийский полк с приданными лыжными батальонами) был введен в сражение 3 февраля. Корпус, созданный вокруг Панфиловской дивизии, вел наступление правее 1-го стрелкового корпуса между рекой Ловатью и Старой Руссой в направлении Холма. Не встречая серьезного сопротивления, корпус вышел на холмское шоссе.

75-я отдельная морская стрелковая бригада, сформированная из моряков Каспийской флотилии под командованием капитана 1 ранга К.Д. Сухиашвили, только 5 января 1942 г. была включена в состав корпуса генерал-майора А.И. Лизюкова.

Бригада прорвала немецкую оборону в районе деревень Михалкино и Сычево и, наступая вдоль реки Ловать, вышла в район западнее Холма. К исходу 16 февраля бригада, заняв села Куземкино и Пронино, вышла к городу и соединилась с частями 45-й стрелковой бригады 3-й ударной армии. Тем самым было создано кольцо окружения немецкого гарнизона в городе Холме.

Части 2-го гвардейского стрелкового корпуса перерезали пути подвоза демянской группировки, создав внешний фронт окружения и обеспечили условия для ввода в сражение 1-й ударной армии фронтом на запад. Между внутренним и внешним кольцами в районе Старой Руссы был создан промежуток в 30 км.

А что же наш противник? Потрепанным дивизиям 2-го армейского корпуса приходилось отражать атаки со всех сторон. Ощущение растерянности нашло свое отражение в журналах боевых действий. В одном из них можно было прочесть запись от 7 февраля 1942 г.: *«Ожидания в соседних корпусах и армиях не идут ни в какое сравнение с ужасной обстановкой, сложившейся во 2-м армейском корпусе. Назвать радужным его положение нельзя даже с огромной натяжкой».*

«Демянский котел» по-немецки – «Твердыня на Востоке»

В распоряжении генерала Брокдорф-Алефельда было не так уж много воинских сил – всего шесть дивизий. Как они располагались в начале февраля 1942 г.? К югу и юго-востоку от Демянска дислоцировались 12-я и 32-я пехотные дивизии. С юго-запада Демянск прикрывала 123-я пехотная дивизия. Линию обороны на севере от Демянска удерживали 30-я и 290-я пехотные дивизии. Фронт на северо-востоке обороняла дивизия СС «Мертвая голова». Западное – самое ответственное направление – было поручено «боевой группе Эйке», которая состояла из резервов всех вышеперечисленных дивизий.

20 февраля 1942 г. Красная Армия окончательно замкнула клещи восточнее Ловати. Немецкие дивизии оказались заблокированными в бесконечных лесах и болотах южнее озера Ильмень. Теперь до немецкого верховного командования и всего генералитета вермахта стала доходить серьезность положения, в котором оказались дивизии 2-го армейского корпуса. Именно в первых числах февраля 1942 г. среди высокопоставленных офицеров стало звучать страшное для каждого военного слово «котел».

Общая площадь «демянского котла» составляла около трех тысяч квадратных километров. В линии обороны между отдельными немецкими подразделениями зияли разрывы шириной в 50–70 км. Растягивание частей по всей длине фронта означало ослабление немецких позиций в местах наиболее вероятных наступлений Красной Армии. Общая же протяженность немецкой линии обороны составляла около 300 км.

Во всех официальных документах и сообщениях строго-настрого запрещалось употреблять слово «котел». Было выдумано специальное обозначение «Крепость Демянск». В газетных сообщениях часто встречалось обозначение «Твердыня на Востоке». Впервые за много месяцев наступления немецкие части столкнулись не только с героизмом поведения русских наступающих солдат, но и достаточно умелыми действиями их командиров.

Большинство из солдат вермахта и эсэсовцев из состава «Мертвой головы» прекрасно понимали, что им не приходится рассчитывать на снисходительное отношение к ним бойцов Красной Армии. Русская зима, жестокие морозы, обильные снегопады подрывали не только физические, но и психологические силы немцев. Судя по дневниковым записям, солдаты окруженных дивизий предпочитали отвлекаться от ужасной действительности, разговаривая о возвращении обратно в Германию, о своих семьях, о том, как их наконец-то будут хорошо снабжать провиантом. Они предпочитали также избегать словосочетания «демянский котел». Самым ходовым словечком стало «графство». Дело в том, что командующим окруженных дивизий был граф Брокдорф-Алефельд. Генерал никогда не испытывал симпатии к Гитлеру, он был последовательным противником национал-социализма, ненавидел эсэсовцев. Поэтому он не считался с мнением командира дивизии СС «Мертвая голова» Эйке, боровшимся за то, чтобы части его дивизии защищали какой-нибудь один участок «котла», а не несколько. «Мертвая голова» была разделена на две боевые группы. Первую группу поручали командовать самому Эйке. Его люди обороняли рубеж возле деревень Васильевщина, Калиткино, Великое Село и Залучье (юго-западный сектор «котла»). Во главе второй группы назначили Симона. Ему, как и в октябре, предстояло защищать Лужно, Сухую Ниву и Кирилловщину (северо-восточный участок).

«Мертвая голова» получила комплекты зимнего обмундирования еще перед окружением. Большая часть вещей была награблена в домах евреев, казненных зондеркомандами опергруппы «А». С началом снабжения по воздуху «Мертвая голова» в первую очередь обеспечивалась

отменным зимним обмундированием, чего нельзя сказать о соединениях вермахта.

18 февраля 1942 г. командование 2-го армейского корпуса после окружения отдало свой первый приказ. В нем говорилось: «...Снабжение нас продуктами и боеприпасами будет осуществляться по воздуху. Если провианта окажется недостаточно, то я приказываю, чтобы в первую очередь им снабжались солдаты, находившиеся на передовой. Это должно делаться даже в ущерб снабжению штабов. В первую очередь это касается хлеба. Нас 96 тысяч человек. Немецкий солдат во всем превосходит русских. И это должно сыграть свою решающую роль. Нам предстоит провести несколько нелегких недель, но мы выстоим» [141] .

Что касается численности окруженной немецкой группировки. Первоначально наше командование считало, что она насчитывает около 50 тысяч человек. Из этой цифры исходили, организовывая десантную операцию в начале марта. Позднее, по оценке генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, в окружении оказались около 70 тысяч солдат и офицеров противника. По свидетельству немецкого историка Курта Типпельскирха, в «котле» находилось около 100 тысяч человек. Типпельскирх стал историком после войны, а зимой 1942 г., будучи командиром 30-й пехотной дивизии, сам оказался в «котле». А если суммировать к этому и «котел» в Холме (5 тысяч человек), то цифра 100 тысяч человек наиболее правдива.

Несмотря на полное окружение, противник в районе Демянска не собирался сдаваться или прорываться на Запад. Наоборот, он стремился упорной обороной сковать как можно больше советских войск, выиграть время, чтобы подтянуть резервы и организовать контрудар с целью деблокировки окруженных дивизий. Он продолжал удерживать занимаемый плацдарм для будущего летнего наступления. Демянский плацдарм противник считал «пистолетом, направленным в сердце России». У Гитлера были далеко идущие планы.

16-я немецкая армия, глубоко вклинившаяся в расположение фронта, создавала угрозу прорыва в тыл Калининского фронта. Между двумя вражескими группировками – демянской и ржевской – находилась почти половина войск Северо-Западного фронта и весь Калининский фронт. Противник мог при благоприятном развитии событий двинуть в наступление демянскую и ржевскую группировки и попытаться окружить советские войска, развивая наступление севернее Москвы, на восток.

Надежда окруженных только на авиацию

Нет никакого сомнения, что для немцев сражение под Демянском было вопросом жизни и смерти. Почти сотысячная группировка под командованием графа Брокдорф-Алефельда должна была снабжаться продуктами, оружием, боеприпасами, медикаментами, горючим, строительными материалами и другим необходимым для жизни и ведения боевых действий. Почти сразу же после образования «котла» стало ясно, что доставка необходимого возможна лишь по воздуху.

Самолетами доставляли и боеприпасы

Командование 2-го армейского корпуса, словно предвидя будущее, уже 24 января 1942 г. сообщало в штаб 16-й армии: *«Резервные части отступают, снабжение является более чем недостаточным. Для снабжения воинских групп в условиях зимы требуется ежедневная поставка как минимум 200 тонн продовольствия. На протяжении последних двух недель наша группа лишь на две трети снабжена необходимым количеством лошадей. Пищевой паек солдата составляет одну треть причитающегося»* [142]. Командование 2-го армейского корпуса, не дожидаясь осуществления своих просьб, решило полагаться исключительно на собственные силы. Строительные роты, которым в помощь были переданы соответствующий персонал, силы полиции и советские военнопленные, начали самостоятельно строить аэродром. Для него была выбрана небольшая возвышенность (в немецких документах «плато») недалеко от Демянска около деревни Глебовщина. Быстро была создана летная дорожка длиной 800, шириной в 50 м, которая одновременно могла принимать от 20 до 30 самолетов. Вскоре, через месяц, была построена запасная, по сути, полоса. Длина ее равнялась 600 м, а ширина всего лишь 30. Располагалась она близ села Пески, к востоку от Демянска. Эту полосу летчики «Люфтваффе» окрестили «полотенцем» из-за ее небольшой вместительности.

Формирование особого подразделения транспортной авиации немцы начали еще в декабре 1941 г., когда Красная Армия начала грандиозное наступление в центральной части Восточного фронта. Первый авиатранспорт взлетел в воздух 16 декабря 1941 г., он направлялся под Смоленск. Подобная практика позволила снабжать всем необходимым разбросанные на достаточно широком участке фронта части группы армий «Центр».

Но можно ли организовать снабжение окруженной демянской группировки по воздуху в течение недель, а может, и месяцев в эту суровую русскую зиму при морозах до 40–45 градусов и

снегопадах?

Этот вопрос поставил 18 февраля командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник Келлер в Острове перед командующим транспортной авиацией полковником Морциком, который до этого был в 8-м воздушном корпусе Рихтогофена и помогал обороняющейся группе армий «Центр». Морцик был отлично знаком с транспортными соединениями Ю-52, которые к данному моменту были спешно переброшены на север. Он знал, что может набрать максимально 220 самолетов, а из них лишь одна треть в пригодном состоянии.

«Чтобы доставить в Демянск дневную норму — триста тонн, — ответил он, — мне потребуется регулярное наличие как минимум ста пятидесяти исправных машин, а у меня только половина этого количества. Чтобы удвоить, придется снять самолеты с других фронтов и забрать из Германии все имеющиеся там машины.

Война в зимних условиях требует больше наземного персонала и лучшего технического оснащения, тем более в такую суровую зиму. Нужны передвижные мастерские, автомашины для разогрева самолетных двигателей, вспомогательные стартеры и так далее» [143] .

Келлер уверил, что все необходимое будет. В течение двадцати четырех часов началась работа по аварийной программе, соединения Ю-52 из Витебска и Орши стали перелетать на новые базы в Псков-западный и южный, Коровье Село и Остров, и даже в Ригу и Динабург (Даугавпилс). До этого они уже получили практический опыт снабжения окруженных в ходе «воздушных мостов» в районе Оленина для 23-го корпуса, в районе Сухиничей для снабжения боевой группы Гильзы и других мероприятиях подобного рода. До конца февраля к снабжению «демянского котла» были привлечены еще четыре авиагруппы транспортной авиации, в том числе КГ-500, переброшенная из Средиземноморья и отвлеченная от снабжения Роммеля в Африке.

Немецкие самолеты на аэродроме «Глебовщина». Зима 1941/42 г.

Дозаправка самолетов происходила во время промежуточной посадки в Острове или на аэродромах Пскова и Коровьего Села. Некоторое время спустя полеты стали осуществляться со специально построенных аэродромов, точнее говоря, импровизированных взлетно-посадочных полос вблизи Дна и Тулебли. Аэродром в Пскове-западном был переполнен самолетами КГ-4. Это соединение бомбардировщиков, помимо выполнения своих прямых обязанностей, скоро занялось поставками грузов войскам генерала Шерера, окруженным в Холме. Вот что по поводу этих перемещений немецких транспортников пишет в своих воспоминаниях бывший командующий 6-й воздушной армией генерал Ф.П. Польшин: *«...Начальник разведки армии подполковник Г. Пруссак однажды сообщил мне любопытный факт. Над «рамушевским коридором» появились самолеты, покрашенные в белый цвет. Когда в них попадают пули или снаряды, машины чаще всего*

взрываются.

Теряться в догадках долго не пришлось. В один из зимних дней на нашей территории приземлился подбитый Ю-52. Экипаж его захватили в плен. Спрашиваем летчика: что это за таинственные машины, которые при первом попадании снаряда загораются, а потом взрываются?

Немец, кисло улыбувшись, ответил:

– Бензовозы. Из Африки пригнали. Там они снабжали горючим войска Роммеля.

Мы сделали вывод, что дела у фашистов плохи, коли они начали перебрасывать самолеты из Африки. Другие факты подсказывали новые выводы. На одном из самолетов, сбитых в районе села Погорье, погибло 15 немецких офицеров. Они намеревались вырваться из «котла». Солдаты, извлекавшие трупы, обнаружили в машине самовары, настольные часы, отрезки различных тканей, швейные машинки и другое имущество, награбленное у советских граждан. Мы, конечно, поняли, что гитлеровцы очень неуютно чувствуют себя в окружении и стараются при первой возможности удрать».

Воздушный мост реализован

20 февраля 1942 г. на промерзший снег Демянского аэродрома приземлились первые сорок транспортников Ю-52. Немцы спешили, на их разгрузку было выделено только полтора часа. Приходилось везти все: от оборудования для связи с самолетами, с аппаратурой определения направления и радио– маяками до простейших инструментов. На аэродром у деревни Пески могли садиться только самые опытные пилоты, а вес груза был ограничен полутора тоннами из опасений, что снежный покров не выдержит нагрузки. Для воздушного моста привлекались и самолеты Люфтваффе, которая занималась до этого исключительно гражданскими перевозками.

Для того чтобы в полной мере обеспечить окруженных всем необходимым, командование немецкой военной авиации в начале марта 1942 г. собирало все не задействованные на южном и среднем участках Восточного фронта транспортные самолеты. Было приказано мобилизовать все имеющиеся в распоряжении Люфтваффе транспортные самолеты Ю-52, Юнкерс-96, Юнкерс-90 и Хейнкель-111. Для их обслуживания также рекрутировались учащиеся летных школ в Штеттине, Штаакене и Хайлигендайле [144].

Подобная активность не стала для советской стороны сюрпризом. Еще 21 февраля 1942 г. Военный совет фронта обратился в Ставку: *«Тов. Сталину. В отношении действий авиации противника есть основание предполагать, что противник стянул против нас авиацию с Волховского, Ленинградского и частью с Калининского направлений. Мы же боремся с авиацией противника лишь силами ВВС СЗФ. В результате противник удерживает за собой господство в воздухе. Считаем целесообразным для борьбы с авиацией противника и прикрытия наступающих войск СЗФ сосредоточить усилия ВВС Северо-Западного, Волховского, Ленинградского и частично Калининского фронтов, объединить их действия и обеспечить маневр ими в случае, если ВВС противника перенесут свои действия на другие направления. Просим ваших распоряжений. Курочкин. Булганин. 21.2.42 г. 1.00»* [145].

Вначале транспортники летали на небольшой высоте, но скоро русская зенитная артиллерия стала слишком опасной, и тогда стали прибывать истребители. Транспортники начали летать на высоте 2000 м плотным строем под защитой истребителей III/JG34 «Удетт» майора Андерса и I/JG51 «Мельдерс». Обычно русские самолеты поджидали транспортников над Демянском и атаковывали их, когда те поодиночке заходили на посадку. Однако самые большие трудности преподнесла русская зима.

Некоторые группы транспортников были брошены на этот воздушный мост прямо из летных школ Германии. А транспортники – бензовозы из климата пустынь Северной Африки оказались на морозе минус 40 градусов. Из-за нехватки наземного персонала экипажи были вынуждены сами обслуживать самолеты. Лопались шины, потому что резина становилась хрупкой. Замерзли цистерны с горючим и даже трубы, а поршни изнашивались уже через сорок летных часов. Ломались гидравлические насосы, приборы становились совершенно ненадежными, а радио переставало работать. В таких тяжелейших условиях боеготовность самолетов упала до 24 процентов от общего числа машин.

Тем не менее воздушный мост был реализован. Целых три месяца, с 20 февраля по 18 мая

1942 г., жизнь в шести окруженных дивизиях поддерживалась поставками с неба. Многие самолеты терпели крушение при посадке на аэродромы «котла».

Немало машин при плохой видимости приземлялись на ложные аэродромы, построенными русскими, и их принимали красноармейцы. Чтобы увеличить грузоподъемность, машины заправлялись ровно таким количеством топлива, чтобы его хватало долететь до Демянска и обратно. Имели место вынужденные посадки, где самолеты попадали к партизанам.

Каждый транспортный самолет Ю-52 нес либо две тонны груза, либо 15 солдат с вооружением. По наблюдению наших летчиков, ежедневно приземлялось от 190 до 500 транспортников. Только за апрель их было 1551. С 20 февраля по 18 мая 1942 г. по воздуху было переброшено 24 303 тонны грузов, то есть в среднем 276 тонн в день. На замену 22 093 раненым было доставлено 15 446 солдат [146]. Для поддержания боевого духа окруженных Гитлер послал в «котел» первый батальон дивизии личной охраны «Лейбштандарт». Другие цифры приводит немецкий автор Пауль Карель: «Перевезено 64 844 тонн грузов и вывезено оттуда 35 400 человек, в основном раненых».

Общие потери немецкой транспортной авиации составили 265 единиц. Эта цифра после войны официально подтверждена немецкими историками. Удивительно, что отдельные наши авторы, в частности, А. Исаев в своей книге «Краткий курс истории Великой Отечественной войны. Наступление маршала Шапошникова» пишет: «...Работа ВВС РККА по борьбе с воздушным мостом была довольно вялой. С 1 февраля по 20 марта истребительной авиацией СЗФ было сбито пять Ю-52. Слабым было также воздействие на аэродромы внутри «котла». С 1 февраля по 20 марта на аэродромах Демянска было уничтожено всего 2 (!!! – А.И.) самолета Ю-52. Всего с 1 февраля по 20 марта в ходе операции по снабжению 2-го армейского корпуса немцами было по разным причинам потеряно 73 транспортных самолета». А. Исаев приводит эти унижительные для советской стороны цифры, не указывая источника.

Бочки с горючим доставляли тоже самолетами

Под Демянском был потерян почти каждый второй немецкий транспортный самолет. Новгородскую область можно было бы назвать форменным кладбищем этих машин. Обгорелые остатки многих из них до сих пор лежат в труднодоступных местах к югу от озера Ильмень. В те зимние дни 1942 г. продовольствие из сбитых немецких транспортников оказалось в руках многих сельских жителей и помогло выжить. Думаю, что читатель, прочитав эту книгу, не согласится с А. Исаевым. Наши летчики-истребители, штурмовая и бомбардировочная авиация хорошо поработали.

25 апреля 1943 г. был учрежден щит Демянск «В память о многомесячной героической защите и борьбе в Демянске против превосходящих сил противника». Щит Демянск носил статус государственной награды, его получали все, кто участвовал в защите и выполнил хотя бы одну из нижеперечисленных предпосылок:

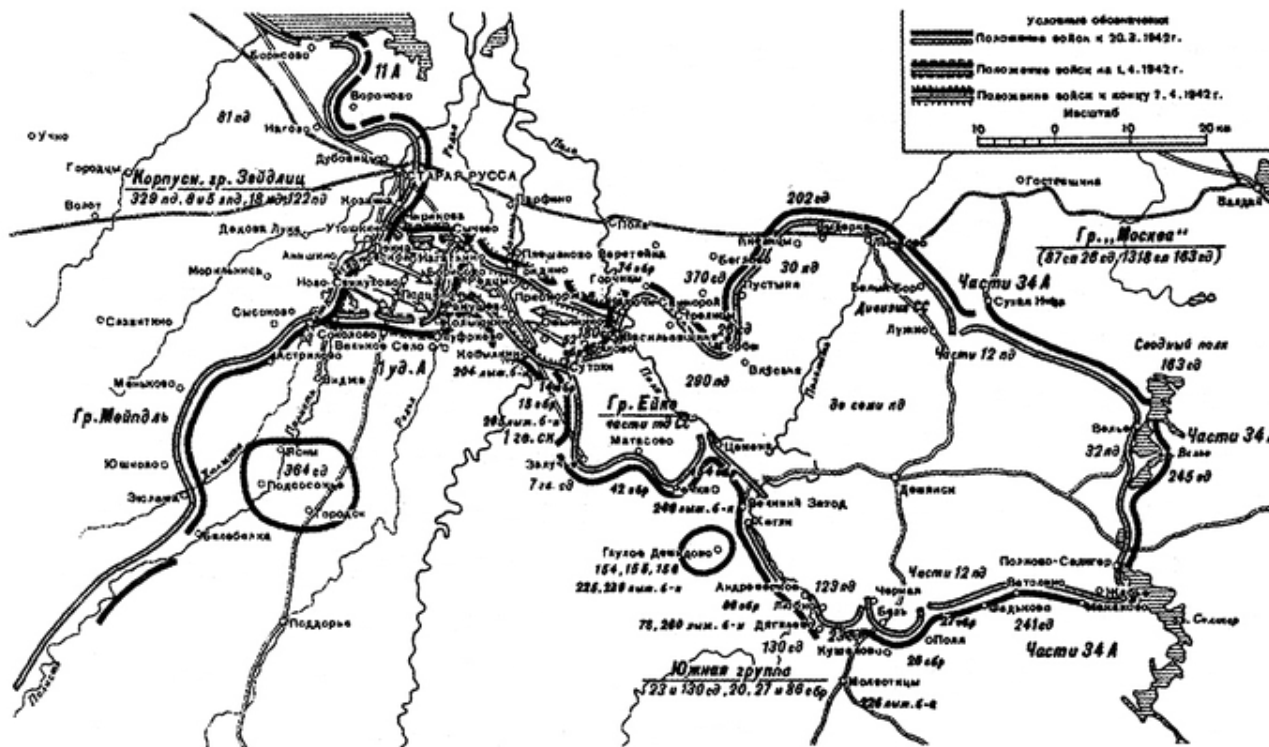
- а) Бесперывное нахождение в окружении в течение по меньшей мере 60 дней.
- б) Участие по меньшей мере в 50 полетах, поддерживающих операцию Люфтваффе, причем засчитываются полеты в окружение.

Ю-52 и танк Т-3 в «коридоре смерти», 1942 г.

в) Ранение или обморожение, послужившие для награждения знаком «За ранение». Представления на награждение подавались командирами боевых подразделений, которые по команде подавались в штаб начальника, уполномоченного награждать от имени фюрера. При награждении щитом вручались наградной лист, документы на владение и делались записи в Военном паспорте и Солдатской книжке.

Соответственно постановлению, награждение осуществлял генерал пехоты граф Брокдорф-Алефельд. После его смерти 9 мая 1943 г. награждаемые получали наградные листы с его факсимильной подписью. Как последний срок подачи представлений для награждений было 31 марта 1944 г. Награждение закончилось 1 июля 1944 г.

Образование «рамушевского коридора»

Образование «рамушевского коридора»

После 18 мая 1942 г. продолжали действовать только три транспортные группы, так как к этому времени уже работал «рамушевский коридор». В немецких мемуарах есть живое описание работы этого «коридора»: «Эта узкая артерия постоянно находилась под обстрелом, часто бывала на многие дни прервана, и ее нужно было снова отвоевывать: по ней транспортные колонны подвозили боеприпасы и продовольствие. Особенно опасными для этих путей снабжения оказались так называемые «швейные машины» — небольшие советские самолеты с превосходными летными качествами. Они появлялись каждую ночь, и сбить их удавалось очень редко. Так как они обычно выискивали свои цели на дорогах, то солдаты прозвали их «потаскухами на шоссе». Они не только щедро поливали осколочными бомбами, но также сбрасывали листовки, которые были оформлены как пропуск и призывали перейти линию фронта. Кое-кого одолевал соблазн сдаться в плен, избавиться от ужаса и тягот войны. Но в то же время большое влияние оказывал ряд других факторов: страх, питаемый нацистской пропагандой, внушавшей, что большевики уничтожают пленных выстрелом в затылок, тиски дисциплины и политических убеждений... Если кто-либо оказывался на ничейной земле между фронтами, то по нему открывали огонь спереди, а также, угадав его намерения, и сзади, пока ему не удавался спасительный прыжок в укрытие советского окопа.

Атаки советских соединений становились все более сильными. Перед каждым броском на нас обрушивался массированный ураганный огонь артиллерии, какого мы еще не испытывали. Непрерывные разрывы снарядов изматывали нервы солдат, когда они, сбившись в кучки в убежищах, ждали сигнала тревоги часовых, которые вынуждены были выстаивать снаружи под стальным градом. Земля перепыхивалась снарядами всех калибров. Над поверхностью земли с жутким визгом и хохотом проносились осколки, уничтожая, разрывая, поражая и убивая все, что находилось на линии полета.

...Но в этом аду одному солдату изменили нервы. Он через ломоть хлеба выстрелил себе в ногу, чтобы вернуться на Родину. Все же ломоть хлеба был недостаточно толстым для того, чтобы остался незамеченным пороховой нагар. Было установлено членовредительство, и военный трибунал приговорил его к смертной казни. Наказание не всех устрасило, потому что многие считали, что еще большее наказание — быть обреченным на пребывание в этом аду, чтобы в конце концов все же сдохнуть. Случаи членовредительства стали учащаться» [147].

Настроение у основной части рядовых немецких солдат стало совсем не таким, как летом 1941 г. Вот копия документа 15-й германской пехотной дивизии от 15.08.42 г., она говорит лучше всяких слов. Неважно, что эта дивизия не была в районе южнее озера Ильмень, общее настроение было одинаково для всей пехоты вермахта. По словам немцев, прошедших «демянский котел», ужаснее, чем там, на других фронтах не было.

...

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Только для внутреннего пользования.

Дивизионный врач 15-й германской пехотной дивизии

15.8.42 г.

За последнее время в дивизии учащаются случаи симуляции и самострела, проводимые в целях дезертирования с линии фронта. Эти симулянты и шкурники прибегают при этом к такого рода симуляциям, которые даже опытными врачами не могут быть отличимы от истинных заболеваний. Особенно широко ими используется следующее:

1. Дизентерия и тяжелые случаи поноса, получаемые вследствие употребления натощак большого количества холодной воды, с одновременным употреблением сырых овощей, если имеется под рукой пиво – пьют холодное пиво с огурцами.

2. Порок сердца получается вследствие длительного жевания свежего табака или русской «махорки». Отсюда – потеря дыхания, замирание сердца, сердечные колющие боли, перебои пульса, рвота.

3. Значительные опухоли конечностей, подобные при болезни почек, достигаются через 3–4 дня после введения в желудок крепкого соляного раствора, в то время как по возможности ограничивается потребление других жидкостей и продуктов питания.

4. Закупорка вен, получаемая вследствие перетягивания подколенных сгибов ремнем или веревкой; на конечностях ног получают отеки, похожие на почечные.

5. Сыпь, которая возникает вследствие интенсивного и длительного втирания в кожу керосина, скипидара, кислоты, в особенности если данный участок тела сильно загрязнен.

6. Ишиас, или «ведьмин прострел», прекрасно разыгрываемый многими симулянтами, последовательным хроманием, жалобами на резкие боли в области крестца и ягодичной складки...

7. Дрожь и тики после шока или контузии.

8. Выпадение прямой кишки, возникающее, если в течение многих дней человек начинает поглощать значительное количество теплой мыльной воды с одновременным поднятием тяжестей.

9. Растяжение связок и перелом кости достигается обычно пропусканием через свою ступню (переезд) колеса автомашины или повозки.

10. «Выстрел на родину» (самострел). Так как самострел руки легко обнаруживается через осевшие на рану крупинки сгоревшего пороха, в настоящее время участились случаи прострела ноги через сапог.

Эти 10 вариантов симулятивных действий в последний месяц значительно участились, чем еще больше повышают общий уровень больных и раненых, находящихся в наших полевых и этапных лазаретах.

Так как вышеприведенные варианты симуляции (от 1 до 10) не отличимы никакими медицинскими экспертизами от подлинных заболеваний, я обращаюсь ко всем частям, вплоть до единичных подразделений, во время санитарных освидетельствований – апеллировать к национальному чувству ответственности, долга и народной спаянности каждого осматриваемого. Каждый немецкий солдат должен на сегодня осознать, чем он обязан всей массе германского народа.

Данная копия – для принятия и руководства.

Мне доносить о всех случаях подобных происшествий.

Довести до всех батальонных врачей.

ШВЕХ.

Были бойцы, которые специализировались на таких вещах, словно это была наука. Они делились своими знаниями только с избранными товарищами. Например, они узнали, что поедание крема «Нивея» приводит к появлению таких же симптомов, что и желтуха. Перед главными атаками, во время непрекращающихся боев или в тяжелых условиях, потери численности бойцов от

самострелов и болезней резко возрастали. Офицерам и сержантам были свойственны такие же злоупотребления, что и их подчиненным [148].

Концентрация почти всех имеющихся транспортных самолетов Германии на одном небольшом участке привела к «воздушному обескровливанию» Третьего рейха. Почти на четыре месяца пришлось заморозить все немецкие транспортные перевозки. Потери самолетов и летчиков были невосполнимы. В дальнейшем транспортная немецкая авиация не была более выведена на прежний уровень. Во многом именно с этим был связан сокрушительный провал под Сталинградом. Попытка создания воздушного моста для спасения 6-й армии Ф. Паулюса закончилась полным провалом.

Реализация успешного снабжения почти 100-тысячной группировки в «демянском котле» сыграла с немцами злую шутку. Несмотря на теоретическое сходство положения окруженных, возможности снабжения Демянска и Сталинграда принципиально отличались. В случае Демянска требовалось пролететь всего несколько десятков километров над глухими лесами и непроходимыми болотами. От окруженной в Сталинграде 6-й армии немецкие войска разделяли сотни километров. Воздушный мост 1942/43 г. станет избиением военно-транспортной авиации гитлеровской Германии, но это уже совсем другая история.

Если бы у советского командования были такие возможности по снабжению по воздуху окруженных войск, какие были у противника зимой 1941/42 г., многие «котлы» 1941 г. могли продержаться намного дольше или даже дожидаться деблокирующих ударов. Однако экономические возможности СССР не позволяли содержать сравнимый с Германией парк транспортной авиации.

Глава 12 1-я УДАРНАЯ АРМИЯ ПОД СТАРОЙ РУССОЙ

Сталин решает судьбу армии

Прежде чем приступить к рассмотрению боевых действий 1-й ударной армии на Северо-Западном фронте под Старой Руссой, ознакомимся, что она из себя представляла, какие имела боевые заслуги. А они были, и не малые. Соединения и части этой армии уже имели опыт ведения оборонительных операций и, что особенно важно, наступательных. Именно 1-я ударная армия вскоре примет на себя главный удар группы Зейдлица. За одно это армия заслуживает особого уважения.

Утром 19 января 1942 г. войска 1-й ударной армии, преследуя отступающего с «Зимней позиции» противника, вышли на рубеж до 30 км западнее реки Лама. В этот же день в армию поступила директива № 140022 Ставки ВГК от 18 января о выходе ее к исходу 21 января в резерв ВГК в район Завидово, Клин, Высоковское.

Командующий Западным фронтом, получив 19 января директиву Ставки ВГК, позвонил И.В. Сталину и сказал:

- Вывод 1-й ударной армии приведет к ослаблению ударной группировки фронта.
- Выводите без всяких разговоров! У вас войск много, посчитайте, сколько у вас армий.

Жуков попробовал возразить:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, фронт у нас очень широк, на всех направлениях идут ожесточенные бои, исключаяющие возможность перегруппировок. Прошу до завершения начатого наступления не выводить 1-ю ударную армию из состава правого крыла Западного фронта, не ослаблять на этом участке нажим на врага.

Вместо ответа Сталин бросил трубку. Не дали результата и переговоры генерала Жукова с начальником Генштаба маршалом Б.М. Шапошниковым.

В послевоенное время маршал Советского Союза В.Д. Соколовский отмечал: *«Нужно... признать, что Советское Верховное Главнокомандование несколько переоценило наши возможности и недооценило силы сопротивления противника... В ходе общего наступления, начавшегося в январе 1942 года, наши войска, действовавшие на главном, западном направлении, не только не были усилены, но, наоборот, даже несколько ослаблены. Из состава Западного фронта в разгар наступления была выведена 1-я ударная армия и переброшена на северо-западное направление, что явилось одной из основных причин, не позволивших завершить окружение ржевско-вяземской группировки противника».*

Итоги боевых действий 1-й ударной армии подвел 24 января на заседании Военного совета

командующий армией, генерал В.И. Кузнецов. Он сказал, что с 6 декабря 1941 г. по 19 января 1942 г. войска армии нанесли поражение соединениям 3-й и 4-й танковых армий, уничтожили свыше 25 тысяч солдат и офицеров, захватили 247 танков, бронемашин и бронетранспортеров, 300 артиллерийских орудий, 600 минометов, 254 пулемета, 545 мотоциклов и свыше 5 тысяч автомашин разных типов. Были освобождены 573 населенных пунктов, в том числе города Яхрома, Клин, Солнечногорск [149].

25 января командующий 1-й ударной армией получил директиву № 170044 Ставки ВГК, в которой приказывалось перебросить ее войска по железной дороге в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом. Начало погрузки – 29 января. К исходу 6 февраля она должна была сосредоточиться в районе Крестцы – Лычково – Валдай. Северо-Западный фронт получил 1-ю ударную армию в составе двух стрелковых дивизий (201-я латышская, 129-я), семи стрелковых (2-я гвардейская, 44, 47, 50, 56, 46 и 41-я) и двух морских стрелковых (62-я и 84-я) бригад, 701-го армейского артполка, 1, 3 и 38-го гвардейских минометных дивизионов, 83-й танковой бригады, восьми лыжных батальонов (1, 4, 5, 7, 8, 17, 18 и 20-й), 795-го автомобильного и 36-го гужевого батальонов и авиационную дивизию [150].

Для усиления 1-й ударной армии по директиве Ставки ВГК № 151542 от 27 января намечалось к 4 февраля передать ей одну танковую бригаду, батальон боевых аэросаней и батальон транспортных аэросаней. Для пополнения войск армии было направлено свыше 20 тысяч человек, в основном выписанных из госпиталей.

Передислокация

Войска армии перебазировались в новый район боевых действий комбинированным способом. Сначала по железной дороге в район северо-западнее и западнее Бологое, далее до района сосредоточения они совершали 160–250-километровый пеший марш. Конечное время прибытия в район боевых действий – 9 февраля. Фактически оно было отодвинуто на 10 суток.

Вагонов и платформ для перевозки не хватало, поэтому пришлось применять максимально уплотненную погрузку. Всего для армии было выделено 130 эшелонов. Первой убыла в новый район 2-я гвардейская стрелковая бригада. За ней, с некоторыми перерывами из-за нехватки паровозов, были отправлены и другие соединения и части армии. Выгрузка производилась на станциях Боровенка, Окуловка, Лыкошино (северо-западнее Бологое), Любница, Дворец (западнее Валдая).

Сразу почувствовался выход из Московской зоны обороны, где войска были надежно прикрыты с воздуха. На станции Боровенка самолеты врага нанесли удар, когда там выгружалась 2-я гвардейская бригада. Эшелоны во время движения постоянно подвергались воздушным атакам.

Для выдвижения армии в западный район фронт выделил всего два маршрута, представляющие собой дороги, проложенные в глубоком снегу со стенками до 1,5 м. Мороз достигал 30 градусов, шел снег, метель. Марш совершался в ночное время, а днем только при нелетной погоде. Пехота двигалась длинными колоннами по одному, пешком или на лыжах, вплотную к снежным стенкам. Лыжники, горбатые от торчащих под маскхалатами вещмешков и автоматов, впрягшись по двое, тянули волокуши с минометами и пулеметами, коробками с минами и патронами. Середина дороги предоставлялась автомобильному и гужевому транспорту, скорость движения которого не превышала 10–12 км/час. Движение было возможно только одностороннее.

Задержки на марше приводили к тому, что войска не успевали к рассвету выйти в намеченные районы и укрыться. И тогда, в случае летной погоды, самолеты врага с малых высот бомбили и обстреливали колонны. Несмотря на то что из-за глубокого снега ни люди, ни техника не могли рассредоточиться, потери от таких ударов были на удивление небольшие, но моральное их воздействие значительно.

Принимались все меры для своевременного выхода в назначенный район в междуречье Редь и Ловати. Здесь южнее шоссе Старая Русса – Рамушево в результате наступления частей 2-го и 1-го гвардейских стрелковых корпусов образовался небольшой выступ, простреливаемый с востока на запад артиллерией противника.

Авиационные полки армии передислоцировались самостоятельно. При этом отличился летчик 774-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Б.И. Ковзан. 21 февраля, замыкая колонну полка, в районе Торжка он увидел вражеский бомбардировщик и атаковал его. Остальные

экипажи не заметили маневра Ковзана. А он, расстреляв все снаряды, решил уничтожить «юнкерс» тараном, и винтом рубанул по его хвосту. Бомбардировщик камнем упал вниз, а Ковзан смог посадить свой поврежденный ЯК. Это был его второй таран. Первый он совершил в октябре 1941 г. под Москвой. В июле и августе 1942 г. Ковзан дважды таранил врага под Старой Руссой. В августе 1943 г. старшему лейтенанту Б.И. Ковзану, единственному из советских летчиков четырежды совершившему воздушный таран, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первой 6 февраля в район сосредоточения вышла 2-я гвардейская стрелковая бригада. Получив приказ, она форсировала Редью на участке Овчинниково – Рамушево и отбросила противника за шоссе Старая Русса – Холм. Плохое состояние дорог, низкая организация службы регулирования и удары вражеской авиации замедляли темпы движения. 7–12 февраля в район боевых действий подошли обе стрелковые дивизии, три стрелковых бригады и часть танков и артиллерии. 56, 62 и 41-я бригады по указанию командующего фронтом были временно подчинены 11-й армии. 47-я бригада находилась на марше [151]. Все подошедшие соединения не были до конца боеготовыми. Командир 201-й латышской дивизии генерал Я.Я. Вейкин 7 февраля доносил в штаб армии: часть личного состава не имеет вооружения (осталась на станции выгрузки), из полученного 6-тысячного пополнения пятая часть не прошла начального военного обучения. Части имеют 0,5–0,75 боекомплекта боеприпасов, 1–2 сутодачи продовольствия, автотранспортом укомплектованы на 55 процентов, конским составом – на 70 процентов, и тот сильно истощен. Примерно такое же положение было и в других соединениях. Большая часть артиллерии была растянута на марше, прибывшие танки практически не имели горючего и комплекта боеприпасов. Только 18 февраля прибыли измотанные восемь лыжных батальонов. В бой немедленно они не могли быть введены, так как не имели боеприпасов и продовольствия [152].

По замыслу генерала Курочкина ликвидацию демянской группировки намечалось осуществить силами 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Грязнова, 34-й армии и частью сил 11-й армии (180-я и 254-я стрелковые дивизии). После разгрома 290-й пехотной дивизии противника планировалось 180-ю и 254-ю дивизии, а также 26-ю стрелковую дивизию 34-й армии повернуть на запад для разгрома старорусской вражеской группировки. Затем, прочно закрыв основную коммуникацию противника, нанести удар с рубежа Лозницы, Беглово в восточном и северо-восточном направлениях, уничтожить части 30-й пехотной дивизии и дивизии СС и освободить железную дорогу Лычково – Пола [153]. С выходом наших войск в район Шимск – Волот и прочного перехвата ими коммуникаций, связывающих гарнизон Старой Руссы с тылом, гитлеровцы оставят город, и их можно будет разбить в открытом бою. Это позволит в дальнейшем 1-й ударной армии и 1-му гвардейскому стрелковому корпусу ударом в северо-западном направлении перерезать коммуникации ленинградско-волховской и новгородской группировок противника, а 34-я и 11-я армии сумеют развить успешное наступление в направлении Дно – Псков.

1-я ударная армия должна была перейти в наступление 12 февраля. В первый эшелон выделялись 201-я и 129-я стрелковые дивизии, 2-я гвардейская, 50-я и 84-я стрелковые бригады, 83-я танковая бригада, три дивизиона РС и два лыжных батальона. Все они должны занять исходные позиции не позднее конца 11 февраля. 41-я стрелковая бригада во втором эшелоне сосредоточивалась восточнее Старой Руссы [154].

Ставка ВГК 10 февраля сообщила генералу П.А. Курочкину о передаче фронту 384, 364 и 370-й Сибирских стрелковых дивизий, приказав начать операцию не позднее утра 12 февраля. 10 февраля в штаб 1-й ударной армии поступила директива командующего фронтом, которая требовала, продолжая сосредоточение армии, с утра 13 февраля перейти в наступление на участке Пенна – Чернышово (6–10 км южнее Старой Руссы). Главную группировку иметь на левом фланге и наносить удар в направлении платформы Взгляды – Городцы – Учно. К исходу 14 февраля овладеть рубежом Климово – Замошье (10–20 км западнее и юго-западнее Старой Руссы), перерезав шоссе Старая Русса – Дно. В дальнейшем во взаимодействии с соседом справа – 11-й армией, наносящий удар в обход Старой Руссы с севера, окружить и уничтожить старорусскую группировку противника [155].

Эта задача оказалась весьма сложной. Во-первых, предстояло действовать на направлении главного удара фронта, имея открытым левый фланг. Во-вторых, не в полной мере были осуществлены все необходимые мероприятия. В-третьих, соединения армии после боев под Москвой почти наполовину обновлены слабо подготовленным контингентом. В-четвертых, требовалось ускорить подход танков и артиллерии, завершить формирование ВВС армии на базе 57-й смешанной

авиационной дивизии. В-пятых, не было достоверных данных о положении и группировке противника. В-шестых, отсутствовало надежное воздушное прикрытие. В-седьмых, запас материальных средств был весьма ограничен.

Однако как ни спешили Ставка и командование фронтом с переброской войск и началом наступления, предупредить противника не удалось. Уже 3 февраля в район Старой Руссы начали прибывать части 5-й легкопехотной дивизии, которые сразу же приступили к созданию обороны по реке Полисть южнее Старой Руссы, как раз на направлении предстоящего наступления 1-й ударной армии [156].

Это был серьезный противник. Разгромленная в ноябре 1941 г. под Москвой, дивизия была отведена во Францию, переформировалась в легкую и подготовилась для ведения боев в лесных массивах в зимних условиях. Имелись лыжи, сани, легкие автомашины. Деревни по берегам Полисти, отстоящие одна от другой на 2–3 км, были превращены в опорные пункты. Каждая из них была окружена снежным валом с открытыми пулеметными площадками и ячейками для стрелков. Подступы к переднему краю прикрывались системой многослойного ружейно-пулеметного, минометного и артиллерийского огня. На первый взгляд, оборона не была столь уж прочной. Но преодолеть ее было не просто. К тому же противник имел большое превосходство в воздухе и мог серьезно повлиять на наземную обстановку.

Генерал В.И. Кузнецов принял решение прорывать оборону противника на участке Пенна – Соколово (ширина 13 км). Главный удар наносили 2-я гвардейская бригада полковника Я.П. Безверхова, 201-я и 129-я дивизии генерал-майоров Я.Я. Вейкина и В.А. Смирнова в направлении Ново-Свинухово, Ивановское, Лотовино. Второй – 50-я стрелковая и 84-я морская стрелковая бригады в направлении Нагаткино, Утушкино (все пункты 10–15 км южнее и юго-западнее Старой Руссы). К исходу первого дня наступления планировался выход на рубеж Утушкино – Взгляды (глубина 5–6 км). На следующий день с утра планировалось наступать в общем направлении на станцию Тулебля и выйти на рубеж Климково – Замошье (глубина 25–30 км). Боевые порядки наступающих войск были в один эшелон. Резерв состоял из одного полка 129-й стрелковой дивизии и роты 123-го батальона 83-й танковой бригады. Левый, открытый фланг прикрывался 1-м и 5-м лыжными батальонами. Войска должны были занять исходное положение 12 февраля в 4 часа, готовность артиллерии – 8 часов. Командный пункт армии находился в Борисово (Язвы). Управление частями ударной группировки возлагалось на заместителя командующего армией генерал-майора К.Н. Галицкого со вспомогательного пункта управления. В случае успеха предусматривалось на второй и третий день наступления вводить в бой по одной бригаде.

Так же как и под Москвой, генерал Кузнецов решил использовать танки децентрализованно, а артиллерию поддивизионно, придавая соединениям на главном направлении. Это, конечно, было ошибочное решение. В приказе командующего фронтом от 7 марта 1942 г. констатировалось, что, раздробив 83-ю танковую бригаду на группы, вплоть до отдельных машин, командующий армией сделал бригаду небоеспособной.

Наступление было перенесено на сутки, на 13 февраля, так как войска запаздывали с выходом в районы сосредоточения. Однако командиры соединений и частей не успели провести рекогносцировку и организовать взаимодействие. К вечеру 12 февраля войска первого эшелона заняли исходное положение для наступления вдоль шоссе Старая Русса – Холм от Марфино до Соколово (8–15 км южнее Старой Руссы).

Наступление без разведки

Утром 13 февраля шел густой снег, видимости никакой. В 10 часов войска первого эшелона после непродолжительной артиллерийской подготовки без поддержки танков перешли в наступление. Сбив боевое охранение западнее шоссе, они начали продвигаться через дремучий лес к переднему краю вражеской обороны по колено в рыхлом снегу. К исходу дня, преодолев 8–10 км, наступающие вышли на рубеж Ариново – Ивановское – Подцепочье, где встретили сильное огневое сопротивление.

Командующий фронтом потребовал к исходу 14 февраля выйти на рубеж совхоз «Сталь» – Заболотье – Выдерки – Калиново (10–25 км юго-западнее Старой Руссы). Однако части армии на большинстве участков не смогли преодолеть вражескую оборону. Захваченные пленные показали,

что офицеры довели до личного состава приказ Гитлера, в котором он требовал *«стоять по колено в крови, но Старой Руссы не сдавать»*.

Наиболее успешно вели боевые действия 2-я гвардейская и 84-я морская стрелковые бригады. За 14–15 февраля, преодолевая упорное сопротивление егерей 5-й легкопехотной дивизии, моряки форсировали реки Полисть и Холынью и освободили около 40 деревень. К исходу 15 февраля их передовые подразделения вышли на рубеж 9–14 км южнее и юго-западнее Старой Руссы. 2-й батальон бригады Безверхова под командованием капитана А.К. Маслова овладел станцией Тулебля. Это был крупный, но, как оказалось, последний успех наступления. Части обеих дивизий, не сумев с ходу преодолеть оборону, втянулись в затяжные бои за опорные пункты противника на Полисти.

Отразив атаки 11-й армии и удержав свои позиции, противник перебросил часть сил 18-й моторизированной дивизии в полосу 1-й ударной армии [157]. Во второй половине дня 15 февраля гитлеровцы из района Утошкино контратаковали боевые порядки 50-й и 84-й бригад. Под натиском врага обе стрелковые бригады отошли на 1–2 км.

Военный совет и штаб армии принимали все меры, чтобы ускорить подход артиллерии и танков и особенно выправить положение с тылом. Перегруженность станции снабжения – Крестцы и коммуникаций не позволили армии создать к началу наступления головные склады боеприпасов, горючего и продовольствия. Метели 13–14 февраля еще более осложнили обстановку. Все это грозило срывом операции.

16–17 февраля оказались переломными днями. Именно в эти дни вражеское командование бросило против войск 1-й ударной армии почти весь 1-й воздушный флот, взаимодействующий с группой армий «Север». На руку врага в эти дни установилась ясная, солнечная погода. С утра 16 февраля группы от 10 до 30 самолетов противника бомбили и обстреливали боевые порядки наших частей. В течение двух недель каждый день начинался и заканчивался налетом вражеской авиации. Самолеты врага ожесточенно бомбили и обстреливали леса, где укрывались наши части, и подвергали ударам все, что пыталось двигаться. 13 февраля во время бомбежки погиб весь штаб артиллерии армии. 18 февраля был тяжело ранен генерал-майор К.Н. Галицкий. Вместо него армейскую ударную группировку возглавил генерал Н.Д. Захватаев. Авиация фронта, имевшая всего 110 исправных самолетов и ВВС армии, несмотря на самоотверженные действия летчиков, не могли оказать действенную помощь нашим наземным войскам. Формирование ВВС армии по ряду причин затягивалось. Только к 22 февраля был сформирован штаб (начальник штаба полковник Хрусталеv). Помимо 707-го и 710-го легких бомбардировочных и 744-го истребительного полков, в состав армии вошел 416-й истребительный авиационный полк (12 ЛаГГ-3) майора П.А. Груздева [158].

Наличие в армии только одной батареи МЗА, зенитно-пулеметной роты и взвода зенитных пулеметов в одной бригаде делали войска, по сути дела, беззащитными перед воздушным противником. Военный совет армии просил маршала Б.М. Шапошникова усилить действия авиации резерва Ставки в интересах армии. Однако Ставка в тот момент еще не располагала резервами авиации, и приходилось рассчитывать только на свои силы.

Положение армии все более осложнялось. Благодаря превосходству в воздухе, немецкое командование активизировало действия своих наземных войск. Во второй половине 16 февраля 5-я легкопехотная и часть сил 18-й моторизированной дивизии при поддержке 30 танков и 2 полков артиллерии контратаковали с фронта из района Дедовой Луки бригаду полковника Безверхова и из района Утошкино во фланг части 84-й морской стрелковой бригады. Измотанные многодневной бомбежкой и огнем артиллерии, моряки вынуждены были отойти на 2–3 км. Противника удалось остановить на рубеже Утошкино – Ивановское.

Утром следующего дня после авианалета и артиллерийского огня противник атаковал в прежних направлениях. Части 50, 84 и 2-й гвардейской стрелковых бригад и переподчиненной из 11-й армии 254-й стрелковой дивизии полковника П.Ф. Батицкого, насчитывавшей всего 600 активных штыков, поддержанные огнем 701-го и 264-го артиллерийских полков и танками 83-й танковой бригады, отразили атаку противника.

В этот день части действовали организованнее, чем накануне. Командир артиллерийского дивизиона 84-й бригады капитан Перепелица огнем двух батарей прямой наводкой уничтожил 8 танков и до 180 солдат и офицеров. Но и сами артиллеристы понесли потери, в батареях осталось по одному орудию и по 2–3 человека расчета.

В последующие дни атаки врага продолжались. Только 84-я бригада за 17–20 февраля отразила

19 вражеских атак. Для усиления левого фланга из резерва фронта 1-й ударной армии переподчинялась 364-я сибирская дивизия генерал-майора Ф.Я. Соловьева.

Встречные бои

В ночь на 19 февраля сильно ослабленная в боях 84-я бригада была сменена подошедшей 46-й бригадой, левее 129-й дивизии в первый эшелон вышла 47-я стрелковая бригада с 1-м и 5-м лыжными батальонами. Утром 19 февраля перешедшие в наступление части первого эшелона встретили сильное огневое сопротивление. Под ударами авиации атакующие залегли. Лишь на левом фланге 47-я бригада несколько продвинулась вперед и вышла к реке Холыня. Наступательная операция, по существу, превратилось во встречное сражение. Противник сосредоточивал свои усилия на нашем правом фланге, а армия пыталась развить успех на своем левом фланге. Атаки наших войск сменялись контратаками противника. Обе стороны несли тяжелые потери.

Свыше 80 процентов потерь составляли потери от вражеской авиации. Части армии теряли свою ударную силу. На 28 февраля в полках 254-й стрелковой дивизии насчитывалось: 929-й полк – 163, 933-й – 105, 936-й – 85 активных штыков. В 201-й латышской дивизии с 3 февраля по 4 марта выбыло из строя 6458 человек, в том числе убитыми – 1153. Несла потери и армейская артиллерия [159].

Серьезные потери нес и противник. Вот что показал на допросе пленный ефрейтор 56-го егерского полка 5-й легкопехотной дивизии: *«11 февраля наш батальон был высажен в Старой Руссе. В первые же дни потери в батальоне были очень велики. Из 600 человек в середине февраля в строю осталось только 105»*.

С крайним напряжением работала медицинская служба. В сильные морозы даже легкое ранение при несвоевременной помощи часто приводило к смерти. Всем бойцам были розданы химические грелки. Положив внутрь грелки кусочек снега, раненый клал ее за пазуху и какое-то время сохранял тепло в слабеющем организме. Не хватало санитаров. Врачи и медсестры валились с ног от усталости. На помощь приходило население прифронтовых деревень.

Вражеская авиация разбомбила армейские склады. Командующий армией установил лимит: один снаряд на орудие и три-четыре мины на миномет в сутки. Наши части, не имея авиационной поддержки, практически лишились и артиллерийской.

254-я стрелковая дивизия, 41, 84, 50 и 2-я гвардейская стрелковые бригады правого фланга вынуждены были отходить. Стремясь удержать свои позиции до последнего, попадали в окружение. Так, 20 февраля в районе Воышова противник окружил 84-ю бригаду. В течение трех дней моряки вели тяжелый бой и сумели вырваться из вражеского кольца.

Если на правом фланге противник оттеснил наши части к шоссе Старая Русса – Холм, т. е. на рубеж, с которого началось наступление, то в центре 201-я и 129-я стрелковые дивизии продолжали удерживать захваченный рубеж по Полисти. В оборонительных боях особенно отличились части 201-й латышской стрелковой дивизии генерал-майора Я.Я. Вейкина. Про нее писал И. Эренбург в газете «Красная Звезда». В утреннем сообщении Совинформбюро 4 марта говорилось о двух героях-латышах: *«На одном из участков Северо-Западного фронта в последние дни отличились пулеметчики Энской латвийской части тт. Лацис и Бронис. Первый из них уничтожил 50, а второй – 32 немецких солдата и офицера»*.

Несмотря на относительный неуспех войск 1-й ударной и 11-й армий в февральских боях, в результате их наступления был создан внешний фронт окружения и обеспечены условия для создания внутреннего. Это произошло, как мы знаем, 20 февраля 1942 г.

Это был первый случай окружения оперативной группировки противника в ходе Великой Отечественной войны, и расценивался он не только как военный, но и как крупный политический успех. Необходимо было по возможности быстрее уничтожить окруженного противника, чтобы не позволить ему создать прочную круговую оборону и организовать деблокаду окруженных. Но, не имея опыта и необходимых сил, скованные особенностями местности и климатическими условиями, наши войска наступали медленно. И.В. Сталин был недоволен тем, что ликвидация окруженных немецких дивизий затягивается. Причину этого он видел в слабой согласованности действий частей 3-й ударной армии Калининского фронта с частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса и 34-й армии Северо-Западного фронта. Поэтому 25 февраля он приказал соединить управление всеми

войсками, привлеченными для ликвидации демянской группировки противника, в руках командующего Северо-Западным фронтом, на которого возлагалась ответственность за быстрое пленение или уничтожение группировки. С этой целью 130 и 23-я стрелковые дивизии, 20, 27 и 86-я стрелковые бригады 3-й ударной армии Калининского фронта с 6 часов 26 февраля временно подчинялись в оперативном отношении командующему 34-й армией, а 154-я и 42-я стрелковые бригады 3-й ударной армии – командиру 1-го гвардейского стрелкового корпуса. Эти силы должны были *«непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения демянской группировки противника и не позднее как в четырех-пятидневный срок покончить с нею»* [160] .

Однако завершить операцию в указанные сроки оказалось невозможным. Наступление стало выливаться в затяжную борьбу за отдельные вражеские опорные пункты.

В создавшихся условиях Военный совет фронта еще раз приказал генералу В.И. Кузнецову активизировать действия войск левого фланга армии. К 2 марта создать здесь лыжную группу из двух лыжных бригад силою не менее 10 батальонов, обеспечить ее необходимыми средствами связи. Ей предстояло, глубоко обойдя южный фланг противника, выйти в район станции Волот и перерезать железную и шоссейные дороги Старая Русса – Дно, уничтожить тылы и глубокие резервы и содействовать разгрому старорусской группировки противника [161] . Совместно с лыжной группой должна была действовать подошедшая 364-я стрелковая дивизия. Но формирование группы по ряду причин затянулось. У бригад не было станковых пулеметов и артиллерийской поддержки, их боевые возможности оказались невысокими. К тому же решение об их создании было запоздалым. Открытого южного фланга обороны противника уже не существовало. 15–29 февраля в этом районе южнее 5-й легкопехотной дивизии развернулись переброшенные из Германии вновь сформированная 329-я пехотная дивизия и авиаполевые полки группы «Мейндль». Для руководства ими из Демянска было переброшено управление 10-го армейского корпуса. В глубине, вдоль дороги Дно – Локня, развернулись части 281-й охранной дивизии. В итоге лыжные бригады были потеснены на рубеж Быстрый Берег – Белебелка. Поэтому лыжная группа была вынуждена, согласно приказу командующего 1-й ударной армией, перейти к обороне.

На правом фланге и в центре армии с 1 марта встречное сражение развернулось с новой силой. Части 5, 329-й пехотных и 18-й моторизованной дивизий, поддерживаемые сильным артиллерийским огнем и ударами авиации, предприняли отчаянные попытки сбить войска 1-й ударной армии с занимаемых позиций. Бои шли с переменным успехом. Однако к 6 марта врагу удалось потеснить наши части и выйти на участке Горушка – Вошково (10–15 км юго-западнее Старой Руссы) на западный берег реки Полисти.

Наступление временно прекращено

В создавшейся обстановке 5 марта Военный совет фронта принял решение временно прекратить наступление 11-й и 1-й ударной армий и перейти к обороне в тех же полосах, в которых они наступали: 11-я армия – от озера Ильмень до Чирикова (ширина полосы 45 км), 1-я ударная – от Чирикова (6 км южнее Старой Руссы) до Белебелки (ширина полосы 55 км) [162] .

Вражеское командование, убедившись, что имеющимися силами не пробиться к окруженным, также решило прекратить наступление.

Принимая решение на оборону, генерал Кузнецов в интересах наступления в основном сохранил наступательную группировку. Войска были почти равномерно вытянуты в линию. Из-за больших потерь нарушалась их организационная структура. Так, на середину марта 201-я стрелковая дивизия имела в своем составе: 92-й стрелковый полк, в 1-м батальоне которого насчитывалось 50 активных штыков, во 2-м – 64, в 3-м – 39; 122-й полк, состоящий всего из одного батальона численностью 208 человек; 199-й полк, в 1-м батальоне которого было 67, во 2-м – 83 активных штыка. Такое же положение было и в остальных соединениях армии.

Очень медленно шло накопление материальных средств. Директивой народного комиссара обороны на март был установлен крайне жесткий лимит расхода боеприпасов. В случае их перерасхода *«по неубажительным причинам»* на виновных накладывались взыскания. Но даже при такой экономии к началу наступления противника удалось создать весьма небольшие запасы боеприпасов: 82-мм мин 0,2–0,4 боекомплекта; 120-мм мин 0,06–0,4; 76-мм снарядов для орудий ПА-0,05 0,4; для орудий ДА 0,08–0,7; 122-мм снарядов 0,2–0,4 боекомплекта.

Остро чувствовалась нехватка взрывчатки, колючей проволоки, мин. Попытки «зарыться в землю» ни к чему не приводили – промерзший грунт не поддавался саперным лопатам, а инженерной техники не было никакой. На многих участках сразу же из-под земли выступала вода. В каждом полку под руководством саперов было сооружено всего по 3–4 укрепленных огневых точки. Поэтому не была создана единая система огня и заграждений даже перед передним краем.

Личный состав был измотан постоянным недосыпанием, ударами авиации, артиллерийскими и минометными налетами. От постоянного пребывания на морозе распухали ноги и руки. Многие едва держались на ногах от простудных заболеваний и недоедания. В таких условиях надо было не просто поднять моральный и боевой дух бойцов, но и настроить их на наступление. Это была нелегкая задача. К началу марта 1942 г. в 1-й ударной армии (254, 201-я латышская, 129-я стрелковые дивизии, 84-я морская, 2-я гвардейская и 50-я стрелковые бригады) насчитывалось 24 219 человек и 14 танков.

Между тем с начала марта разведка армии постоянно докладывала командованию о подходе в район Старой Руссы новых сил противника. Советское командование также готовилось к активным действиям. 9 марта командующему Северо-Западным фронтом и представителю Ставки ВГК Н.А. Булганину Ставка ВГК направила директиву № 8467/ж. В ней отмечалось:

«Ликвидация демянской группы противника затянулась в основном из-за неумения войск фронта вести борьбу за населенные пункты и, главным образом, из-за неумения командного состава использовать в борьбе за населенные пункты и оборонительные сооружения противника – минометы, гвардейские минометные части, артиллерию и авиацию, стремясь все задачи решить лишь силами одной пехоты. Отсюда исключительно большие потери в пехоте, при крайне незначительных результатах.

Для успешной ликвидации группировки противника необходимо в дальнейшем стремиться расчленив их на отдельные, изолированные друг от друга очаги...

3. По поводу о весеннем наводке может быть лишь одно решение – захват г. Старая Русса и вынос до начала весны действий фронта от него на запад...»

По решению Ставки ВГК на усиление фронта направлялись два пушечных корпусных, два гаубичных 122-мм артиллерийских полка, один пушечный артполк УСВ, один минометный полк 82- и 120-мм, один гвардейский минометный полк М-8 и один гвардейский минометный полк М-13 [163]

Глава 13 ДЕСАНТ

Генерал Ватутин планирует операцию

Для ускорения разгрома окруженных немецких войск командование Северо-Западного фронта решило нанести удар снаружи силами самого фронта и удар с тыла силами десантных подразделений. Выполнение десантной операции было возложено на 1-ю и 2-ю маневренные воздушно-десантные бригады (МВДБ) и 204-ю воздушно-десантную бригаду (ВДБ) и приданные им отдельные лыжные батальоны, дополнительно выделенные Ставкой. По сути, в бой вступали едва ли не самые элитные части Красной Армии. С момента окружения немецких дивизий это была, пожалуй, самая большая для них опасность. Первоначальным планом операции планировалось десантирование с самолетов всего личного состава бригад внутрь «котла». Позднее план был изменен в пользу высадки с воздуха небольшой группы бойцов для оборудования временных взлетных полос и баз. Затем в «котел», используя большие бреши в обороне немцев между опорными пунктами, должны были войти остальные силы бригад, имея запас боеприпасов и продовольствия на десять суток. При этом дальнейшее снабжение и эвакуация раненых должны были осуществляться самолетами У-2 и бомбардировщиками ТБ-3 с временных полос или с использованием авиадесантных контейнеров. Полосы предполагалось оборудовать на северо-западе замерзшего болота Невий Мох, северо-западнее Демянска, недалеко от деревень Большое и Малое Опуево.

В ходе операции 1-я МВДБ и 204-я ВДБ, действуя вместе, должны были добиться следующих целей:

уничтожить построенный немцами аэродром в деревне Глебовщина, что привело бы к срыву

поставок вооружения, боеприпасов и средств жизнеобеспечения, а также к срыву эвакуации раненых;

уничтожить штаб 2-го армейского корпуса, расположенный в деревне Добросли, что привело бы к дезорганизации взаимодействия всех окруженных частей;

двигаться в район южнее деревни Бель, по пути уничтожая тыловые коммуникации врага, действуя на прорыв периметра «котла» для соединения с группой Ксенофонтова.

2-я МВДБ, усиленная 54-м отдельным лыжным батальоном, войдя в «котел» вместе с двумя другими бригадами, должна была очистить от противника местность вокруг железной дороги Кневицы – Лычково на севере «котла» и удерживать ее, что позволило бы беспрепятственно использовать эту дорогу для снабжения и маневрирования войсками Северо-Западного фронта на севере «котла».

Исходя из предположения, что тыловые охранные части немцев в котле не могут превышать 5 тысяч человек, а остальные части будут скованы борьбой за периметр, командование фронта определило численность войск, необходимых для операции, как «не более 10 тысяч бойцов». В действительности в операции, приняло участие около 9,5 тысячи. Советское командование исходило из ошибочных разведданных. Согласно этим данным, окруженная немецкая группировка составляла 50 тысяч человек. Однако, как стало позднее известно, в окружении было около 100 тысяч человек.

Необходимо отметить существенную разницу между бригадами. 204-я ВДБ была хорошо обучена и состояла из опытных, обстрелянных бойцов, принимавших участие в Зимней войне в Финляндии, обороне Киева. Участвовала бригада и во многих диверсионных операциях в течение 1941 г. за линией фронта. Фактически 204-я бригада состояла из бойцов, прошедших горнило фронта и тыла противника.

Обе МВДБ, напротив, были недавно сформированы под Кировом (Вяткой) и состояли преимущественно из молодых, необстрелянных бойцов 18–20 лет. Только незначительная часть командиров этих бригад имела реальный фронтовой опыт. Ключевыми для успеха операции являлись скрытность, внезапность и маневр, что и определило походное, легкое их оснащение.

1-я МВДБр

1-я маневренная воздушная десантная бригада формировалась в городе Зуевка под Кировом. Формировал ее, а затем и стал ее командиром майор Н.Е. Тарасов. Воинское звание подполковник ему будет присвоено в феврале 1942 г. Комплектовались бригады из молодых людей Кировской, Молотовской областей и Удмуртской АССР. Рядовой состав призывался из молодежи 1922 г. рождения, не служившей в Красной Армии. Была часть добровольцев с 1923 г. Бригада была комсомольской – до 80 процентов членов ВЛКСМ. Только трое в бригаде имели рубеж 35 лет – командир, его заместитель по тылу и начфин. Из запаса были призваны сержанты и старшины. Командный состав, как правило, обстрелянный.

Через несколько дней после принятия присяги в Зуевку приехал генерал, Герой Советского Союза, знаменитый летчик А.В. Беляков. По поручению Верховного командования он проверил готовность бригады воевать...

22 декабря 1941 г. 1-я маневренная воздушно-десантная бригада начала отсчет километров на запад. Три эшелона по «зеленой улице» гнали железнодорожники в Москву [164].

Десантники рвались в бой, они считали, что прошли хорошую школу. Если на подготовку пехотных подразделений в 1941 г. уходила одна-две недели, а то и меньше, то десантников готовили два месяца. Штатная численность бригады – 3 тысячи человек, но 1-я МВДБ насчитывала только 2600. Все десантники совершали прыжки с парашютом. Вначале изучалась винтовка, затем полуавтоматический карабин и, наконец, пулемет. В отличие от принятой общей подготовки был взят за основу принцип одиночной подготовки по немецкому образцу. Подготовка проходила одиночная в составе отделения, а затем и в составе взвода. Только в некоторых случаях использовалась прежняя система обучения. Учеба проходила в интенсивном режиме. Регулярно выполнялись лыжные маршевые броски. Постройке шалашей и изучению оружия противника было также уделено много внимания.

В воспоминаниях немецких солдат, изданных в послевоенное время, встречается такое описание десантников, действовавших внутри «котла»: *«наилучшим образом вооруженные и*

подготовленные воины Красной Армии состояли из фанатично настроенных молодых коммунистов».

В конце января 1942 г. 1-я маневренная воздушно-десантная бригада вошла в резерв штаба войск Северо-Западного фронта и перебазировалась в городок Выползово Калининской области. Там продолжалась напряженная подготовка бригады к боевым действиям. Были и первые потери...

Из воспоминаний бывшего десантника Л.И. Морозова:

«В ночь на 23 февраля 1942 г. из 1-й маневренной воздушно-десантной бригады выделилась группа из 21 бойца... И позывные дали «Двадцать первый»... Десантировали на болото Невий Мох без приключений.

Командование фронта заранее засылало в тыл разведчиков. Выбирались площадки для посадки самолетов, организовывались базы, определялся район дислокации бригады, батальонов. Разведгруппа «Двадцать один» должна была встретиться с разведчиками из группы «Орел». Все вышло, как и намечалось в Валдае. Выполнив задание, пошли на прорыв к железнодорожной линии Лычково – Старая Русса. И тут десантники убедились, что врагу путь в лес не заказан. Стычка за стычкой. Немцы послали в лес финнов – под пули партизан сами не лезли... Пробились к своим через боевые порядки противника в районе железнодорожной станции Пола. Пробились всего-навсего шесть человек. Горько думать об этом и через много лет» [165].

Еще раньше, 15–18 февраля, с такой же целью по воздуху внутрь «демянского котла» было заброшено подразделение 204-й воздушно-десантной бригады (группа «Орел»). Эта операция была замечена противником, и уже 18 февраля из солдат эсэсовской дивизии «Мертвая голова» (группа Симона) формируется специальное подразделение, одной из задач которого является прикрытие важнейших объектов, в первую очередь аэродромов. Не лишним будет отметить, что «Мертвая голова» не зря считалась элитной. Ее солдаты практически не уклонялись от рукопашного боя, что было для немцев скорее исключением, чем правилом.

В районе Валдая сосредоточились 1-я маневренная, 204-я воздушно-десантная и 2-я маневренная бригады. Тарасов и комиссар бригады Мачихин были вызваны в штаб Северо-Западного фронта. Оттуда они вернулись с боевым приказом:

«1. Командиру 1-й маневренной воздушно-десантной бригады майору т. Тарасову и комиссару, ст. батальонному комиссару т. Мачихину в составе четырех отдельных батальонов, артминдивизиона, отдельных разведывательно-самокатной, саперно-подрывной, связи, зенитно-пулеметных рот в ночь на 3 марта с.г. с исходного положения поселок Выползово выйти в тыл противника...

2. Линию фронта перейти между пунктами Кневицы – Беглово, после чего сосредоточить силы бригады в районе отметок 60 и 64 западнее и юго-западнее болота Невий Мох.

...4. Боевой задачей МВДБ поставить:

Первое. Не обнаруживать себя преждевременными боевыми действиями, напасть на штаб 2-го АК противника в Добросли, разбить его и гарнизон, захватить штабные документы... Атаковать и разгромить аэродром в районе Демянска...

Второе. Выполнив первую задачу, приступить к нарушению связи, коммуникаций противника, двигаясь в направлении Игожево – Меглино – Тарасово – Бель на соединение со своими частями, по пути громить гарнизоны, склады, уничтожать живую силу, технику врага.

...Седьмое. На время рейда в тыл противника запас продовольствия на 10 суток и боеприпасы взять с собой в вещевые мешки, на волокуши и лошадей.

Восьмое. Связь держать при помощи радиостанции по специальному расписанию...» [166].

Почти все бойцы были вооружены автоматическим оружием (ППШ, ППД, СВТ-38, СВТ-40, ДП-27). Минометный дивизион состоял из трех батарей, каждая из которых имела по четыре миномета калибра 50 мм и два миномета калибра 80 мм. В состав каждого батальона входила минометная рота по 6 минометов калибра 50 мм в каждой... В бригаде было 12 противотанковых ружей. По воспоминаниям десантников, тяжелые 80-мм минометы в тыл врага не взяли, а заменили их 50-мм минометами.

Командование фронта искало лучшие варианты использования десантников. Первоначально Тарасову было приказано десантироваться в районе Глебовщины под Демянском. Для этого должны были быть предоставлены 30 самолетов: 4 ТБ-3 и 26 Дуглас ДС-3. Но из-за их отсутствия план был отменен. Бывший начальник политотдела 1-й маневренной воздушно-десантной бригады генерал

Ф.П. Дранищев пишет, что десантники были готовы к выброске в тылу врага. Для овладения площадками готовился усиленный батальон парашютистов. Однажды ночью передовые отряды даже вывели на аэродром Выползово с полным боевым снаряжением. Ждали самолетов почти до рассвета [167].

Командование фронтом шло на большой риск. Опыт боевого использования воздушно-десантных войск в Красной Армии практически отсутствовал. Реальные возможности парашютистов по захвату и удержанию опорных пунктов в тылу врага были еще неизвестны. Основной проблемой была нехватка транспортных самолетов для доставки и снабжения войск в тылу противника. Десантные планеры, разработанные в Германии еще до войны с СССР, к зимней кампании 1942 г. в необходимых количествах отсутствовали. Отечественные планеры А-7 и Г-11 были доведены только до стадии опытных образцов. В сущности, высадка обеспечивалась несколькими десятками самолетов гражданской авиации и небольшим числом тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 [168].

К тому же зима 1941/42 г. была не только морозной, но и на редкость снежной. Была опасность, что после выброски десантники не успеют быстро добраться до пункта сбора и будут уничтожены противником по частям. Поэтому был выбран вариант вхождения в «котел» на лыжах. Нужно было спешить. Данная стратегическая операция должна быть осуществлена до начала весенней оттепели. Оттаявшие болота, к которым добавилась бы весенняя распутица, делали практически невозможной любую наступательную операцию. Поэтому ликвидация «Крепости Демянск» должна была завершиться в течение пары недель, до конца марта 1942 г.

Через линию фронта

Все три десантные бригады поочередно выдвигались на автомашинах из Выползово к месту прорыва немецкой обороны. Первой 5 марта 1942 г. ушла бригада А.Е. Тарасова и сосредоточилась в районе деревень Гривка и Веретейка Полаевского (ныне Парфинского) района. Оттуда на лыжах в период с 6 по 8 марта через боевые передки 26-й и 202-й стрелковых дивизий, восточнее деревни Пустыня, перешла линию фронта. В воспоминаниях генерала П.Г. Кузнецова «Дни боевые» отмечен этот эпизод: *«Несколько дней подряд мимо нашего командного пункта, на стыке с дивизией Штыкова, тянулись лыжные батальоны, засылаемые внутрь окруженной группировки. Ночью они пересекали линию фронта, проскальзывали между опорными пунктами и, углубившись в тыл, развертывали боевые действия»*.

К обеспечению десантной операции была привлечена авиация под руководством командующего воздушно-десантными войсками, дважды героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Глазунова. Перед авиадивизией истребителей была поставлена задача: обеспечить беспрепятственное сосредоточение воздушно-десантных бригад, выброску их на парашютах в расположение противника, не допустить в намеченный район немецкую авиацию. Как мы знаем, десантники шли в «котел» на лыжах. Командиру дивизии П.М. Стефановскому пришлось организовывать еще и ночное патрулирование на все время проведения наземной операции [169].

Десантники, молодые совсем ребята, представляли линию фронта огненной дугой, ошестившейся злыми пулеметными очередями и кваканьем минометов. А тут немцы сидели в опорных пунктах, бывших деревнях. И, как правило, вдоль дорог. Демянский край – это сплошные болота. Только сверху метровый слой снега. Вот по нему десантники и шли на лыжах в рейд.

Бригады входили в немецкий тыл поочередно, по разным маршрутам. 204-я воздушно-десантная бригада с 11 по 15 марта, 2-я маневренная воздушно-десантная бригада с 13 по 16 марта.

«В начале марта 1942 года нас подвезли на автомашинах к небольшому лесу возле сгоревшей деревни, – пишет из Соликамска П. Черепов. – Целый день подгоняли лыжи, проверяли оружие, а кто хотел, мог наполнять мешки продовольствием. Масло, колбаса, консервы, концентраты выдавались без нормы. Ребята предпочитали патроны и гранаты. Много ушло на обмундировку. Пешим строем двинулись к линии фронта. Километров 15 протоптали по дороге во вьюгу. Потом – на лыжи и по целине. В лес глубже. Ночь была морозная».

Днем десантники укрывались в лесу. Немецкие самолеты, больше транспортники и корректировщики, пролетали над ними, едва не касаясь вершин деревьев.

«Нас, чувствуется, не обнаруживают, – сообщает из Висима Иван Норицын. – Нашелся в батальоне нетерпеливец, я назвал бы его дураком, захотел сбить самолет из винтовки.

Бах! Бах! Бах! – масло застыло, и затвор СВТ заело. Была такая скорострельная винтовка Токарева – одна беда.

Самолет, разумеется, и крылом не качнул. А на заметку, видать, летчик взял. Не успели мы углубиться в чащу, как над нами ихний бомбардировщик... Круг сперва сделал. Нам видно было, как летчик головой вертел, высматривая нас. Потом, как горох, посыпались бомбы... Полосовали нас, считай, до обеда. Один улетит – другой тут как тут!.. Говорили ребята, что виновника демаскировки едва не расстреляли. Заступничество комиссара Куклина спасло парня» [170].

В первые дни нахождения в тылу немцев приходилось часто сталкиваться и с военной безграмотностью десантников. Опыта не было: не знали, когда нагнуться, когда можно идти во весь рост под пулями, не знали, как по звуку угадать, где упадет мина. Азбука давалась с трудом, и платили за ее освоение жизнями.

Трудности зимнего леса

Сильные морозы встретили их в тылу врага. Сначала они превышали тридцать градусов. Затем температура резко менялась: днем – оттепель, ночью – крепкие морозы. В глубоком снегу, а он доходил до одного метра, обувь и одежда сильно намокали. Отдыхали люди под открытым небом или в скороспелых шалашиках, сплетенных из ельника. Бойцы были утомлены переходами, засыпали в любом положении, и нередко огонь добирался до них – тлеело обмундирование. Это когда грелись у скудных костерков, в ход шел сухой спирт – паста. В мокрых валенках отмерзали ноги. Все передвижения совершались ночью. Впереди двигались разведчики. Все, что имели, тащили на волокушах по снегу, преодолевая препятствия. Леса южного Приильменя представляют собой густые дебри и буреломы, которые перекрывают путь иногда на сотни метров. Обойти их трудно даже днем, а ночью практически невозможно. По лесу двигались на лыжах очень медленно. Беспомощными становились парашютисты в случае поломки лыж.

Штаб бригады и сопутствующие ему подразделения временно расположились в двух километрах южнее деревеньки Норы. Проводился анализ происходящего: нарушался график движения колонн в заданный район, а значит, и начало главной боевой операции. Болота, топи, густой лес, шесть-семь километров в сутки. Не слышно было и 204-й бригады, которая должна была войти в тыл восточнее десантников 1-й маневренной. Шифровки из штаба фронта требовали: *«Ускорьте движение в заданный район»*. И еще скрытность. Ежедневно на низких высотах перелетали линию фронта 400–600 самолетов врага. А в лесах под деревенькой Норы собралось около двух тысяч десантников. 1-й МВДБ – не иголка в стоге сена.

Силы разведчиков были направлены на поиск удобных маршрутов движения к району сосредоточения двух бригад. Впереди юго-западнее болота Невий Мох лежала речка Полометь с крутыми берегами, вся во льдах и заносах. Как укрепил ее враг?

Перед уходом в тыл противника всем десанникам был выдан десятидневный сухой паек. Но в таких условиях его хватило на неделю. Пришли голодные дни. Случайно наткнулись на туши лошадей, убитых осенью 1941 г. Готовили на шомполах шашлыки.

Обещанное снабжение с воздуха не получалось. Летчики не могли по выпускаемым десанниками ракетам определить их расположение. Немцы всю ночь пускали ракеты в самых разных точках «котла», и летчики были в заблуждении. Немцы тоже голодали и часто прочесывали местность в поисках каких-то продуктов. Случайно, еще до перехода через Полометь, один из эсэсовских отрядов наткнулся на стоянку штаба бригады. Хорошо сработало замаскированное боевое охранение. Это дало возможность штабистам, особистам, политотдельцам собраться и занять оборону. Получив достойный отпор и понеся потери, эсэсовцы отступили. Посмотрели десантники на их внешний вид. Они были не только голодны, но и плохо одеты. Платки, валенки, одеяла, стеганки и еще что-то дополняли их летнюю форму. Захваченный в плен ефрейтор СС показал, что базируются они в Малом Онцеве и вышли в район штаба с целью добыть продукты [171].

Перед тем как принять решение о форсировании Поломети, Тарасов разослал разведчиков с задачей определить наиболее безопасный район. По их докладом, почти все холмы, занимаемые противником, господствуют над местностью. Подступы к населенным пунктам хорошо

просматриваются, немцы вырубили леса на околицах сел. Скрытый подход к ним в светлое время исключен. На просеках сторожевые вышки с пулеметами. По берегам Поломети колючка, земляно-деревянные огневые точки. Много минных полей. За береговыми укреплениями блиндажи в шахматном порядке, бункеры, укрытия из бревен.

Помог случай. На десантников натолкнулся партизанский отряд М.М. Полкмана. Они показали подходящий участок для перехода через Полометь. Из радиодонесений в штаб войск Северо-Западного фронта:

«В ночь на 10.03.42 г. с боем форсировали реку Полометь. Убито 18 немцев, сожжено 3 автомашины и 2 радиостанции противника. Лошади съедены отсутствием продуктов. Двигаюсь заданный район. Вошел связь партизанами Полкмана. Тарасов, Мачихин» [172].

Над головами десантников постоянно висели немецкие разведчики и корректировщики. Летали очень низко, замечали днем малейшее движение лыжников. Неподвижность приводила к обморожению, особенно нижних конечностей. На валенках появлялись дыры в местах крепления лыж. Там, где ступню перетягивали лыжные крепления, появлялись мертвые пятна. Валенки мокрые. Портянки мокрые. А мороз за двадцать градусов.

Бригада стала на долгий привал за Полометью в глухом лесу западнее озера на болоте Невий Мох. Раненых и обмороженных оставили под охраной, а здоровые продолжали выполнять боевые задачи. Для решения проблемы с питанием были посланы связные через линию фронта. Тарасов приказал усилить диверсионную деятельность. Бывший фронтовой разведчик В.А. Храмцов утверждает, что за время нахождения в заданном районе десантники всякий раз, переходя дороги и зимники, разрушали мосты, трубы водоотводные, делали завалы на просеках, портили связь – кабели, проводные телефонно-телеграфные линии. Немцам было важно иметь хорошую дорогу на Лычково и на Старую Руссу. На дороге мост через Явонь был ключевым. Семеро бойцов из роты И.И. Булавченко, несмотря на усиленную охрану, сумели мост взорвать.

Удар по аэродрому в Глебовщине

План разгрома аэродрома в Глебовщине разработал начальник штаба майор И.М. Шишкин вместе с оперативным отделением. Эти наметки утвердили комбриг и комиссар. Значение аэродрома под Демянском для немцев нельзя переоценить. Сильная охрана аэродрома, болотистые подходы к нему, колючие ограждения – все это было против десантников. Да и силы парашютистов-лыжников были подорваны длительным голоданием и большими потерями.

Для осуществления задуманного было выделено около 200 бойцов и командиров, в основном из 4-го батальона. Общее руководство возлагалось на старшего лейтенанта И.С. Мосалова, который показал себя умелым организатором диверсионных налетов на тыловые немецкие объекты. Десантники, в дополнение ко всему, вооружились еще и ракетницами. Штаб бригады по радио условился с командованием военно-воздушных сил фронта о времени налета наших бомбардировщиков и о системе сигналов.

Ветер с озера пронизывал до костей. Морозец донимал всерьез. Десантники заняли позицию недалеко от взлетно-посадочной полосы, затемно укрылись в сугробах. Без движения в сырых валенках коченели ноги. Недалеко от них исправно шагал немецкий часовой в натянутой на уши суконной пилотке, похлопывая руками себя по бокам, поскуливали собаки.

В условленное время ТБ-3 Северо-Западного фронта вышли к Демянску с запада, обманным маневром запутывая немецких зенитчиков. Вспыхнули прожектора, небо раскалилось трассирующими снарядами. По команде десантные ракетчики запустили радугу ракет над взлетной полосой – вот цель. Наши летчики накрыли бомбами аэродром. Гром и молнии! Ракетчики, меняя позиции и укрываясь в елках, указывали новые важные цели. Накануне они мерзли на вершинах деревьев, визуально «рисовали» план летного поля. На аэродроме творилось невообразимое.

Отдельная группа парашютистов блокировала дорогу с аэродрома в поселок. В засаду попала автомашина с немецкими офицерами, прилетевшими из отпусков. Были взяты первые трофеи и важные документы.

Несколько самолетов пытались вырваться и подняться в воздух. Вновь вмешалась засада десантников. Из противотанковых ружей поджигали машины, бочки с горючим, убивали немецких солдат, летчиков, мотористов. Гранаты довершали дело. Когда в небо взмыли желтые ракеты,

десантники начали покидать места засад и по азимуту выходили к обусловленным местам.

Чтобы сократить потери, транспортники стали прилетать под Демянск под вечер. Ночью разгружались и под утро улетали на запад. Так что днем в районе дислокации 1-й маневренной воздушно-десантной бригады почти не было перелетов. Об этом было доложено в штаб ВВС фронта и было принято решение об усилении ночных налетов.

Туго пришлось немцам в Глебовщине. Казалось, что не было ни одного живого места на аэродроме. Но транспортники по-прежнему шли в направлении Демянска. Разведчики бригады разобрались, что к чему. Немцы для прикрытия не убрали разбитые машины. Сверху – погром. А с восточной стороны возле леса проложили узкую полосу для посадки. После приземления транспортники загонялись между разбитыми машинами. С высоты было нельзя разобраться. Об этом было сообщено в штаб ВВС фронта, и летчики сделали необходимые выводы.

Отдельные батальоны и роты 1-й МВДБ вели самостоятельные операции по разгрому вражеских гарнизонов, занимались диверсионными акциями на вражеских коммуникациях. Проводили разведывательные действия, направленные на изучение подходов к Добросли, где размещался штаб окруженной немецкой группировки.

4-й отдельный парашютно-десантный батальон расположился в густом лесу на краю Белого озера, что на юго-западе болота Невий Мох, возле отметки 60,4 крупномасштабной карты. Из штаба бригады пришла шифровка на боевую операцию. В Дедно заночевала большая группа немцев. Спешат к фронту. Приказано разгромить, но не удерживать населенный пункт.

Вероятно, немцев успокаивало, что в деревню скоро должно войти бронированное подразделение из группы войск «Арко». Вражеское командование считало, что русские десантники, обнаруженные летчиками и пешими разведчиками, блокированные отборным батальоном СС, мрут на болоте Невий Мох, пухнут от голода и уже не способны к активным действиям...

Ночная атака была такой стремительной и неожиданной, что многие немцы выбегали из домов, не успев даже одеться и попадали под пули десантников. Фронтная часть немцев не сразу оправилась от растерянности. Ее командиры не знали сил нападавших. Запросили помощь. На звуки боя с запада подтягивались машины с новыми подразделениями. Со стороны Лычкова слышны были звуки движения моторной техники – спешила подмога! Организовались немцы и в самом Дедно. Совсем рассвело. В небе появились два немецких самолета.

Вспоминает П.М. Черепов, участник боя в Дедно:

«Мы отходили в лес, захватив с собой продукты и несколько лошадей. Со стороны немцев потери были большие: густо валялись убитые, стонали раненые... В лесу поделили продукты, зарезали лошадей и разделили мясо по ротам и взводам. За продуктами строго следил комиссар Ку克林. Над лесом шныряли немецкие самолеты, разыскивая нас. Дудки, не обнаружили» [173].

Бригада Тарасова голодала. Вопрос стоял уже просто о выживании людей, о чем красноречиво говорит текст шифрограммы:

11 марта – «дайте продовольствия, голодные»,

12 марта – «вышли в район сброса грузов, продовольствия нет»,

13 марта – «уточняя пункт выброса продовольствия... юго-западнее М. Опуево», «координаты для выброса продовольствия – лесная поляна юго-западнее М. Опуево» [174].

Десантники голодают. Атака Малого и Большого Опуево

Тарасов понимал, что если не сделать запас продуктов питания как минимум на пять дней, то дальнейшие боевые действия бригада выполнять не сможет – невозможно наладить снабжение на марше и во время боев.

Командование бригады, без ведома штаба фронта, разработало план нападения на гарнизоны противника Малого и Большого Опуево. Цель – уничтожить гарнизоны, захватить продовольствие врага и отобрать захваченное им на площадках сброса в болоте. В Валдай, в штаб фронта пошла шифрограмма: «Отсутствие продуктов вынудило атаковать Большое и Малое Опуево. Считаем, что брошенные вами продукты попали к немцам. Атакуем 22.00. Поддержите авиацией» [175].

14 марта, рано утром, еще затемно лыжники затаились за Чернорученкой. Разведка и передовое охранение вышли к задкам огородов. Вспыхнула желтая ракета, указывая направление атаки. Десантники бросились к деревне через луг. В атаку шли 1-й и 2-й батальоны, шли и штабисты, и

политотдельцы, и минометчики, и особисты. Немцы, извещенные финскими лыжниками о недавней стычке с десантниками, были готовы к отражению атаки. Они окопались на краю деревни, замаскировались еловыми ветками. Пулеметчики насторожились на чердаках. Особо берегли каменный дом в центре Малого Опуева, где располагался штаб СС. Атакующие перемахнули снежные заледенелые валы. Пошли в ход гранаты. По немецким позициям стреляли минометчики из «малюток».

Не застали врасплох вражеские гарнизоны – стая ракет взмыла в черное небо. Заговорили автоматы, гавкнули басом минометы противника. С чердака каменного дома забарабанил крупнокалиберный пулемет.

Плотный огонь противника смел наземь первые цепи атакующих. Атака в лоб не удалась. Капитан И. Жук увел резервную роту в обход деревни, но и тут лыжники напоролись на кинжальный огонь. Из приземистой баньки на берегу Чернорученки пулемет косил наступающих. И снова десантники остановились, вжавшись в снег. Проявил отвагу комсорг роты И. Буяков, сумел на ходу бросить гранату. Захлебнулся пулемет.

С другой стороны деревни, от излучины Чернорученки, ударил взвод А. Булавчика. Завязался бой в деревне. Каждый дом брали приступом. Бронебойщики ударили по амбразурам двухэтажного кирпичного здания. Там размещались офицеры гарнизона и штабисты СС. Усилили огонь пулеметчики. Была подавлена и огневая точка в соседнем доме со штабом. Приступом был взят штаб гарнизона.

В бывшем складе колхоза немцы хранили снаряды, ожидая прибытия батареи для обстрела стоянки десантников. Саперы подняли склад на воздух. Грохот потряс лесную округу. В небо взмывали ракеты бедствия, остатки гарнизона вызывали подмогу. Десантники заминировали зимник. Немецкий бронетранспортер с солдатами, спешивший в Малое Опуево, налетел на минированное место, перевернулся и закупорил дорогу.

Немцев в Малом Опуево больше не было, немногие из них отошли в Большое Опуево, но и там попали под огонь десантников. Командир бригады поблагодарил всех за успешные боевые действия. Бойцы разошлись по домам, сушили портянки, валенки, отточенными финскими ножами скоблили бороды. Для старшин было много работы...

Большое Опуево, крайние избы которого были видны из Малого Опуева, атаковали рота правого фланга 2-го батальона. По данным бригадной разведки, у немцев здесь были склады продовольствия и боевых запасов. В Валдае считали, что тут и штаб дивизии СС. Со стороны болота Невий Мох деревня обнесена дерево-ледяным заграждением. За Чернорученкой – немецкая минометная батарея. Все подходы к обеим деревенькам можно накрыть огнем артиллерийских батарей из Глебовщины.

Лыжники с рубежа атаки, увязая в снегу и путаясь в валежнике, кинулись вперед изо всех сил. Вот уже атакующие хлестали огнем в немецких окопах, орудовали прикладами и финками. В руках десантников были гранаты и стрелковое оружие. Немцы же располагали артиллерией, бронемашинами, крупнокалиберными пулеметами, минометами всех калибров, укреплениями, надежной связью. И все же враг растерялся и стал пятиться из западной части Большого Опуева в сторону Черного Ручья и Гершковиц. К немцам по зимнику – саперы не успели заминировать дорогу – подоспела подмога из Добросли.

Саперы 2-го отдельного парашютно-десантного батальона взорвали артиллерийский склад. Взрывной волной гнуло сосны, как в бурю. Зенитчики, охранявшие аэродром Демянска, вступили в бой – на Большое Опуево посыпались снаряды. На зимнике десантники из засады подожгли бронетранспортер и закупорили узкий проход на пути подкреплений.

С рассветом враг осмелел, и потери десантников возросли. Прилетела «рама», оглядывала поле боя. Снаряды стали ложиться точнее. Радиосвязь с командиром бригады вышла из строя. Командир 2-го батальона капитан Струков отослал связного в штаб бригады: *«Гарнизон разгромлен. Несу большие потери. Продуктов тут не нашли»*. Затем приказал батальону отходить в лес, в заранее условленный район диких зарослей Невьего Мха.

В деревне остались только раненые, санитары и сам капитан Струков с несколькими бойцами. Они заняли круговую оборону. Их нашел связной из штаба бригады: приказано отходить. Пятеро выполнили этот приказ, повинуясь Струкову. Остался на месте комбат и еще шестеро бойцов. Видя, что близка смерть, Струков приказал пятерым бойцам выйти из боя. В развалинах сарая он и

Мелехин погибли под разрывами мин.

В этом бою, как позднее узнали разведчики, противник потерял шестьдесят три человека убитыми и до сотни ранеными. Были брошены два легких танка, три бронетранспортера и семь автомашин, взорваны два склада боеприпасов и одна передвижная радиостанция.

Утром 15 марта 1942 г. лыжники покинули Малое Опуево. В деревне остались раненые и восемь боеспособных во главе со старшим сержантом С.Я. Фомичевым. Немцы оставили много оружия, патронов, мин, остались на месте их окопы, траншеи. Маленький гарнизон готовился к обороне.

Немцы не раз пытались отбить Малое Опуево. Автомашины подрывались на трофейных минах. Лазутчики – на пехотных «сюрпризах». Деревню бомбили, обстреливали из пушек. Немецкая пехота атаковала не раз, но откатывалась, неся большие потери. Горстка парашютистов-лыжников, на две трети раненые и обмороженные, удерживала село в центре стотысячной группировки гитлеровской армии.

Только после получения приказа маленький гарнизон покинул Малое Опуево. На попечение женщин были оставлены тяжелораненые.

Командование Северо-Западного фронта было озабочено и судьбой десантников, и исходом всей операции. Летчику 699-го транспортного авиационного полка лейтенанту В.О. Янчевскому было поручено найти десантников 1-й воздушно-десантной бригады и установить с ними живую связь. Не с первого полета, рискуя жизнью, лейтенант задачу выполнил. Десанникам пришлось организовать прием самолетов, на болоте выровняли площадку, устроили сигнализацию. С посадкой прилетали У-2 и несколько самолетов Р-5. Обратно вывозили раненых и обмороженных. Тяжелые ТБ-3 сбрасывали сапоги, табак, спирт, патроны на парашютах. Для летчиков 699-го полка эти полеты назывались «Опуевская операция». Участие принимали также летчики из Прибалтийской авиагруппы ГВФ.

Аэродром действовал минимум неделю в самом центре окруженных немецких войск. Немцы сужали кольцо вокруг импровизированного аэродрома, простреливали из минометов каждый метр. Практически аэродром прекратил существование. Но десантники еще не раз восстанавливали его и получали помощь по воздуху.

Большой бедой явились тяжелые обморожения. Дневные оттепели приводили к тому, что обувь, одежда намокали, ночью температура опускалась до 25 градусов. На 17 марта число убитых и раненых составило 248 человек, а количество обмороженных – 349. Много было тяжелых, приводящих к гангрене обморожений [176].

Исходящая шифротелеграмма 1 МВДФ:

17 марта *«Получено около полсутодачи, бригада остается голодной. Выступать сегодня не можем. Настоятельно необходимо эвакуировать раненых и обмороженных в кол-ве 250 человек»* [177].

У десантников бригады Тарасова после нападения на Опуево образовалась вынужденная пауза. Парашютисты в своем большинстве недоумевали.

Командир бригады, комиссар, начальник штаба получили в Валдае приказ: *«Действовать совместно с 204-й ВДБ (воздушно-десантной бригадой), собравшись в заданном районе».*

Где находится 204-я ВДБ подполковника Г.З. Гринева, они не знали. Вестей от 204-й ВДБ комбриг Тарасов не получал. Предпринять поход на Добросли без нее не отважился. Из доклада комбрига подполковника Г.З. Гринева штабу 34-й армии: *«...К полосе обороны немцев вышла и 204-я воздушно-десантная бригада. Сосредоточившись в районе населенного пункта Пожалеево, предприняла попытку перейти линию фронта на участке Соловьево – Весики. Протолкавшись трое суток, так и не одолели укрепления противника на Поломети. Начальник политотдела Тадеуш вывел батальон из боя».* Как отмечено в оперативной сводке по 34-й армии, *«батальоны 204-й ВДБ сосредоточились на Заостровье – Барышово – Бычково. Штаб дислоцировался в Бычково. Всего вышли 1705 человек. Из них 100 человек раненых и 540 обмороженных. Данных о третьем парашютно-десантном батальоне нет. Не вышли из тыла командир и комиссар бригады...»*

Лишь 3-й ПДБ из этой бригады и часть роты связи, проявив мужество и упорство, пробились за Полометь и двигались в заданный район. Осложнилось все и тем, что 204-я потеряла в боях средства связи.

Мелкими группами десантники совершали нападение на обозы, на маршевые команды,

патрули...

Немцы, казалось, не осмеливались трогать десантников, опасаясь, как представлялось тогда командованию 1 МВДБ, повторения опуевского урока.

Позднее стало известно, что немцы вели бои за «рамушевский коридор» и пытались остановить на юге войска генерала А.С. Ксенофонтова, в частности 130-ю стрелковую дивизию, которая упорно вгрызлась в оборону противника под деревней Черной. Немцам было не до десантников.

Именно в этот момент командование Северо-Западного фронта и ожидало ударов обеих бригад по штабу 2-го армейского корпуса в Добросли.

Недоумение и растерянность командованию 1-й МВДБ принесла шифрограмма из штаба фронта: *«Тарасову, Гриневу. В связи приходом Гринева местоположение Тарасова приказываю:*

Операцию овладения Демянском, Доброслями, Глебовициной провести одновременно с общими силами 1-й и 204-й ВДБ под общим командованием Гринева...» [178].

Ставилась задача к утру 18.03.42 г. овладеть этими населенными пунктами, уничтожить их гарнизоны и двигаться в направлении Ватолينو.

И в Валдай летит радиограмма:

«Приказ получен. Гринева основными частями не обнаружили. Где находится, не знаем. Нашем районе есть его один батальон. Необходимо эвакуировать 250 человек.

Тарасов, Мачихин» [179].

Лишь 18 марта к вечеру разведчики нашли командование 204-й ВДБ и сопроводили к штабному шалашу. Наконец-то подполковник Г.З. Гринев и полковой комиссар Д.П. Никитин встретились с командованием 1-й МВДБ.

Рано утром 19 марта руководство 1-й маневренной воздушно-десантной бригады получило новый приказ штаба фронта, учитывающий реально сложившуюся обстановку. Этим приказом все подразделения бригады Гринева подчинялись Тарасову. Первой задачей ставилось уничтожение гарнизона в Доброслях, при благоприятных условиях и гарнизона Демянска.

Главное преимущество десантников – внезапность и стремительность, было утеряно. Самолеты-разведчики с утренней зари до вечерних сумерек висели в воздухе. Закопченные, порванные маскхалаты уже не сливались со снегом. Штаб вносил поправки в план разгрома противника в Доброслях. Учитывались и силы вновь прибывших от Гринева. Штаб фронта был недоволен: *«Выполнение задачи вы недопустимо затянули. Будете отвечать лично, Тарасов и Мачихин. 19.03.42. Курочкин»* [180].

«Огневой мешок» под Доброслями

20 марта на парашютах спустились представители Северо-Западного фронта: разведчик – майор Решетняк, авиатор – майор Степанчиков и оперативник – подполковник Латыпов. Они должны были координировать действия, поскольку в бой вступали два соединения десантников. В штабном шалаше для окончательного принятия решения о нападении на Добросли собрались представители фронта и командование обеих бригад. На картах были обозначены маршруты и боевые участки с учетом последних данных разведчиков. Штурм планировался на 22 марта.

Было принято решение отправить раненых и обмороженных в полевой лазарет на болоте, километрах в трех от которого была посадочная площадка. Охрану взяли на себя сами раненые. А лыжники стекались в леса под Добросли, до двух тысяч десантников. С запада и юго-запада деревню должны были атаковать 1-й и 2-й батальоны. С востока остальные подразделения МВДБ, а с ними и лыжники 204-й ВДБ. Со стороны Демянска прикрывать должен был 4-й батальон.

До цели похода оставалось около пяти километров, а передовые подразделения вдруг попали под огонь из засад и «кукушек». В темном лесу разгорелся настоящий бой, перемещающийся с флангов батальонов в глубину колонны. Стреляли трассирующими, и черные деревья были расцвечены разноцветными мигающими огнями. Десантники попали в «огневой мешок». Общего напора десантников на Добросли не получилось. Встречный бой распался на мелкие очажки по всей округе деревни, по берегам Чернорученки, Явони и Демянки. Рвались мины и снаряды, врытый на бугре в землю танк своим огнем срезал нападавших. Подразделения бригады Гринева следовали между Бобково, Аркадово, но попали под огонь танков, зарытых в землю, и помощи бригаде Тарасова не оказали.

Вывавшись из огневого мешка, батальоны 1-й МВДБ отошли на север от Добросли. Гринев приказа не выполнил и ушел в другой район. Представители штаба фронта и командование 1-й МВДБ не имело сведений, чем были заняты подразделения 204-й ВДБ во время боя. Посланная разведка обнаружили по берегам реки Явонь роты и взводы 204-й ВДБ и установили с ними связь.

Десантники прорываются на юг

Тарасов понимает, что взять Добросли не удастся, и принимает решение двигаться на юг «демянского котла», как и предусматривалось указаниями командования фронта. На пути десантников лежали речки Чернорученка и Явонь. Укрепил ли их немец? Явонь рассекала «демянский котел» по диаметру и была для лыжников серьезным препятствием. Крутые ее берега поросли густым кустарником и деревьями. Разведчики доложили, что южный берег Явони сильно укреплен: дзоты, танки вкопаны в землю, окопы полного профиля. Дорога вдоль Явони из Демянска в Старую Руссу содержится немцами в идеальном состоянии. По ней патрулируют бронетранспортеры, в лесистых участках располагаются заслоны в пять-семь солдат. По краям дороги снежные валы.

Батальон капитана Жука должен был нанести отвлекающий удар по Пенно, Старое Сахново и Пасеки. Когда противник увязнет в бою с Жуком, остальные силы бригады и роты 204-й должны мимо Бобкова двигаться на юг. Так и произошло. К полуночи одна рота овладела участком дороги в полкилометра длиной. Другая рота билась под Пенно. Подоспели немецкий танк и бронемашина из Малого Захода, грозя отрезать отряд Жука от района базирования на болоте Невий Мох. Потери росли. Связь по радио со штабом бригады прервалась. Небо светлело, ждали самолетов противника. А силы десантников угасали с каждой минутой. Жук понимает, что дорогу не преодолеть, и выполняет приказ комиссара Мачихина уходить в лагерь на болоте Невий Мох. Позднее наладилась радиосвязь, и комбат Жук получил подтверждение этого приказа.

После перехода дороги основные силы десантников вышли в район 3,5 км южнее Аркадова. Оттуда Тарасов докладывает штабу фронта, что в ночь с 24 на 25 марта в 21.00 атакует Игожево.

А перед боем за дорогу случилось следующее. Разведка 4-го батальона у лесной деревушки Пекахино обнаружила временную стоянку немецкой части. Были поставлены палатки, настроены шалаши и землянки. Чуть восточнее стояли хорошо оборудованные офицерские палатки с электрическим освещением. Очевидно, это был лагерь, отведенный с передовой части.

Налет десантников был дерзким и неожиданным. Горели брезентовые палатки. Вспучивались от взрывов гранат землянки. Под пулями падали полусонные гитлеровцы. Минеры подорвали пять автомашин и запасы боевого снаряжения. Была уничтожена замаскированная радиостанция и забраны продукты из офицерских палаток. По сигналу ракеты лыжники исчезли в лесу.

По приказу Тарасова Игожево штурмовали подразделения 204-й ВДБ, а 1-я МВДБ перекрыла подходы к деревне. Это было как бы искупление Гриневым вины за штурм Доброслей. Бой шел всю ночь. Противник понес очень большие потери. По воспоминаниям П.В. Шевлюк, свидетельницы боя: *«...Я как-то ночью проснулась от крика и грохота. Стрельба на Добрине, на Марьевских нивах, в займище Трошиново, на буграх. ...Они, родненькие, в белом все, на лыжах по улице, с горки, как ветром. Да палят из ружей, немчура пятится. А наши – из леса от Тараканицы, от Ользи, из Тарасова. До самого утра бой не утихал. ...Горы немцев накопили, нарубили, как дров, весь день потом машинами убрали»* [181].

По словам бывшего партизана И.Ф. Москалева – в деревне были два генерала, смотрелись оба, когда наши напали на Игожево [182].

«Валдай. Курочкину.

Вышли 3 км юго-западнее Игожево. Гринев приводится порядок после боя за Игожево. Ведем разведку Меглино, Старое Тарасово, Стар. Ладомиры, Ермаково. Движение затруднено – сильная оттепель. 25.03.42 г. Латыпов, Тарасов, Мачихин» [183].

Отходя с боем из-под Игожева, роты и взводы 204-й ВДБ разминулись с группой старших командиров, общая колонна распалась. Те, кто напал с севера, с ними и подполковник Г.З. Гринев, через Явонь ушли в старый район базирования. Остальные, во главе с комиссаром батальона Д.П. Никитиным, ушли по лыжне 1-й МВДБ к озеру Гладкому, где и соединились с батальоном капитана И.Ф. Булдыгина.

Наши летчики определили, что подразделения Гринева находятся в районе восточнее Шумилова Бора. Им была оказана помощь продовольствием, часть людей вывезена на самолетах, в том числе и легко раненный в руку Гринев.

«Валдай. Курочкину.

13.00. 26.03.42.

Выступаем исходный район. Атакуем Меглино, Старое Тарасово в 1.00. 27.03.42 г. Тарасов, Мачихин, Латыпов» [184].

По данным партизан и разведчиков бригады, в этих населенных пунктах, тщательно охраняемых гитлеровцами, склады боеприпасов, штабы тыловых частей врага. По неточным данным, там содержались и военнопленные.

Днем, накануне похода, установилась оттепель. К ночи занялась метель. Мокрый снег клещами цеплялся за лыжи. Уже на начальных километрах ребята выдохлись, перебои в питании давали о себе знать. Меглино и Тарасово были недалекоими соседями, между ними протекал ручей Тимоховка. 4-й батальон атаковал Меглино, а 3-й – Тарасово. К деревне 3-й батальон прошел с двух сторон. Бесшумно были сняты часовые, без выстрелов заняты блокгаузы. Впереди было полукилометровое поле. Немцы с опозданием почуяли неладное. Взмыли ракеты сигнальщиков. С чердака каменного дома ударил пулемет. Были захвачены дома у околицы. Минеры успели перехватить рокаду, и на минах подорвался вражеский бронетранспортер. Была перехвачена дорога на Меглино, которое штурмовали десантники 4-го батальона. Противник отступал в соседнее село Строилово, которое примыкало к Тарасово. Там была возвышенность, с которой бил по наступавшим пулемет, потери были огромные. Западная часть Тарасово была захвачена десанниками, но к Строилову, где собрались главные силы немецких гарнизонов, штабные службы и охранные подразделения, десанникам пробиться не удавалось. Бой, начавшийся за полночь 27 марта, затянулся до утра, распался на отдельные очаги и очажки. Приступом брали каждый дом и перекресток.

Паника в гарнизоне гитлеровцев постепенно улеглась. Со стороны Пеньково и Бель и с севера подоспели подкрепления: легкий танк, бронемашина. Откуда-то начала бить артиллерия, шестиствольный миномет. Выстрелы утихли лишь к утру. Уцелел штаб немецкой пехотной части, десантники не пробившись к каменному зданию, где были советские военнопленные. Когда бой закончился, немцы согнали местных жителей к силосным ямам. По словам свидетельницы событий Е.Ф. Ивановой, немецкий офицер сказал: *«похоронить русских, смелого врага надо уважать даже мертвого»*. Было захоронено около четырехсот десантников [185].

В Меглино немецкий гарнизон был расстрепан в клочья: кого убили, кого ранили, кто сам убежал из деревни. Десантники обоих батальонов уходили в лес. Прилетела «рама». Вражеский летчик корректировал огонь артиллерии и тяжелых минометов.

Быстрые финские лыжники доносили по команде, что большинство советских парашютистов уже настолько выдохлись, что почти не способны обороняться. После боя за Меглино и Старое Тарасово поредевшие батальоны вышли к озеру Гладкому, севернее Ермаково.

Неудача под Черной

Прорываться через линию фронта с имеющимся большим числом раненых было невозможно. Поэтому было принято решение: раненых, не способных передвигаться, оставить на болоте Гладкое. По согласованию с командованием фронта обе бригады начали движения на юг, к предполагаемому месту прорыва. К этому времени обстановка с питанием была катастрофическая, личный состав голодал. Маскировочные халаты пришли в негодность, стало трудно скрываться от авиации противника. Было принято решение прорываться в районе деревни Черная, так как была получена радиограмма от генерала А.С. Ксенофонтова о том, что части 130-й стрелковой дивизии наступают в том районе.

Общая атака началась в 00 часов 28 марта. И поднялся ураган. Винтовки, автоматы, пулеметы, минометы – все было пущено противником в ход. По всей видимости, воздушная и наземная разведки неприятеля засекли сосредоточения парашютистов на дальних подступах к Черной, Луневу, Корневу. Во время самого сильного обстрела был ранен комиссар А.И. Мачихин. И все же бригада не потеряла надежды на скорый выход к своим и ушла на север в ближайший лес. По словам бывшего комиссара 2-го батальона Г.И. Навалихина, в строю оставалось чуть больше тысячи бойцов

с оружием [186] .

Понимая, что прорваться через линию фронта на юг невозможно, Тарасов принимает решение двигаться к своим войскам старым путем на север. Десантники были теперь заметны с неба. Каждая просека, каждая дорога стала почти непреодолимым препятствием: засады, кочующие бронетранспортеры, патрульные группы и машины. На земле немцы применили тактику охотничьих команд. Образовали мелкие звенья автоматчиков с рациями, которые в бой, как правило, не вступали, а наводили самолеты.

У демянской дороги третий батальон, натолкнувшись на сильные укрепления, ушел в лесной массив ближе к Старым Ладомирам. Остатки 1-го батальона, связисты, саперы вместе с группой 204-й ВДБ также отошли на юго-запад, к Варыгиным хуторам. Колонна 2-го батальона, а с ней политотдельцы, медики, артминдивизион, попав под огонь шестиствольного миномета, избегая напрасных потерь, свернули на юг. Руководство группой разослало гонцов с приказом направиться в район между деревнями Аннино и Залесье.

Дольше всех бились за овладение демянской дорогой десантники 4-го батальона, ведомые комиссаром М.С. Куклиным, и разведчики. Бой затягивался. Обе стороны имели большие потери. Немцы стянули к месту прорыва силы из Аркадова, Бобкова, вызвали подмогу из Демянска и Пенно. Перевес врага стал ощутимым [187] .

По рации комиссар Ку克林 получил команду на выход из боя и задачу сосредоточиться под Аннино. И все же разведчики сумели перебраться через ледяные валы на северную сторону шоссе и вывели часть раненых и обмороженных в лагерь на болоте Невий Мох.

Главные силы группы Н.Е. Тарасова были обнаружены авиацией фронта 2 апреля 1,5–1,8 км северо и северо-восточнее Старой Ладомиры в непроходимых трущобах хвойных лесов. К этому времени в районе озера Гладкое была подготовлена посадочная площадка для приема самолетов.

Пятого апреля еще затемно в северной части болота Дивен Мох сел самолет У-2. Это в двух километрах юго-западнее деревни Аннино. Этим самолетом комиссар Мачихин был вывезен за линию фронта. Из штаба 34-й армии от генерала Мавричева пришла телеграмма, в которой был обозначен участок выхода к своим на фронте Дубецкий Бор – Пороги. И время определено: 2.00 в ночь на 8 апреля 1942 г. Командование бригады приняло решение о быстрой передислокации группы на южную оконечность болота Дивен Мох и сосредоточении там для последней атаки. Движение начали с первыми сумерками.

Прорыв через реку Пола

За понедельник, 6 апреля 1942 г., главные силы группировки десантников переместились в полосу будущего прорыва. 7 апреля отряды таились в рощицах, кустарниках, в оврагах перед речкой Полой, вблизи передней линии немецких окопов. По подсчетам штаба 1-й МВДБ, в группировке насчитывалось около тысячи лыжников обеих бригад.

А накануне была получена телеграмма из штаба фронта. Из нее следовало, что на болоте Невий Мох находится батальон Жука – здоровых 327, легко обмороженных 234, эвакуации ждут – 150.

На прорыв шли сперва двумя колоннами. Но внутри них образовались группы и группки, сводные отряды и отрядики, которые имели свою судьбу. Разведчики и лыжники 86-й стрелковой бригады и 258-го лыжного батальона Южной группы войск в ночь на 8 апреля завязали бой с врагом для оказания помощи выходившим из тыла десанникам. Именно шум того боя ободрял десантников, когда они форсировали Полу. Ночная атака ошеломила врага, разорвала и смешала оборону. Десантники уходили от врага, поднимаясь крутым обрывом на левый берег Полы. И тут завертелась железная вьюга, взбесились вражеские минометы и орудия, площади были пристреляны немцами заранее. Многие погибли, часть десантников, прикрывавших переход, прорваться к своим не смогла. Комбриг Н.Е. Тарасов, будучи ранен, попал в плен. По имеющимся данным, из тысячи человек, участвовавших в прорыве у Волбовичей, вырваться сумели около четырехсот тридцати человек.

Еще некоторое время в распоряжении наших войск выходили отдельные десантники и даже мелкие группы. По их данным, 22 апреля была укомплектована группа из разведчиков 130-й стрелковой дивизии. По указанным им ориентирам группа вышла в район Игожево. Более ста пятидесяти трупов было найдено там, где надеялись встретить живых. Немцы не щадили

десантников.

Часть бойцов 1-го батальона под командованием капитана И. Жука, по приказу ушедшие на север после боя на демянской дороге, взяла под охрану лесной лагерь раненых на болоте Невий Мох. С 16 марта по 6 апреля летчики ГВФ вывезли 539 десантников с оружием. Неоднократные попытки немцев разгромить лагерь были отбиты. Когда распутица сделала невозможной посадку самолетов, лагерь был свернут, и капитан Жук вывел раненых и обмороженных в расположение 202-й стрелковой дивизии. Это случилось на рассвете 14 апреля 1942 г. Вышли так тихо и скрытно, что никто не заметил. Демянские леса научили. Группа насчитывала несколько сотен человек – остатки бригады [188].

На фоне всего происходившего какова судьба 2-й маневренной воздушно-десантной бригады? По некоторым данным, две роты бригады Гринева после неудачной попытки прорыва через Полометь присоединились к 2-й МВДБ. Эта группа двинулась в сторону Лычкова, обходя вражеский гарнизон в Дедно. К вечеру 13 марта они сосредоточились недалеко от Заболотья. В деревне находились тыловые подразделения 30-й пехотной дивизии немцев и штаб одного из ее пехотных полков. 4-й батальон остался на месте в долине реки Поломети с задачей оказания помощи раненым и их охраны. Остальные батальоны приготовились к атаке Заболотья и затем деревни Горелое Березно, нацеливаясь на железную дорогу между станциями Лычково и Кневицы.

Неожиданно для десантников вечером 17 марта они попали под артиллерийский обстрел. Погибло около 100 человек. 18 марта в 18.45 десантники повели наступление на район железной дороги Лычково – Кневицы. Атака немцами была отражена. Только под Заболотьем потери десантников составили (по данным немцев) не менее 200 человек.

Через 5 дней 2-я МВДБ атаковала поселок Лычково. В результате упорного двенадцатичасового боя часть поселка была захвачена. Потери были огромны. К концу дня 23 марта 2-й батальон МВДБ потерял около 400 человек из 580. Подтянув мобильные резервы, немцы выбили десантников из поселка и удержали станцию.

Глава 14 БОРЬБА ЗА «КОРИДОР»

Немцы готовят «Забортный трап» и «Наведение мостов»

20 февраля, через двенадцать дней после того, как замкнулось кольцо окружения, граф Брокдорф-Алефельд велел зачитать всем оказавшимся в окружении свой необычный приказ. Необычный потому, что в нем солдатам и офицерам не просто предписывается делать то-то и то-то, но также разъясняются обстоятельства и причины, побудившие командира отдать тот, а не иной приказ:

«Пользуясь преимуществами, которые дали ему наиболее холодные зимние месяцы, противник перешел по льду озеро Ильмень, непроходимую в теплое время года заболоченную дельту реки Ловать и долины узких речек Пола, Редья и Полисть, а также другие водные преграды и появился позади 2-го корпуса и его тыловых коммуникаций. Долины рек образуют часть обширного болотистого низменного района, который, как только начинается таяние снегов, покрывается водой и становится совершенно непроходимым даже для пеших людей. Любое движение транспорта противника, особенно доставка грузов, станет совершенно невозможным.

Снабжение русских в сырое время года, весной, будет осуществляться только по главным дорогам с твердым покрытием. Однако перекрестки этих дорог – Холм, Старая Русса и Демянск – прочно удерживает немецкая армия. Более того, в руках шести закаленных в боях дивизий корпуса находятся все господствующие высоты в данном районе. Поэтому численно превосходящий нас противник без снабжения не сможет весной держаться на топких низинах.

Следовательно, необходимо удерживать транспортные развязки и высоты вокруг Демянска до весенней распутицы. Рано или поздно русским придется отказаться от своих планов и оставить позиции, особенно принимая во внимание то, что крупные силы немецких войск будут атаковать их с запада» [189].

Приказ доводился с целью вселить надежду и уверенность окруженным солдатам и офицерам, что положение их небезнадежное и придет с запада помощь. Что и случилось.

Командование 16-й армии приняло решение специально выделить свежие части для штурма

советских позиций, отделяющие ее от «демянского котла». Впервые идея и сроки проведения деблокирующего удара появились в дневнике Ф. Гальдера 2 марта: *«Наступление в районе Старой Руссы осуществить в период 13–16.3! План наступления пока неясен. Мне кажется, здесь необходимо прежде всего установить связь с 2-м армейским корпусом, а затем уже овладеть шоссейной дорогой Старая Русса – Демянск»*.

Уже 3 марта 1942 г. для облегчения управления ударными группировками были созданы так называемые «корпусные группы». Они должны были наступать навстречу друг другу изнутри и снаружи «демянского котла». Группу, которая должна была наносить деблокирующий удар, возглавил генерал-лейтенант Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах. До этого он командовал 12-й пехотной дивизией, наряду с другими соединениями попавшей в «демянский котел». В данный момент он находился в резерве Главного командования.

Он считался энергичным и решительным командиром с большим практическим опытом, воплощавшим в себе «лучшие традиции прусского и германского офицерства». Судьбой было определено, что вскоре он окажется внутри «сталинградского котла» и будет ждать помощи извне. Но это отдельная тема.

Внутри «котла» с аналогичными целями был создан штаб «группы Цорна». Генерал-майор Цорн командовал 20-й моторизированной дивизией и был направлен в район Демянска специально для организации корпусной группы. Части этой группы должны были прорвать «демянский котел» изнутри – операция «Забортный трап». Приказом командира 2-го корпуса было предписано, что каждое из находившихся в «котле» воинских подразделений должно сформировать особые ударные батальоны и ударные роты, которые будут представлены в распоряжение генерала Цорна. Особая нагрузка по прорыву блокады изнутри легла на остатки дивизии «Мертвая голова».

Немецкий расчет готовит орудие к бою

В окончательном виде задачу своей группы фон Зейдлиц получил 9 марта 1942 г. от штаба 10-го армейского корпуса. В состав его группы вошли 5-я и 8-я легкопехотные, 329-я и 122-я пехотные дивизии, 206-й горноегерский полк 7-й горнострелковой дивизии, 3 артиллерийских полка РГК и 203-й танковый полк. Танки планировалось применять в не совсем обычном для немцев стиле – в качестве непосредственной поддержки пехоты. Всего группа насчитывала 52 пехотных батальона, 24 артиллерийских дивизиона, 1400 пулеметов, 34 тысячи человек. В ходе операции она была усилена частями 18-й моторизированной и 81-й пехотной дивизий. С воздуха поддержку обеспечивал 1-й воздушный флот силами 130 бомбардировщиков и 80 истребителей. Так как группа

Зейдлица должна была действовать как можно плотнее с правым соседом – полевой бригадой Люфтваффе Мейндля (позднее 21-я полевая дивизия Люфтваффе), образовалась брешь, удобная для партизанских отрядов. Для борьбы с ними был создан полк охраны под командованием полковника Майера. 290-й противотанковый дивизион, 290-й разведэскадрон, 1-й батальон полевого полка Люфтваффе, 5-й мотоциклетный батальон, батальон и егерские подразделения 10-го армейского корпуса, в целом 20 офицеров и 364 рядовых, сформировали полк, который в последующие недели вел тяжелые бои в заболоченном лесу.

Локомотив узкоколейной железной дороги после бомбового удара

Немецкий план операции «Наведение мостов» предусматривал, что две легкопехотные дивизии прямым ударом на восток, преодолевая лесистую местность в междуречье Порусьи, Редьи и Ловати, должны были выйти к Кобылкино. На Ловати планировалось соединиться с группой Цорна, наступающей изнутри «котла». Операция должна быть закончена еще до начала снеготаяния, иначе наступление в более поздние сроки неизбежно захлебнулось бы в грязи распутицы. Будучи не в состоянии сорвать сосредоточение войск врага, генерал Кузнецов искал возможность хотя бы ослабить его. С этой целью было решено использовать армейскую авиацию для нанесения бомбовых ударов по скоплению пехоты, артиллерии и танков западнее и юго-западнее Ивановского (12 км юго-западнее Старой Руссы).

Каждый вечер начиная с 18 марта 707-й и 710-й полки перелетали с полевого аэродрома Сельцо (100 км к востоку от Старой Руссы) на аэродром подскока Ожедово (5 км от переднего края). Здесь самолеты загружались бомбами и вылетали на бомбардировку, а к рассвету возвращались в Сельцо. В течение ночи каждый экипаж делал до 15 вылетов.

Удар группы «Зейдлиц»

Однако время было упущено. Накануне наступления, с утра 20 марта, авиация противника начала интенсивные бомбардировки правофланговых соединений 1-й ударной армии и левофланговых частей 11-й армии, сделав за день до 400 самолето-вылетов. И в этот же день вражеская артиллерия нанесла по нашим позициям два мощных огневых налета. В 9 часов 21 марта на левофланговую 46-ю стрелковую бригаду 11-й армии и правофланговые соединения 1-й ударной армии – 254-ю дивизию, 50, 84 и 2-ю гвардейские бригады на участке восточнее Утушкино и южнее вдруг обрушился удар до 100 самолетов и свыше 300 орудий и минометов. Ударная группа Зейдлица

перешла в наступление. Для генерала Кузнецова и его войск началась почти полуторамесячная тяжелая оборонительная операция.

В результате вражеского удара наши части понесли большие потери, система обороны была подавлена, связь и управление нарушены. Вслед за огневым налетом противник перешел в атаку силами до 3–4 пехотных полков 8-й легкопехотной и 329-й пехотных дивизий с 20–25 танками. На остальных участках фронта наши войска были скованы ударами авиации и артиллерийским огнем. К исходу дня правофланговые соединения вынуждены были отойти на 4–6 км к реке Порусье на участке Ариново – Подцепочье. 201-я латышская дивизия, отразив атаки 329-й пехотной дивизии, удерживала свои позиции.

Генерал Кузнецов решил с утра 22 марта ввести в бой 62-ю и 44-ю стрелковые бригады и два полка 364-й стрелковой дивизии, чтобы восстановить утраченное положение. Однако противник вновь опередил.

С раннего утра после сильных ударов авиации и артиллерии группа Зейдлица возобновила наступление. В течение дня над полем боя непрерывно висели группы по 40–50 бомбардировщиков. Ежедневно авиация противника совершала до 1000–1500 самолето-пролетов. Наших же самолетов было в 5 раз меньше.

А на земле стоял непрерывный грохот от разрыва бомб, снарядов, мин. Отражая атаки, бойцы целыми днями вынуждены были лежать в снегу. Из-за плотного пулеметного огня, как говорится, нельзя было поднять головы. Действительно, медики отмечали большое количество раненых именно в голову. Многие легкораненые умирали в своих окопчиках не столько от ранений, сколько от переохлаждения. Ряды бойцов таяли. Из тылов и госпиталей всех, кого было можно, направляли в роты. Командарм вынужден был лично заниматься распределением каждого пулемета и миномета, поскольку на складах армии их оставалось единицы. Фронт также не имел своих запасов оружия.

22 марта, потеснив подразделения 84-й бригады генерал-майора М.Е. Козыря, в которой осталась всего пятая часть личного состава и были уничтожены все орудия и станковые пулеметы, части 8-й легкопехотной дивизии форсировали Порусью и захватили плацдарм в районе Ново-Свинухово. Введенная в бой 62-я стрелковая бригада полковника В.М. Рогова остановила продвижение противника. Бывший ее военком полковник Д.И. Бессер вспоминал потом: *«Ночью заняли в лесу оборону. А утром фашисты пошли в атаку. Против батальона капитана Кузьмы Романовича Ермашкевича (кадровый моряк, бывший преподаватель учебного заведения), они бросили танки и более трех батальонов пехоты. Целый день длился неравный бой. Моряки не отошли. В этом бою героически погиб отважный комбриг. Четверо суток бригада удерживала рубеж на реке Порусьи»*.

24 марта части 5-й легкопехотной дивизии также форсировали Порусью, потеснили на 1,5–2 км 254-ю стрелковую дивизию и 50-ю стрелковую бригаду, овладев Пенно, Марфино и Нагаткино [190]. Одновременно с плацдарма у Ново-Свинухово 8-я легкопехотная дивизия нанесла удар в направлении Шапкино (5 км юго-восточнее Ново-Свинухово). Сильно ослабленные подразделения 2-й гвардейской стрелковой бригады, проявляя исключительный героизм, отражали атаки врага. У деревни Маврино враг прижал к берегу Порусьи батарею противотанковых орудий под командованием лейтенанта А.Е. Кириллова. В течение двух дней батарея вела неравный бой. Людей оставалось совсем немного, были на исходе снаряды. Выстрелы становились все реже, а затем сменились ружейной стрельбой. Только на четвертый день все стихло. Гвардейцы не отошли со своей позиции, предпочитая смерть отступлению [191].

24 марта на командный пункт армии для непосредственного руководства боевыми действиями прибыл генерал П.А. Курочкин. Он потребовал от командиров и комиссаров дивизий и бригад стойко удерживать рубежи, железной рукой навести порядок, подготовить части к наступлению и полному восстановлению положения. По его указанию 1-й ударной армии переподчинялись: 180-я стрелковая дивизия полковника И.И. Миссана, из 34-й армии 26-я стрелковая дивизия полковника К.Г. Черепанова, из резерва фронта спешно перебрасывалась 204-я воздушно-десантная бригада (без одного батальона, участвовавшего в десантной операции в «котле» совместно с 1-й маневренной воздушно-десантной бригадой. – *Прим. авт.*). Для прикрытия с воздуха привлекалось более половины авиации фронта и 111-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Командующий фронтом приказал генералам Морозову и Кузнецову подготовить контрудар с целью срезать клин, вбитый противником встык армий.

Но удержать рубеж по реке Порусье не удалось. Генерал Кузнецов вынужден был дать приказ на отход войск на рубеж реки Редья, чтобы там остановить врага. Восточнее Ново-Свинухово противник окружил части 44-й стрелковой бригады, до которой приказ об отходе не дошел. Однако в ночь на 28 марта остатки бригады вырвались из окружения на восточный берег Редьи, сохранив оружие и вынеся раненых. При переходе через реку погибли командир бригады полковник Г.П. Шишмарев и начальник штаба майор Р.Г. Писарев [192].

Прикрывая отход пехоты, до последнего дрались танкисты 190-го батальона майора Татура. К исходу 25 марта в батальоне оставалось всего две боевые машины. В этом бою отличился командир танка старший сержант А.Г. Михайлов. Ведя огонь из засад, он в районе Ново-Свинухово уничтожил три танка и до роты пехоты противника, за что был награжден орденом Красной Звезды [193].

Преодолевая упорное сопротивление советских войск, группа Зейдлица продолжала развивать наступление. 25 марта части 5-й и 8-й легкопехотных дивизий вышли на западный берег Редьи от Дмитрово до Шапкино и с ходу форсировали ее в районе Больших Горбов. Сюда спешно выдвигалась 180-я стрелковая дивизия. Вот что вспоминает бывший командир этой дивизии И.И. Миссан: *«Части дивизии вели наступление на Васильевщину. Однако, не дойдя до нее, я получил приказ о переходе в 34-ю армию. Ночью в пургу полки дивизии совершили 50-километровый марш на восток в район Беглово. На другой день, 21 марта, по телефону получил личное распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерал-лейтенанта П. Курочкина вернуть дивизию назад в 11-ю армию. Опять 50-километровый марш в обратном направлении.*

Но время было потеряно. Противник начал бои за «коридор». Дивизия уже не могла оседлать дорогу на Демянск и Старую Руссу. 21-й полк одним батальоном с ходу занял оборону в районе деревень Большие и Малые Горбы. 42-й и 86-й полки встали в оборону вдоль шоссе Старая Русса – Рамушево. Правый фланг обороны упирался в ручей Гусениц, впадающий у Рамушево в реку Ловать. Один дивизион 627-го арtpолка и все тыловые подразделения дивизии перейти через шоссе Старая Русса – Рамушево не успели и оказались отрезанными» [194].

Попытки дивизии Миссана отбросить противника на западный берег Редьи не удалось. В этот критический момент по приказу генерала Кузнецова из разрозненных групп, державших оборону, был создан отряд под командованием генерал-майора Н.Д. Захватаева. Он лично собрал 100 человек из 62-й морской стрелковой бригады, 50 – из 2-й гвардейской стрелковой бригады, 70 – из 180-й стрелковой дивизии, 7 орудий, 2 танкетки, 3 броневика.

Встретив организованное сопротивление в районе Борисово (Язвы) частей 26-й стрелковой дивизии и 204-й воздушно-десантной бригады, а южнее – подразделений группы Захватаева, противник нанес удар 26 марта вдоль западного берега Редьи в стык между 180-й и 364-й стрелковыми дивизиями. Брошенный последний резерв генерала Кузнецова – курсы младших лейтенантов – не спас положение. Части 8-й легкопехотной дивизии перерезали основной армейский путь подвоза и эвакуации, овладев Великим Селом и Онуфриевом. Все попытки отбросить противника, предпринятые 26 марта – 9 апреля силами 26-й и 180-й стрелковых дивизий и переданных в состав 1-й ударной армии 15,27,116 и 121-й стрелковых бригад, включенных в группу Захватаева, усиленных 149-м танковым батальоном (пять Т-34) 69-й танковой бригады, двумя дивизионами гвардейских минометов, 264-м артиллерийским полком, успехом не увенчались. Совместные удары 11-й и 1-й ударной армии по флангам группы Зейдлица также результата не дали.

Река Ловатъ около деревни Рамушево

Но и противник не смог расширить прорыв в южном направлении вдоль шоссе Старая Русса – Холм. 201-я латышская стрелковая и 364-я сибирская стрелковая дивизии стойко удерживали свои позиции и неоднократно предпринимали контратаки. Особенно упорны были бои в районе Чернышова. 26 марта враг ворвался на позицию 3-го батальона 1216-го стрелкового полка 364-й стрелковой дивизии. Командир полка подполковник П.И. Ковалев бросил в контратаку свой последний резерв – взвод пешей разведки под командованием лейтенанта А.А. Граховского. Взвод отбросил противника, захватив двух пленных. Граховский был ранен, но не ушел в медсанбат: противник начинал шестую атаку за день. Граховский, заменив погибший пулеметный расчет, расстреливал в упор гитлеровцев. Он снова был ранен, но назревала новая атака, и он не ушел с переднего края. Вражеская атака снова была отражена, противник откатился назад. Граховский снова был ранен, на этот раз смертельно. Командующий фронтом 30 марта в целях удобства управления войсками передал из 1-й ударной в подчинение 11-й армии 26-ю и 180-ю стрелковые дивизии, 2-ю гвардейскую, 50-ю стрелковую, 62-ю и 84-ю морские стрелковые бригады, которые составляли ее первоначальную основу и сыграли важную роль в сражениях под Москвой. Эти соединения образовали группу под командованием генерала Миссана. Она вместе с группой генерала Захватаева оказала противнику упорное сопротивление. Это вынудило генерала Зейдлица-Курцбаха нанести удар в обход этой группировки.

Удар врага в полосе 11-й армии

1 апреля части 5-й легкопехотной дивизии нанесли неожиданный удар в полосе 11-й армии и прорвались на шоссе Старая Русса – Рамушево в районе Борисово (Язвы). Тем самым была создана угроза тылам главных сил 11-й армии в районе Старой Руссы. Командир 254-й стрелковой дивизии полковник П.Ф. Батицкий сумел быстро перебросить в район Сычево на шоссе к Рамушеву свой последний резерв – учебную команду и успешно вышедший из окружения западнее Аридино 929-й стрелковый полк. Враг не ожидал встретить здесь сопротивление и вынужден был остановиться. На следующий день оборону 254-й стрелковой дивизии в Сычево уже атаковала дополнительно подошедшая из резерва 122-я немецкая пехотная дивизия, но безуспешно. Наши позиции были

усилены из резерва армии 85-м танковым батальоном и 27-м гвардейским минометным полком. Такие же результаты имели и части 18-й моторизированной дивизии, сменившие обессиленную 122-ю. Трое суток длились тяжелейшие бои. В последующем на рубеже Пенно – Сычево – Давыдово 254-я стрелковая дивизия стала неприступным щитом для противника. В бою за Борисово шагнул в бессмертие рядовой 349-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии М.В. Межов, своим телом закрывший амбразуру вражеского дзота. Он был посмертно награжден орденом Ленина и навечно занесен в списки полка.

В полосе 1-й ударной армии части 8-й легкопехотной дивизии прорвали оборону на стыке между 364-й и 201-й стрелковыми дивизиями и вышли на рубеж Соколово – Воскресенское. Для локализации этого прорыва на рубеж Чернышово – Сущево – Соколово была выдвинута 129-я стрелковая дивизия, снятая с неатакованного центра армии.

Прорыв противника на правом фланге 1-й ударной армии поставил 201-ю латышскую стрелковую дивизию, продолжавшую удерживать свои позиции на реках Полисть и Холынья, в тяжелое положение. Для прикрытия фланга и тыла командиру дивизии полковнику А.С. Фролову, заменившему раненого генерала Я.Я. Вейкина, пришлось ввести в бой специальные подразделения. Они в течение почти десяти суток ежедневно отражали по несколько атак противника. Им удалось подбить несколько танков [195].

Особенно тяжело пришлось правифланговому 92-му стрелковому полку, который атаковал части 329-й немецкой пехотной дивизии. После гибели командира полка полковника Л.П. Кириллова командование принял на себя комиссар полка Я. Пиясис. Его умелые действия не позволили противнику заставить отступить полк с занимаемых позиций. В этих боях особенно отличился командир 2-й роты младший лейтенант Я.В. Вилхелмс. Будучи хорошим снайпером, он довел свой боевой счет, начатый под Москвой, до 116 гитлеровцев [196].

21 июля 1942 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После вручения награды он был принят И.В. Сталиным.

Несмотря на нехватку боеприпасов, артиллеристы наносили врагу чувствительный урон. Командир дивизиона майор К.А. Даудиньш во время посещения армии делегацией Монгольской Народной Республики был награжден монгольским орденом Боевого Красного Знамени.

Прорыв противника в районе Соколово еще более осложнил положение дивизии. 2 апреля генерал Кузнецов решил отвести 201-ю стрелковую дивизию на одну линию с обороняющейся правее 364-й стрелковой дивизией, поскольку дальнейшая оборона по Холынье и Полисти теряла смысл и грозила окружением [197]. Отрыв от противника и отход (4–6 апреля) был осуществлен настолько умело, что противник обнаружил это только через два дня.

5 апреля группа Зейдлица нанесла очередной удар. Части 8-й легкопехотной дивизии, усиленные горнострелковым полком 7-й горнострелковой дивизии, попытались прорваться к Ловати по кратчайшему пути, вдоль дороги Онуфриево – Черенчицы (4 км южнее Рамушево). В жестоком трехдневном бою группа генерала Захватаева сорвала вражеский удар. Остатки егерей были отброшены за Редью. По свидетельству генерала Зейдлица, егеря потеряли 2500 человек. 5 апреля убит командир 62-й морской стрелковой бригады полковник В.М. Рогов и смертельно ранен командир 2-й гвардейской стрелковой бригады полковник Я.П. Безверхов.

Неудача прорыва к Ловати вынудила противника приостановить наступление по всему фронту. Наступившая оттепель, пасмурная погода и туманы исключали применение авиации. В боевых действиях наступила 10-дневная пауза. И наши, и войска противника использовали эту передышку для приведения в порядок войск, оборудования позиций и пополнения материальных средств.

На правый фланг 1-й ударной армии на острие вражеского вклинения по указанию Ставки 13–16 апреля была переброшена 397-я стрелковая дивизия полковника К.Т. Ильина. По решению генерала Кузнецова туда же были направлены 41-я и 47-я стрелковые бригады. Однако пополнить личным составом и вооружением части первого эшелона не представлялось возможным. По-прежнему не хватало боеприпасов, было мало танков, авиации, не хватало средств ПВО.

Трудности снабжения. Воздушный мост

Не смогли войска укрепить свои позиции в инженерном отношении. Талая вода заливала стрелковые ячейки, окопы, блиндажи. У бойцов шинели, валенки насквозь промокли, от

переохлаждения опухали ноги, руки, многие болели воспалением легких, гриппом. Пополнить запасы материальных средств не удалось, так как пути снабжения с 26 марта оказались в зоне боевых действий. Нормальное движение по ним стало почти невозможным не только из-за ударов авиации, но и корректируемого огня артиллерии. С 4 апреля вместо станции Любница была определена новая станция снабжения – Осташков на железной дороге Бологое – Великие Луки. Новый тыловой район был совершенно не оборудован. Здесь среди лесов, болот, рек и речушек не было ни одной шоссейной или хотя бы улучшенной фронтальной и рокадной дороги. Таяние снегов разрушило зимники, и весь район северо-западнее Осташкова с низкими абсолютными высотами, мягкими торфянистыми почвами стал, по сути дела, недоступным для любого вида транспорта. Все автомобили, трактора встали, войска перестали получать боеприпасы, продовольствие, фураж. Все немногочисленные инженерные части и местное население прокладывали лежневки. Суточная норма расхода боеприпасов, установленная в 1-й ударной армии, составила 5 патронов на винтовку, 50 патронов на пулемет, 5 снарядов на орудие полковой артиллерии. Как вспоминает начальник штаба 129-й стрелковой дивизии, вся ее артиллерия могла расходовать только 18 снарядов в сутки, и то лишь в случае крайней необходимости. Не выдерживали отощавшие за зиму лошади. Ежедневно от каждого батальона снималась одна из рот или создавалась сборная команда, которая направлялась за 30–40 км на дивизионные склады. Люди слабели. Продуктовый паек сокращался.

Весьма показателен такой случай. Генерал И.Д. Захватаев наградил медалью «За боевые заслуги» бойца за то, что тот принес на себе суточный паек сухарей на взвод.

Для улучшения обеспечения продовольствием Ставка ВГК 15 апреля направила в распоряжение генерала П.И. Курочкина 15 самолетов ТБ-3 из состава авиации дальнего действия и 8 самолетов ПС-84 от Гражданского флота [198].

Однако в полосе не было не только аэродромов, но даже пригодных для посадки площадок. Несколько полянок, расчищенных от кустарников, с полуболотным грунтом раскисли, и самолеты приземлялись на них похожие на мух, сающихся на лист клейкой бумаги. К доставке грузов были привлечены авиаполки, вошедшие в состав 53-й и 62-й авиадивизий АДД. Доставка осуществлялась челночными рейсами с 16 апреля. Загруженные ТБ-3 взлетали с аэродрома Монино. На участке маршрута от станции Пола до места выброски пролетали на высоте 1000–1200 м по узкому коридору шириной 10–15 км, не раз подвергаясь обстрелам немецкими войсками, расположенными по обе стороны коридора. Прибыв к цели, самолеты снижались до высоты 150–200 м и выбрасывали груз в мешках с парашютной подвеской по выложенным сигналам из костров. Без парашютов груз сбрасывался с высоты 20–50 м. Иногда груз приходил в упаковке из высокопрочной бумаги: конструкторы и в военное время искали пути удешевления десантных операций. Посадку самолеты совершали на аэродроме подскока Хотилово. Заправлялись, загружались и вылетали вторично той же ночью. На аэродром возвращались уже с рассветом следующего дня.

Вспоминает Л.Н. Агеев, штурман самолета ТБ-3 79-го АП: *«Снимали створки бомболюков, перекрывали проем веревками крест-накрест и на эту «сетку» наваливали мешки с продовольствием. Бортмеханик С.И. Бокун и его помощник Костя Голубев в полете вставляли у проема с ножами наготове. Как только подлетали к точке выброса, по моему сигналу они разрезали веревки, и весь груз летел вниз. Только после расчистки в районе Поддоря площадки для полевого аэродрома положение несколько улучшилось. Самолеты, в том числе «дугласы» и четырехмоторные ТБ-3, стали прилетать большими группами, иногда до 60 машин за ночь. Авиация помогла армии продержаться до конца мая, когда стало возможным использование наземных коммуникаций».*

20 апреля группа Зейдлица возобновила наступление, нанеся главный удар по войскам 11-й армии в направлении Борисово (Язвы), Рамушево. Ценой больших потерь противнику 21 апреля удалось выйти на берег Ловати.

Удар группы Эйке

Операция «Забортный трап» началась на рассвете 14 апреля. В состав группы Эйке входили части дивизии СС «Мертвая голова» и штурмовой полк 2-го армейского корпуса (полковник Ильген, позднее подполковник фон Борриз). Для формирования полка было взято по одному батальону из 12, 30 и 290-й пехотных дивизий, пятого мотоциклетно-стрелкового батальона и батальона 32-й

пехотной дивизии. К этой группе относилась и боевая батарея эсэсовской дивизии, занимавшей позицию западнее Васильевщины. Командовал этими подразделениями обергруппенфюрер СС Эйке.

Им противостояли войска 1-го гвардейского стрелкового корпуса, боевые позиции которого протянулись от «балкона» до восточного берега Ловати. Южнее дороги Васильевщина – Омычкино оборону держали 52-я стрелковая бригада полковника Гузенко и, левее ее, 74-я отдельная морская стрелковая бригада полковника С.В. Лишенкова.

С рассвета и до 11.00 14 апреля авиация противника бомбила боевые порядки обеих бригад. «Штуки» шли группами до 15 самолетов. Наземные силы немцев вели себя спокойно по отношению к нашим частям, что дало возможность бойцам во время бомбежки находиться в укрытиях на своих позициях. После окончания авианалета немецкие подразделения пошли вперед двумя группами. Первая боевая группа отправилась от Учно на север, западнее Васильевщины, чтобы выйти на шоссе Бяково – Васильевщина. Вторая группа должна была захватить мост через приток Старовской Робьи западнее Бякова, но за 50 м перед противником наши саперы мост взорвали. Батальон 290-й пехотной дивизии наступал из Июдкино на северо-запад.

Места непроходимые, везде вода. Саперы построили плот, который унесло течением. К вечеру 14 апреля солдатам немецких ударных групп не удалось достичь русских окопов. Как говорили сами немцы: «*Успехов мало*» [199].

Из боевого донесения командира 52-й стрелковой бригады:

...

«15.04.42 г. ...74 ОСБр, не выдержав наступления противника из направления Учны на Моклаково, своим правым флангом начала откатываться на Бяково...

Противник силами не менее стрелкового полка, при поддержке 4 тяжелых минбатарей, тяжелой артиллерии, 2 танков, бомбардировочной и штурмовой авиации в течение всего дня (15 апреля) атаковал боевые порядки бригады, нанося главный удар на Закорытно со стороны Июдкино и на Бяково, со стороны отметки 30.6. Части бригады отбили 4 атаки и, потеряв почти весь людской состав и матчасть от огня противника, не выдержав 5-й атаки, без моего разрешения отошли на рубеж: отм. 29.5, 30.4, опушка леса 700 м с/х Бяково. Обещанная помощь в лице 363 ПБ и танков к исходу дня (15 апреля) не подошла. К этому времени бригада имела по 6–12 бойцов в батальонах и 321 ПБ с 6-ю станковыми пулеметами».

В течение 14, 15 и 16 апреля 1942 г. шли бои на дороге Бяково – Васильевщина. К исходу 16 апреля противник занял Бяково и Закорытно. В оборонительном бою 17 апреля в районе северо-западнее Бяково действовали два танка 103-го танкового батальона. Два танка противника были ими уничтожены, но, получив средние повреждения и потери в личном составе, наши танки были вынуждены выйти из боя.

Рано утром 18 апреля немецкая авиация проводит массированные бомбардировки наших боевых порядков. Противник медленно продвигался на запад к Ловати. Бои на этом направлении продолжались и 19 апреля. В течение 20 апреля противник продолжал наступление. После сильной артподготовки и налета авиации в 13.00 он ввел свежие силы – до батальона автоматчиков и один танк – и повел наступление на Омычкино. К исходу дня эсэсовцы захватили деревню.

52-я отдельная стрелковая бригада, имея большие потери в живой силе, совместно с другими частями данного участка фронта отошла на новый рубеж, что северо-западнее Омычкино на 400–500 м. Взяв деревню, немцы столкнулись с новой трудностью: Ловать разлилась настолько, что переправиться на ее западный берег было невозможно. Вечером 20 апреля на дороге Омычкино – Новое Рамушево под прицельный огонь нашей артиллерии с западного берега Ловати попала колонна эсэсовцев. К исходу 20 апреля после жестокого боя противник захватил село Новое Рамушево. Ночью 21 апреля батальон эсэсовцев получил подкрепление – 70 саперов. Бой продолжался до утра, село поыхало, зарево пожара было видно издалека. 21 апреля, когда стало смеркаться, на западном берегу было замечено какое-то движение. Немецкие боевые группы воссоединились в 18 часов 30 минут. 28 апреля наши части вынуждены были оставить Александровку, а на следующий день противник захватил Присморжье.

Полк фон Борриза стал расширять плацдарм на восточном берегу Ловати. Батальон из состава

30-й пехотной дивизии вел бои в местных лесах до 25 апреля, неся тяжелые потери. Под конец боев в батальоне насчитывалось 4 офицера, 9 унтер-офицеров и лишь 69 солдат. 26 апреля саперы и связисты из боевой группы Зейдлица смогли наладить проводную связь со штабом полка фон Борриза. В тот же день на плотях стали переправлять раненых. Тем временам на западном берегу Ловати батальоны из состава 5-й легкопехотной дивизии старались расширить плацдарм на север. Немцы хотели сохранить во что бы то ни стало пробитый в Демянск «коридор».

1 мая 1942 г. в 13.35 генерал Зейдлиц-Курцбах смог провести телефонный разговор со штабом 2-го армейского корпуса. В тот же самый день генерал-лейтенант Цорн, руководивший операцией «Заборотный трап», переправился на западный берег Ловати.

Глава 15 ПЕРЕД ЛЕТНИМ НАСТУПЛЕНИЕМ

Беспокойство Ставки

После соединения старорусской группировки с демянской линия фронта напоминала собой кувшин, придавленный с боков, с горлышком – «рамушевским коридором», вытянувшимся на запад к старорусской группировке. Противник стремился любой ценой сохранить демянскую группировку, называя ее «пистолетом, направленным в сердце России». 16-я армия, глубоко вклинившаяся в расположение фронта, создавала угрозу прорыва в тыл Калининского фронта. Между демянской и ржевской группировками врага находилась почти половина войск Северо-Западного фронта и весь Калининский фронт. Противник при благоприятном развитии событий мог двинуть в наступление демянскую и ржевскую группировки и попытаться окружить войска, развивая наступление севернее Москвы, на восток. Видимо, исходя из этих соображений, Гитлер приказал командующему 16-й армии сохранить демянскую группировку. Генерал-лейтенант фон Зейдлиц-Курцбах в своих воспоминаниях отмечал, что в районе Демянска немцы потеряли только убитыми около 90 тысяч человек. Рамушевскую горловину демянского «мешка» вражеские солдаты прозвали «коридором смерти».

21 апреля по указанию командующего фронтом была создана оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом В.З. Романовским (1-й гвардейский стрелковый корпус, 391-я стрелковая дивизия, 37-я и 45-я стрелковые бригады, 589-й и 573-й легкие, 37-й гвардейский артиллерийские полки и четыре дивизиона гвардейских минометов). Она должна была совместно с 11-й армией встречным ударом разгромить группу обергруппенфюрера СС Эйке и вновь замкнуть окружение демянской группировки.

Правый фланг 1-й ударной армии разворачивался к северу и вытягивался на восток. Протяженность фронта с учетом полосы 1-го гвардейского стрелкового корпуса достигала почти 170 км.

Группа войск генерала Н.Д. Захватаева, отражая ожесточенные атаки противника на западном берегу Ловати, буквально истекала кровью. К концу апреля в 44-й стрелковой бригаде оставалось всего 52 человека, в 41, 116, 27 и 47-й стрелковых бригадах соответственно 50, 115, 150 и 44 человека [200].

Генерал Кузнецов был вынужден перебросить в этот район 397-ю стрелковую дивизию и два полка 129-й стрелковой дивизии.

Ставку ВГК весьма беспокоило складывающееся на Северо-Западном фронте положение. В связи с этим сюда прибыл представитель Ставки генерал-полковник А.М. Василевский и сразу же посетил войска 11-й и 1-й ударной армий, на месте решая вопросы использования сил и средств. По его указанию в состав 1-й ударной армии из резерва фронта была вновь передана 180-я стрелковая дивизия, а с 23 апреля включился также 1-й гвардейский стрелковый корпус (7-я гвардейская стрелковая дивизия, 14, 42, 154-я стрелковые бригады) со всеми средствами усиления и полосами обороны. Кроме того, из Калининского фронта передавались 391-я стрелковая дивизия и 37-я и 45-я стрелковые бригады. Но помощь была относительной, поскольку передаваемые соединения были сильно ослаблены в предыдущих боях [201].

В первых числах мая полуторамесячная оборонительная операция 1-й ударной армии завершилась. Противник потеснил ее правый фланг на 25–30 км, развернув его на северо-запад и север. Теперь он проходил по рубежу южнее Кобылкино на Ловати, Козлово на Редье, далее на

Чернышово, Сущево, южнее Соколово до Взгляды на реке Полисть. Противник разобшил войска 11-й и 1-й ударной армий и деблокировал свою окруженную группировку. Образовался коридор длиной 40 км и шириной до 16 км, впоследствии получивший название «фамушевского».

Наводнение лета 1942 г.

Несмотря на неуспех операции, она имела и определенно положительное значение для общей обстановки на Северо-Западном фронте. Своими активными оборонительными действиями войска 1-й ударной и 11-й армий сковали до 10 дивизий противника. Враг понес тяжелые потери. Так, в неотправленном письме один из гитлеровских вояк писал: *«Лучше десять походов во Францию, чем один в Россию. Мы имеем большие потери. Русские атакуют нас непрерывно и дерутся до последнего».*

...

За мужество и героизм, проявленный в февральско-апрельских боях, 2-я гвардейская стрелковая бригада Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1942 года была награждена орденом Красного Знамени. Такой же награды удостоился (посмертно) и ее командир полковник Я.П. Безверхов. За образцовое выполнение боевых задач в битве под Москвой и в боях под Старой Руссой 201-я латышская стрелковая дивизия была в октябре 1942 года преобразована в 43-ю гвардейскую латышскую стрелковую дивизию. Приказом Народного комиссара обороны от 3 мая 1942 года 180-я стрелковая дивизия стала 28-й гвардейской стрелковой дивизией.

Ее командир полковник И.И. Миссан получил звание генерал-майора и был награжден орденом Красного Знамени.

Весна принесла проблемы

Война войной, но у природы свои законы. Наступила весна. И у немцев, и у нас огневые позиции, наблюдательные пункты, минные поля, заграждения, пока были морозы, не плавали в воде. В землянках было сухо, а вот по весне... началось!

Очевидец, встретивший весну 1942 г. в южном Приильменье, рассказывает, что места здесь очень интересные, такого количества болот он и не представлял себе. Хожение возможно только по

так называемым «гатым» – жердочкам, настланным поверх болот, причем жердочки эти гнутся, трещат, сваливаешься с них в воду, здесь бытует даже ругательство «гать твою мать». Но это мелочи жизни.

Как-то получилось, что то ли по соображениям военного искусства, то ли от их отсутствия немцы, как правило, располагались на редких здесь высотах, возвышенных местах, а наши в низинах, около болот. Траншеи, окопы полного профиля не вырыть, убитых не похоронить, о глубоких и сухих землянках только помечтать. Естественно то, что дороги через эти места отродясь никто не прокладывал – строить их бесполезное дело, поэтому к позициям все доставлялось на солдатском хребте, в лучшем случае, на лошадях, и боеприпасы, и продукты. Помыться, обсушиться – все до лучших времен или до вывода во второй эшелон, до пополнения, до изменения ситуации.

...А вода все прибывала. Она была всюду. Не то чтобы обсушиться – присесть негде. Спать, особенно в боевом охранении, приходилось по очереди на спиленных деревьях, на пнях, наполовину подрубленных с одного бока на манер спинки от кресла, а то и стоя на кочках. Да и пилить было не просто, пилы ломались, деревья были нафаршированы осколками. Но уйти с позиции было нельзя. А голод давал о себе знать. Копали луковицы саранок, какие-то корни (были знатоки этого дела), обдирали сосновый луб, зеленый слой под корой. Но сосенок было мало. Собирали в котелки березовый сок. Прилетали утки, но из автомата по ним не очень получалось, только распугивали. Придумали: из немецкой длинноствольной ракетницы стреляли патронами, из которых вынимали светящийся состав, а туда наталкивали камушки, осколки, гвоздики – все, что под рукой. И получилось!

В заброшенных, разрушенных деревнях, на местах пепелищ годных для костров бревнышек давно не осталось. Пилить деревья – демаскировка, да и сырые они. Разбирали разбитые печи, если кирпич вымочить в солярке, которую сливали из подбитых танков, то очень долго не погасал, и можно было кое-как зажарить, если этот процесс позволительно так назвать, утку. Даже полусырая, с ароматом керосина, она была превосходна.

Гитлер не согласен с генералами

В конце апреля 1942 г. командующий 16-й армией генерал-полковник Буш решился на смелую вылазку. На автомобиле, по еще узкому в отдельных местах «рамушевскому коридору», он прибыл в штаб 2-го армейского корпуса и высказал благодарность и личную признательность немецким солдатам. Его показной оптимизм вводил многих в заблуждение. Буш не хотел видеть очевидных фактов, он все более следовал за идеологическими установками национал-социализма. Было видно, что прорыв демянской блокады не означал принципиального изменения в лучшую сторону (для немцев) обстановки на данном участке фронта. Шесть дивизий 2-го армейского корпуса оставались в очень уязвимом положении.

Фельдмаршал фон Кюхлер, командующий группой армий «Север», предложил немедленно ликвидировать выступ, убрав его. Это позволяло уменьшить линию фронта на 120 км. Вместе с Зейдлицем он вылетел в Ставку фюрера, чтобы получить разрешение на отступление. С этим был согласен и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, но высказать это Гитлеру не решался.

Гитлер был категорически не согласен с отводом войск с демянского плацдарма, он хотел использовать эту зону для будущего удара по русским. Зейдлиц доложил Гитлеру, что болотистая, поросшая лесом местность Демянска непригодна для проведения танковой атаки, но не был услышан Гитлером. Тот даже не стал смотреть фотоснимки, на которых были видны густые леса и непролазная грязь района Демянска. *«Это мой приказ!»* – закричал фюрер и закрыл совещание.

С предложением Кюхлера был абсолютно согласен и начальник оперативного управления ОКВ Альфред Йодль. *«Но почему вы не поддержали меня в присутствии Гитлера?»* – спросил Зейдлиц. В ответ последовало молчание.

Успешные для немцев операции «Наведение мостов» и «Забортный трап» далеко не обеспечили достаточного снабжения шести немецких дивизий в графстве «Брокдорф». «Рамушевский коридор» (по-немецки «шланг») был пригоден к использованию лишь в условиях зимы. Весна превратила его в такое же болото, как и всю окружающую местность. Очень часто груженные грузовики застревали, солдатских сил не хватало, чтобы их вытащить, приходилось

дожидаться гусеничных тягачей. Нередко застревали и немецкие танки. Лошади просто вязли в болотах, многие из них так и утонули.

Еще Манштейн отмечал, что весь район между Ленинградом, Псковом и озером Ильмень был совершенно непригоден для действия танковых сил.

Единственным надежным, хотя и опасным способом поставок продовольствия и боеприпасов оставался воздушный путь. Надежды на сухую летнюю погоду рухнули, так как лето 1942 г., по словам старожилов этих мест, было самым дождливым за последние много лет.

Авиация Северо-Западного фронта

Теперь обратимся к нашей авиации – как летчики сражались в воздухе, какой урон наносили наземным войскам противника. Вот мнение немецких авиационных специалистов: *«Советские ВВС в целом были большим и громоздким инструментом с малой боевой ценностью, любой элемент которого мог быть уничтожен Люфтваффе в течение нескольких недель, ...противник, совершенно не способный вести самостоятельный воздушный бой и представляющий весьма небольшую угрозу в атаке...»*

Как можно было ожидать настоящего энтузиазма в бою от летчиков со столь бездарно устаревшими самолетами, оружием и оснащением? Как должен был вести себя в бою летчик, уступающий противнику в технической, тактической и летной подготовке, который был деморализован огромными поражениями Советского Союза?..

Несмотря на низкое качество боевой подготовки, советские летчики часто демонстрировали огромное мужество и упорство в выполнении приказа и находчивость в бою...» [202] .

Снижение уровня боевой подготовки накануне Великой Отечественной войны произошло за счет вновь формируемых авиачастей, укомплектованных молодым составом. Летная подготовка сводилась в основном к аэродромным полетам, ограниченному воздушному бою, частично к стрельбе по конусам и маршрутным полетам в районе аэродромов.

Большие потери самолетов в начальный период войны – отдельная тема. Главные причины:

– Наши авиационные полки были громоздки, по 60–64 самолета. Из-за нехватки аэродромов и низкого качества связи полки базировались на одном аэродроме, что явилось одной из основных причин больших потерь самолетов в первый день войны;

– нараставшая угроза войны требовала принятия срочных мер по рассредоточению авиации и маскировке аэродромов. Были изданы несколько приказов на эту тему, последний был от 20.06.1941 г. В нем подчеркивалось, что *«такое отношение к маскировке как к одному из главных видов боевой готовности ВВС дальше терпимо быть не может»* [203] .

Новые бомбардировщики, штурмовики и истребители были приняты на вооружение в течение 1940 г., но их выпуск и перевооружение авиации происходили очень медленно. Были многочисленные случаи обстрелов с земли и атак истребителей на наши новые самолеты, принятые за вражеские.

Несмотря на все трудности, авиация в полосе Северо-Западного фронта выполняла свою задачу. Уже через неделю после начала войны летчики 158-го истребительного полка Северного фронта младшие лейтенанты С.И. Здоровцев, М.П. Жуков и П.Т. Харитонов, прикрывая с воздуха район Пскова и Острова, таранили вражеские бомбардировщики и стали первыми летчиками в истории Великой Отечественной войны, удостоившимися звания Героя Советского Союза.

Командир звена 41-го истребительного полка старший лейтенант И.Д. Чулков в первый день войны смело вступил в бой с пятью Ме-109. Чулков одного сбил, а остальных обратил в бегство. Во второй половине августа за восемь дней он сбил 5 вражеских самолетов.

Второго июля летчики 58-го Краснознаменного пикирующего бомбардировочного полка уничтожили 19 танков возле озера Лубанас.

Третьего июля самолет командира эскадрильи 10-го Краснознаменного бомбардировочного полка капитана Л.В. Михайлова (штурман – капитан Левинец, стрелок-радист – сержант Шереметьев) был атакован шестью истребителями. Два из них Шереметьев сбил, но и бомбардировщик был подожжен. И тогда командир направил объятую пламенем машину в гущу вражеской танковой колонны. Леонид Васильевич Михайлов посмертно удостоен звания Героя Советского Союза [204] .

Ощутимость потерь живой силы и техники вынуждены были признать генералы гитлеровской армии. Главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич, вернувшийся 17 июля 1941 г. из штаба армий «Север», сообщил: *«Превосходство в авиации на стороне противника. Боевой состав наших соединений, действующий на фронте, резко сократился»*. Это высказывание символично потому, что за 13 дней до этого Гитлер заявил: *«...Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить»* [205].

На Северо-Западном фронте в конце июля 1941 г. началась боевая летопись 402-го истребительного полка, имеющего самолеты МИГ-3. Полк состоял из летчиков-испытателей с большим летным стажем. МИГ-3 имел скорость наивысшую среди всех существующих в то время истребителей, но был сложен в пилотировании. За месяц боев полк уничтожил 51 вражеский самолет.

В конце августа и в первых числах сентября летчики полка сопровождали самолеты Пе-2 514-го и Ил-2 288-го полков на штурмовку аэродрома Сольцы. На земле было уничтожено 74 вражеских самолета.

Весной 1942 г. во время боев за «фамушевский коридор» малочисленная авиация фронта пыталась хоть как-то прикрыть наши части. 1 апреля 1943 г. четверка истребителей ЛаГГ-3, ведомая военкомом эскадрильи 38-го истребительного полка Л.С. Чапчаховым, не дала большой группе бомбардировщиков Ю-88 сбросить бомбы на наши позиции. А сопровождали Ю-88 18 немецких истребителей.

В тот же день группа 299-го штурмового полка в составе четырех Ил-2 под командованием старшего сержанта В.Я. Рябошапка вылетела на штурмовку противника в районе Малых и Больших Горбов, Борисова. При повторном заходе на цель наши летчики подверглись атаке двенадцати Ме-109, а прикрытия истребителей не имели. Рябошапка смело принял на себя удар четырех «мессершмиттов» и отбил все их атаки. Его самолет получил множество повреждений, но раненый летчик смог посадить машину на свой аэродром. Через два дня Василий Яковлевич Рябошапка снова ринулся в бой и погиб. 21 июля 1942 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно [206].

Весной и в начале лета 1942 г. перед нашей авиацией стояла первоочередная задача – помощи наземным войскам. Так, за период 25 апреля – 25 мая экипажи 58-го Краснознаменного пикирующего бомбардировочного полка на вновь полученных самолетах Пе-2 нанесли удары: по живой силе и огневым позициям – 122, артиллерийским позициям – 70, танковым колоннам – 6, аэродромам – 5, автоколоннам – 6.

Перед началом интенсивных боев за «фамушевский коридор» ВВС СЗФ были преобразованы в 6-ю воздушную армию. Всего на советско-германском фронте было создано 13 армий. К ноябрю 1942 г. боевая авиация была выведена из подчинения общевойсковых армий. В их подчинении оставалось по одному смешанному авиаполку для выполнения разведки и связи. Наши противники опередили нас – аналогичные решения в Германии были приняты еще 17 октября 1933 г.

В состав армии вошли: 239-я истребительная (командир полковник Г.А. Иванов), 240-я истребительная (командир полковник С.Я. Симоненко) авиационные дивизии; 242-я ночная бомбардировочная (командир полковник К.Д. Дмитриев), 243-я штурмовая (командир полковник И.В. Дельнов) авиационные дивизии; семь авиационных смешанных отдельных авиаполков и три отдельные авиаэскадрильи.

К 10 июня 1942 г. 6-я воздушная армия имела 74 бомбардировщика Пе-2, СБ и других типов, 91 истребитель ЛаГГ-3, «Харрикейн», «Каттихаук», 23 штурмовика Ил-2, 118 ПО-2 и Р-5. Командующим армией был назначен генерал-майор авиации Даниил Федорович Кондратюк.

Реальность заставила противника по-новому оценивать наши ВВС. Вот что пишут немцы:

«К концу 1941 года появились первые признаки того, что советские ВВС начали оправляться от понесенных летом тяжелых поражений. На фронте стали появляться авиачасти, оснащенные современными типами самолетов. Этот процесс шел медленно, по-разному и в разное время в различных районах, поэтому немецкие командиры не сразу стали осознавать, что они наблюдают общее возрождение ВВС. Рост сопротивления в воздухе особенно очевиден в районах наибольших боев – под Москвой, Ленинградом и Демянском.

Намечались признаки того, что русские летчики становились более самоуверенными, а

индивидуальные действия русских истребителей в 1942–1943 годах свидетельствовали о том, что они уже полностью оправились от нокаута 1941 года.

Все офицеры Люфтваффе сходятся во мнении, что управление русскими истребителями в воздухе и с земли в период 1942–1943 гг. значительно улучшилось. Деление авиачастей на фронтовые и ПВО сделало их более эффективными. Это было особенно заметно по отборным истребительным авиачастям, которые практически не уступали своим немецким противникам» [207].

Яркий эпизод в воздухе произошел 13 августа 1942 г. С задания возвращалась группа истребителей 744-го авиаполка, кончились боезапасы, на пределе горючее... У самого аэродрома их перехватили «мессершмитты», пилотируемые немецкими асами. Казалось, беда неминуема. На их выручку, рискуя быть сбитым при взлете, поднялся с аэродрома советский ас капитан И.Ф. Мотуз. Первой же очередью он подбил один самолет врага. Немцы были ошеломлены внезапностью удара, чем и воспользовались наши летчики – они благополучно приземлились.

Мотуз оказался один против троих. Он потом рассказывал: «Слышу в наушниках возглас с аэродрома: «Давай, Фомич, осталось три!» Началась бешеная карусель. Я изловчился и сбил еще одного. С земли опять: «Держись, Фомич, их двое». Но снаряд угодил и в мою машину. Чувствую – ранен. Один осколок, к счастью, попал в пистолет, висевший на груди. Загорелась ватная подкладка бронеспинки, все сильнее ощущаю огонь. Казалось, что сижу на раскаленной сковородке. Но надо было отбиваться. Удалось подбить и третьего «мессера», и он вышел из боя. Теперь мы остались один на один. Но силы покидали. Однако я успел на бреющем полете оторваться от преследователя и, не выпуская шасси, каким-то чудом сел на небольшую лесную поляну» [208].

Сбитый немецкий истребитель

И.Ф. Мотуз совершил свыше 300 боевых вылетов. Первого стервятника он сбил 22 июня 1941 г. За два года участвовал в 87 воздушных боях и лично уничтожил 24 вражеских самолета. Героем Советского Союза он стал на Северо-Западном фронте 24 августа 1943 г. По мере возможности авиация приходила на помощь наземным войскам. Так произошло 10 июня во время боев за Большие Дубовицы, занятые эсэсовцами корпуса «Данмарк». Вот что пишут в воспоминаниях летчики 58-го бомбардировочного Краснознаменного полка: «Во второй половине дня 10 июня полк получает боевую задачу: уничтожить живую силу противника и его огневые точки в районе Больших Дубовиц. Группу в шесть Пе-2 под прикрытием истребителей сопровождения от 238-го ИАП вел капитан М. Перлик. До цели группа подверглась атакам истребителей Ме-109. В завязавшемся воздушном бою при помощи истребителей прикрытия было сбито два «мессершмитта». Один из них горящим упал в районе Махлоево, Сомшино, второй Ме-109, загоревшись, ушел со снижением в сторону Старой Руссы.

Над целью «пешки» подверглись интенсивному зенитно-артиллерийскому обстрелу. Снаряды рвались сзади, на уровне полета группы. Но врагу так и не удалось помешать группе выполнить боевую задачу. Метко на головы вражеских сил посыпались 28 ФАБ-100 и 40 осколочных бомб. Боевую задачу экипажи выполнили отлично. После проведенного бомбометания деревню Большие Дубовицы заняли наши наземные войска, о чем сообщило командование» [209] .

В период с 17 июня по 18 июля бомбардировщики имели практически одну задачу: уничтожение транспортной авиации на аэродромах «демянского котла» – Глебовщина, Пески, Ильина Горка и Хани. Полеты проводились, как правило, группами 5–6 Пе-2 под прикрытием истребителей ЛаГГ-3, Як-1.

За два боевых вылета 17 и 25 июня на аэродром Глебовщина сброшено 74 ФАБ-100 и 40 осколочных бомб. Прямым попаданием бомб уничтожено 11 транспортных самолетов Ю-52, 12 повреждено. Разбито летное поле.

4 июля аэродром Пески был подвергнут бомбардировке двумя группами по шесть «петляковых». Сброшено за два вылета более чем 560 бомб различных калибров, уничтожено 14 транспортных самолетов, из них 7 четырехмоторных неустановленного типа. Фотоконтроль подтвердил еще и уничтожение одного истребителя типа Ме-109 [210] .

Наиболее жестокая борьба с транспортной авиацией велась как в июле, так и в августе, когда противник активизировал ее действия. Исключительно четкая и слаженная работа всей системы ПВО давала возможность знать о приближении транспортной авиации в полете. Удары по аэродромам были настолько эффективными, что командование 6-й воздушной армии вынуждено была направить специальные разведывательные группы для проверки.

Вначале Ю-52 летали на малых высотах

Так случилось и 21 августа. Посты ВНОС сообщили, что через коридор проследовала группа из 25 транспортников типа Ю-52. Через 15 минут после сообщения поднялась пятерка Пе-2 и вышла на встречу с истребителями сопровождения. Разрывы бомб поразили более десятка Ю-52. Через некоторое время после посадки группы на своем аэродроме получено подтверждение, что через коридор в сторону Демянска прошли 25 самолетов, а вернулись обратно только 10. То есть группа в 5 самолетов Пе-2 за один боевой вылет уничтожила и повредила 15 самолетов с грузом.

Когда враг остервенело рвался к железной дороге Москва – Ленинград, у нас остро чувствовался недостаток не только в истребительной, но и в бомбардировочной авиации. Идею

использовать маленький, тихоходный связной самолет У-2 подал командующий ВВС фронта генерал-майор авиации Т.Ф. Куцевалов.

У-2 – сюрприз для немцев

Остро стоял вопрос уничтожения противника в прифронтовой полосе. Ил-2 только начали прибывать на фронт. Подготовка ТБ-3, ДБ-3, Ил-4 к полетам занимала много времени. Нужен был такой бомбардировщик, который был бы «всегда под рукой» у армейского и фронтового командования.

Положительные качества ночного бомбардировщика У-2 могли проявиться только при его массированном применении. На фронте приступили к формированию авиаполков ночных бомбардировщиков. Матчасть брали из аэроклубов, авиашкол. Она была без бомбодержателей, без пулеметного вооружения. Моторесурс двигателей был израсходован наполовину, поэтому бомбовая нагрузка была до 100 кг. Вначале в качестве бомбовой нагрузки использовали «ведро Ониско» – контейнеры для мелких осколочных и зажигательных бомб, также кассеты с ампулами с горючей жидкостью, которая на морозе кристаллизовалась и часто не воспламенялась.

У-2 в варианте бомбардировщика начал выпускать завод № 387, эвакуированный в Казань, прежде выпускавший У-2 для аэроклубов. Поступившие на фронт У-2 с моторами М-11Г, М-11Д поднимали уже до 200 кг бомб, в том числе «фугаски» ФАБ-100. У-2 с двигателями М-11Г могли нести до 300 кг. Рекорд бомбовой нагрузки на У-2 – 364 кг.

По результатам бомбометания на полигоне делались риски у края прорези между лонжеронами, по которым штурманы и вели прицеливание. Новые У-2 оснащались установкой пулемета ШКАС. В 1944 г. некоторые У-2 вооружались РС-82, по четыре снаряда на самолет. Отдельные бомбардировщики могли стрелять «эрэсами» назад.

Экипаж У-2 поначалу состоял из одного летчика – опасались перегрузки. В условиях ночи он с трудом справлялся с множеством обязанностей: и управлять самолетом, и осуществлять прицельное бомбометание. Вот тогда-то и ввели в состав экипажа штурмана, а тросы бомбосбрасывателей переключали на его кабину.

Массовое применение Красной Армией легких ночных бомбардировщиков стало для немцев неприятным сюрпризом. Они были всерьез озабочены высокой боевой эффективностью У-2 и при ударах по аэродромам стремились их уничтожить в первую очередь. За «ночниками» охотились ночные истребители Ме-110 и Ю-88. От наземного огня потери У-2 были незначительными. Одна боевая потеря приходилась на 834 вылета. Как правило, стараясь загрузить максимальное количество бомб, парашюты экипаж оставлял на земле.

По нашему примеру немцы стали формировать ночные бомбардировочные отряды, оснащенные самолетами «Гота-145», а также учебными бипланами различных типов. Их применение на Восточном фронте впервые было замечено осенью 1942 г., но не было масштабным.

На Северо-Западном фронте У-2 впервые в истории был использован в качестве корректировщика артиллерийского огня ночью. Особенно эффективным был результат при стрельбе по кочующим батареям противника. Позднее в директиве от 19 января 1943 г. об использовании самолета У-2 в сложных метеоусловиях говорилось: **«Использование самолета У-2 как корректировщика значительно повысило эффективность артиллерийского огня, особенно по закрытым целям».**

Директива была подписана заместителем командующего Военно-воздушными силами Красной Армии генерал-лейтенантом Кондратьевым.

Как только немцы не называли У-2: «молотилкой», «кофейной мельницей» и даже «ночным бандитом». Мало того, что У-2 по ночам наносил урон противнику в живой силе, он буквально изнурял фашистов. Можно себе представить самочувствие гитлеровских вояк, над самыми головами которых целую ночь тарахтели эти «молотилки», сбрасывавшие бомбы на их огневые позиции, землянки, командные пункты.

В составе летчиков-ночников было немало девушек. А ведь полет на этой машине требовал отваги, высота полета мала, самолет беззащитен, его можно сбивать из всех видов стрелкового оружия. Но это не останавливало героинь. Они делали по 8–10 и более вылетов за ночь. При появлении самолетов У-2 над вражескими позициями ночное небо перекрещивалось нитями

светящихся пуль и снарядов, начинали стучать «эрликоны», небо резали лучи прожекторов. Но летчицы прорывались сквозь шквал огня и точно в цель сбрасывали бомбы.

Генерал Ф.И. Полынин вспоминал: *«На одном из У-2 летала старший сержант Мария Иванова, скромная курносенькая девушка из Белоруссии. Ничем особым не выделялась она среди подруг, если не считать одной детали: в нелетную погоду Марию одолевала грусть.*

В один из зимних дней мы с Выволокиным побывали в этом полку, побеседовали с летчицами. Все они были веселы, оживленны, охотно делились своими девичьими думами. Ведь молодость не могут приглушить ни гром пушек, ни суровый фронтовой быт.

Одна лишь Маша Иванова казалось ко всему безучастной. Что с вами? – обратился Выволокин к Маше. – Беда случилась?

Девушка еще ниже опустила голову и ничего не ответила.

– У нее действительно беда, да еще какая, – ответил за Иванову заместитель командира полка по политической части. – Немцы родную деревню сожгли, отца расстреляли, брата и сестру угнали в Германию. Одна мать осталась, да и то неизвестно, жива ли. Письмо соседи прислали...

– Мужайся, Мария. Твое горе – наше горе, и мы за тебя и твоих родных отомстим фашистам.

– Ох, знали бы вы, товарищ генерал, как она в бой рвется, – вступила в разговор одна из летчиц. – Командир удерживает, а она на своем стоит: пошлите в бой, да и только.

Попрощавшись с девушками, мы вышли из землянки. Командира полка я предупредил:

– Без особой надобности Иванову на задание не посылать. Пусть перегорит в ней боль. Иначе может сгоряча наделать такого, что потом не поправишь.

– Слушаюсь, – согласился командир. – Только уговоры мало помогают. Позавчера ночью летала, немецкий склад подожгла. Вернулась и снова настаивает: разрешите еще один полет. Еле отговорил. А вчера осколком на ее самолете бак пробило, горячим маслом ноги обожгло, но летчица не свернула с курса, сбросила бомбы на батарею. Вернулась – глаза горят, губы сжаты. Ненависть ее не знает границ. Попадись ей в руки фриц – она бы ему наверняка горло перегрызла...

В текучке дня я на время забыл о Марии Ивановой, и вдруг по телефону тот же командир полка сообщает: Мария погибла.

– Как погибла? – невольно вырвалось у меня. – Почему не уберегли? Я же предупреждал.

Обстоятельства гибели Марии Ивановой были таковы. Ночью вылетела она бомбить артиллерийский склад, находившийся под усиленной охраной. Как всегда, зашарили по небу прожекторы, открыла огонь зенитная артиллерия, застучали автоматы. Мария сумела довести машину до цели, штурман Калинин сбросил бомбы. И тут самолет качнуло, он начал валиться на крыло. Штурман сразу почувствовал неладное: видимо, летчицу ранило. Так оно и было в действительности. Но Иванова нашла в себе силы довести самолет до аэродрома, а выбраться из кабины уже не смогла. Калинин с помощью подбежавшего санитарного инструктора вытащил ее, положил на землю. Девушка была мертва.

О подвиге старшего сержанта Ивановой мы в тот же день доложили в штаб фронта. Военный совет принял решение наградить летчицу посмертно орденом Отечественной войны I степени» [211].

Похоронена Мария Иванова на кладбище в деревне Лажины Парфинского района Новгородской области.

Глава 16 БОИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Задача фронта изменилась

С образованием «фамушевского коридора» отпадала основная задача, поставленная войскам Северо-Западного фронта в январе, – наступление в направлении Старая Русса – Псков, и в качестве главной выдвигалась другая – уничтожение демянской группировки врага. Ставка ВГК, основное внимание которой весной и летом 1942 г. было приковано к южному крылу советско-германского фронта, полагала, что Северо-Западный фронт, занимая выгодное охватывающее положение по отношению к демянской группировке, способен окружить и уничтожить ее своими наличными силами и средствами. Переоценка возможностей войск Северо-Западного фронта и недооценка сил противника привели к тому, что «фамушевский коридор» на целый год определил задачи и характер

действий всего фронта. Именно здесь во второй половине 1942 г. и начале 1943 г. разгорелись наиболее ожесточенные бои.

22 апреля Ставка ВГК своей директивой № 170300 приказала командующему Северо-Западным фронтом ликвидировать прорыв противника в сторону Ловати и в последующем разгромить окруженные в районе Демянска войска. Части 11-й и 1-й ударной армий на западном берегу Ловати должны в ближайшие три-четыре дня разбить противника в районе Рамушево, Михалкино и отбросить его за Редью. Одновременно войска 11-й и 1-й ударной армий и частей укрепленных районов на восточном берегу Ловати с привлечением части сил 1-го гвардейского стрелкового корпуса должны были ликвидировать противника в районе Омычкино. С 27 апреля требовалось нанести удар силами 11-й армии из района станции Пола, Веретейка, станция Беглово в направлении Курляндское, Колома и силами 1-й ударной армии из района Залучья в направлении Залучье, Годигово, Большое Засово, Новые Горки. К выполнению данной задачи предписывалось привлечь: в 11-й армии – 200, 55, 282, 370 и 202-ю стрелковые дивизии; в 1-й ударной армии – 1-й гвардейский стрелковый корпус, 180-ю и 397-ю стрелковые дивизии и прибывающие к 25 апреля с Калининского фронта 391-ю стрелковую дивизию, 37-ю и 45-ю стрелковые бригады. Все эти силы приказывалось объединить в группу под командованием генерал-лейтенанта В.З. Романовского.

Кроме того, ставилась задача не позднее 1 мая с прибытием в район Любница, Семеновщина, станция Дворец 170-й стрелковой дивизии, 144, 145, 146 и 147-й стрелковых бригад 34-й армии нанести этими силами и 171-й стрелковой дивизией удар в общем направлении Лужно – Демянск, с задачей овладеть Демянском и двинуться дальше на юг, для соединения с группой войск генерала Ксенофонтова. Эта группа, усиленная прибывающей с Калининского фронта 250-й стрелковой дивизией, должна была нанести встречный удар из района Молвотиц в направлении на Демянск [212].

Генерал-лейтенант П.А. Курочкин представил 25 апреля И.В. Сталину доклад № 6223 плана разгрома демянской группировки противника [213]. По этому плану переход 11-й армии в наступление планировался на 5 мая, так как из-за состояния дорог сосредоточение войск на рубеже железной дороги Пола – Беглово ожидалось только к 1–3 мая. Ближайшая задача армии – уничтожение налужской вражеской группировки и обеспечение надежной дороги на Полу, Горчицы, Налючи, Васильевщину. Предусматривалось главными силами нанести удар по обоим берегам реки Пола на Колому и частью сил уничтожить противника между Васильевщиной и Омычкином.

Группа войск генерала Романовского также должна была начать наступление 5 мая. Войска 34-й армии к исходу 15 мая должны овладеть Демянском. Группе генерала Ксенофонтова предписывалось нанести встречный удар на Демянск с рубежа озеро Селигер, Ватолино, Молвотицы, Глухое Демидово.

Командующий фронтом просил Ставку ВГК усилить авиацию фронта еще одной группой РГК, а также дополнительно дать для группы генерала Ксенофонтова две танковые бригады.

И.В. Сталин утвердил 26 апреля представленный план. Активные действия частей группы Эйке вынудили командующего фронтом принять меры к ускорению перехода в наступление.

Майское наступление 11-й армии

29 апреля генерал П.А. Курочкин доложил И.В. Сталину о своем решении, не дожидаясь полного сосредоточения частей 34, 53 и 1-й ударной армий, начать 2 мая наступление частями 11-й армии с ближайшей задачей уничтожения противника в районах Присморжье, Рамушево, Омычкино и Бяково, Васильевщина, Симоново. В дальнейшем планировалось совместными действиями 11-й и 1-й ударной армий полностью уничтожить всю залучскую группировку противника.

Выполняя приказ генерала Морозова, 200-я стрелковая дивизия полковника Попова атаковала противника рано утром 2 мая. Дивизия была сформирована в Южно-Уральском военном округе с 1 января по 1 февраля 1942 г. На Северо-Западный фронт прибыла 19 апреля и вошла в состав оперативной группы генерал-майора Озерова 11-й армии. Части 200-й стрелковой дивизии перед наступлением занимали район западного берега болота Сучан и севернее деревни Поддубье. Перед дивизией стояла задача выбить противника из населенных пунктов правого берега Ловати – Присморжья, Александровки, Старого и Нового Рамушева. Предстоящие бои были для дивизии первыми. Противник был ослаблен в предыдущих боях, но имел большой опыт.

Вражеская авиация дважды, в течение вечера 28 апреля и утра следующего дня, бомбила передний край обороны 642-го и 661-го стрелковых полков дивизии.

Атака на Присморжье была успешной, полки вышли на ее северную окраину. Враг отчаянно сопротивлялся. В течение дня 2 мая деревня дважды переходила из рук в руки. Сильный огонь противника с левого берега Ловати из района южнее Редцов, северной опушки леса южнее Присморжья и отметки 23.0 заставил наши подразделения отойти на север и восток от вражеских позиций.

Бои продолжались и в следующие дни. 642-й стрелковый полк в 2.30 5 мая в ночном бою достиг середины Присморжья, но был остановлен сильным пулеметным огнем из дзотов южнее Присморжья, артиллерийским и минометным огнем из района Александровки и южной окраины Редцов. Понеся потери, полк перешел к обороне.

До 11 мая полки 200-й стрелковой дивизии вели наступательные действия, но полностью захватить Присморжье не удалось. Наши подразделения вышли на рубеж северной окраины и с востока охватывали большую половину деревни.

Массированным огнем противник заставил полковника Попова отказаться от атак на Александровку, Старое и Новое Рамушево.

Только 5 июня 1942 г. 200-я стрелковая дивизия совместно с 127-й и 116-й отдельными стрелковыми бригадами взяла Присморжье [214].

55-я стрелковая бригада полковника Загольева после десятидневного марша из района Вины Крестецкого района 30 апреля 1942 г. сосредоточилась в деревне Ярцево, недалеко от станции Пола на левом берегу одноименной реки.

2 мая 107-й и 11-й стрелковые полки заняли исходное положение на рубеже северной опушки леса, что перед болотом Сучан севернее Васильевщины. 228-й стрелковый полк находился во втором эшелоне. К этому времени противнику удалось превратить подступы к шоссе на дорогу Налючи, Рыкалово, Васильевщина, Бяково и Омычкино в мощные узлы сопротивления.

Болото и заливные луга перед этими пунктами были минированы в глубину до 1 км, за минными полями установлены проволочные заграждения в три кола, сооружена система дзотов и дотов, соединенных между собой траншеями и подземными ходами.

Укрепленные пункты противника были насыщены техникой: пулеметами, пушками, особенно минометами.

Немецкий пулеметный расчет в деревне Рыкалово, зима 1942 г.

Перед дивизией была поставлена задача – замкнуть коридор, перерезав дорогу, питающую демянскую группировку. Первое крупное наступление дивизии было предпринято утром 3 мая. В 7.00 началась артподготовка, после которой 107-й и 111-й стрелковые полки перешли в атаку. Удар 107-го стрелкового полка под командованием майора Мамина с правого фланга был так стремителен, что немецкая оборона была сломлена и батальон старшего лейтенанта Халанского оседлал дорогу Васильевщина – Бяково. 111-й стрелковый полк, выйдя на южные огороды Васильевщины, под сильным огнем противника залег, а затем вынужден был отойти на исходный рубеж, не имея достаточной огневой поддержки. Батальон старшего лейтенанта Халанского тоже отошел. Бой продолжался весь день. Вызванная противником авиация с 9.00 до 20.00 бомбила боевые порядки обоих полков, отмечено свыше 150 самолетов-вылетов Ю-88 и Ю-87.

Как и для соседней дивизии полковника Попова, для 55-й стрелковой дивизии это был первый бой. Полки дивизии приобретали опыт наступления на укрепленный рубеж противника [215] .

370-я сибирская дивизия вступает в бой

По плану командующего Северо-Западным фронтом наступление на Колому по правому берегу реки Пола должны были вести две сибирские дивизии – 370-я и 282-я. Их противником была 290-я немецкая пехотная дивизия, в состав которой входили подразделения дивизии СС «Мертвая голова».

Что представляла собой 370-я стрелковая дивизия? Она была сформирована на основе директивы НКО СССР № 005 от 28 августа 1941 г. в Томской области на станции Асино и состояла в основном из призывников Асиновского, Колпашевского и Чаинского районов. Состав дивизии был обычным для того времени: 1230, 1232, 1234-й стрелковые полки, 940-й артиллерийский полк, 768-й отдельный минометный дивизион и подразделения обеспечения.

19 ноября 1941 г. она начала передислокацию по железной дороге в состав 58-й резервной армии в город Каргополь Архангельской области, где получила боевую технику и военное имущество. Во второй половине февраля 1942 г. 370-я стрелковая дивизия была перегруппирована по железной дороге на станцию Любница (восточнее Валдая) и вошла в состав 34-й армии Северо-Западного фронта.

По воспоминаниям бывшего комиссара 1232-го стрелкового полка Л.И. Шапиро, боевой настрой в полку и в целом в дивизии был высокий. В полку на 1 октября 1941 г. было 111 участников Гражданской и Первой мировой войны, 11 воевали на КВЖД и озере Хасан, 39 приобрели боевой опыт в финскую войну. Дивизия представляла собой внушительную силу, если иметь в виду, что в то время многие дивизии формировались в считанные дни и сразу бросались в бой.

Перед командиром дивизии полковником Е.М. Андреевым была поставлена боевая задача: прорвать оборону противника и ликвидировать его опорные пункты в районе Новой Деревни – Никольского – Симононова – Туганова. Обстановка требовала немедленного ввода в бой подошедших частей, не дожидаясь сосредоточения всей дивизии и полной готовности артиллерии.

Командование дивизии приняло решение прорывать оборону противника последовательно, сосредоточивая основные усилия на ликвидации одного опорного пункта за другим.

Наступление началось утром 2 марта 1942 г. с захвата высоты 60.9, господствовавшей над большим районом восточнее деревни Курляндское. На базе батальона майора В.И. Волкова 1232-го стрелкового полка был создан подвижной отряд, усиленный другими подразделениями. В ночь с 2 на 3 марта, совершив глубокий обходной маневр по глубокому снегу, бойцы обрушились на врага и выбили его с высоты. Высота 60.9 представляла собой голую безлесную поверхность, покрытую невысоким кустарником. По команде В.И. Волкова подразделения спустились вниз, ближе к немецким позициям, так как знали, что противник откроет по высоте артиллерийский и минометный огонь, а затем за дело примется вражеская авиация. Немцы свой огонь вниз переносить боялись, так как под обстрел могли попасть немецкие позиции.

На третий день боевых действий беспримерный подвиг совершил шахтер из Кузбасса, заместитель политрука роты Федор Тимофеевич Каплун. Морозный, обжигающий ветер бил в лицо. Вдруг с левого склона высоты 60.9 ударил вражеский пулемет, убиты командир и политрук 4-й роты, находившиеся впереди. Рота залегла. Пулемет мог уничтожить всю 4-ю роту и продвигающуюся следом 5-ю роту. Ф.Т. Каплун начал копать траншею в снегу, продвигаясь все ближе к огневой точке. Когда оставалось 15–20 м, он бросил туда гранату, метнулся к дзоту и закрыл своим телом.

Части дивизии вели бои за овладение опорными пунктами противника Стрелицы – Сомшино. 9 марта после ожесточенного боя дивизия овладела Стрелицами, но 15 марта наши подразделения под натиском врага были вынуждены оставить этот населенный пункт. В последующие дни ожесточенный огонь противника не позволял вернуть его обратно. Для усиления огневой мощи 3 апреля в состав дивизии временно вошел 645-й стрелковый полк дивизии Штыкова, 6 апреля поступил дивизион РС и артиллерийско-пулеметный батальон, 10 апреля в распоряжение полковника Андреева прибыл танковый батальон – 10 машин КВ и 16 машин Т-34, которые сосредоточились в лесу 2 км восточнее Стрелиц. Перед такой мощью противник не устоял. Вот запись в журнале боевых действий:

...

«11.04.42 г. Части СД перешли в наступление, имея задачу наносить главный удар своим центром в направлении Стрелиц, Туганово и вспомогательный удар на Нов. Деревню, Туганово во взаимодействии с 74 МСБР, окружить пр-ка в р-не Новая Деревня, Стрелицы, Симоново и уничтожить его, выйти на рубеж р. Пола, Росино. По р-ну Стрелицы дано 4 див. залпа РС и 1 залп по лесу 1 км юго-зап. Курляндское. Овладели Стрелицы и продолжают наступать в юго-зап. направлении.

Танковый батальон вышел к Симоново, но, встретив огонь в р-не высоты 1 км зап. Стрелицы, остановился» [216].

После начала боев с группой Эйке на помощь 74-й отдельной морской стрелковой бригаде был направлен первый батальон 1230-го стрелкового полка. Он 16 апреля переправился через реку Пола в районе Чапово и прибыл в район деревень Кутилиха, Большие Дубовицы. Несколько дней, взаимодействуя с первым батальоном моряков, велись боевые действия севернее дороги Васильевщина – Бякова с целью ее захвата. Наши части подвергались жестоким бомбардировкам и минометному обстрелу. Делались попытки пробиться к подразделениям 52-й отдельной стрелковой бригады. 19 апреля оба батальона достигли рубежа 1 км северо-восточнее Омычкино и уничтожили артиллерийскую батарею немцев.

После израсходования боеприпасов и невозможности их подвоза из-за бездорожья остатки батальонов отошли в восточном направлении. Это произошло 28 апреля.

19 апреля 1232-й стрелковый полк при поддержке 1 КВ и 5Т-34 в 12.10 атаковал Сомшино, но попал под сильный минометный огонь и отошел. Полк в этот день потерял 31 человека убитыми и 84 ранеными.

Части 370-й стрелковой дивизии в ночь на 2 мая после сдачи боевого участка 282-й стрелковой дивизии севернее дороги Курляндское – Никольское произвели перегруппировку и заняли исходное положение для наступления. Перед дивизией находились укрепленные пункты противника: Туганово, Симоново, Росино, Голубово и дальше на юг Большое и Малое Степаново. Их предстояло атаковать и захватить. К утру 3 мая 370-я стрелковая дивизия имела 4 стрелковых полка (7 батальонов – 1536 активных штыков), 2 артиллерийских полка (44 орудия) и танковый батальон (3 КА, 2 Т-34, 13 Т-60). Полки дивизии и 645-й стрелковый полк 3 мая вели наступление на Туганово, Симоново, но в результате сильного огневого воздействия и контратак противника на 16.00 успеха не имели. На следующий день с 10.00 были атакованы Голубово и Симоново, а 5 мая Туганово и Симоново, но немцы сумели отразить атаки.

В результате трехдневных боев дивизия потеряла 425 человек убитыми и 950 человек ранеными, из строя были выведены все КВ и Т-34. Боевой состав дивизии: 1230-й стрелковый полк – 90 человек, 1232-й стрелковый полк – 130 человек, 1234-й стрелковый полк – 41 человек, 645-й стрелковый полк – 32 человека [217].

7 мая из района Больших Дубовиц вернулся в дивизию первый батальон 1230-го стрелкового полка. 11 мая полки дивизии перешли к обороне. 22 мая 1234-й стрелковый полк после артиллерийской подготовки вел наступление на Голубово, достигнув рубежа 200 м севернее деревни, дальнейшее продвижение было остановлено. Танки поддержки отстали и в бою не участвовали.

Удары 282-й дивизии из Омска. Немцы отступают

282-я стрелковая дивизия формировалась с 12 декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. в городе Омске. Вначале она именовалась как 442-я стрелковая дивизия. Затем ее переименовали в 282-ю стрелковую дивизию второго формирования, взамен исключенной из списка РККА в октябре 1941 г. 282-й стрелковой дивизии (1-й Московской) после ее гибели на Брянском фронте летом 1941 г.

Части дивизии под командованием полковника П.В. Белобородова по прибытии в апреле 1942 г. на Северо-Западный фронт вошли в состав 11-й армии фронта и сосредоточились 28 апреля в районе Большое Яблоново, Гривка.

Боевым приказом штаба 11-й армии № 030/ОП от 30.04.42 г. дивизия имела задачу: продолжая 333-м отдельным пулеметным батальоном оборонять опушку леса севернее Налючи, остальными силами занять исходное положение в лесу восточнее Никольского к 21.00 01.05.42 г. и подготовить наступление с задачей овладеть Никольским, Сомшино. Смену частей 370-й стрелковой дивизии произвести в ночь на 2.05.42 г.

Наступление дивизии полковника Белобородова было назначено на утро 3 мая. Судьба так определила, что ее первый бой произошел с противником, имеющим большой боевой опыт – 290-й пехотной дивизией под командованием генерал-лейтенанта графа фон Вреде и подразделениями дивизии СС «Мертвая голова».

В 5.20 3 мая части дивизии перешли в наступление и в 5.30 атаковали противника на всем своем фронте от Налюч до Курляндского. К 6.30 третий батальон 877-го стрелкового полка овладел сильно укрепленной базой «Холм полководца» недалеко от Горчиц. 872-й стрелковый полк ворвался в деревню Сомшино и в результате жестокого рукопашного боя овладел ею. Немецкий гарнизон был уничтожен полностью.

В 7.30 первый батальон 874-го стрелкового полка, сбив противника на подступах к Никольскому, ворвался с двумя танками на юго-восточную окраину и к 11.00 овладел этим населенным пунктом. После взятия деревень Самшино и Никольское 872-й и 874-й стрелковые полки повели наступление на Новую Деревню, первый – с севера, второй – с востока и к 17.30 овладели населенным пунктом.

Бой за Никольское был особенно тяжелым для необстрелянных бойцов дивизии. Тому подтверждение – выдержка из истории 290-й немецкой пехотной дивизии:

«В 6 часов (время берлинское. – Прим. авт.) обер-лейтенант Йохаммер со 2-м батальоном 503 п.п. и частью батальона фон Люкена приступили к контрудару и в ожесточенном бою захватывают Никольское наполовину. Русские в результате контрудара с танками и пехотой снова присваивают деревню себе. Второй контрудар батальона под командованием обер-лейтенанта Йохаммера снова направлен на Никольское, но смог захватить лишь южную окраину и вынужден уступить превосходящей силе врага» [218].

В ходе этих майских боев хваленая немецкая пехота не раз бросала боевые позиции и в панике бежала, да еще как бежала – на полных 5 км в тыл. Вот что по этому поводу пишут немцы:

«4 мая в 2.30 русские атакуют с четырьмя танками и тремя батальонами пехоты вдоль окраины леса южнее Никольского. Отчаявшиеся рядовые отступают назад. Выжившие офицеры батальона и офицеры штаба 503 п.п. ловят с особым упорством и с применением пистолетов отчаявшихся и возвращают их назад.

5 мая в 2.30 южнее Н. Деревни три-четыре батальона при поддержке танков и артиллерии снова атакуют в направлении батальона Йохаммера, достигают главной линии обороны и повторяется паника предыдущего дня. До 5 километров назад отступают бойцы безумно и бесцельно. Офицеры и солдаты штаба 501 п.п. ловят бежавших, и приводят их к боевым единицам.

12 мая после обеда в бой вступает новый командир дивизии полковник Гайнрикс. Он проводит совещание с командирами: капитаном танковых войск подполковником из ОКН, SS – командиром Петерсэном из особого корпуса «Данмарк», командиром свободного корпуса фон Тальбертом, офицерами танковых войск, некоторыми командирами А.А./SS-Т дивизии. Этот военный совет высказывает полковнику Гейнриксу и ему подчиненным, старым испытанным офицерам 290-й У.Д., как отвоевать Никольское и Новую Деревню при внезапном нападении» [219].

В 1.50 15 мая немцы силами батальона пехоты в составе двух рот дивизии СС «Мертвая голова», саперной роты батальона 290-й пехотной дивизии при поддержке 6 танков и двух

штурмовых орудий атаковали части дивизии в направлении Никольское – Н. Деревня. Неожиданной ночной атакой противнику удалось ворваться на передний край обороны, потеснить наши подразделения, занять Н. Деревню и Никольское и временно овладеть ими.

Части, оправившиеся от первого удара, перешли в контратаку и стали выбивать немцев из населенных пунктов. Удар по противнику, пытавшемуся развить успех в направлении Сомшино совместно с подразделениями 872-го стрелкового полка, нанес учебный батальон (резерв командира дивизии), атаковавший немцев с ходу.

Подразделения частей, находившихся в лесу южнее Никольского и на высотах восточнее него, заняв круговую оборону, своим огнем уничтожали подходившие резервы противника, а при отступлении – его отходящие группы. Не выдержав контратак частей 282-й стрелковой дивизии, противник стал поспешно отходить и был накрыт залпами РС и артиллерийским огнем. К утру 15 мая части дивизии очистили Никольское и Новую Деревню от оставшегося там врага и заняли свои прежние рубежи обороны [220].

А вот что пишет противник про бои 15 мая 1942 г.:

«Из-за сильных дождей внезапные нападения приходилось откладывать с сегодня на завтра, потом на послезавтра. 14 мая в 00.55 ударные группы продвигаются по направлению к советскому расположению: на Никольское группа обер-лейтенанта Ребайна, на Н. Деревню – группа Редэра. Они выступают вперед, нанося удары фланговым и артиллерийским огнем. Они не могут установить связь, остаются изолированными. Просят поддержки тяжелых орудий. Самоходные артиллерийские установки прорываются в размытую низину, танки, только 12-тонные, преодолевают минные заграждения.

Два советских пехотных батальона прорываются вперед для контрудара по направлению к оставленным атакующим группам. Внезапное нападение не удалось. Группы отступают назад к главной линии боя. Каждая дальнейшая попытка кажется безнадежной. Подвижные подразделения дивизии СС, танки и орудия отходят» [221].

В соответствии с боевым приказом штаба 11-й армии от 16 мая 282-я стрелковая дивизия перешла к обороне на рубеж правее боевых порядков 370-й стрелковой дивизии.

Корпус «Данмарк»

В мае 1942 г. состоялось символическое событие: датское добровольческое формирование, так называемый добровольческий корпус «Данмарк», было отправлено в поддержку дивизии «Мертвая голова», которая в тот момент вела тяжелые оборонительные бои. Участие датских эсэсовцев-добровольцев не было случайным. Еще в апреле 1940 г. немцы вторглись в Данию, не встретив практически никакого сопротивления. Гитлер стремился представить Данию в качестве такого «образцового протектората». Дания считалась нордической страной с подходящей арийской родословной. Население практически не пострадало, монархия и парламент остались в неприкосновенности. Вмешательство оккупантов во внутренние дела страны было сведено до минимума.

Через две недели после вторжения, 23 апреля 1940 г., Гиммлер приказал начать вербовочную кампанию в Дании и Норвегии. Годные к воинской службе волонтеры в возрасте от 17 до 23 лет подписывали контракт минимум на два года. После заключения они получали германское гражданство со всеми правами и привилегиями «рейхсдойче», сохранив при этом и датское подданство. Любой, кто ранее служил в датской армии, при вступлении в ряды Ваффен-СС сохранял свое воинское звание и право на получение пенсии. К сентябрю 1941 г. под ружье уже стало около тысячи датских добровольцев.

Новое формирование должно было субсидироваться датским правительством в отличие от других легионов, основная поддержка которых шла главным образом от местных фашистских партий.

28 июня 1941 г. было официально объявлено о создании легиона. Он получил официальное немецкое обозначение – добровольческое соединение СС «Данмарк». Однако он более широко известен как добровольческий корпус «Данмарк». Первый отряд из 430 человек был определен под командование полковника Криссинга, и в июле новый батальон отправился на подготовку в Гамбург, где получил стандартное обмундирование войск СС, с нашивкой «FREJKORPS DANMARK» на

обшлаге рукава мундира, над ней располагалась эмблема в виде национального флага Дании – белый крест на красном фоне. В углу воротника на петлицах мундиров всех чинов располагалась эмблема войск СС.

Мотивы у добровольцев-датчан были различными. Некоторые вступали в СС, потому что были профессиональными военными. Другие искали острых ощущений в бою. Однако более трех четвертей из 6000 датчан, служивших в течение четырех последующих лет в войсках СС, делали это исходя из своих антикоммунистических убеждений и прогерманских настроений.

Примечательно, что датские солдаты приносили присягу Верховному командованию вермахта, а не традиционную для эсэсовцев клятву преданности лично Адольфу Гитлеру. Кристиан Криссинг стал первым командиром части, несмотря на то что он не был членом (или даже сторонником) ДНСАП (Датской национал-социалистической рабочей партии). Кристиан Фредерик фон Шальбург вскоре сменил Криссинга и завершил подготовку корпуса. Фон Шальбург родился на Украине. Он воспитывался в царском кадетском корпусе. После революции 1917 г. семья бежала в Данию. Сам фон Шальбург служил в королевской гвардии. Успел повоевать в 1939–1940 гг. на стороне Финляндии. Добровольно вступил в Ваффен-СС. В прошлом он возглавлял молодежный отдел ДНСАР.

В мае 1942 г. добровольческий корпус был переброшен самолетами в Россию на демянский выступ. 12 мая произошел его первый бой с частями Красной Армии в районе деревни Цемена [222].

Васильевщина – Большие Дубовицы

Болото Сучан, расположенное западнее Больших Дубовиц и подходившее к дороге Васильевщина – Бяково, было «сухим», т. е. без трясин. Для танков оно было непроходимым местом, но пехота могла «просочиться» через него. Поэтому мы и немцы держали болото под тщательным наблюдением. В светлое время суток над Сучаном висела сторожевая тишина, а с вечерних сумерек до рассвета немцы осыпали его дождем мин и пуль.

26-я отдельная морская стрелковая бригада, сформированная на Южном Урале из моряков-тихоокеанцев, ночью 5 мая выгрузилась на станции Валдай. Строго соблюдая маскировку, без потерь, бригада заняла исходное положение в лесу на краю болота Сучан западнее деревни Кутилиха.

16 мая в 20.00 над лесом взмыла красная ракета. Начался артиллерийский налет на передний край эсэсовцев у деревни Большие Дубовицы. Батальоны первого эшелона, следуя за разрывами своих снарядов, ворвались на восточную окраину деревни. Эсэсовцы готовили субботнюю баню. Атаки они не ожидали и бежали в направлении Васильевщины. Обычно солдаты «Мертвой головы» по воскресеньям отдыхали от войны: пили шнапс, играли на губных гармошках и пели сентиментальные песни. Но в это воскресенье их погнали в контратаку, чтобы вернуть потерянный выгодный рубеж. Шесть контратак успеха не имели, а стоили врагу недешево – около трехсот убитых.

Добровольческий корпус «Данмарк», включенный в состав боевой группы Эйке, получил важное задание – удерживать северную часть коридора, что было названо операцией «Данеборг». Из истории 290-й пехотной дивизии:

«В первые июньские дни свободный корпус «Данмарк» слева от Пола совместно с расположенной в Налючах 290-й I.D планируют операцию «Данеборг», которая должна продвинуть вперед до Дубовиц северный фронт «рукава» и вслед за этим выдвинуть вперед на север SS-T дивизию и потом 126-ю I.D до Рамушево. По ширине (лишь 4 км) «рукав» слишком узкий, чтобы беспрепятственно там действовать и продвигаться без постоянных потерь.

Во время подготовки немцев к операции русские уже 3 июня атакуют дорогу, которая лишь размытая, разрушенная, едва починенная полоса местности. 5 июня свободный корпус готов к выступлению. Ему подчинены и также идут в бой отдельный от 290-й I.D батальон Буша и батарея Дайкэ A.R.290.

5 июня удается взятие Дубовиц. Командир свободного корпуса фон Шальберг погибает. Участие в этом успехе приняли A.R.2 при атаке, I.R.503. при отвлекающих ударах на Голубово и Кастенвэльдхен (лес), I.R.501. при ударе 2-го батальона у Налючи и при фланговом огне всех пехотных орудий по русским позициям и артиллерийским эшелонам.

Несмотря на свои высокие потери, свободный корпус в контрударе может задержать продвижение русских к дороге. Но при дальнейших атаках русских становится невозможным удерживать отдельные участки, правая половина которых занята 8-й егерской дивизией. Ее правый фланг соединяется у Пола с 290-й и подчиняется недавно сформированной группе генерал-лейтенанта Кнобельсдорфа, которая в следующем месяце ответственна за сохранение и расширение «рукава».

Батальон Буша состоит в это время из 1 офицера, 19 унтер-офицеров, 106 солдат, все они из строительных батальонов 306, 680, 25 и 674. 15 июня его переводят в Цемену».

Нацистская пропаганда всячески превозносила героизм датских добровольцев. Вот один отрывок из газетной статьи: «Вместе со многими храбрыми датскими офицерами, унтер-офицерами и солдатами в этой операции пал и командир, оберштурмбанфюрер фон Шальберг, как борец за великую европейскую идею. Но несмотря на эти тяжелые потери, добровольческий корпус не сдался и добился своей атакой того, что на некоторое время на линии фронта воцарилось спокойствие. Затем последовали новые задания, они исполнялись, несмотря на то что это стоило большой крови. В этих боях погиб, среди других, и наш следующий командир. После этой операции численность корпуса сильно сократилась, но боевой дух не был сломлен» [223].

Но недолго враг был хозяином развалин Больших Дубовиц. 55-я стрелковая дивизия полковника Загольева 10 июня вернула все на свои места. Большую помощь оказали пикирующие бомбардировщики 58-го Краснознаменного авиаполка.

55-я стрелковая дивизия. Запись в журнале боевых действий:

...

«В 3.00 05.06.42 г. пр-ку удалось при помощи 20 танков, самолетов, арт. и мин. огня выйти в стык наших частей на болоте Сучан и занять Бол. Дубовицы, но 10.06.42 г. дивизия, подготовившись, нанесла сильный удар, выбив его с огромными потерями для него, из Бол. Дубовиц. Дивизия провела целый ряд наступательных операций в направлениях Налючи, Рыкалово, Бяково» [224].

Большой ущерб противнику дивизия нанесла наступательными действиями 8 июля 1942 г. за рошу «Круглая» и 18 августа 1942 г. за высоту 32.7.

Бои в этом районе не утихали ни весной, ни летом, ни осенью 1942 г. Наши части пытались захватить деревню Васильевщину, оседлать дорогу Васильевщина – Бяково, основной путь снабжения демянской группировки немцев.

Противник этому противодействовал и старался отбросить наши войска к северу от дороги. Наиболее жестокие бои с громадными потерями с обеих сторон развернулись между деревнями Васильевщина и Большие Дубовицы.

Оборона противника в инженерном отношении была сильна, имела мощную огневую систему, не надо забывать и то, что оборону здесь держали эсэсовцы дивизии «Мертвая голова». Наибольшего успеха, к сожалению единственного, удалось достичь в ходе июльского наступления 11-й армии.

170-я уральская стрелковая дивизия под командованием полковника Ушакова, уже имевшая небольшой боевой опыт, в составе 34-й армии с 5 по 17 июля совершила марш и сосредоточилась в районе Большого Яблонова, где перешла в подчинение 11-й армии.

С 17 июля дивизия вела наступательные действия в районе Васильевщины, имея задачу прорвать оборону противника на фронте: роша Круглая 3 км западнее Больших Дубовиц, лес 1 км западнее и южнее Больших Дубовиц, в дальнейшем, развивая успех, овладеть отм. 32.2 и выйти на дорогу Васильевщина – Бяково.

После мощной артиллерийской подготовки передний край обороны противника был прорван к вечеру 17 июля. К исходу следующего дня, несмотря на упорное сопротивление врага, дивизия овладела Васильевщиной и дорогой Васильевщина – Бяково. 19 и 20 июля противник бросил все свои резервы на восстановление прежнего положения. Вражеская авиация непрерывно бомбила боевые порядки дивизии. Автоматчикам противника силой двух рот удалось просочиться в глубь нашей обороны, окружить 717-й и часть 391-го стрелкового полка. Прорвав кольцо окружения, полки закрепились на северной опушке леса, болото Круглое 1,5 км севернее Васильевщины [225].

Одновременно с уральской дивизией перешла в наступление на Васильевщину 126-я стрелковая бригада полковника Карлова и следом за ней полки 22-й гвардейской стрелковой дивизии

полковника Свиридова. Они наступали восточнее полосы 170-й дивизии: между болотом Сучан и рекой Пола.

Ошеломленный шквалом артиллерийского огня, противник не смог оказать должного сопротивления и попятился под натиском наших пехотных частей. Без боя были взяты Песчаные Курганы и высота Пунктирная. Враг отошел за круглое болото в излучину реки Пола между Васильевщиной и Рыкаловом.

Наступая на узком участке, не превышающем двух километров, наши части попали под перекрестный артиллерийский минометный и пулеметный огонь. Вражеская авиация подвергла наступающих жестокой бомбежке. Одновременно враг начал сильные контратаки слева и справа. Несмотря на большие потери, преодолевая отчаянное сопротивление, к 18 июля была занята северная окраина Васильевщины.

На этом рубеже враг оборонялся ожесточенно. Пехоте пришлось залечь в сырой болотистой местности. 21 июля, подтянув большие резервы и сосредоточив большое количество артиллерии, враг перешел в контратаку, бросив в район Больших Дубовиц сильные группы автоматчиков. Части 22-й гвардейской стрелковой дивизии и 126-й стрелковой бригады вынуждены были отойти за высоту Пунктирная. Попытки врага атаковать Большие Дубовицы успеха не имели.

Высота Пунктирная была важным объектом и для нас, и для противника. Бои за нее шли практически постоянно. В ночь на 19 августа моряки 26-й стрелковой бригады атаковали эту высоту и выбили немцев из траншей и дзотов. В девять часов утра Пунктирную бешено контратаковали эсэсовцы «Мертвой головы», но наши бойцы отразили их натиск. В небе появились желтобрюхие «мессершмитты». Наши зенитки встретили их плотным заградительным огнем. Один стервятник вспыхнул факелом и врезался в лес. Остальные самолеты, не пикируя, сбросили бомбы куда попало.

Вскоре противник предпринял новую контратаку на Пунктирную. Пехоту поддерживали танки. Наши бойцы со связками гранат поползли навстречу идущим к траншеям танкам и три из них заставили остановиться. Стрелки и пулеметчики истребляли пехоту врага. Враг был опять отброшен от высоты.

Трое суток длился бой за Пунктирную. Песок забил все механизмы. Винтовки, автоматы и пулеметы отказали и у нас и у врага. Дрались гранатами, штыками, прикладами. К вечеру 21 августа немцы отступили и прекратили контратаки.

Это был один из немногих успехов войск в этом районе боевых действий, несколько дней спустя враг смог Пунктирную вернуть себе.

Всем на Северо-Западном фронте была известна 133-я отдельная стрелковая бригада во главе с вновь назначенным командиром подполковником З.С. Ревенко, еще в 1941 г. награжденным орденом Красного Знамени.

Выполняя задачу, бригада в начале августа 1942 г. неожиданным ночным ударом значительно потеснила фашистов в районе болота Сучан. Получив подкрепление, враг 4 августа обошел фланг бригады. Расчет был простой: под угрозой окружения советские воины отойдут. Но этого не произошло.

Две недели окруженные два батальона 133-й и один батальон соседней 151-й стрелковой бригады под общим командованием капитана Ф.В. Смекалкина прочно удерживали захваченный рубеж от натиска превосходящих сил врага...

Недостаток боеприпасов и продовольствия не снизил активности воинов. Они оставили рубеж лишь по приказу. Прикрываясь пулеметами, действуя штыками и гранатами, истощенные, но сильные духом бойцы и командиры прорвались к своим. Они вынесли всех тяжелораненых, а кто мог стоять на ногах, приняли участие в прорыве [226] .

Деревня Васильевщина, весна 1942 г.

Тяжелые испытания выпали на долю 384-й сибирской стрелковой дивизии полковника И.Д. Морозова, сформированной в городе Ишиме осенью 1941 г. Дивизия активно действовала по уничтожению противника в лесу севернее болота Круглое и на высоте Пунктирная. В ночь с 3 на 4 сентября она приняла дополнительно боевой порядок 717-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии и закрепилась на рубеже с задачей не допустить прорыва противника на северо-запад. Ее линия обороны проходила на рубеже 500 м севернее болота Круглое, северные и северо-восточные скаты высоты Пунктирная. На высоте Песчаная была организована противотанковая оборона с целью не допустить прорыва живой силы и танков противника на Большие Дубовицы. Первоочередной задачей являлось вести активные боевые действия с целью выхода на южный берег болота Круглое и на южные скаты высоты Пунктирная.

Недавно назначенный заместителем командующего 11-й армии генерал-майор М.Н. Клешнин вплотную занялся организацией наступательных операций в районе Большие Дубовицы – Васильевщина. Его адъютант капитан П.И. Савченко в своем дневнике дает картину хода боев в этих и других местах в полосе 11-й армии.

Я, автор этой книги, родившийся в деревне Зорянка, хорошо знаю места, где проходили осенние бои 11-й армии, несколько лет изучал эту тему. С полным основанием считаю записки капитана П.И. Савченко соответствующими действительности. Текст записок привожу без изменений.

Из записок капитана П.И. Савченко

...

«13.09.42. Утро. Сбор к выезду. Кутилиха. Через Полу к Морозову. Командиры 22 г.с. д, 28 г.с. д, 384 с.д. со своими артиллеристами в сборе... Морозов. Доложил задачу: для активных действий выделяет 3 штурмовые группы (роты). Замысел: штурмовая группа 1 штурмует высоту. После этого штурмовая группа 2 выполняет свою задачу – удар на запад. По выполнении штурмовая группа 3 выбивает противника из южных скатов высоты.

Артиллерийское обеспечение: М-30 – 300 снарядов (3 залпа). Все снаряды выпускаются до начала действий пехоты. После каждого залпа артиллерийский налет прямой наводкой на случай контратаки: 2 танка вкопанные, 12 пулеметов, «М-13». Отпущено снарядов 50–60 процентов. Танков:

7 средних и 5 малых. 4 танка Т-34 используются как огневые точки. Долгое обсуждение действий танков. Генерал приказал взвод танков передать командиру роты, и пускай подумает, как использовать ОТ. Танки бесшумно подтянуть на 30 м к... 28 гсд. Для выполнения задачи выделяется 3 штурмовые группы (60, 100, 60). Для поддержки их выделяются ПА с 200 снарядами, 400-82, 150 снарядов 120 мм... Каждая группа имеет: первая – станковые пулеметы и автоматы, вторая – то же. Командиры для выполнения задачи все подготовили. Будут готовы к 24 часам.

...

16.09.42.

Утро. Едем к Морозову... В 9 часов с юга доносится канонада. Видимо, 1-я у.а. начинает войну. На нашем участке артиллерия молчит. Вести Морозова за вчерашний день печальные: до сотни вышло из строя, успех небольшой. Цель сегодняшнего дня, сказал генерал Морозову, будет заключаться в следующем: чтобы подготовленный огонь направлялся целесообразно и чтобы группа была подготовлена так, что когда нужно, сразу заняла бы свои позиции. В 10 часов сыграла адскую музыку М-30. На мгновение немцы притаились. В ответ посыпались мины шестиствольного миномета на Большие Дубовицы и снаряды по району Чапово... Гремело всю ночь. Война безуспешна. Пунктирную развалили, но не заняли. Очень жаль.

...

20.09.42.

Осень в своих правах. Дождь лил полную ночь и льет полный день. По берегу добрались до Морозова. Доложил о подготовке к захвату высоты. Морозов просит батарею Красикова. Атака определена на 5 часов 30 минут через пару дней. Силы для атаки 328 человек (4 роты). Средства усиления: танков-3, М-30 – 130 ап. Боевой порядок – штурмовые взводы. Атакой руководит командир 1274 сп Ткаченко».

23 сентября 1942 г. в 24.00 штрафная рота, три стрелковые роты 1274-го полка пошелонно заняли исходное положение для атаки. Одна рота 1276-го стрелкового полка выдвинута на южную окраину Больших Дубовиц.

24 сентября в 06.45 – начало наступления. 06.25–06.30 артиллерийский налет по высоте Пунктирная. 06.30–06.37 огонь М-30 по высоте Пунктирная и М-20 на участке 55-й стрелковой дивизии. Снова артиллерийский налет до 06.40. После окончания артиллерийской подготовки пехота при поддержке трех танков пошла в атаку. Наши передовые подразделения захватили первые две вражеские траншеи и вышли на южный скат высоты Пунктирная. Более трех рот 28-го пехотного полка противника уничтожены. Часть уцелевших вражеских солдат отошла в лес в районе болота Круглое.

Через десять минут после начала нашей атаки противник из глубины своей обороны открыл сильный артиллерийский огонь и минометный заградительный огонь по безымянному ручью на северной стороне высоты Пунктирная, по гребню высоты Песчаная, по ручью Дубовик. Сильный сосредоточенный огонь по высоте Пунктирная преградил подход к высоте подразделений 1276-го стрелкового полка, наступавших во втором эшелоне. Огонь заставил третью роту 1274-го полка прекратить атаку леса севернее болота Круглое. Продвижение частей дивизии приостановлено. Штрафная рота и первая рота 1274-го стрелкового полка в течение дня под ураганным огнем вели бои за удержание высоты Пунктирная. Противник подтянул из глубины обороны резервы (6 автомашин с пехотой до 120 человек), неоднократно контратаковал. К исходу дня все защитники высоты были выведены из строя. С поля боя вышли раненые, контуженный политрук штрафной роты Астахов с одним пленным. 1276-й стрелковый полк, понеся большие потери, смог пробиться только до рубежа обороны, занимаемого до начала боя 1274-м стрелковым полком. К исходу дня части дивизии перешли к обороне на позициях, занимаемых до начала наступления.

Соседние подразделения 55-й стрелковой дивизии вели операции мелкими группами. Высота Пунктирная – сильный узел сопротивления, состоящий из нескольких взаимоподдерживающих узлов. Через каждые 25–30 м огневая точка. Непосредственно на передовой у противника находится небольшое количество солдат, остальные отведены в глубину. В случае нашей атаки резервы быстро подбрасываются как по траншеям, так и на автомашинах из глубины [227] .

28 сентября и 2 октября части 384-й стрелковой дивизии пытались отдельными группами вести бой за овладение опорными пунктами противника. Сильный вражеский огонь не допустил наши подразделения до переднего края.

И в дальнейшем наши войска вели боевые действия в этом районе, но успеха не имели. Когда развернулись бои за ликвидацию «коридора» в восточной его части, этот район стал второстепенным.

Глава 17 СРАЖЕНИЯ ЛЕТА 42-го ГОДА

Наступление 5–25 мая

С мая 1942 г. по март 1943 г. 1-я ударная и 11-я армии предприняли в целях уничтожения демянской группировки шесть частных наступательных операций. Поскольку цель всех операций была одна – закрытие «рамушевского коридора» с последующим уничтожением демянской группировки, то и замыслы их, в принципе, были одинаковы: нанесение встречных ударов с севера войсками 11-й и с юга 1-й ударной армий. Менялись, да и то незначительно, участки, на которых наносились удары, а также привлекаемые для наступления силы и средства. Схожесть замыслов, а также другие факторы, особенно погодные, обуславливали примерно одинаковый для всех операций ход боевых действий и их неудовлетворительный конечный результат. На смену затяжной холодной весне пришло, по мнению старожилов, самое дождливое за много лет лето. Дождь шел непрерывно, временами с порывами ветра. Почва полностью размокла.

11 мая немцами была закончена постройка моста через Полу и 6 легких зенитных орудий и 9 легких танков были переправлены на правый берег между Новыми Горками и Коломой. Именно в этот район должны были выйти войска 11-й армии, что требовала директива Ставки ВГК от 22 апреля. Задача эта войсками 11-й армии была не выполнена. Не выполнена оказалась она и до самого момента ликвидации демянского плацдарма.

15 мая новый немецкий мост у Коломы рушится – из-за дождей в последние дни уровень воды в реке Пола поднялся на 1,5 м.

Настроение немцев меняется. Вот некоторые воспоминания: *«Начинается атака комаров. Огромные тучи поднимаются из теплых болот, и от них не спастись. Они сосут кровь у трупов в лесной чаще и в непроходимых болотах и сосут более сладкую кровь живых. Искусанная кожа опухает, болит, если ее чесать. Товарищ Асмус глазами ничего не видит, они расположены глубоко под опухшими веками.*

30 мая поступили меховые варежки. Это предусмотрительная забота Геббельса о следующей зиме. Но мои замерзшие ноги и дальше будут меня мучить, пока я смогу пока еще жить. Но также и население оккупированных территорий страдает от голода, холода, тесноты помещений, болезней, потери крови, они хоронят погибших» [228].

Первая наступательная операция была предпринята практически сразу же после образования «рамушевского коридора» – с 6 по 25 мая. По замыслу командующего фронтом встречные удары нанесли 11-я армия с севера из района Пола – Веретейка – Беглово (15–20 км северо-восточнее Рамушево) и 1-я ударная армия с юга из района Залучья. По решению генерала В.И. Кузнецова главный удар наносила группа генерала В.З. Романовского (7-я гвардейская и 391-я стрелковые дивизии 14, 37, 42, 45-я стрелковые бригады, 37-й гвардейский, 589-й и 593-й легкие артиллерийские полки, 42-й полк и 16-й отдельный дивизион гвардейских минометов, роты 149-го танкового батальона 69-й танковой бригады). Наступление начиналось из районов северо-западнее Залучья в общем направлении на Годилово – Большое Засово – Новые Горки (10–15 км северо-восточнее Залучья). Вспомогательный удар наносила группа генерала Н.Д. Захватаева (28-я гвардейская, 397-я стрелковая дивизии, 15, 47 и 121-я стрелковые бригады, 264-й артиллерийский полк, два дивизиона гвардейских минометов, рота 149-го танкового батальона – шесть Т-34) на участке Рамушево – Большие Горбы. В резерве армии находилась 41-я стрелковая бригада [229].

В 6 часов 6 мая войска группы Романовского после 30-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Удалось в первые дни вклиниться в оборону группы Эйке в глубину на 1–1,5 км. Группа Захватаева продвижения не имела. На исход наступления повлияли массированные удары вражеской авиации. В журнале боевых действий 1-й ударной армии отмечалось: «...ввиду

отсутствия путей подвоза в армию боеприпасов, продовольствия, горючего и фуража армия вынуждена по всему фронту прекратить дальнейшее наступление и перейти к обороне» [230] .

Уже отмечалось, что войска 11-й армии, начав наступление 2 мая, в заданный район около деревни Колома не вышли.

Первая наступательная операция показала, что противник успел закрепить «стенки коридора» и организовать прочную оборону, а сил фронта явно недостаточно для ее преодоления. Приказом Ставки ВГК от 22 мая генерала В.И. Кузнецова сменил генерал-лейтенант В.З. Романовский.

Перегруппировка сил 1-й ударной

5 июня И.В. Сталину был представлен план перегруппировки сил и средств, согласно которому 1-я ударная армия, обороняясь в полосе от северного берега болота Большой Мох (20 км восточнее Залучья) до Лопари (25 км севернее Холма), отводила левый фланг на восточный берег Ловати. Этот район удерживать было нецелесообразно, он весьма затруднял действия войск и обрекал их на пассивность. Отводились части 28-й гвардейской, 397, 364, 129 и 201-й стрелковых дивизий, 15-й и 27-й стрелковых бригад. В качестве прикрытия на западном берегу оставались 47,121 и 44-я стрелковые бригады.

Войска с плацдарма отводились поэтапно в течение 7–12 июня. Отряды прикрытия, выделенные от каждого полка, почти двое суток удерживали занимаемые позиции и не дали противнику возможности начать преследование отходящих войск. Большинство воинов отрядов погибло. Вот один пример. Отряд прикрытия 191-го полка 201-й латышской стрелковой дивизии под командованием командира пулкрыты лейтенанта Жирнова двое суток удерживал позиции, занимаемые ранее полком. Из отряда живым остался только один раненый боец. Лейтенант Жирнов посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

После завершения отвода состав 1-й ударной армии сократился с семи дивизий и двенадцати бригад до пяти дивизий и восьми бригад. В резерв фронта были выведены 28-я гвардейская и 201-я латышская стрелковые дивизии, 154, 27 и 41-я стрелковые бригады, 1-я лыжная бригада и четыре лыжных батальона расформированы.

Новая полоса обороны 1-й ударной армии должна была состоять из главной полосы обороны с передним краем по восточному берегу Ловати. Планировалось создать предполье на рубеже рек Редья и Порусья. Но обстановка внесла свои коррективы. Противник выбил из Поддорья 3-й батальон 44-й стрелковой бригады и вышел на шоссе Старая Русса – Холм, где и закрепился. Поэтому вскоре предполье стало главной полосой обороны.

Из-за частых и обильных дождей уровень грунтовых вод, а также воды в реках, озерах и болотах был необычно высоким. Это увеличило объем оборонительных и дорожных работ. Армия была усилена тремя инженерными и одним понтонно-мостовым батальоном. Для улучшения снабжения по указанию командующего фронтом 30-я железнодорожная бригада к 15 июля построила узкоколейную дорогу от Свапуши до Моисеево (50 км). От Осташкова, где находилась армейская полевая база, до Свапуши грузы доставлялись по озеру Селигер. К концу августа построена и вторая очередь дороги от разъезда 122-го километра железной дороги Бологое – Великие Луки до станции Яминец (70 км).

В связи с предстоящими наступательными действиями по указанию Ставки с июня начала совершенствоваться организационно-штатная структура войск. Оперативные группы генералов Ф.П. Озерова и А.С. Ксенофонтова были преобразованы соответственно в 27-ю и 53-ю армии. Авиация изымалась из подчинения армий и объединялась в 6-ю воздушную армию (командующий генерал-лейтенант Д.Ф. Кондратюк), в армиях оставались авиаотделы. В 1-й ударной армии остался смешанный авиационный полк (2 эскадрильи – 10 истребителей ЛаГГ-3, 23 самолета У-2).

Противник, в свою очередь, усиленно готовился отразить наступление войск фронта. В «рамушевский коридор» были введены переброшенные из-под Ленинграда 126-я и остальные части 81-й пехотных дивизий, из «демянского котла» – дивизия СС «Мертвая голова». В наиболее заболоченные районы перед левым флангом 1-й ударной армии, помимо авиаегерских полков, были выдвинуты в первую линию три батальона штрафников военно-воздушных сил. Все это позволило командованию 16-й армии значительно уплотнить боевые порядки войск и создать сильную оборону.

Июльское наступление

Наряду с оборонительными работами велась подготовка к операции по разгрому демянской группировки противника. По замыслу командующего фронтом главный удар наносили с севера 11-я и 27-я армии в междуречье Ловати и Полы, а вспомогательный с юга – 1-я ударная армия вдоль восточного берега Ловати, с целью перерезать шоссе Старая Русса – Демянск восточнее Рамушево. По решению командующего 1-й ударной армии главный удар наносили левофланговые части 1-го гвардейского стрелкового корпуса из района восточнее Новоселья в северном направлении, с задачей овладеть дорогой Бяково – Омычкино. На остальном фронте войска армии должны были вести активную оборону. Плотность артиллерии составляла всего 62 орудия и миномета на 1 км участка прорыва.

В 14 часов 17 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки и залпа реактивных минометов ударная группировка перешла в наступление. В течение первых двух дней она вклинилась в оборону противника на узком участке на глубину 1,5–2 км. В последующем ударная группировка смогла продвигаться всего лишь на сотни, иногда даже на десятки метров в день. Противник оказывал сильное огневое воздействие артиллерией и ударами авиации, его оборона была насыщена минными полями, лесными завалами. После недели боев наступление окончательно выдохлось, и генерал Романовский вынужден был принять решение перейти к обороне.

Войска 11-й армии генерала В.И. Морозова вели наступление на обеих сторонах реки Пола. 55-я стрелковая дивизия 17 июля перешла в состав 11-й армии. В историческом формуляре дивизии записано:

...

«С 17.07 по 13.09.42 г. дивизия вела наступательные бои в районе Васильевщина, имея задачу прорвать оборону пр-ка на фронте роща Круглая 3 км зап. Бол. Дубовицы, лес 1 км зап. и южн. Бол. Дубовицы, в дальнейшем, развивая успех, овладеть отм. 32.2 и выйти на дорогу Васильевщина – Бяково.

После мощной арт. подготовки передний край обороны пр-ка был прорван, и к 22.00 17.07.42 г. части дивизии вышли на рубеж: дорога Васильевщина – Бяково...

18.07.42 г. к исходу дня, несмотря на упорное сопротивление противника, овладела с. Васильевщина и дорогой Васильевщина – Бяково. 19–20.07.42 г. пр-к бросил все свои резервы на восстановление прежнего положения. Авиация пр-ка непрерывно бомбила боевые порядки дивизии. Автоматчикам пр-ка силой до двух рот удалось просочиться в глубь нашей обороны, окружить 717 СП и часть 391 СП. 717 СП совместно с 391 СП прорвал кольцо окружения и закрепился на сев. опушке леса, болото Круглое 1,5 км сев. Васильевщины» [231].

На правом берегу Полы вели наступление 201-я латышская, 282-я и 370-я сибирские стрелковые дивизии, 126-я и 133-я стрелковые бригады. 282-я стрелковая дивизия и 126-я стрелковая бригада совместными усилиями расширяли к югу плацдарм вдоль реки от деревни Налючи, 370-я стрелковая дивизия вела наступление на Голубово.

201-я стрелковая дивизия 17 июля вошла в состав 11-й армии, совершила марш, и уже к утру 20 июля дивизия с приданным 482-м танковым батальоном 117-й танковой бригады подготовилась к атаке на высоту Огурец, 600 м севернее Туганово. Перед ней стояла ближайшая задача овладеть Тугановом, в дальнейшем, прикрываясь со стороны Симонова, развивать наступление на Большие Роги.

Впервые на советско-германском фронте в боевых условиях были применены реактивные минометы М-30. По свидетельству очевидцев, результат их удара был ошеломляющий. При их поддержке 126-я стрелковая бригада овладела кладбищем на берегу реки Пола и лесом в двух километрах западнее Туганова. В 20.20 20 июля после тридцатиминутного артиллерийского налета дивизия, согласно приказу командарма, перешла в наступление и, преодолевая сильный огонь противника, медленно продвигалась вперед.

Должного взаимодействия между дивизионами РС М-30 и стрелковыми полками не было. Поэтому одна рота 191-го стрелкового полка попала под огонь РС М-30 и потеряла до двух взводов убитыми и ранеными. Атакующие неожиданно наткнулись на проволочные заграждения перед

дзотами. Противник вызвал огонь из глубины своей обороны по дзотам. Со стороны дороги на Туганово немцы бросили шесть танков. Не достигнув Голубова, но неся большие потери, безуспешно атаквали Туганово. Поддержки соседей: слева – 370-й стрелковой дивизии и справа – 126-й стрелковой бригады – не было, подразделения латышской дивизии отошли в исходное положение. Не добились успеха в этот день и все соседи. До 27 июля 201-я латышская стрелковая дивизия оборонялась на достигнутых рубежах, ведя огневой бой с противником.

27 июля, выполняя приказ командующего 11-й армией, дивизия вновь возобновила наступление, имея задачу прорвать передний край немецкой обороны в районе Голубово, Туганово и лес юго-западнее Никольского и наступать в общем направлении на Большие Роги.

В 16.40 после артиллерийской подготовки 201-я стрелковая дивизия стремительным броском с опушки леса юго-западнее высоты Огурец, преодолевая упорное огневое сопротивление противника, захватывает Туганово и продолжает наступление. Части дивизии, отражая контратаки и преодолевая сильный фланкирующий огонь, захватили дзоты. После введения противником в бой танков наступление приостановилось. Вследствие больших потерь в личном составе и плохой поддержки в развитии наступления соседями части дивизии отошли в исходное положение. К 24.00 27 июля в 92-м стрелковом полку имелось всего 92 активных штыка.

В ночь на 30 июля 92-й стрелковый полк предпринял атаку на Туганово с запада и северо-запада, но безуспешно.

До 10 августа противник проводит частые атаки переднего края латышской дивизии, доходящие до рукопашных схваток. Особенно ожесточенная борьба велась за высоту Огурец.

В журнале боевых действий 201-й латышской стрелковой дивизии есть интересная запись от 28.07.42 г.:

...

«К вечеру происходили воздушные бои над р-ном расположения дивизии, ружейно-пулеметным огнем 122 СП около д. Горчицы сбит немецкий истребитель. Наши истребители сбили два бомбардировщика, один из них упал в км юго-вост. д. Махлюево в 0,5 км от КП дивизии. Один из 4 летчиков выбросился на парашюте и приземлился в 1,5 км южн. д. Махлюево в расположении заградотряда. Место приземления было оцеплено. Немецкий летчик отстреливался. Капитан госбезопасности тов. Цикис решил взять летчика живым, кинулся на летчика, но был убит выстрелом из пистолета. Вслед за этим наши бойцы пристрелили фашиста. По его документам установлено, что он член фашистской партии, отъявленный нацист.

К горящему бомбардировщику бросился начальник 2 отдела штаба дивизии полковой комиссар тов. Андерсен. Он только что вернулся из разведки, разулся и сушил промоченное белье. Босой, в нижней рубашке Андерсен сумел вытащить из самолета пушку, снаряды, пулемет, парашют и часть документов сгоревших немецких летчиков. Снаряды и бомбы в любое время могли взорваться и погубить смельчака, не пожалевшего свою жизнь.

Другой бомбардировщик упал ближе к фронту. Для фашистов эта неудача будет памятным уроком» [232] .

Противник продолжал упорно обороняться на занятых рубежах. Его оборонительная система в районе Голубово, Туганово и в лесу юго-западнее Туганова состояла из отдельных дзотов и стрелковых окопов. Таким образом, создана единая огневая система, в которой особое внимание уделено фланкирующему огню. Все сооружения в этом районе связаны между собой разветвленной и развитой системой ходов сообщения. Линия боевого охранения противника создана из отдельных, далеко выдвинутых вперед и хорошо замаскированных огневых точек.

Причем противник использует в этом районе в качестве дзотов зарытые в землю подбитые танки. Глубина обороны проходит от Симоново, включая и ее. В лесу юго-западнее высоты Огурец сооружены дзоты бревенчато-земляного типа. Все подступы к переднему краю обороны, району расположения дзотов и дотов и отдельно расположенных точек, противником пристреляны артиллерией и минометным огнем. Авиация противника свою боевую деятельность ограничила разведывательными полетами над районом частей. Противник спешно ставит проволоочные заграждения по переднему краю.

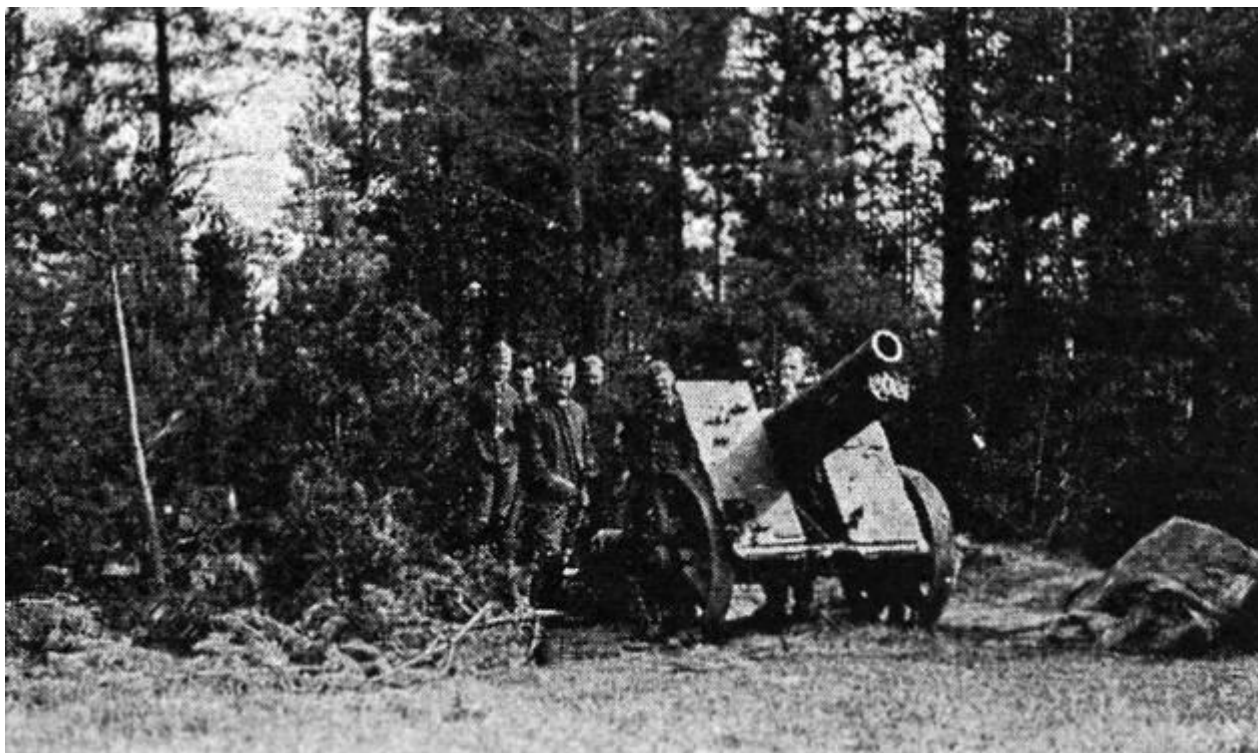
Наша артиллерия из-за недостатка снарядов не может подавить все видимые огневые точки

противника. Опыт последних боев показал, что наступление группами 25–30 человек на оборону противника нужных результатов не дает. Причина – неподдавленные огневые точки. 92-й стрелковый полк за 26 и 27 августа понес потери до 200 человек убитыми и ранеными.

Командир дивизии генерал-майор Вейкин приказал продолжать наступление методом отрытия траншей в сторону расположения противника до минимального расстояния, после чего быстрым рывком овладеть траншеями противника (приказ № 119 АП от 28.08.42 г.). К рытью траншей привлекались саперы из 53-го отдельного саперного батальона.

До конца августа подразделения дивизии неоднократно пытались прорвать вражескую оборону, но огневую систему противника преодолеть не удавалось.

1 сентября обороняющийся противник в 4.15 перешел в контрнаступление с целью захвата высоты Огурец и опушки леса южнее Никольского. Наступление было предпринято силами 501-го и 532-го пехотных полков 290-й пехотной дивизии общей численностью 1000–1200 человек. В наступлении из района леса юго-западнее Туганова и северо-восточного направления участвовали не менее двух батальонов пехоты численностью до 200–250 человек. Перед наступлением противник открыл ураганный артиллерийско-минометный огонь по высоте Огурец и силой более батальона атаковал высоту. Наш гарнизон был полностью уничтожен артиллерией и минометным огнем, противник овладел высотой Огурец и немедленно стал создавать там оборону.

Немцы широко использовали крупнокалиберную артиллерию

2 сентября были попытки выбить противника с высоты, но удалось захватить только ее северный склон. До 10 сентября 201-я стрелковая дивизия на своем фронте вела оборонительные действия, затем сдала участки 282-й стрелковой дивизии [233]. Причины неудач второй наступательной операции были в основном те же, что и первой. Однако операцию нельзя оценивать только по ее тактическим результатам. Она позволила сорвать запланированное наступление 16-й немецкой армии в направлении Осташкова, нанести ее частям урон. Германское командование вынуждено было привлечь к обеспечению оборонительных действий большое количество транспортной авиации в ущерб интересам главной группировки немецко-фашистских войск, наступавшей на Сталинградском направлении и на Кавказе. Сложившаяся там тяжелая для советских войск обстановка требовала от войск Северо-Западного фронта продолжать наступательные действия. Поэтому войска фронта сразу же после завершения второй наступательной операции приступили к подготовке новой. Военный совет фронта издал директиву на наступление с готовностью войск к 5 августа.

Третья операция повторяет предыдущую

Третья операция (10–21 августа) по замыслу отличалась от второй. 11-я армия, наносившая главный удар, и 1-я ударная – вспомогательный, должны были разорвать «рамушевскую горловину» на восточном берегу Ловати в самом узком месте, где ее ширина не превышала 3–4 км.

К отражению нового наступления советских войск готовился и противник. По оценке штаба фронта, в его полосе оборонялись до 19 дивизий (18-я моторизованная, 290-я пехотная, дивизия СС, 7-я горноегерская, 122, 123, 126, 30, 32, 12, 329, 85-я легкопехотные, по одному полку от 81, 218, 225 и 281-й пехотных дивизий, полк «Норд», сводный полк 10-го армейского корпуса, подразделения 10-го танкового полка, 8-я танковая дивизия и 203-й танковый полк). Основная группировка (семь-восемь пехотных дивизий, 70–100 танков) находилась в полосе: справа – восточный берег Ловати, слева – Вязовка, Цемена, что не исключало возможности перехода противника в наступление с целью расширения васьильевско-рамушевской горловины [234].

Войска, оборонявшие «рамушевский коридор», были объединены в корпусную группу генерала Кнобельсдорфа. Вся территория «рамушевского коридора» была настолько насыщена войсками, огневыми средствами, минными полями, проволочными заграждениями, лесными завалами, траншеями и окопами, что уже мало чем отличалась от полевого укрепленного района.

27-я армия получила задачу по прочной обороне на занимаемых рубежах и подготовке огня артиллерии и минометов по району Рамушево, ручей Гусениц (западный), лес (3 км юго-западнее и южнее Рамушево) с целью недопущения воздействия вражеской артиллерии и минометов, с западного берега реки Ловать, по боевым порядкам частей 1-й ударной армии.

Войскам 34-й армии предписывалось провести во взаимодействии с правифланговыми частями 53-й армии операцию с целью овладения рубежом Полново – Селигер. По выполнении этой задачи следовало подготовить операцию по овладению Боженкой и Белым Бором. На остальных участках активными действиями отдельных отрядов сковать силы противника и не допустить вывода их войск в район Васильевщина – Бяково – Росино «рамушевского коридора».

Войска 53-й армии, обороняясь на занимаемых рубежах, должны были подготовить и провести совместно с левофланговыми частями 34-й армии операцию по овладению районом Полново – Селигер – Жабье. В последующем намечалось провести операцию по овладению Березником и Печищем.

Военно-воздушным силам фронта на подготовительном этапе предписывалось: прикрыть перегруппировку и развертывание войск 11-й и 1-й ударной армий; не допустить подхода резервов противника; уничтожить переправу через Ловать в Рамушево; нанести удары по противнику в районе Новое Рамушево, Омычкино, Бяково, Васильевщина, Рыкалово; вести воздушную разведку и борьбу с транспортной авиацией противника на трассе Старая Русса – Демянск.

В ходе первого этапа предстояло подавлять артиллерию и минометы противника в районах Васильевщина, Бяково, Июдкино, Точково, Большие Роги и Рамушево, Кобылкино; наносить удары с целью срыва контратак противника на Бяково, Омычкино, Васильевщину. На втором этапе: оказание содействия наземным войскам в уничтожении противника в районе Александровка, Старое Рамушево; недопущение переправы противника на западный берег Ловати и северный берег реки Старовская Робья [235].

Командующий фронтом планировал, сковывая противника активной обороной и частными атаками войск 27,34 и 53-й армий и частью сил 1-й ударной армии, нанести два удара. Первый – центром 11-й армии (22-я, 28-я гвардейские, 55, 170, 384 и 84-я стрелковые дивизии) с участка Налючи, курганы (1 км северо-западнее Рыкалово) и леса (1–4 км южнее и западнее Больших Дубовиц) в общем направлении на Васильевщину, Здоровец. Второй удар наносился силами 1-й ударной армии с рубежа Сутоки, восточнее Новоселья, в направлении Бяково. В первом эшелоне наступали 364, 391-я стрелковые дивизии и 37-я стрелковая бригада, во втором – преданная из 53-й армии 130-я стрелковая (бывшая 3-я Московская, Коммунистическая) дивизия полковника Н.П. Анисимова.

После захвата рубежа Васильевщина – Бяково войска обеих армий должны были очистить от противника восточный берег Ловати и леса к востоку от нее [236].

И тут опять вмешалась погода. Сильные дожди, прошедшие в первую неделю августа, размывали дороги, и настилы на них всплыли. В результате затянулась перегруппировка войск, застряли

артиллерия, автомашины, повозки. Утопая по колено в болотной жиже, люди пытаются сдвинуть технику с места, но безрезультатно. Для артиллерии пришлось оборудовать огневые позиции там, где она застряла, автомашины и повозки разгрузить и переложить боеприпасы на спины пехотинцев. Снова в соединениях и частях были скудные запасы боеприпасов и продовольствия.

Наступление началось утром 10 августа, на день позднее запланированного. Невысокая плотность артиллерии и короткая (10 минут) артиллерийская подготовка не обеспечили надежного подавления вражеской обороны. Поэтому наступающие части сразу же натолкнулись на стену огня. По указанию генерала П.А. Курочкина с утра 11 августа в первый эшелон 1-й ударной армии была введена 130-я стрелковая дивизия. Войска армии смогли овладеть рядом участков обороны 1-го полка дивизии СС «Мертвая голова». Чтобы не допустить развития наступления, эсэсовцы неоднократно переходили в контратаки. Только 14 августа нашими частями были отражены 16 контратак силой рота – батальон с мелкими группами танков.

В этот день при отражении одной из контратак выдающийся подвиг совершили девушки, бойцы 528-го стрелкового полка 130-й стрелковой дивизии Наталья Ковшова и Мария Поливанова. Они входили в снайперскую группу, выдвинутую командиром батальона в районе деревни Сутоки. Из письма однополчанки Ковшовой и Поливановой к матери Ковшовой:

«...Был жаркий бой. Наш полк теснил фашистов. Они остервенело лезли. У девушек был убит командир. Командование приняла Наташа.

Вскоре была тяжело ранена Машенька, затем Наташенька. К девушкам приближались пьяные фашистские офицеры и солдаты. Тогда Наташенька, поцеловав Машеньку, бросила гранату. Последовал взрыв, который подорвал фашистов, но от него также погибли девушки... Девушки были награждены орденами Красной Звезды 18 августа 1942 года.

Сейчас командование хлопочет о присвоении звания Героя Советского Союза».

Наталье Венедиктовне Ковшовой и Марии Семеновне Поливановой 14 февраля 1943 г. посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.

Неутихающие, напряженные бои, часто переходящие в рукопашные схватки, продолжались день за днем. 19 августа осколками мины в обе ноги был ранен генерал Захватаев. Поскольку приходилось преодолевать сплошную полосу оборонительных сооружений и заграждений, 15 августа по указанию генерала Романовского в наступающих подразделениях были созданы блокировочные группы (1–2 отделения саперов, отделение ампулометчиков, отделение автоматчиков), за которыми следовали стрелковые подразделения. Это была вынужденная тактика «прогрызания» обороны врага, при которой продвижение за день составляло не более 100 м.

И на этот раз 1-я ударная армия не смогла выполнить поставленную задачу. Не добилась успеха и 11-я армия. Наступающие на Васильевщину дивизии не смогли прорвать оборону противника, а вели бои за его уничтожение в отдельных районах и точках.

Из журнала боевых действий 28-й гвардейской стрелковой дивизии:

...

«11.08.42 г. 28 ГВ СД продолжает выполнять поставленную задачу в соответствии приказа штаба 11-й армии № 045. С 8.00 11.08.42 г. части дивизии после продолжительной арт. мин. подготовки начали наступление вперед, прогрызая передний край сильно укрепившегося пр-ка и в течение дня вели бой за овладение и уничтожение пр-ка в р-не отм. 32.7 и роща «Сапог».

12–13.08.42 г. Дивизия в итоге наступления встретила сильно укрепленные узлы сопротивления... отбивая контратаки, вели упорные бои за овладение и уничтожение пр-ка в р-не отм. 32.7, 33.2 и роща Сапог [237] .

И в других наступающих в этой полосе дивизиях успехи аналогичные.

Бои на правом берегу Полы

Войска 11-й армии на правом берегу реки Полы должны были своими наступательными действиями не позволить противнику перебросить подкрепления в район западнее Васильевщины, тем самым помочь ударной группировке 1-й ударной и частям 11-й армий в том районе.

Перед 201-й стрелковой дивизией была поставлена задача наступать в общем направлении

Голубово – Туганово – Большие Роги. К исходу второго дня наступления овладеть Большими Рогами и совместно с частями 282-й стрелковой дивизии и 144-й стрелковой бригадой окружить противника в районе леса западнее Туганово, южнее Новой Деревни, восточнее Налючи и уничтожить его по частям. 370-я стрелковая дивизия должна была вести наступление на Голубово и захватить его.

Наступающим частям предстояло преодолеть мощный рубеж обороны противника. Его оборонительная система в районе Голубово – Туганова и в лесу юго-западнее Туганова состояла из отдельных дзотов и стрелковых окопов, создающих единую огневую систему, в которой особое внимание уделено фланкирующему огню. Все указанные сооружения были связаны между собой разветвленной и развитой системой ходов сообщения. Линия боевого охранения противника состояла из отдельных, далеко выдвинутых вперед и хорошо замаскированных огневых точек. В качестве дзотов используются зарытые в землю подбитые танки. В лесу юго-западнее высоты Огурец располагался ряд дзотов бревенчато-земляного типа. Все подступы к переднему краю пристреляны артиллерией и минометным огнем. Авиация противника ограничилась проведением разведывательных полетов. Немцы спешно ставили проволочные ограждения по переднему краю.

А как воспринимал противник майские наступления 11-й армии? Из воспоминаний военнослужащих 290-й пехотной дивизии:

«...Уже утром 2 мая рано утром русские притесняют II/502 и II/503. Их атаки отражены. В 11 часов русские снова прощупывают почву. 201-й полк обнаруживает значительное подкрепление врага перед Дубовицами. Дивизионный командир едет на передовую для ориентировки и совещания. У Росино под его машиной взрывается мина. Генерал-лейтенант фон Врзде тяжело ранен и должен отправиться в госпиталь на родину, это серьезный удар для него, его офицеров и солдат, особенно накануне великих событий. В ночь на 3 мая артиллерия и реактивные противотанковые гранатометы обрушивают подготовительный огонь, такой, который по такой же плотности и количеству боеприпасов знают только солдаты Первой мировой войны.

Целый час обрушиваются атаки бомбардировщиков и истребителей на оборонительную линию «рукава» и северо-западную часть «котла».

...Там стоят внутри группа Зейдлица и группа Цорна, слева от реки Пола у Дубовиц группа Клеффнера из SS-T дивизии и дальше на запад части почти всех окруженных дивизий, также батальон Буша из 290-й. Неожиданно на их участок около роты Гризэ пробивается враг и блокирует дорогу. Буш до 15 часов 30 минут снова ее освобождает благодаря быстро сформированным ударным отрядам и решительной, хорошо руководимой роте Магерганса. Дальше на запад в течение трех дней бушевал с неухающей силой бой за жизнь 2-го армейского корпуса» [238].

До конца августа наши части ежедневно по несколько раз в день пытались атаковать противника, но под влиянием сильного фланкирующего минометно-пулеметного огня успеха не имели. Из-за нехватки боеприпасов огонь нашей артиллерии был неэффективным, а в 201-й стрелковой дивизии 17 и 18 августа он вообще не велся из-за отсутствия снарядов. В результате огневые точки противника не были подавлены.

Записи из журнала боевых действия 201-й стрелковой дивизии:

...

«28.08.42 г. Дивизия в течение первой половины дня вела наступательные бои за овладение высотой Палец... 1СБ 92 СП ведет упорную борьбу за овладение тремя танками 500 м севернее Голубово. Закрепившись у танков, группа бойцов уничтожена арт. – мин. огнем пр-ка, подступы к танкам все время обстреливаются пуль и мин. огнем пр-ка...

2 и 3 эшелоны ударной группы продолжают борьбу в траншеях до 6.00 28.08.42 г., точным минометным огнем пр-к вывел из строя всю наступающую группу. В результате траншеи остались без наших бойцов. Наша артиллерия не подавила все видимые ОТ пр-ка ввиду недостатка снарядов. Потери пр-ка убитыми в траншеях – не менее 60 чел. солдат и офицеров» [239].

Несмотря на огромные усилия и потери, поставленная задача обеими армиями выполнена не была. Им удалось лишь на одном из участков сузить «фамушевский коридор» до 2,5–3 км. Можно было не только визуальным наблюдением за движением противника по шоссе и полевой узкоколейной железной дороге, но и обстреливать их артиллерийским и даже пулеметным огнем.

...

Военный совет 1-й ударной армии представил 130-ю стрелковую дивизию за мужество и героизм, проявленные ее личным составом, к присвоению звания гвардейской. Приказом Народного комиссара обороны от 8 декабря 1942 года она была преобразована в 53-ю гвардейскую стрелковую дивизию. 4 января 1943 года ей было вручено гвардейское Знамя.

Наступательные и оборонительные действия постоянно совершали обе противоборствующие стороны. Высота Огурец в одном километре к северу от Туганова была очень удобным местом для артиллерийских позиций. 27 июля ее захватили подразделения 201-й стрелковой дивизии. До 1 сентября противник готовился к операции «Кино», к взятию этой высоты («Пушечная гора» – так называли ее немцы).

Журнал боевых действий 201-й стрелковой дивизии:

...

«01.09.42 г. Перед расположением дивизии обороняющий пр-к 01.09.42 г. в 4.15 перешел в контрнаступление с задачей захватить высоту Огурец и опушку леса южн. Никольское. Наступление пр-ка было предпринято силами 501 и 503 ПП 290-й пехотной дивизии общей численностью 1000–1200 чел. В наступлении из р-на леса юго-зап. Туганово и сев. – вост. направления участвовали не менее 2 батальонов пехоты, численностью до 200–300 чел. Перед наступлением пр-к открыл ураганный арт. – мин. огонь по высоте Огурец и силой более батальона атаковал высоту Огурец. Ввиду того, что гарнизон высоты Огурец был полностью уничтожен артиллерией и минометным огнем пр-ка, ему удалось овладеть высотой Огурец» [240] . (По немецким данным, наши потери убитыми – 164 человека.)

Переброшенная с левого берега Полы 384-я стрелковая дивизия вела боевые действия левее полосы обороны 370-й стрелковой дивизии в районе Стрелицы – Симоново. Дивизия была обескровлена постоянными боями. 26 ноября она сдала свою полосу обороны 43-й латышской гвардейской дивизии.

Согласно приказу командующего 11-й армией № 00254 от 3 декабря 1942 г., дивизия была расформирована. Остатки личного состава переданы в другие соединения армии.

После почти месячного затишья была проведена следующая операция по разгрому демянской группировки противника. По указанию Ставки ВГК Военный совет фронта 10 сентября дал 1-й ударной армии следующую директиву: к 14 сентября подготовить и провести новую наступательную операцию с прежней задачей, последовательно уничтожая узлы сопротивления противника, перерезать шоссе Старая Русса – Демянск в районе Бяково (3 км северо-восточнее деревни Сутоки) и соединиться с частями 11-й армии, на остальном фронте активной обороной сковать противника. Этой же директивой из состава армии выводилась в резерв фронта 364-я сибирская стрелковая бригада. **Военный совет издал приказ, в котором объявлялась благодарность командиру дивизии генерал-майору Ф.Я. Соловьеву, военному комиссару полковому комиссару А.С. Ходакову, всем бойцам, командирам и политработникам за умелые боевые действия и храбрость и выражалась уверенность, что дивизия и впредь будет так же отважно и мужественно бороться с врагом.** Такой приказ в 1-й ударной армии был издан впервые, и сибиряки заслужили его.

На новую операцию выделялось несколько больше боеприпасов по сравнению с предыдущими. За счет подчинения армии 714-го зенитного полка (три батареи МЗА и две зенитно-пулеметные роты) усиливалась противовоздушная оборона. Во исполнение директивы генерал Романовский принял решение прорвать оборону противника на том же участке и теми же силами, что и в предыдущей операции.

Утром 15 сентября после полуторачасовой артиллерийской подготовки полки 129-й и 130-й стрелковых дивизий перешли в наступление. Но, как и прежде, они были остановлены стеной мощного заградительного огня. Снова вступили в бой блокирующие группы. К 12 часам удалось продвинуться всего на 150–200 м. Затем, укрывшись в воронках, они до конца дня вели с противником огневой бой. В последующие дни их продвижение составляло 50–100 м и даже 15 м [241] . Это обуславливалось упорной вражеской обороной, недостатком сил и средств, страшной

усталостью личного состава обеих дивизий от многодневных боев. И конечно, неудачи предыдущих боев, потери серьезно влияли на боевой и моральный дух бойцов и командиров.

Операция «Михаэль»

Между тем обстановка в «рамушевском коридоре» накалялась. Командование 16-й немецкой армии было весьма озабочено узостью «коридора» и постоянной угрозой его разрыва. В связи с этим были запланированы две частные наступательные операции для его расширения в северном и южном направлениях. Первая операция уже была проведена против войск 11-й армии в июле 1942 г. По сути, противник не позволил наступающим дивизиям и бригадам 11-й армии в районе Туганова – Голубово – Симоново сузить «коридор». И здесь едва ли не основную роль сыграла 201-я латышская стрелковая дивизия, вошедшая после отдыха и доукомплектования в состав армии. Латыши вновь, как и в мартовские дни, показали высокие образцы стойкости.

Вслед за первой противник начал готовить вторую операцию с тем, чтобы отбросить на 8–10 км ударную группировку 1-й ударной армии и нанести ей поражение. Данная операция должна была осуществляться силами корпуса Кнобельсдорфа. Генерал-лейтенанту Кнобельсдорфу были подчинены силы 5-й легкопехотной, 122-й и 126-й пехотных дивизий. Кроме этого, почти все дивизии, входившие в демянскую группировку, представили специальные ударные группы. Чтобы дать отдельные указания по осуществлению операции «Михаэль», 21 сентября 1942 г. в Демянск прибыл генерал-фельдмаршал Кюхлер [242].

Противник планировал нанести два концентрических удара: главный с востока, с рубежа Дубки – Великое Село (3–10 км севернее Залучья), в западном направлении силами корпусной группы Кнобельсдорфа. Вспомогательный с запада, из района Борок, в восточном направлении силами до полка, из группы генерала Мейндля. На 7-километровом участке фронта, где планировался главный удар, соотношение сил составляло: по пехоте – 1:1,1, по артиллерии – 1:2, по танкам – 1:5,7 в его пользу [243]. Действия наземных войск поддерживала 3-я бомбардировочная авиаэскадра «Гинденбург» из состава 1-го воздушного флота, насчитывающая 140 самолетов, в то время как 6-я воздушная армия могла противопоставить им всего 35 истребителей.

Наступило 27 сентября. День обещал быть теплым и безоблачным. Ровно в 9 часов утра две группы немецких бомбардировщиков обрушили бомбы на наши позиции на реке Рось. Как только улетели самолеты, на те же позиции обрушился массированный артиллерийский и минометный огонь. После 50-минутной артподготовки части группы Кнобельсдорфа перешли в наступление. Первый удар пришелся по 26-му гвардейскому стрелковому полку 7-й гвардейской стрелковой дивизии, имевшему всего 344 активных штыка на 6-километровом участке обороны. Силы были неравные. К 12 часам 5-й легкопехотной дивизии удалось овладеть основным опорным пунктом 26-го полка – Великим Селом, гарнизон которого почти полностью погиб.

Генерал Романовский принимает меры...

По указанию генерала Романовского к участку прорыва были брошены армейские резервы – два полка 397-й стрелковой дивизии и 641-й истребительно-противотанковый полк с задачей во взаимодействии с частями генерала Бедина остановить продвижение врага. К 14 часам на КП армии прибыл начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.Н. Шарохин, утвердивший решение генерала Романовского. По его указанию к участку прорыва из резерва фронта срочно перебрасывалась 86-я стрелковая бригада полковника Н.М. Ласкина, из 53-й армии – 709-й полк ПВО подполковника В.И. Кульчицкого. Вся авиация фронта переключалась на поддержку войск 1-й ударной армии, принимались меры к подвозу боеприпасов, средств заграждения, а также для постройки мостов через Ловат для 391-й и 130-й стрелковых дивизий.

Во исполнение приказа командующего фронтом генерал Романовский решил прекратить наступление ударной группировки. Отвести 129-ю и 130-ю стрелковые дивизии на южный берег реки Рось и, оставив здесь прикрытия, их главными силами вместе с 397-й стрелковой дивизией контратаковать прорвавшегося противника с флангов и восстановить утраченное положение [244].

Наступавшие на левом фланге два полка 126-й немецкой пехотной дивизии вели тяжелые бои на берегах ручья Сосна. В 13 часов штурмовое подразделение немцев сумело здесь прорвать оборону

наших войск. Самые выгодные позиции у противника занимала 5-я легкопехотная дивизия. Немецкие танки должны были развивать наступление именно в этом направлении. Сюда же был направлен один полк 126-й пехотной дивизии. В создавшихся условиях 126-я пехотная дивизия утратила свою инициативу. Постепенно из наступления ее полки перешли в оборону.

На правом фланге части 329-й пехотной дивизии и 21-й авиаполевой дивизии люфтваффе, а также остатки «Мертвой головы» не смогли достичь каких-нибудь ощутимых результатов. Все наступление на этом участке фронта разбилось на множество мелких боев, в ходе которых немцам не удалось продвинуться вперед.

Наши бойцы использовали свое преимущество и укрывались в запутанной системе траншей и окопов. Позже немецкие солдаты будут вспоминать, что «русские в очередной раз показали себя мастерами в деле создания укреплений, особенно сложно было преодолевать минные поля». По итогам первого дня операции у немецкого командования возникло ощущение, что «рамушевский коридор» удалось обезопасить [245].

Немецкие части, достигшие наибольшего успеха по центру наступления, готовились нанести новый удар на следующий день, 28 сентября. Полки 5-й легкопехотной дивизии планировали вести наступление на район Майлуковых Горок. С первой попытки они прорвали оборону наших частей, туда же устремились немецкие танки. В это же время началось немецкое наступление на южном участке. В 9 часов 30 минут наша оборона на позициях к северо-западу от Великого Села была прорвана. Час спустя немецкая пехота встретилась с наступающими танками, которые здесь стали основной ударной силой. Казалось, что наступление развивается вполне успешно. Оставшиеся в живых немецкие солдаты вспоминали, что они были окрылены успехом. Стремительность же атаки напоминала им события лета 1941 г.

Между тем на правом фланге дела у немцев шли не очень удачно. Противник нес большие потери. В 552-м пехотном полку был убит командир 1-го батальона, убиты все ротные командиры. К концу дня были потеряны почти все офицеры [246]. Под вечер наши части смогли отойти на хорошо укрепленные позиции. Они заняли высоты у села Козлово. Пехота противника буквально сметалась артиллерийским огнем. Прорвать оборону на этом участке не смогли даже немецкие танки. В итоге немецкое командование решило остановить наступление на севере, значительная часть наступавших полков должна была быть перекинута на юг. Это помогло немцам предотвратить контратаку наших войск. К исходу 28 сентября противник вклинился в нашу оборону до 3 км, а на следующий день продвинулся еще на 4 км. Выйдя в район Кулаково, он создал угрозу последней коммуникации, связывающей части ударной группировки с тылом. Для демянской группировки это было большим успехом.

Утром 29 сентября над полем сражения было безоблачное небо. Это позволило немцам максимально использовать бомбардировщики из состава 1-го флота люфтваффе. В 7 часов 15 минут немецкая пехота пошла в атаку. Вклинение противника нарушило связь и взаимодействие, привело к частичной потере управления войсками командующим и штабом армии, перемещиванию частей и отходу на ряде участков [247]. В силу этого контратаки 129, 130, 397 и 391-й стрелковых дивизий в этот день были разновременными без должной поддержки авиации и артиллерии, а также зенитного прикрытия и успеха не имели. По итогам третьего дня сражения немцам удалось добиться хоть и незначительного, но все-таки успеха.

В ночь с 29 на 30 сентября «Группа Кнобельсдорфа» подтянула к передовой свои резервы. Утром 30 сентября к прорыву фронта подключилась немецкая тяжелая артиллерия. У противника произошла смена утомленных пехотных частей свежими из состава 12-й и 32-й дивизий.

Однако последний день сентября 1942 г. прошел под знаком нарастающей инициативы наших частей. С рассвета были атакованы немецкие позиции у села Козлово. Полки 5-й легкопехотной и 126-й пехотной дивизий несли большие потери. К вечеру противоборствующие стороны остались на своих позициях.

Но все-таки от села Лука немцам удалось потеснить наши части. При поддержке пикирующих бомбардировщиков эсэсовские батальоны и егеря из 5-й дивизии смогли продвинуться в сторону Ловати. Ими было захвачено село Заробье. Эсэсовский батальон последовал вдоль Робьи до села Коровитчино, где натолкнулся на ожесточенное сопротивление.

Утром противник стал покидать высоту под Козлово и устремился на юго-запад. В воздухе слышался рев немецких бомбардировщиков, которые должны были нанести удар по нашим

позициям в районе Ловати. Несмотря на самоотверженную оборону наших частей, к полудню немцы вышли на берег Ловати. По сути, цель операции «Михаэль» была достигнута. Но и сами немцы уже выдохлись. Маклаково взять они не смогли. 2 октября ударные части 5-й легкопехотной и эсэсовской дивизии «Мертвая голова» атаковали Кулаково. Село было окружено, а небольшой гарнизон перебит. Разведывательная группа 5-й легкопехотной дивизии форсировала Ловать в районе Черенчиц. Теперь противник готовился к обороне. В ходе операции «Михаэль» ему удалось расширить коридор с 4 до 12 км.

В целях подрыва боевого духа и создания паники немецкие самолеты разбрасывали над боевыми порядками 130, 129 и 391-й стрелковых дивизий листовки, в которых они, обращаясь к бойцам и командирам, писали, что те окружены, и предлагали сдаваться в плен. И хотя обстановка для этих дивизий действительно была сложной, вражеская диверсия не достигла цели.

Воины 518-го стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии под командованием майора Я.И. Романенко, брошенные навстречу прорвавшемуся противнику с задачей не допустить его продвижение вдоль шоссе Залучье – Рамушево, 28–30 сентября отразили 9 вражеских атак, уничтожили до 1300 гитлеровцев, 9 танков, 3 бронемшины, 3 орудия. Когда врагу все же удалось обойти позиции полка с флангов, воины внезапной атакой в ночь на 2 октября вышли из окружения [248].

29 сентября танковый взвод под командованием лейтенанта Левашова, прикрывая отход частей 130-й дивизии, уничтожил в районе Кулаково два танка, три противотанковых орудия и минометную батарею.

Новый рубеж обороны

В сложившейся обстановке продолжать бои в междуречье Ловати и Сутокской Робьи было нецелесообразно. Поэтому генерал Романовский принял решение на отвод войск. К утру 3 октября 130-я и 391-я стрелковые дивизии переправились на западный берег Ловати и вышли на соединение с главными силами армии. Преследуя отходящие дивизии, гитлеровцы форсировали Ловать и овладели на ее западном берегу деревней Черенчицы. В ночь на 4 октября на новый рубеж обороны отошли также 47-я и 121-я стрелковые бригады.

4 октября генерал Романовский получил приказ от командующего фронтом о переходе к обороне на рубеже высоты 43.4 (1,5 км северо-западнее Великого Села), урочище Андрюшин Угол, Маклаково, Липно, лес 3 км юго-восточнее Жуково, восточнее Иван Березка. Отдельные бои продолжались до 9 октября.

К этому времени у противника до предела обострились противоречия между армейскими и эсэсовскими чинами. Обергруппенфюрер Теодоро Эйке 24 сентября, обходя остатки дивизии «Мертвая голова», остался недовольным ее состоянием. Он доложил лично рейхсфюреру СС Гиммлеру, что *«в настоящий момент дивизия едва ли насчитывала полк»*. По завершении операции «Михаэль» Эйке, не ставя в известность ни командование 156-й армии, ни штаб 2-го армейского корпуса, собрал остатки эсэсовцев и покинул передовую. Самовольные действия Эйке были пресечены только строжайшим приказом Гитлера. Из Ставки фюрера пришел категоричный приказ: *«СС пока должна оставаться в Демянске»*.

После сентябрьских боев наступило некоторое затишье, которое использовалось для необходимых организационных мероприятий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. в Красной Армии упразднен институт военных комиссаров и устанавливалось полное единоначалие.

2 октября из состава 1-й ударной армии было выведено управление 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 7-я гвардейская и 397-я стрелковые дивизии, 45-я стрелковая бригада и 37-й гвардейский артиллерийский полк перешли в непосредственное подчинение командующему армией. Приказом командующего фронтом от 18 декабря на 1-ю ударную армию было возложено формирование 14-го гвардейского стрелкового корпуса [249]. В его состав вошли все гвардейские части армии: 7, 23-я (переданная из Карельского фронта) и 53-я гвардейские стрелковые дивизии, 37-й гвардейский артиллерийский полк. Продолжалось совершенствование вооружения стрелковых частей.

Планы маршала Тимошенко

В октябре 1942 г. командующим войсками Северо-Западного фронта вместо генерала П.А. Курочкина был назначен маршал С.К. Тимошенко, при этом Ставка ВГК поставила новому командующему задачу ликвидировать «демянский плацдарм».

Из записок В.А. Ковалевского: **«Гитлеровская пропаганда не замедлила прореагировать на это назначение листовками, в которых говорилось: «Командиры и бойцы Северо-Западного фронта! Командующим к вам назначен маршал Тимошенко и готовит наступление. Вы знаете, чем обычно кончаются все его наступления. Таким же провалом закончится и это...»** [250] (В.А. Ковалевский, писатель, прикомандированный к политотделу 1-й ударной армии, летописец армии. Автор книги «Тетради из полевой сумки».)

Эта немецкая листовка была обычным элементом психологической войны. Одновременно была проведена замена и командующего 1-й ударной армии. Им стал генерал-лейтенант В.И. Морозов, сменивший на этом посту генерал-лейтенанта В.З. Романовского.

В отличие от ранее проведенных операций, учитывая замечания Ставки о шаблонности действий войск фронта, было избрано новое направление наступления – у восточного входа в «рамушевский коридор», где его ширина составляла 12–15 км. Замыслом операции предусматривалось *«...ударом войск левого крыла 11-й армии в южном и юго-восточном направлениях и войск правого крыла 1-й ударной армии в северо-восточном и северном направлениях уничтожить противника в районе Симоново, Цемена, Дедно и, выйдя на реки Пола и Полометь, полностью окружить демянскую группировку противника, тем самым создать благоприятные условия для ее окончательного разгрома...»*.

Предусматривалось, что главный удар будет наноситься с севера войсками 11-й армии с рубежа Стрелицы – Вязовка – Дедно силами двух стрелковых дивизий, трех стрелковых и одной танковой бригады. Глубина задачи – 10–15 км.

1-я ударная армия должна была нанести встречный удар силами одной стрелковой дивизии и двух стрелковых бригад с ближайшей задачей выйти на реку Пола на участке Цемена – Корпово. Глубина задачи – 4–6 км. В то же время армия должна была оборонять рубеж протяженностью более 80 км.

Противник, предвидя скорое наступление Красной Армии, срочно принялся укреплять позиции, возводить новые оборонительные сооружения. Немцев подгоняло не только возможное наступление наших соединений, но и портившаяся погода. К тому же после завершения операции «Михаэль» противник мог возводить укрепления, оставаясь невидимым для советской разведки. Строительство дорог для немцев было жизненной необходимостью. Транспортная авиация была перекинута на южный участок Восточного фронта. Там начиналась битва за Сталинград. Особая роль отводилась железнодорожным частям вермахта. Почти с первых дней прорыва линии советской обороны было начато строительство узкоколейной железной дороги. Ее общая протяженность от Тулебли до Лозниц равнялась 69 км, а длина всех построенных мостов составляла 2709 м. Три моста были длиннее 200 м. Самый длинный мост у Лозниц (река Пола) был равен 495 метрам [251].

Операция «Пусто»

Как и командование Северо-Западным фронтом, противник планировал боевые действия. Штаб 2-го армейского корпуса замыслил не только расширение «рамушевского коридора» на юг, как это было в ходе операции «Михаэль», но и на север в районе Стрелиц – операция «Пусто». Немцы планировали начать ее 21 октября, но из-за непрерывных дождей, размытых дорог, разлившихся речушек и ручьев наступление переносилось. Посмотрим на развитие дальнейших событий с немецкой стороны. Ход боевых действий 1-й ударной и 11-й армий рассмотрим после окончания операции «Пусто».

26 октября после воздушной бомбардировки и ураганного огня артиллерии в 7.30 три боевые группы немцев идут в наступление. Два полка 329 I.D. (552 и 551) продвигаются по дороге Симоново – Стрелицы. Обе боевые группы должны установить связь, а затем II/501 должен повернуть назад навстречу группе фон Бюлова (II/503 атакует из Голубова) и с ним вместе по дороге Никольское – Курляндское захватить последнюю и в следующей фазе боя вернуть реку Ларинку немцам. Тем

самым ликвидировать преимущество русских, которые расположены на более сухой, вышележащей местности южнее Ларинки и севернее Стрелиц [252] .

Поддерживаемый танками I.R./4, около обеда достигает Стрелиц, но не может удержаться там и окапывается южнее. I.R.501 продвигается примерно на 300 м, но при всей ловкости атаки ему не удается прорваться сквозь хорошо укрепленные полевые позиции русских позади долины Обесны. Так он не может прикрыть задуманный удар по мосту, Pi.290 сам останавливается и поэтому остается без поддержки перед упорно защищаемыми Стрелицами. В 13 часов после еще одной атаки самолетов и артиллерии I.R.503, с поддержкой танков из Голубова и с пехотой из главной точки основной линии боя, выступает в восточном направлении на Стрелицы. Сопровождающие танки не проходят выше основной линии боя из-за трудностей местности и обстрела русскими противотанковыми пушками и артиллерией. Пехота продвигается вперед только на 400 м.

У всех трех боевых групп танки очень быстро застревают и выводятся вскоре из строя за счет прямых попаданий или мин. Около 17 часов следует после артиллерийской атаки контрудар русских, 503 и 501 вынуждены отступить на исходные позиции. I.R./4 с тяжелыми потерями удерживает завоеванную позицию перед Стрелицами. Противотанковые орудия 290 не могут быть продвинуты в Стрелицы, так как переход через Обесну невозможен. Высоки наши потери людей и орудий. Уже в этот первый день атаки переполнены санитарные формирования, прежде всего солдатами I.R.4 из 12-й I.D., поток раненых останавливается следующей ночью. Русские полны сил и располагают следующей ночью, чтобы предпринять контрмеры.

Корпус приказывает продолжать атаку 27 октября с целью наладить связь между II./503 и I.R.4 между Голубово и Стрелицами и окружить силы русских, расположенных южнее этой линии и Обесны. В подчинении у I.R.503 6-я и 7-я роты (8-я егерская дивизия), боевые машины танковых полков 203 и 16, а также штурмовые орудия подразделения 184.

27 октября над местом боя нависает густой туман. Русские выигрывают еще полдня для принятия мер обороны. В 13 часов самолеты позволяют начать атаку, которая вынуждена остановиться из-за контрудара врага при участии танков. Главный удар приходится на полки 503 и 4. Но также 501 и части 329-й I.D. не могут одолеть хорошо укрепившиеся на фронте Голубово – Стрелицы – Симоново русские соединения. I.R.4 срочно запрашивает санитаров-носильщиков. Но так как 3/4 санитарных взводов 290-й I.D. введены в бой как дежурные подразделения, функции носильщиков выполняют военнопленные, пока корпус не предоставляет 32 санитаров и носильщиков, чтобы сменить 40 русских. Когда, особенно на правом фланге, увеличиваются потери санитарного персонала, там подвергается опасности транспортировка раненых.

28 октября в Стрелицах еще идет бой. II./503 удается прорыв во вражеские позиции к северу от дороги Голубово – Стрелицы. Два контрудара врага безуспешны. Но потери возрастают, а так как наши резервы отсутствуют, дивизия отправляет к 503 3-ю и 6./502, 10/501 и роту Ленхарда. Одновременно группа Визе из 329-й I.D. наступает в одном километре к югу от Стрелиц на запад. К I.R.4 подводят I/94. Но все новые атаки сломлены русскими контратаками.

30 октября выступает I.R.503 и в высшей точке атаки подчиненный ему II./174. Русские контрудары изнуряют боевую силу батальона так, что после трехчасового боя исключен каждый дальнейший удар. Также атаки I.R./4, I/94, I.R./552 и 501 подавлены в грязи и в огне артиллерии и реактивных минометов.

31 октября боевые группы приводят в порядок свои сильно поврежденные единицы и 1 ноября продолжают атаки, чтобы установить связь между «Охотничьим углом» и Стрелицами при помощи боевой группы фон Бюлова с II./174 на восток и с помощью боевой группы Альберта при поддержке III./174 на северо-восток. II.A/R/329 укрепляет на восток Росино и Симаново ударную силу. III и IV./A.R.290 I.D., III./174 прорываются с юго-запада между обеими западными русскими боевыми группами, но не достигают дороги Голубово – Стрелицы. Наступление II./174 из «Егеррека» достигает дороги, но не может наладить связь с III.174. Русские контратаки при поддержке танков мешают обоим храбрым батальонам достигнуть их цели. I./94 справа от Стрелиц, I. и II./I.R.4 южнее места и вступившие в бой у дороги Стрелицы – долина Обесны. 5-я и 6-я роты I.R.552, батальоны Бютнера, Веля и Буша тщетно ведут бой на запад против русских позиций юго-западнее Стрелиц.

2 ноября противник подводит новые силы, вводит танки, усиливает артиллерию и насаждает особенно на I.R.4 в Стрелицах и на батальон Говэ к северу от дороги Голубово – Стрелицы. Брешь между «Егеррек» и Стрелицами не закрыта. Через нее русские ведут подкрепление на юг. К участку,

занятому 26 октября 370-й советской стрелковой дивизией, подводят 384-ю стрелковую дивизию и бригады 127-ю и 157-ю, в то время как наши атакующие группы исчезают в огне. Стрелицы не удержать. Изнуренные боевые группы южнее Стрелиц и юго-восточнее Голубово сменены на III./376 и III.424, русские сохраняют инициативу. 290-я обороняется до сих пор только с помощью редких дежурных подразделений. Она защищает как частицу родины эту вспаханную яму в ландшафте, которая скрывает огромное число погибших, укрытых первым снегом.

Неожиданно в ночь с 4 на 5 ноября теплая осенняя погода сменяется 20-градусным морозом. Туман рассеивается, воздух проясняется, грязь замерзает. Транспортные средства и орудия, которые не были своевременно спрятаны, примерзают к земле, так что при попытке их освободить или завести транспорт ломаются даже гусеницы тяжелых машин. Хотя затихают атаки с обеих сторон, но продолжается изнурительная позиционная война.

Неудачная операция в Стрелицах не принесла 290-й дивизии (с общими потерями 1300 солдат) преимущества [253] .

Из записок капитана И.П. Савченко, адъютанта заместителя генерала Морозова:

...

«1.11.42 г. Погода мрачная. Война не утихает. На участке Андреева (370 с.д.) немец обратно наступает. За день отбили 8 атак с танками. Хорошо работали гвардейцы-минометчики. Каждый раз крепко накрывали своими залпами немчуру. В результате полного дня боя немец не продвинулся ни на шаг, оставив на поле боя много солдат и офицеров.

7.11.42 г. Праздник. Утро и день морозные. Немцы из главной квартиры фюрера разразились брехней, что, мол, наши доблестные войска южнее озера Ильмень разбили большую группировку войск русских. Преодолели и прорвали передний край обороны с укреплениями крепостного типа, забрали более 30 пушек, пулеметов, пленных и т. д. Как далеко от действительности, от правды! Достались им всего две разбитых противотанковых пушки 370 с.д. В основном операция нашими частями проведена не плохо. Большие планы немцев разрушены».

Глава 18 ТРАГЕДИЯ ПОД ЦЕМЕНОЙ

Планирование наступления

Штаб 1-й ударной армии под руководством полковника Г.С. Лукьянченко разработал и 17 октября Военный совет армии утвердил *«План частной операции 1-й ударной армии по овладению «коридором» между реками Карповка – Пола – Старовская Ровья и выход на дорогу Цемена – Лозницы»*.

К операции привлекались: 129-я стрелковая дивизия, 86-я и часть сил 45-й отдельной стрелковой бригады, 103-й отдельный танковый батальон и 167-й отдельный танковый полк, два дивизиона 70-го гвардейского минометного полка, 258-й отдельный гвардейский минометный дивизион, 580-й отдельный истребительно-противотанковый и 110-й армейский минометный полки. Для поддержки с воздуха привлекался 674-й отдельный смешанный армейский авиационный полк (две эскадрильи самолетов У-2, одна ЛаГГ-3).

Вскоре по указанию Тимошенко в ударную группировку была дополнительно включена 23-я гвардейская стрелковая дивизия, прибывшая с Карельского фронта.

На подготовку операции предусматривалось 10 суток, на выполнение задачи – 4 суток [254] .

План исходил из наличия в полосе предстоящего наступления 3–4 пехотных батальонов из состава 123-й и 329-й пехотных дивизий противника. Не учитывались те силы и средства, которые вражеское командование может перебросить в ходе боев. В плане ошибочно оценивалось состояние системы обороны и, в частности, ее инженерное оборудование в лесном массиве между Цеменой и Большим и Малым Князево. Считалось, что в этом районе нет серьезных препятствий и заграждений. Не принималась во внимание способность противника по ее быстрому совершенствованию.

Непосредственное руководство войсками ударной группировки планировалось осуществлять оперативной группой во главе с командующим армией и штабом (начальник полковник В.Е. Рубцов) со вспомогательного пункта управления в районе Хмели. Чтобы скрыть от противника подготовку к

предстоящему наступлению, штаб фронта запретил вести усиленную разведку в районе предстоящих боевых действий. Это запрещение, конечно, было грубейшей ошибкой. В этом районе действовала только разведка 45-й стрелковой бригады, оборонявшейся на правом фланге армии на фронте Большое и Малое Князево – Залучье. Она не могла дать достоверных данных без воздушной, артиллерийской, инженерной разведки. Поэтому к началу операции совершенно не была вскрыта система обороны противника, группировка его сил и средств, опорных пунктов и узлов сопротивления. Не был вскрыт даже истинный передний край обороны противника [255] .

Это было характерно не только для этого конкретного случая. Бывший командующий 6-й воздушной армией Федор Петрович Полынин пишет: *«Справедливое нареkanie вызывала и наземная разведка. Некоторые командиры подчас не знали точно, где находится линия обороны противника. Поэтому удары артиллерии и авиации в ряде случаев приходились по пустому месту»*. (И это пишет авиационный командир.)

Командование 1-й ударной армии явно недооценило силу сопротивления противника и переоценило наступательные возможности своих войск. Привлекаемые к наступлению соединения и части, кроме 23-й гвардейской стрелковой дивизии, имели большой некомплект личного состава и вооружения. Так, 129-я имела всего 1950 активных штыков, 86-я бригада – около 600. К тому же личный состав был измотан прошедшими боями. Только 23-я гвардейская стрелковая дивизия насчитывала 9650 человек личного состава [256] .

Количество боеприпасов всех видов, выделяемых для операции, определялось лимитами, а они были весьма низкими. Низкие лимиты были и на другие виды довольствия. К началу операции материальные запасы составили: артиллерийских выстрелов – 1–2, мин – 2, патронов – 0,9 боекомплекта, продовольствия – 2–4, фуража – 1,9 сутодачи.

Из заметок Ковалевского: **«...командующий артиллерией армии генерал-майор Г.П. Макаров, умница, смуглый, подвижный, крайне обескуражен тем, что на операцию отпущено всего одна десятая часть потребного по его расчетам количества снарядов и мин»**. Серьезный просчет был допущен в оценке местности в исходном районе для наступления. Назначенный для развертывания ударной группировки район Речки, Большое и Малое Стречно, болото Большой Мох был совершенно не подготовлен в оперативном отношении. Этот район не занимался войсками, ни нашими, ни немецкими, и лишь наблюдался разведкой обеих сторон. В феврале 1942 г. он был освобожден 154-й отдельной морской стрелковой бригадой, а в мае бригада была оттуда выведена. Даже в условиях Северо-Запада трудно найти район более сложный и трудный для ведения боевых действий. Сильно пересеченный, с обширными, труднопроходимыми болотами, не замерзающими даже зимой, большими участками чахлого заболоченного леса, оврагами с крутыми склонами в сочетании с полным отсутствием дорог, он был совершенно непригоден для сосредоточения здесь войск и требовал проведения огромного объема инженерных работ.

В первую очередь нужны были фронтальные дороги и колонные пути от армейской рокады, идущей вдоль реки Сутокская Средняя Робья, к назначенному району. На решение этой задачи были брошены все четыре инженерно-саперных батальона и до половины личного состава 129-й стрелковой дивизии. В запланированные 10 суток выполнить весь объем работ было невозможно. Зима в этот год долго не устанавливалась, и на заболоченных участках стояла вода. Время на подготовку операции пришлось увеличить до полутора месяцев.

Дороги и колонные пути в основном прокладывались по старым просекам. Ширина дороги с использованием настила из жердей или fascin из хвороста не превышала трех метров и допускала только одностороннее движение. Пока не было дорог, для подвоза материальных средств использовались вьючные лошади и вторая половина людей 129-й стрелковой дивизии.

Формальное планирование операции завершилось формальной организацией управления войсками. Генерал Морозов не выехал на местность для постановки боевых задач, организации взаимодействия и управления. Это впоследствии привело к многочисленным неувязкам во взаимодействии между пехотой, танками и артиллерией.

Строительство дорог и колонных путей, сосредоточение войск, захваченные пленные и перебежчики позволили вражескому командованию вскрыть намерения командования СЗФ. Ни о какой скрытности и достижении внезапности наступления не могло быть и речи.

Запрет на разведку

Но маршал Тимошенко решил начать операцию в конце ноября. На время операции представителем Ставки ВГК на СЗФ прибыл генерал-майор, бывший маршал Г.И. Кулик. По указанию маршала Тимошенко 23–24 ноября 86-я стрелковая бригада полковника Н.М. Ласкина вошла в боевое соприкосновение с противником с задачей уточнить систему обороны немцев и обеспечить выход ударной группировки на исходные позиции. Из-за плохо организованной заблаговременной разведки, как впоследствии выяснилось, за передний край была принята передняя линия обеспечения, обороняемая усиленным боевым охранением. Это дорого обошлось в дальнейшем нашим войскам. 26–27 ноября на исходные позиции для наступления выдвинулись части 129-й стрелковой дивизии полковника И.В. Панчука и 23-й гвардейской стрелковой дивизии полковника С.Н. Александрова. Танки 103-го отдельного танкового батальона майора Д.С. Нарущкого и 167-го отдельного танкового полка подполковника П.П. Суходняевского не смогли выдвинуться из-за неподготовленности колонных путей.

Боевые действия в Цеменской операции проходили в два этапа:

1-й – с 28 ноября по 11 декабря 1942 г.

2-й – с 23 декабря 1942 г. по 20 января 1943 г. К утру 28 ноября полки первых эшелонов обеих дивизий заняли исходное положение для наступления: 129-я стрелковая дивизия с 589-м истребительно-противотанковым и 110-м армейским минометными полками с задачей наступления в направлении на Цемену; 23-я гвардейская стрелковая дивизия с двумя дивизионами 37-го гвардейского артиллерийского полка с задачей наступления на Новые Горки. Второй эшелон составляла 86-я стрелковая бригада, резерв – 43-я лыжная бригада. Вышла на свои огневые позиции и армейская артиллерия. 674-й авиационный полк ночью сделал 36 самолето-вылетов и сбросил на вражеские позиции 111 бомб разного калибра.

В 11 часов 15 минут 28 ноября после 45-минутной артиллерийской подготовки полки первого эшелона и один батальон 45-й бригады перешли в атаку. К северу, через «рамушевский коридор», в 12 часов начали наступление войска 11-й армии [257].

Весь первый день операции ушел на преодоление многочисленных минированных и переплетенных колючей проволокой лесных завалов, минных и проволочных заграждений полосы обеспечения противника под довольно плотным огнем пулеметов и «кукушек» врага. Только к 19 часам передовые части дивизии вышли к истинному переднему краю вражеской обороны, проходившему на рубеже восточный берег реки Карповка от Речки до Сарай (3 км западнее Цемены), далее на запад по просеке до восточной окраины Большого и Малого Князева и затем на юго-восточную окраины Большого и Малого Стречно. Передний край представлял собой деревоземляной забор (насыпная траншея) высотой до 1,5 м с встроенными каждые 100–150 м пулеметными ячейками. Перед забором был лесной завал, проволочные заграждения в несколько рядов и минные поля.

Попытки с ходу атаковать передний край вражеской обороны были отражены сильным пулеметно-автоматным огнем, а на подступах были встречены заградительным огнем артиллерии и минометов. Там, где нашим подразделениям удалось ворваться в первую траншею, они были сразу же контратакованы и выбиты из нее.

С утра 29 ноября вновь была предпринята атака. Ей предшествовал огневой налет значительно меньшей плотности, нежели накануне, поскольку при преодолении полосы обеспечения была, по сути дела, впустую израсходована основная часть боеприпасов, запланированная для подавления первой позиции обороны противника. Выявились и другие огрехи. Оказалось, что Карповка с ее заболоченной поймой представляла гораздо большее препятствие, чем оно было оценено по карте. Попытки саперов навести переправу через реку и проложить к ним колонные пути, срывались сильным огнем противника и приводили к большим потерям личного состава. А без поддержки танков пехота 129-й стрелковой дивизии удержаться на восточном берегу не могла.

23-я гвардейская стрелковая дивизия, имея задачу наступать через лесной массив западнее Хатели в направлении Новые Горки, не могла использовать свой опыт ведения лесных боев в силу более плотных боевых порядков противника и пулеметно-автоматного огня, нежели в Карелии. По показаниям захваченных пленных, атаки частей 23-й гвардейской стрелковой дивизии отражали саперы 656-го и 660-го саперно-строительных батальонов, усиленных пехотными ротами сводного

батальона подполковника Геа— де [258] . Именно эти батальоны в течение полутора месяцев, пока наши войска готовились к наступлению, оборудовали полосу обеспечения и первую позицию многочисленными огневыми сооружениями и заграждениями. 30 ноября атака 129-й дивизии имела такой же результат, как и 28 ноября. Открытый пологий западный берег реки хорошо просматривался противником, что позволяло ему своевременно принимать контрмеры. В полосе действия 23-й гвардейской стрелковой дивизии события развивались так же, как и у 129-й стрелковой дивизии. Атаки ее частей отражались перед передним краем, а частичные успехи ликвидировались контратаками врага силою до роты каждая.

За три дня боев потери обеих дивизий убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили до двух тысяч человек. Развитие событий не удовлетворяло командование фронта.

Из распоряжения командующего войсками фронта от 30 ноября 1942 г.:

...

«...Войска правого фланга вашей армии, преступно протолкавшись три дня на месте и понеся большие потери, поставленных им задач не выполнили... Вместо целеустремленных, нацеленных на выполнение поставленных задач одно-двух плотных группировок для прорыва обороны противника на узком участке фронта вы растянули 129-ю и 23-ю гвардейскую дивизии на широком фронте, на котором и пытаетесь безрезультатно прорвать отдельными отрядами оборону противника» [259] .

Однако генерал Морозов был, видимо, не в силах исправить ситуацию. Не помогли отвлекающие удары в районе Залучья, проведенные с 3–8 декабря, и ввод в бой 86-й стрелковой бригады из-за правого фланга 129-й стрелковой дивизии. Вместо внезапных действий штурмовых батальонов ударная группировка втянулась в затяжные бои за опорные пункты первой позиции противника. Атаки предпринимались на одних и тех же участках, без наращивания силы ударов. Требовалась большая помощь пехоте артиллерией и танками. Но артиллерия была малочисленна и не обеспечена в должной мере снарядами. Оставалась надежда на танки. Любой ценой их надо было переправить через Карповку. Начальнику инженерных войск армии, полковнику Н.И. Кокуеву, была поставлена задача – отыскание бродов, наиболее удобных мест для постройки переправ и путей подхода к ним. Основную работу по разведке проделал старший лейтенант 2-го армейского инженерно-саперного батальона Тырановец. Он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, но был посмертно награжден орденом Красной Звезды. Усилия саперов по сооружению в ночное время переправ были тщетными, противник в первой половине дня разрушал их огнем артиллерии. И так повторялось изо дня в день.

Общие потери наступающих частей 1-й ударной армии к 11 декабря составили около семи тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В 167-м танковом полку осталось боеспособных всего пять танков, а в 103-м танковом батальоне – шесть. Не намного лучше шли дела и у 11-й армии [260] .

Ударная группировка усиливается

Так завершился первый этап частной операции. В боевых действиях наступила почти двухнедельная пауза. Согласно приказу Тимошенко, обе армии прекратили наступление, закрепились на достигнутых рубежах, увеличивали силы ударных группировок за счет резервов и готовились к возобновлению наступления. В наступившей оперативной паузе усилия командования всех уровней были направлены на то, чтобы переломить ход операции в свою пользу.

Уже 13 декабря маршал Тимошенко дал армиям *«Директиву на завершение окружения демянской группировки»* . В общем задача армиям оставалась прежней. А вот силы и средства в количественном отношении возросли. Для усиления ударной группировки 1-й ударной армии ей передавалась 1-я гвардейская минометная дивизия и два дивизиона из состава артиллерийских полков 7-й гвардейской и 391-й стрелковых дивизий. В состав армии передавались 177-я отдельная танковая бригада и 410-й отдельный танковый батальон. Из резерва Ставки переподчинялась 55-я отдельная инженерно-саперная бригада [261] .

1-я гвардейская минометная дивизия полковника В.И. Гражданкина имела в своем составе две

бригады рамных установок с реактивными снарядами М-30 («Андрюши») и четыре полка боевых машин БМ-13 («Катюши»). Всего в дивизии имелось 518 рам М-30 и 96 машин БМ-13, но с боеприпасами была большая проблема.

...

Из записок Ковалевского:

«...Генерал Макаров не в восторге от М-30: очень большое рассеивание, и потому для подавления противника требуется большой расход снарядов. Кроме того, необходимо перед атакой отводить свою пехоту назад метров на 300. Когда после залпа пехота возвращается на рубеж атаки, немцы успевают опомниться...»

177-я отдельная танковая бригада подполковника М.Я. Головчанского состояла из двух танковых и одного мотострелкового батальонов. Бригада имела на вооружении 10 средних танков Т-34, 21 английский танк «Валентайн» и 25 легких танков Т-60 и Т-70 [262].

«2690 танков «Валентайн» по программе ленд-лиза были отправлены в СССР, где сразу же завоевали любовь танкистов простотой конструкции и надежностью двигателя и трансмиссии. Зато вооружение «Валентайнов» разочаровало. В ряде случаев вместо слабых английских пушек устанавливались превосходные отечественные 76,2-мм танковые орудия. Если лобовая часть танков имела более-менее удовлетворительную защиту, то на корме и крыше толщина брони уменьшилась с 65 мм (лобовая часть) до 8 мм, что было явно недостаточно». (Прим. авт.)

Дальнейший ход боев показал, что включение в состав ударной группировки бригады Головчанского означало скорее количественное, чем качественное ее усиление из-за невысоких тактико-технических данных английских танков и не соответствующих новым боевым требованиям советских танков Т-60 и Т-70.

...

Из фронтовых заметок:

«Танкисты говорят, что для них перейти с Т-34 на «Валентайн» то же, что и для кавалериста переседь со скакуна на клячу. Из-за бензинового двигателя «Валентайн» при попадании снаряда вспыхивал, как факел... Узкие траки в дополнение к маломощному двигателю дают неудовлетворительную проходимость танку в условиях местности с рыхлым грунтом (впоследствии при поступлении новых партий танков траки уширили, приваривая «шпоры»).

55-я отдельная инженерно-саперная бригада полковника Я.И. Арцишевского состояла из пяти отдельных инженерно-саперных батальонов. Ее включение в состав армии вдвое увеличивало возможности армии по инженерному обеспечению войск. Кроме восстановления разрушенных и строительства новых дорог и колонных путей, на бригаду были возложены задачи по разведке и разграждению переднего края обороны противника, устройство и обслуживание переправ через Карповку, сопровождение танков в бою и эвакуация подбитых и аварийных танков. Поистине, по количеству затраченного труда каждый сапер был в этой операции героем, несмотря на ее неудачный исход. Закономерно, что к правительственным наградам было представлено 146 воинов-саперов.

Предложения Корчица

16 декабря был назначен новый начальник штаба 1-й ударной армии – генерал-майор В.В. Корчиц. Он участник Первой мировой войны, доброволец Красной Армии. После Гражданской войны был назначен начальником штаба дивизии и корпуса. В мае 1938 г. репрессирован. Реабилитирован в феврале 1940 г. С началом войны – командир, начальник штаба дивизии, заместитель командующего войсками армии.

После прибытия он побывал в дивизиях и полках и по возвращении доложил генералу Морозову свои соображения по усилению ударной группировки. Он предложил усилить ее за счет сил и средств, взятых с пассивных участков. Он считал ненормальным, когда из шести дивизий и шести бригад на главном направлении задействовано лишь две дивизии и одна бригада. Он предложил также сузить ширину участка прорыва обороны противника.

Морозов, будучи по натуре человеком осторожным, не принял решения, требующего определенного риска и ответственности. Ход дальнейших событий показал целесообразность предложений Корчица. Уже в ходе нового этапа операции в состав ударной группировки была дополнительно включена 397-я стрелковая дивизия полковника Б.А. Кеневича, 43-я отдельная лыжная бригада подполковника Т.П. Горобца и, по решению командующего фронтом, также 380-я стрелковая дивизия генерал-майора М.Н. Смирнова [263].

Будучи в Первую мировую войну разведчиком, генерал Корчиц с большим вниманием теперь отнесся к разведке. Была установлена переброска в полосы наступления 11-й и 1-й ударной армий 58-й и 225-й немецких пехотных дивизий из-под Ленинграда и Новгорода, а также до десяти батальонов из дивизий, действующих на других участках демянской группировки. Была вскрыта в достаточной мере система обороны противника, которая, к сожалению, не была вскрыта к началу операции, и это явилось главной причиной ее неудачного начала и развития. Выяснилось, что оборона противника вдоль шоссе Демянск – Старая Русса на участке Висючий Бор – Подберезье имеет две позиции: первая – по восточному берегу Карповки, вторая – по западным окраинам деревень, через которые идет шоссе Цемена – Хахели – Подберезье. Эти деревни были сильными узлами сопротивления с большим числом огневых средств, в том числе противотанковых. Имелась развитая система траншей и ходов сообщения, со снежными валами, дзотами, проволочными и минными заграждениями.

Иначе была построена оборона в лесном массиве западнее Хахели, Подберезье. Была оборудована одна сильная позиция с наличием в глубине отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Но в обоих случаях *«основой обороны противника является массированный артиллерийско-минометный огонь, причем интенсивность огня дает основание полагать, что противник все еще располагает достаточным количеством боеприпасов»*. К этому запоздалому заключению пришел маршал Тимошенко.

Гитлеровское командование, учитывая бесперспективность удержания демянского плацдарма, еще в конце 1941 г. приняло решение о его оставлении. Поэтому командование 16-й армии дало указание войскам демянской группировки расходовать накопленные запасы боеприпасов без особого ограничения. И войска 11-й и 1-й ударной армии это почувствовали в полной мере на себе.

Трагизм шаблонных действий

19 декабря штаб 1-й ударной армии издал частный боевой приказ.

Из частного боевого приказа:

...

«Активно обороняя занимаемые рубежи, частным наступлением 22.12.42 г. уничтожить противника и овладеть районами Цемены, перерезая основную коммуникацию демянской группировки...

129 сд. ... ближайшая задача – овладеть районом отм. 67,2. лес, 2 км зап. Цемена: в дальнейшем овладеть районом Цемена, где и закрепиться в готовности к отражению контратак. Поддерживает 1-я гв. мин. дивизия.

23 гв. сд. удерживать занимаемую полосу обороны, ударом правым флангом овладеть районом отм. 64,4 и безым. выс., где и закрепиться.

86 осбр. с выполнением 129 сд. ближайшей задачи сосредоточиться в районе отм. 65,3 в готовности развить наступление в направлении Цемена, Хахели, Подберезье.

177 отбр. быть готовой действовать с 86 осбр.

Готовность к наступлению 8.00 22.12.» [264].

Таким образом, войскам ставились задачи на возобновление наступления на прежних направлениях, с прежними задачами. Такой шаблон был выгоден противнику, который заблаговременно принял меры для отражения нашего наступления.

Началу наступления предшествовало ухудшение погоды. 20 декабря резкое потеплело, дороги стали непроезжими, на них застряли сотни автомашин и даже танки. А в день назначенного наступления – сильный снегопад и плотный туман. Наступление пришлось переносить на сутки.

23 декабря с 10 часов началась двухчасовая артиллерийская подготовка. За это время саперы собрали из уже подготовленных элементов одну переправу для танков. В 12 часов части 129-й и 23-й гвардейской стрелковых дивизий перешли в атаку под сильным заградительным огнем артиллерии и минометов противника. Отдельным подразделениям 518-го и 438-го полков 129-й стрелковой дивизии на нескольких участках удалось ворваться в первую траншею вражеской обороны. Это позволило саперам к 15 часам навести еще три моста. 2-й и 67-й батальоны при этой работе потеряли почти половину состава. Однако противник сосредоточенным огнем артиллерии вскоре разбил только что наведенные переправы, танки 103-го и 410-го танковых батальонов не могли форсировать Карповку, и пехота осталась без их поддержки. Противник массированным и сосредоточенным огнем артиллерии просто перемолол наши подразделения в захваченных траншеях, а их остатки вынуждены были вернуться в исходное положение. Успехи 23-й гвардейской стрелковой дивизии были еще скромнее [265] .

24 декабря, после часовой артиллерийской подготовки и залпа реактивной артиллерии, обе дивизии вновь атаковали противника. Атаковали «в лоб» без охватов и обходов опорных пунктов. По наведенным ночью переправам преодолели Карповку только пять танков, после чего вражеская артиллерия мосты разрушила, а танки подбила.

25 декабря картина повторилась. В находившемся на восточном берегу Карповки 448-м полку 129-й стрелковой дивизии в ротах осталось по 6–8 человек. Потери страшные. Остатки полка отведены на западный берег в район исходного положения. Из шести переправившихся танков два были сожжены, а четыре подбиты.

...

Из фронтовых записок:

«С Н.П. на высокой ели наблюдаю за наступлением 129-й дивизии. Поле боя в сплошных воронках. Снег черный, перемешанный с грунтом. Вот разбитое орудие... Там подбиты танки... Повсюду убитые в разных позах».

Для восполнения потерь вновь и вновь прочесываются тылы, но это мало что дает. Ослабленные роты и батальоны сливаются. Им дается 2–3 дня отдыха, и они снова бросаются в атаку.

27 декабря ввели в бой подошедшую 177-ю танковую бригаду в полосе 129-й стрелковой дивизии и 86-й стрелковой бригады. Для развертывания танков на рубеже атаки попытались использовать задымление, но оно оказалось своего рода сигналом для противника. Упреждая нашу атаку, по боевым порядкам 129-й стрелковой дивизии и 86-й стрелковой бригады противник провел контрподготовку. По мнению наших артиллеристов, было выпущено свыше 14 тысяч снарядов и мин [266] . Наша немногочисленная пушечная артиллерия, имея ограниченные возможности, не могла помешать немецкой артиллерии. Этот вражеский огневой налет привел к большим потерям частей первого эшелона, нарушил связь и управление. Но трагические события только начинались. В 9 часов, осуществляя залп, дивизионы 1-й гвардейской минометной дивизии нанесли удар по своим частям, находившимся в исходном положении для наступления. Такое, к сожалению, случалось на фронте не так уж редко! Ввод танковой бригады в этот день не состоялся.

Карповка – преграда для танков

28 декабря снова ввод танковой бригады не получился. Выйдя в двух кильватерных колоннах из выжидательного района, она затем расчленилась в ротные и взводные колонны. Двигаясь по глубокому снегу и слабо промерзшему болоту поймы Карповки, любой маневр танков исключался. Сильный вражеский заградительный огонь, вдобавок к трясине поймы, вновь не допустил танки к переправе. А переправ уже не было, все они были уничтожены вражеским огнем. Пехота без поддержки танков не пошла вперед [267] .

...

Из фронтовых записок:

«Из разговоров солдат 129-й дивизии: в феврале – марте под Старой Руссой немцы нас давили

авиацией, не давая поднять головы, а здесь давят артиллерией».

В предновогодние дни 29–31 декабря в боевых действиях наступило некоторое затишье. Но вражеская артиллерия в дополнение к дневным стала с немецкой педантичностью каждую ночь вести беспокоящий артиллерийский огонь, чередуя его с огневыми налетами продолжительностью от 20 до 40 минут и расходом от 1,5 до 5–7 тысяч снарядов и мин. Наши артиллеристы глубоко переживали, что плохо помогают пехоте. В одной из батарей артиллеристы заявили, что согласны до конца войны отказаться от денежного содержания, лишь бы на эти деньги им прислали снарядов.

Переживали и летчики 674-го полка, в меру своих малых возможностей помогавшие действию наземных войск.

...

Из отчета штаба полка:

«В течение декабря полк 9 У-2 и 3 ЛаГГ-3... Сделал 366 вылетов, в том числе 299 боевых. Сброшено бомб общим весом 34 т, листовок 195 тысяч...» [268] .

Впервые в практике с самолетов У-2 начали дневную и ночную корректировку артиллерийского огня. Экипажи ЛаГГ-3 были неопытные, в бой вступать им было запрещено. К счастью, немецкая авиация, кроме самолетов-разведчиков, над полем боя почти не появлялась.

В новогоднюю ночь, ноль часов ноль ноль минут, по указанию генерала Морозова наши «Катюши» «поздравляли» немцев. Немцы в долгу не остались. В ноль часов по берлинскому времени (2 часа по московскому) «приветствовали» коротким огневым налетом.

В последние дни декабря к участку прорыва подошла 397-я стрелковая дивизия, переброшенная из центральной группировки армии. Дивизия слабая – 4400 человек, активных штыков 1820. 177-я танковая бригада должна была 1 января прорвать вражескую оборону и наступать на Цемену, а 129-я и 397-я стрелковые дивизии должны обеспечивать ее действия и закреплять успех. Это было прогрессивное, но в конкретной обстановке малоцелесообразное решение, так как основу бригады составляли легкие английские и советские танки, малопригодные для прорыва подготовленной обороны.

К утру 1 января подразделения 129-й стрелковой дивизии были отведены от реки на 150–200 м во избежание потерь от своей артиллерии. С 12 до 12 часов 20 минут была проведена артиллерийская подготовка, завершившаяся залпом гвардейских минометов. С ее окончанием части 177-й танковой бригады вышли к трем уцелевшим переправам и под огнем противника начали форсировать реку. Надо сказать большое спасибо саперам 25-го инженерно-саперного батальона майора П.К. Клюкова, работая сутками без отдыха, в ледяной воде, они обеспечили восстановление разрушенных переправ. К часу дня на восточный берег Карповки прошли 49 танков. Саперы 2-го армейского батальона майора Н.А. Стасюка совместно с пехотой участвовали в атаке и уничтожении вражеских огневых сооружений. За подрыв трехамбразурного дзота, взорванного с его гарнизоном, рядовой этого батальона И.И. Замыслов был награжден орденом Красного Знамени [269] .

Немногочисленные переправы обусловили узкий участок прорыва обороны противника, что через несколько дней приведет к трагическим последствиям.

Преодолев Карповку, танки продвинулись на 1 км в направлении Цемены и вынуждены были остановиться из-за плотного огня противника и многочисленных глубоких воронок. Пехота была отсечена от танков артиллерийским огнем и залегла на берегу реки. Пехотинцы, которых танки волокли на волокушах из листового железа, заняли оборону вокруг танков, также используя воронки от снарядов и мин.

Ударная группировка окружена

В ночь на 2 января часть пехоты подтянулась к танкам. Но опорные пункты первой позиции не были уничтожены, не приняты меры к расширению коридора и закреплению флангов прорыва. В ночных атаках 3–5 января под основание вклинения противнику удалось потеснить подразделения, прикрывающие коридор, и фактически восстановить передний край обороны по восточному берегу Карповки. В результате ударная группировка была отсечена от основных сил. В окружение попали

447-й и 448-й полки 297-й дивизии, 1-й батальон 518-го полка 129-й дивизии, один батальон 43-й лыжной бригады, а также часть подразделений 177-й танковой бригады во главе с ее командиром. Окруженные части заняли круговую оборону между рощами в 1,5 км юго-западнее Цемены. Возглавил оборону командир 448-го полка подполковник П.Г. Саенко [270].

Командование 16-й армии приступило к блокированию наших окруженных частей с постепенным сжатием кольца окружения. Основные усилия противника в это время направлялись против войск 11-й армии.

Ежедневно частям окруженной группировки пришлось отражать 1–3 контратаки противника силою до роты. Генерал Макаров помогал им огнем артиллерии. Для доставки окруженным боеприпасов и продовольствия использовали в ночное время самолеты У-2. Но эта помощь была малоэффективной, поскольку площадь, занимаемая окруженными, была невелика и большая часть грузов попадала на нейтральную полосу или к противнику.

Несмотря на всю тяжесть положения, генерал Морозов не разрешал им выход из окружения. Он, наверное, не терял надежды на их успешное деблокирование и на успех дальнейшего наступления, особенно с подходом 380-й стрелковой дивизии, переданной в состав 1-й ударной армии из резерва фронта.

Неоднократные попытки 380-й дивизии и сводных отрядов из остатков стрелковых рот и батальонов 397, 129 и 23-й гвардейской стрелковых дивизий, 43-й и 86-й стрелковых бригад, предпринимаемые 10–14 января, пробиться к окруженным успеха не имели. В тех условиях, когда противник восстановил первую линию обороны на восточном берегу Карповки, сделать это было очень трудно. Зачастую бои доходили до рукопашных схваток.

...

Из фронтовых заметок:

«Разведчики принесли несколько берлинских газет. На первой странице одной из них крупный снимок поля боя под Цеменой, на котором видно много наших подбитых и сожженных танков. Подпись под снимком: «Цемена. Сделано в Англии – уничтожено в России».

Положение окруженных становилось все более тяжелым. Бойцы делали вылазки на нейтральную полосу, подбирая оружие и боеприпасы убитых немцев. Таким же образом добывали мясо убитых лошадей, конину варили на кострах, разводимых в воронках. Медицинская помощь отсутствовала, росло число убитых, раненых и просто ослабевших и замерзших. Вышли из строя почти все командиры батальонов и рот. 6 января был ранен командир 447-го полка подполковник Н.Г. Ефанов. 18 января положение стало критическим. После гибели подполковника Саенко окруженную группировку возглавил заместитель командира 448-го полка майор П.И. Яковенко.

Из доклада майора П.И. Яковенко: «Личный состав ничего не кушал, ввиду того, что У-2 продукты разбросал в районе расположения противника.

...Морозы по ночам достигали 20 градусов. Состояние раненых, которыми были переполнены все воронки, было крайне тяжелым. Обогревать раненых не было возможности потому, что участок нашего расположения просматривался противником. Поэтому был большой процент смертности не только раненых, но и здоровых бойцов. В среднем с 14.01 умирало за день по 10–20 человек... Мы были как заноза в обороне гитлеровцев, и они по несколько раз в день предпринимали атаки, но мы их отражали... Активных иттыков оставалось 30–40 человек. 16.01 гитлеровцы, видимо, решили покончить с нами. На рассвете на район окружения обрушился сильный артиллерийский огонь. Связь со штабом дивизии прервалась в 7.30 ввиду того, что было прямое попадание снаряда в штаб 448-го полка, где находилась радиостанция. При этом убило командира полка т. Саенко, его заместителя по политчасти капитана Никифорова. В течение дня нас неоднократно атаковали немецкие лыжники в маскхалатах с несколькими танками. Отразить эти атаки помогли танки, находившиеся с нами в окружении. В течение 18.01 с 7.30 до 16.00 противник четырежды атаковал окруженные подразделения, находившиеся в воронках на открытой поляне силою до роты с несколькими танками. Ввиду отсутствия противотанковых средств мы легли на дно воронок, а танки «утюжили» нас...

...На летучем совещании командиров было принято решение на выход в ноль часов 19 января. Из-за ярко светящей луны выход задержался на 1 час. Как только луна скрылась, мы двинулись,

сбили прикрытие и вышли с небольшими потерями».

Из окружения вышли 140 бойцов, в том числе 122 раненых и больных. 81 человек из состава окруженных были представлены к награждению орденами и медалями [271] .

Реальная цена формально подготовленной операции

Дорого обошлась 1-й ударной армии эта частная операция под Цеменой. 177-я танковая бригада потеряла почти все свои танки, и ее управление, передав несколько исправных машин 103-му танковому батальону, выбыло в резерв Ставки ВГК.

Общие потери ударной группировки составили 18 тысяч 400 человек убитыми, ранеными, больными и пропавшими без вести. Было подбито и сожжено 84 танка.

Как всегда в случаях неудач, принято искать виновных. Ставка ВГК на основании докладов своих представителей в армиях заключила, что маршал Тимошенко: а) переоценил возможности противника, это не позволило ему сделать смелую перегруппировку сил и средств и создать решающее превосходство на направлении главного удара за счет ослабления второстепенных участков; б) удары наносились на узких участках и повторялись неоднократно на одних и тех же направлениях, что позволяло противнику быстро стягивать к ним резервы с пассивных участков фронта; в) отсутствовало тесное взаимодействие армий, действовавших на встречных направлениях; г) отмечалось полное пренебрежение к осуществлению оперативной маскировки.

Маршал Тимошенко в свою очередь в приказах от 4 и 12 января 1943 г. указал на основные причины неудачных действий 11-й и 1-й ударной армий. Таких причин было много.

Командиры дивизий, выступая на заседании Военного совета 1-й ударной армии с выводами по боевым действиям, указывали на слабую подготовку пехоты и множество других причин.

Однако признавая правильность высказанных старшими инстанциями причин, обусловивших неудачный исход операции в чисто человеческом плане, крайне важно было бы указать на такие моменты, как тяжелая, смертельная усталость личного состава от многодневных и безуспешных боев, круглосуточное пребывание на местности, на морозе, не имея возможности обогреться, просушить обувь и одежду, указать на оупение чувств, обусловленное отчаянно плохим руководством со стороны командиров всех степеней (солдаты все видят!), многочисленными излишними потерями своих боевых товарищей, и, как следствие, апатия, безразличие, неуверенность в успехе боя, безынициативность младших и средних командиров, отсиживание в воронках, ложные доклады («Ползем!»). И всего этого не могли преодолеть никакие приказы и призывы со стороны старших командиров и политработников.

За неудовлетворительное руководство войсками генерал-лейтенант В.И. Морозов 1 февраля 1943 г. был отозван в распоряжение Ставки ВГК. Были отстранены от командования командир 23-й гвардейской стрелковой бригады генерал-майор С.Н. Александров, начальник штаба и два командира полков этой дивизии, командир 397-й стрелковой дивизии полковник В.А. Кеневич, командир 177-й танковой бригады подполковник М.Я. Головачанский, командир 167-го танкового полка подполковник П.П. Сухоняевский и целый ряд командиров частей и подразделений [272] .

Глава 19 НАСТУПЛЕНИЕ 11-й АРМИИ

Пустыня!

Теперь обратимся к северной стороне «фамушевского коридора», где должна была вести наступление 11-я армия. Пустыня! После неудачных попыток захватить этот укрепленный пункт весной 1942 г., в течение лета 202-я стрелковая дивизия в этом районе перешла к обороне, укрепляла боевые позиции, вела разведку. В конце августа попытки овладеть Пустыней успеха не имели. 17 сентября после двухчасовой артиллерийской подготовки и залпа дивизиона РС М-30 1317-й и 645-й Краснознаменный стрелковые полки в 9.30 атаковали этот укрепленный пункт. Под сильным огнем воздействием они вынуждены были отступить. 30 октября подразделения дивизии блокировали Пустыню с высоты 80.8, была отбита попытка группы немецкой пехоты при поддержке одного танка прорваться в Пустыню.

И наконец, в ноябре эта задача была успешно решена. Вот что пишет бывший командующий

артиллерией дивизии Штыкова Герой Советского Союза Ф.Т. Дахновский: «С этого опорного пункта, расположенного на возвышенности, вся местность с нашими боевыми порядками просматривалась в глубину до 10 километров. Передвижение без маскировки в дневное время немедленно засекалось. Однажды я наблюдал, как наш самолет сделал вынужденную посадку и сразу же был обстрелян. В этот день на моих глазах погибли два бойца, которые несли горячую пищу на передовую... Дивизия пополнилась молодыми воинами, получила оружие, в том числе автоматы ППШ и боеприпасы. Штабы тем временем проводили большую работу, изучая и обобщая разведывательные данные о противнике.

В начале ноября я находился на наблюдательном пункте, оборудованном на церковной колокольне в деревне Свиной (в деревне Кузьминское. – Прим. автора). Ко мне поднялся лейтенант В.Я. Афанасьев и доложил, что сюда идут какие-то «большие», как он выразился, начальники.

Спустившись вниз, я увидел командовавшего в то время Северо-Западным фронтом маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, генерала Г.И. Кулика и поспешил с докладом к маршалу. Однако тот показал рукой на стоящего рядом среднего роста человека в плащ-накидке и сказал:

– Доложите представителю Ставки Верховного Главнокомандования генералу армии Жукову. Выслушав меня, Георгий Константинович сказал:

– Ведите нас наверх. Посмотрим, что вы с этой колокольни видите.

Г.К. Жуков через стереотрубу внимательно рассматривал Пустыню и прилегающую местность, требуя от меня необходимые пояснения. Закончив обзор местности, все спустились с колокольни. Обращаясь ко мне, Г.К. Жуков сказал:

– Какая помощь требуется дивизии, чтобы овладеть опорным пунктом Пустыня?

– Доукомплектовать ее подготовленным пополнением, усилить одним-двумя артиллерийскими полками и дивизионами РС, снять с голодной нормы артиллерию дивизии и установить реальный срок для подготовки к штурму.

– Раз задача ясна и посильна, – заключил представитель Ставки, – доложите командиру дивизии и готовьтесь к приему и размещению частей усиления. Срок готовности к наступлению – две недели.

Через несколько дней в дивизию стали прибывать обещанные части усиления. Служба тыла, особенно артснабжения дивизии, проявили большую оперативность по доставке боеприпасов» [273].

Незадолго до этого рядом с дивизией Штыкова заняла боевые порядки 253-я стрелковая дивизия генерала Розанова, до этого бывшего адъютантом маршала Тимошенко. Командование этой дивизии не имело должного боевого опыта, поэтому при ведении боевых действий она терпела неудачи. Но боевой настрой в дивизии был высокий.

С.Г. Штыкова, недавно получившего генеральское звание, временно, для приведения дивизии в порядок, назначили туда командиром. Вот из этой дивизии для участия в штурме Пустыни был выделен батальон моряков-севастопольцев, 700 человек. Штурм Пустыни был назначен на 16 ноября, но из-за непогоды отменен.

Генерал-майор М.Н. Клешиин, заместитель командующего 11-й армии, был у моряков и проверил подготовку их к бою.

...

Из дневника капитана И.П. Савченко:

«17 ноября 1942 года. В 11 часов 35 минут пошли к морьякам. Зашли в третью роту. Народ хороший. Командир роты старший лейтенант Носков задачу знает. Генерал беседовал с младшим командиром взвода, задачу знает, но не конкретно. Генерал объяснил командиру роты, что нужно сделать и как. Главное, обратил внимание: первое, оборудовать КП по всем требованиям боя. Второе, назначить двух заместителей. Третье, командирам взводов растолковать задачу и объяснить, как выполнить ее. Четвертое, довести до каждого, какая его конкретная задача. Проверить, как поняли.

Направились во вторую роту. Обсушиваются. Народ хороший. Командир роты лейтенант Долженков. Парень толковый. Задачу знает хорошо. Командиры взводов тоже. Беседовали. Генерал давал указания, советы. Вообще в батальоне дела неплохи. Маловато перевязочного материала,

патронов и гранат».

Запись в журнале боевых действий:

...

«21.11.42 г. 202 СД, удерживая правый фланг силами 1317 СП, морской батальон 253 СД и 2/645 СП, в готовности вести наступление на Пустыня. Подразделения пополнялись боеприпасами и продовольствием.

Получено распоряжение штарма, начало атаки в 13.00 21.11.42 г.

Подразделения выходили в исходное положение, соблюдая маскировку и скрытность подхода. 6.00 – подразделения занимали исходное положение... Артиллерия дивизии и приданная артиллерия – на огневых позициях в готовности вести огонь по районам Пустыни, отм. 5.0 и выс. с отм. 80.8 и подавить батареи пр-ка в р-нах Здриного, Радово, Дедно, Калты, Грязная Новинка, Запрудно, Замошка.

9.00 артиллерия начала разрушение огневых точек в р-нах Пустыня, отм. 5.0 и выс. 80.8. До 12.55 артиллерия ведет огонь на разрушения. Арт. мин. батареи пр-ка ведут сильный огонь по боевым порядкам, нащупывая наши огневые позиции.

Наши подразделения в исходном положении ждут сигнала атаки.

12.55 – залп М-20 по р-ну Пустыня. Серия трех ракет НП командира 1317 СП – начало атаки. 13.00 пехота с шестью танками атаковала Пустыню.

13.10 отдельные засевшие автоматчики пр-ка ведут сильный авт. – пуль. огонь.

Подразделения, преодолевая упорное сопротивление пр-ка, выходят на рубеж траншей, врываются в них и ведут рукопашный бой.

Пр-к., не выдержав натиск наших подразделений, в панике отступает в направлении отм. 5.0, оставив на поле боя до 460 трупов солдат и офицеров. Наши подразделения преследует пр-ка » [274]

...

Из дневника капитана И.П. Савченко:

«21 ноября 1942 года. С 9 часов началось артиллерийское наступление. В 13 часов 10 минут дали сильнейший артиллерийский налет с применением «М-30» и «М-13». Земля гудела. Через некоторое время дали огневой вал, за которым пошла пехота. Немцы почти не создавали огневого сопротивления, лишь были бои в блиндажах с жалкими остатками от полнокровного батальона. 460 человек и 60 пулеметов накрылись в Пустыне. 13 человек – солдат, на людей не похожих. Вот что осталось в живых. Голые, босые, даже без пилоток, танцуют на снегу перед нашими красноармейцами. Итак, деревня Пустыня была взята почти без потерь».

23 ноября 1942 г. в 16.00 после двухчасовой артподготовки, преодолевая сильное огневое воздействие, с четырьмя танками первая рота первого батальона 126-й стрелковой бригады, переподчиненная командиру 1317-го стрелкового полка, овладела опорным пунктом противника – высотой с отм. 80.8. Противник в панике отошел в направлении Запрудно, оставив на поле боя до 200 трупов солдат и офицеров [275] .

Командование фронта наконец-то развязало руки. Пустыня после многомесячных боев была взята. И уже 28 ноября в 14 часов бойцам и командирам, проявившим мужество и отвагу при овладении опорным пунктом Пустыня, было проведено вручение орденов и медалей СССР.

Удары латышской дивизии

Соединения 11-й армии начали наступление одновременно с ударной группировкой 1-й ударной армии, на фронте от реки Пола до болота Невий Мох. Недолго отсутствовала в этих местах 43-я латышская гвардейская стрелковая дивизия (ранее 201-я стрелковая). К утру 26 ноября 1942 г. дивизия, согласно боевому распоряжению штаба 11-й армии № 0151/ОП, произвела смену частей 384-й стрелковой дивизии и 151-й стрелковой бригады на участке Стрелицы, отм. 65.4, и заняла оборону на этом рубеже.

Через день дивизия с 60-й танковой бригадой, 3-м гвардейским танковым полком, 270-м инженерным батальоном при поддержке 315, 305, 231, 382, 429-го гвардейских артиллерийских полков, 102-го минометного полка, тридцати дивизионов М-30 и трех дивизионов М-13, после артиллерийской подготовки, следуя за огневым валом артиллерии, в 12.00 перешла в наступление. Дивизия имела задачу: ударом в направлении отм. 59.5. Росино овладеть узлом сопротивления в районе отм. 59.5, в дальнейшем, развивая успех, овладеть восточным берегом реки Пола в районе Росино.

Латышская дивизия, по имеющимся данным, имела против себя противника в составе отдельных частей 290, 32, 329 и 81-й пехотных дивизий. Передний край его обороны проходил по оврагу 1 км южнее и юго-восточнее Стрелиц, далее по высоте опушки леса западнее отм. 65.4. Сорокино, отм. 66.9. Вторая полоса вражеской обороны: на рубеже Симоново – Росино – Большое Степаново и далее по оврагу Вязовки на Радово. В большом количестве имелись проволочные заграждения. Резерв противника – до пехотного полка в районе южнее Малые и Большие Роги и до двух пехотных полков в районе Здоровец – Ростани – Новые Горки.

Преодолевая сильное огневое сопротивление и отражая неоднократные контратаки, полки дивизии прорвали передний край и вклинились на 1,5 км в глубину вражеской обороны.

Наступающие справа части 370-й стрелковой дивизии с 411-м отдельным танковым батальоном при поддержке дивизиона РС М-13 в 12.00 28 ноября своим левым флангом перешли в наступление с задачей овладеть Голубовом, ручьем Объезда (между Туганово и Симоново), в дальнейшем выйти на фронт Туганово, Большие Роги. За два последующих дня боев полки понесли большие потери, и дивизия перешла к обороне практически на старых рубежах.

Потери 1230-го стрелкового полка с 28 по 30 ноября: убито 185, ранено 411 человек; 1232-го стрелкового полка: убито 109, ранено 328 человек [276].

Находящаяся слева от латышской дивизии 151-я стрелковая бригада имела задачу овладеть Малым и Большим Степановым и выйти на фронт Росино, Городок. Она также от вражеского огня имела большие потери, продвижение вперед было незначительным.

Это дало возможность вражескому командованию сосредоточить усилия на участке 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник снял часть пехоты с участка Голубово – Туганово и к 16.00 перебросил ее на участок Симоново – Росино.

29 ноября было замечено в районе Росино скопление пехоты противника. В течение дня из района Симоново и Малого Степаново враг предпринял две контратаки, которые были отражены.

30 ноября дивизия атаковала обороняющегося противника. Наши подразделения достигли 200–250 м восточнее и северо-восточнее Симоново, 600–700 м восточнее Росино. Противник вел сильный артиллерийско-минометный огонь из района Большие и Малые Роги, Туганово. В 9.30 он предпринял контратаку, но, потеряв до 70 человек, отошел обратно.

1 декабря дивизия продолжала наступать. Танковые подразделения, приданные полкам, действовали слабо. В ходе наступления командиры пехотных подразделений не могли практически руководить действиями танков, так как командиры танковых подразделений не держали связь с пехотой и не подчинялись отдельным приказам.

При атаке на Симоново танки остановились и не двигались дальше, несмотря на неоднократные приказы о продолжении наступления. Пехота без танков подошла вплотную к Симоново и с боем заняла три дзота противника, но ворваться в деревню не смогла, встретив сильный заградогонь. В 21.00 в полной тишине батальоны все же ворвались в Симоново и овладели деревней.

2 декабря в 7.00 при поддержке артиллерии и трех танков противник начал наступление на Симоново, атакуя деревню с юго-запада и севера. Ураганным минометным огнем противнику удалось вывести из строя всех защитников и вновь войти в деревню. В 12.00 в Симоново ворвались два наших танка, но к 14.00 выбыли из строя. Наши подразделения вынуждены были закрепиться в 250 м восточнее деревни.

Жестокий бой развернулся на подступах к Росино. Утром под прикрытием танков враг предпринял контратаку, но она была отбита. Наши подразделения сохранили прежние рубежи. Группа снайперов уничтожала вражеских автоматчиков, просочившихся в тыл.

Две недели дивизия вела активную оборону на достигнутых рубежах. В ночь на 17 декабря боевой участок был сдан частям 370-й и 26-й стрелковых дивизий, и дивизия вышла в резерв 11-й армии [277].

Подвиг батальона капитана Васильева

170-я стрелковая дивизия полковника Ушакова после сдачи своей полосы обороны 384-й и 22-й гвардейским дивизиям переправилась на правый берег Пола и вошла в резерв Северо-Западного фронта. В районе станции Пола она получила пополнение, производила сколачивание подразделений, готовила технику и оружие к боям. 27 октября ночным маршем полки дивизии сосредоточились в районе Херенки, Зорянки и находились во втором эшелоне 11-й армии. Почти месяц подразделения занимались боевой подготовкой и возведением оборонительных сооружений полевого типа.

25 ноября дивизия совершает ночной марш и сосредоточивается в лесу севернее Горбов. В ночь на 26 ноября она принимает полосу обороны от 126-й и 151-й стрелковых бригад полковников Карлова и Яковлева в районе между Горбами и Обжино. Дивизия Ушакова перешла в наступление одновременно с латышской дивизией. Она будет вести бои в 4–5 км восточнее.

...

«28.11.42 г. дивизия с приданным 239-м танковым полком (без одной роты) в 9.00 начала наступление с задачей овладеть Обжино, Софронково и в дальнейшем развивать наступление в районе Колома. После кровопролитных боев оборона противника в районе Горбов была прорвана и дивизия продвинулась до 2 км» [278] .

В этом бою особенно отличился батальон капитана Васильева (422-й стрелковый полк). Батальон, прорвав оборону противника по фронту на 300 м, вышел на северный берег речки Вязовка, где и закрепился. Целую неделю немцы предпринимали многочисленные контратаки против выдвинувшегося вперед батальона Васильева, но успеха не имели и несли большие потери.

...

«16.12.42 г. противник, подтянув крупные резервы, перешел в решительное контрнаступление, потеснив левый фланг 391 СП. Батальон капитана Васильева в течение 17–19.12.42 г. вел бой в окружении и только в ночь с 19 на 20.12.42 г. по приказу командира дивизии, прорвав кольцо пр-ка, вышел из окружения. Сам капитан Васильев во время выхода из окружения пал смертью храбрых, сраженный пулей врага» [279] .

...

Из дневника капитана И.П. Савченко:

«18.12.42 г.

Поехали в 170 с.д. Ушакова. Там тоже не совсем хорошо. Ушакова нашли на НП в Горбах. Потолковали. Пошли в полки. Выяснилось: уже 4 суток батальон Васильева в окружении. Генерал переговорил с ним по радио, послал на выручку группу пехоты и 4 танка, предварительно разрешил сколько угодно тратить снарядов на поддержку наступающих. К исходу дня выяснилось, что танки не дошли – засели, а люди продвинулись и помогли прорвать кольцо, но неудачно: очень мало людей (12 человек) сумели выбраться из этих чертовых тисков. Сам командир батальона Васильев, геройски державшийся четверо суток под постоянным «заботливым окружением» со стороны немцев, так и не дождался водочки и закуски, которые посылал ему генерал. Погиб он при выходе из этого проклятого кольца».

20 декабря 170-я стрелковая дивизия сдала свою полосу наступления 28-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Ефремова и на несколько дней вышла во второй эшелон 11-й армии. Всего лишь на неделю.

В этот район с левого берега Ловати была переброшена и 26-я Златоустовская стрелковая дивизия полковника П.Г. Кузнецова. Сдав 13 ноября свою полосу обороны 147-й стрелковой бригаде, она сосредоточилась на правом берегу Пола в районе Березка – Херенка и находилась в резерве фронта. В эти дни дивизию посетил генерал-лейтенант П.А. Курочкин. Надо сказать, что личный состав дивизии занимался согласно планам командиров подразделений и внезапный

строевой смотр не застал их врасплох. И внешним видом и строевой подготовкой генерал остался доволен.

Дивизия была включена в состав 11-й армии, а с порядками делать все поспешно, срочно, без необходимой подготовки полковник П.Г. Кузнецов был уже знаком. Из его воспоминаний: *«Наши штабы и командиры частей хорошо знали и командование, и армию, и порядки в ней.*

– Ну как, теперь опять «с ходу»? – спрашивали друг друга штабные командиры.

– Да, как обычно, – следовал невеселый ответ».

Так и случилось. П.Г. Кузнецов вспоминает:

– Что случилось? – спросил я у Арефьева.

– Час назад здесь был начальник штаба армии и передал приказ о наступлении.

– Когда наступаем?

– Завтра, тридцатого ноября, в девять утра...

– Кроме нас наступает еще кто-либо? – спрашиваю начальника штаба.

– Справа как будто латыши, а слева не знаю. Начштабм пролетел, словно метеор, я и оглянуться не успел, а его уже и след простыл.

– Одним словом – «с ходу», – иронически замечает кто-то из штабных командиров».

Согласно приказу, дивизия должна прорвать вражескую оборону и выйти на берег реки Пола на участке Росино – Малое Степаново. Это значит, надо силой взломать северную сторону «рамушевского коридора». А кто его обороняет? Кто сидит за этой стеной? Ничего не известно.

...

«ОС № 597 30.11.42 г. 22.00 Штадив 26...

Части дивизии с 11.00 с исходного положения отм. 59.5. лес 1 км сев. Сорокино, отм. 66.4, перешли в наступление с задачей овладения Росино – Малое и Большое Степаново.

Пр-к, опираясь на систему дзотов в р-не Росино, Малое и Большое Степаново, в течение дня оказывал сильное огневое сопротивление наступающим частям из р-на Росино ШК, Радово и леса сев. – зап. Сорокино» [280] .

К огню дзотов прибавился огонь с западного берега реки Пола и южного берега речки Вязовка. В этот день боевая задача дивизией не была выполнена. Не будет выполнена и во все последующие дни, вплоть до ликвидации «рамушевского коридора».

Всего пять дней 43-я латышская гвардейская стрелковая дивизия была не на передней линии, а находилась в лесах между Свинороем и Лялино, в резерве 11-й армии. Уже в ночь на 22 декабря дивизия сменила части 151-й стрелковой бригады на участке роща 1 км севернее Сорокино, Горбы. Полки заняли оборону и начали подготовку к наступлению, которое началось утром 28 декабря. Дивизия должна была овладеть Сорокином, Радовом и выйти к реке Пола в районе Колома. Двое суток продолжались ожесточенные бои. Встретив сильное огневое сопротивление с частыми контратаками противника, только к вечеру 30 декабря началось продвижение на левом фланге. С утра наступление продолжилось, и к вечеру 1 января 1943 г. были захвачены Радово и отм. 62.9. Развить успех не удалось ввиду малочисленности личного состава. Дивизия перешла к обороне. И в дальнейшем все попытки продвинуться и овладеть Сорокином успеха не имели. 11 января, сдав свой участок частям 26-й стрелковой дивизии, латышская дивизия отошла в резерв 11-й армии в районе Лялино. Ее «отдых» будет недолгим.

Неприступное Сорокино

Опорный пункт Сорокино находился на пологой высоте, командовавшей над окружающей местностью. К населенному пункту с трех сторон подступал лес, разделенный тремя полянами, из которых две своими скатами были обращены на север, в сторону атакующих.

На скатах просматривались три траншеи, соединенные между собой ходами сообщения. Сорокинский опорный пункт образовывал в обороне противника выступ, обращенный своим углом к атакующим. Линия переднего края проходила сюда с юга, а затем резко поворачивала на запад к Росино. Немцы имели в Сорокино один пехотный батальон, а на всем выступе у них оборонялось до пехотного полка.

Пожалуй, главная причина того, что Сорокинский опорный пункт оказался для наших войск не по зубам, – слабая артиллерийская поддержка наших наступающих подразделений.

Из воспоминаний П.Г. Кузнецова:

«Был получен приказ, в котором указывались задачи и время начала действий и давалась выписка из плана артиллерийского наступления.

Согласно плану за продолжительной артподготовкой должен был последовать огневой налет по переднему краю, а вслед за ним бросок пехоты в атаку.

Но в бою все приобрело иной вид, чем на бумаге.

Рано утром, до начала артподготовки, я был на своем НП, в двух километрах к северо-западу от Сорокина, у отметки 59.5.

Началась артподготовка. Реденько, один за другим проносились над головой снаряды и падали на широком фронте, создавая видимость не артподготовки, а пристрелки.

– Какой же толк от вашего огня? – спросил я у Носкова.

– А что я могу сделать? – ответил он. – Снарядов мало.

– Мало снарядов, так надо бы и время брать меньше, вместо сорока минут хватило бы пятнадцати.

– На меня не обижайтесь, товарищ полковник, я здесь ни при чем, – сказал Носков, – план прислан сверху, армейскую операцию планировала армия, а не мы.

Он был прав.

Наступило время огневого налета. Огонь несколько усилился, но опять это было совершенно не то, чего ожидала изготавившаяся к атаке пехота. В атаку она поднялась недружно. Ее бросок к окопам противника был встречен ураганным огнем, и она тут же вынуждена была залечь в снег и окопаться» [281].

Неудачи раздражали и подавляли морально и бойцов, и командиров. Бои прошлой зимы давались тоже нелегко, но были все-таки более успешны. *«Тогда нам удавались прорывы, почему же они не удаются сейчас, когда опыта у нас стало больше? – спрашивал я у себя. – В прошлую зиму во многих боях удачно применялась внезапность, мы с успехом использовали огонь орудий прямой наводкой. Почему же ничего не получается теперь?» [282].*

В обороне противника произошли коренные изменения. В прошлую зиму немцы не имели сплошной обороны. Она состояла из отдельных опорных пунктов, далеко отстоящих друг от друга и связанных между собой только огневой системой, местами очень слабой. Опорные пункты легко можно было изолировать один от другого и захватывать по очереди.

Теперь же все изменилось: образовался сплошной фронт с непрерывными траншеями и ходами сообщения, которые связывали опорные пункты и делали их более устойчивыми.

Для прорыва такой обороны требовалось увеличить число орудий, танков, самолетов, чтобы создать значительное превосходство в силах. А о внезапности не могло быть речи, ведь наши части подолгу топтались на одном месте.

Бои за Сорокино явились составной частью второй наступательной операции 11-й армии и имели вспомогательный характер. Главный удар наносился на участке Обжино – Ольховец – Вязовка. Бои длились двадцать дней. Начались в конце декабря 1942 г. и заняли почти всю первую половину января следующего года. Проходили они недостаточно организованно, рывками, нервно. Нервозность порождалась неудачами.

С левого берега Полы в этот район была переброшена 28-я гвардейская стрелковая дивизия. 20 декабря она сменила 170-ю стрелковую дивизию в районе севернее Обжино. 23 декабря в 10.20 полки дивизии Ефремова перешли в наступление с задачей взять Обжино, отм. 47.5 и в дальнейшем наступать на Софронково. Прорвать немецкую оборону не удалось, и вечером дивизия закрепилась на рубежах северного берега оврага речки Вязовка, на фронте длиной 2,5 км.

С 28 по 30 декабря дивизия при поддержке артиллерии и танков выполняла поставленную штабом 11-й армии задачу на овладение Здриной, отм. 73.4, Софронково. Под воздействием ружейно-пулеметного и отсечного артиллерийско-минометного огня продвижение наших подразделений сдерживается. В ночь на 30 декабря противник дважды переходил в контратаку силой до роты, но без успеха. 30 декабря в помощь нашим частям была выделена авиация. В результате трехдневного боя наши подразделения овладели несколькими блиндажами, но прорвать вражескую оборону не смогли.

В сражение на этом участке была введена 202-я стрелковая дивизия генерала С.Г. Штыкова, сменившая в ночь на 31 декабря полки 28-й гвардейской стрелковой дивизии.

Восточнее боевых порядков 202-й стрелковой дивизии с 27 декабря вела тяжелые бои 170-я стрелковая дивизия, уже имевшая успешный опыт прорыва немецкой обороны.

Командование 11-й армии снимало дивизии с второстепенных участков и бросало их на этот участок прорыва. Из-за реки Пола, из района Больших Дубовиц 4 января прибыла 55-я стрелковая дивизия полковника Загольева и сосредоточилась в лесу западнее и юго-западнее Горбов. Вскоре обстановка заставит подключить сюда и 253-ю стрелковую дивизию. Сила скопилась немалая, но каков будет результат?

...

Из дневника капитана И.П. Савченко:

«29.12.42 г.

Войска ведут упорнейший бой и потихоньку продвигаются. Соединения поредели, частично изменились, но все переживают труднейшие условия упорных боев. Штурмовая и истребительная авиация работают полный день по 5–7 самолетов. Работа их что-то не нравится: развороты делают над своими, мало бывают над немцами и иногда дают по своим. Можно, конечно, работать лучше. Приказ Ставки наступать, наступать! Бить немцев. Выполняем с трудом. Командиры дивизий совсем близко подлезли со своими наступательными пунктами. Некоторые устроились очень плохо. Результат: в блиндаж командира 170 с.д. Ушакова попал прямой, завалил все к черту и наделал делов. Убит Ушаков, его начальник артиллерии, командир 30 т.б. Кульбичев, один командир полка и другие. По получении вести уехали туда – в 170 с.д.».

(Командиром 170-й стрелковой бригады будет назначен командир 126-й стрелковой бригады полковник Карлов. – *Прим. авт.*)

Гибель генерала Штыкова

31 декабря в 10.00 после короткой артиллерийской подготовки части дивизии Штыкова пошли в наступление для овладения высотой и опорным пунктом с отм. 73.4. Атака не имела успеха. На следующий день после двадцатиминутной артиллерийской подготовки в 12.15 атака повторилась. Встречая сильное огневое сопротивление, подразделения достигли: 645-й краснознаменный стрелковый полк – 350–400 м восточнее Здриноги; 682-й стрелковый полк – 200 м северной стороны высоты с отметкой 73.4; 1317-й стрелковый полк – 1,5 км северо-восточнее Софронково.

2, 3, 4 января 1943 г. атаки частей дивизии повторялись ежедневно. Результат был неутешительный. Под интенсивным огнем противника из всех видов оружия удалось очистить лишь часть оврага речки Вязовка у Здриноги. 4 января дивизия производила перегруппировку сил. Был создан батальон за счет тылов.

...

Запись в журнале боевых действий:

«5.01.43 г. С 10.00 после 15-минутной артподготовки части дивизии пошли в наступление за овладение высотой с отм. 73.4. Ведя огневой бой, подразделения преодолели сильное огневое сопротивление пр-ка, продвигаются вперед и в 13.30 после упорного боя, перешедшего затем в рукопашную схватку, овладели высотой и опорными пунктами с отм. 73.4. Понеся большие потери, противник отступил. В 15.00 путем контратаки с применением массированного арт. – мин. огня пр-к ценой больших потерь снова овладел выс. с отм. 73.4» [283] .

В тот же день командующий армией приказал имеющимися наличными силами восстановить положение. После подготовки и подчищения тылов 9 января попытка вернуть высоту состоялась. Но тщетно. Враг подтянул силы, укрепил оборону. Преодолеть лавину огня наши подразделения не смогли.

В ходе этого боя был убит командир 202-й стрелковой дивизии генерал-майор С.Г. Штыков.

Из воспоминаний Ф.Т. Дахновского: «...Около 16 часов неподалеку от блиндажа, в котором

были генерал-майор С.Г. Штыков и еще несколько командиров, разорвался тяжелый снаряд. Через несколько минут – еще один, 205-миллиметровый. Мне стало ясно, что где-то поблизости, в лесу, находится вражеский корректировщик. Я поделился своей догадкой с С.Г. Штыковым, предложив немедленно оставить блиндаж и перейти на запасной КП. Однако в этот момент командира дивизии попросили к рации.

Очередной снаряд разорвался совсем рядом. Нас завалило землей. С трудом высвободившись из-под обвала, я увидел бойцов, которые откапывали задавленных в блиндаже людей. Штыков был уже мертв» [284] .

Бывший офицер 202-й стрелковой дивизии В.Я. Афанасьев вспоминает:

«...Подходя к землянке командира дивизии, мы увидели около нее воронку, и распространялся еще пар и дым ВВ из нее. Блиндаж одним углом был спущен вниз. Картина здесь, по всей вероятности, произошла такая: снаряд попал в 5–7 метрах от угла блиндажа. От силы взрыва все 12 накатов блиндажа рухнули вниз. В это время, как мы узнали позже, Серафим Григорьевич проводил совещание с руководящим составом: уточнялись задачи на следующий день. В блиндаже не было никого. Раненых и убитых в блиндаже также не было. При выходе из блиндажа, в 15–20 метрах от него, около березняка в снегу лежал труп, в гимнастерке, хромовых сапогах, без ремня. около него были два незнакомых солдата (по-видимому, мимо проходили). Мы сразу же узнали нашего боевого генерала, командира генерал-майора Штыкова.

Здесь же нашли «лодку» (для вывоза раненых), положили на нее труп убитого командира и доставили на КП дивизии. Это было где-то в трех-четырех километрах от этого места. Лицо у него было чистое, ранений не было» [285] .

Похоронили С.Г. Штыкова, по словам ветеранов дивизии, на лесной поляне у деревни Мануйлово (недалеко от Навелья. – Прим. авт.). Жена С.Г. Штыкова за несколько дней до гибели генерала прибыла в дивизию с уральской делегацией и присутствовала на похоронах. Был сильный мороз, пришлось временами нарушать народный обычай, не снимать с головы шапку-ушанку.

Под этой высотой, отм. 73.4, 9 января осколками снаряда был убит командир знаменитого 645-го Краснознаменного стрелкового полка подполковник Чередниченко Степан Федорович. В этот же день погибнет знаменитый снайпер этого же полка бурят Черендаш Доржиев, на счету которого 268 убитых врагов. Незадолго до этого, 3 января, погиб командир 682-го стрелкового полка подполковник Москвин Андрей Андреевич.

Враг сопротивлялся отчаянно, потери, особенно от огня артиллерии и минометных обстрелов, были высоки.

Наступательные бои в этом районе дивизия вела до 8 февраля, когда рубеж обороны будет сдан 188-й и 254-й стрелковым дивизиям.

Окружение внутри «коридора»

В начале января 1943 г. на восточном фланге 11-й армии в районе Ольховца происходили трагические события. Полки двух стрелковых дивизий – 55-й и 253-й были окружены противником внутри «франшевского коридора» и понесли большие потери. А начиналось все вроде нормально.

55-я стрелковая дивизия была переброшена от Больших Дубовиц в район Горбов и готовилась к наступлению.

...

08.01.43 г. Части дивизии при поддержке танков после арт. подготовки в 9.40 перешли в атаку, стремительным рывком вперед сломили сопротивление пр-ка на переднем крае обороны и продвинулись на 700–2000 м в глубину обороны пр-ка и овладели д. Лешокино, правый фланг находится – (4303), левый фланг – д. Лешокино [286] .

9 января 1943 г. части дивизии продолжали бои за удержание Лешокино и овладение Федоровом.

228-й стрелковый полк совместно с лыжным батальоном в течение ночи с 8 на 9 января отбил восемь вражеских контратак. В результате сильного артиллерийского огня и минометного обстрела вынес свою оборону на северо-западную окраину Лешокино.

111-й стрелковый полк в течение дня вел бои за овладение отм. 66.4 на дороге на Федорово.

107-й стрелковый полк атаковал Федорово. Противник оказывал сильное сопротивление артиллерийско-минометным огнем, переходил в контратаки с направлением Федорово, лес Лешовкино 800 м, Савкино.

Дивизия 9 января понесла большие потери. 111-й стрелковый полк: убито 30, ранено 171 человек, 107-й стрелковый полк: убито 62, ранено 309 человек, 228-й стрелковый полк: убито 134, ранено 538 человек.

Противник вел себя активно. С пассивных участков фронта снимались мелкие подразделения, посылались группы автоматчиков на пути подвоза, демонстрируя окружение.

К 17.00 10 января части дивизии имели боевой состав: 107-й стрелковый полк – 368 человек, 111-й стрелковый полк – 465 человек, 228-й стрелковый полк – 523 человека [287].

В 10.00 11 января противник силой свыше роты с оружием и танком в сопровождении артиллерийского и минометного огня вышел на дорогу в лесу на 1 км восточнее отм. 66.4 и перерезал ее. Эвакуация раненых стала невозможной. В районе леса южнее Лешовкино, Савкино враг сосредоточивал пехоту и танки.

12 января 111-й стрелковый полк сдал свой участок 282-й стрелковой дивизии и группой общей численностью до 350 человек перешел в наступление, продвинулся на 350 м, но с двумя полками Лешовкинской группы не соединился.

Теперь обратимся к 253-й стрелковой дивизии под командованием полковника Воронина. Дивизия должна была расширить прорыв. 979-й и 983-й стрелковые полки приостановили наступление, находясь своим правым флангом у западной опушки леса – Савкино и левым флангом лес (коор. 0245а).

981-й стрелковый полк, после выхода из подчинения 170-й стрелковой дивизии, следуя в район сосредоточения 1 км севернее Лешовкино, был обстрелян пулеметным и автоматным огнем противника. Понеся большие потери, полк в район сосредоточения не дошел и занял оборону.

К исходу 10 января 981-й стрелковый полк с оставшимся личным составом и прибывшим пополнением – 94 человека за счет резерва – при поддержке трех танков получил задачу прочесать проход и связаться с отрезанными частями. Выполняя поставленную задачу, полк к окруженным частям не вышел. Понеся большие потери от сильного огня и контратак противника, был вынужден залечь и перейти к обороне.

Лыжный батальон понес большие потери, к исходу дня 10 января в батальоне осталось 20 человек, ранен командир батальона. Ведя бой в окружении, 979-й и 983-й стрелковые полки были объединены под общее руководство командира 983-го полка майора Цветкова.

...

Из дневника капитана И.П. Савченко:

«9.01.43 г.

Генералу не спится. Подхватился в 4 утра. Едем. Обратно туда же. Вчера наметили маневр расширения успеха. Дело в следующем. 55 сд захватила Лешовкино и очень удачно. Таким образом получился прорыв, который нужно расширить. Для этой цели была назначена 253 сд. По приказу ей нужно было вступить в бой в 7 часов утра, а вступила в 12, потеряв много убитыми и ранеными по дороге... Уехали поздно вечером. Война не имеет хороших результатов. Лешовкино потеряли... К утру немец подтянул танки и начал бить термитными снарядами. Все загорелось. Потом немец дал артиллерийский налет и контратаку. Наше малочисленное войско попятилось. Положение уточнили только к исходу дня.

12.01.43 г.

...За столиком из бока ящика сидел задумчивый командир 253 сд полковник Воронин... Да, начальство именно его нашло виновником бессилия... Выяснилось, что два полка воронинских находятся от нас в километрах двух с половиной под Савкино и Лешовкино вместе с частями 55 сд и мотобатальоном. Третий его полк сидит в двухстах метрах и отбивается от немцев, нападающих на дорогу с целью отрезать передовые. Итак, мы в самом прорыве, который радует стратегов нашей армии, но который вместе с тем, по-моему, чреват плохими последствиями из-за нашей неадекватности и неторопливости. Поживем. Посмотрим.

13.01.43 г.

...Военные дела шли своим чередом. Попробовали сунуться танки на дорогу – не вышло. Помощь передовым стала круглым вопросом. Примерно к 13 часам оттуда с юга пришел командир дивизиона младший лейтенант Буров с некоторыми бойцами и ранеными. Они прошли без задержки и, таким образом, открыли свободную тропу с севера на юг... Тропа заработала. Везде слышится: тропа, тропка.

...Командующий обещал пополнение больше тысячи. К утру уже ожидалось и прибыли сформированные роты для улучшения положения и спасения его. Ночью пришла первая рота. Ее нагрузили сухарями и направили по тропе. Перед этим адъютанту командира дивизии дал генерал группу людей, пулемет и направил защищать тропу. Эта группа назвалась группа Поручикова. Для борьбы с перерезавшими дорогу создали еще группу, и она называлась группой Могильного. По имени начальника штаба дивизии подполковника Могильного».

По этой тропе 14 и 15 января доставлялись продукты питания, боеприпасы и пополнение группе Цветкова 253-й стрелковой дивизии и 107-му и 228-му стрелковым полкам 55-й стрелковой дивизии. В 23.00 15 января противник перерезал тропу, окружив 981-й стрелковый полк.

111-й стрелковый полк не смог пробиться к окруженным полкам 55-й стрелковой дивизии.

Окруженные части обеих дивизий продолжали вести бой, отражали непрерывные атаки врага, несли потери от артиллерийского обстрела и огня минометов. Личный состав голодал, раненых эвакуировать было невозможно.

...

24 января 107-й стрелковый полк с остатками 228-го стрелкового полка, 40-го мотобатальона, 253-й и 170-й стрелковых дивизий перешел в атаку, прорвал оборону в районе 300–400 м севернее двух деревьев, вышел из окружения к своим.

Лыжный батальон, атакуя напротив участка 111-го стрелкового полка, продвинулся на 250–300 м, помог частям выйти из окружения. Затем вернулся на свои позиции и сменил батальон автоматчиков.

Батальон автоматчиков 40 ЛБР одновременно с ЛБ в стыке с частями 43-й гвардейской стрелковой дивизии атаковал противника в направлении безымянной высоты, что южнее двух деревьев, прикрывал выход из окружения. Батальон выведен из боя в район Горбов.

Из окружения личного состава 55-й стрелковой дивизии вышло 106 человек, из них 57 раненых.

В боях за овладение Савкино и выход из окружения убит командир 983-го стрелкового полка майор Цветков, ранен командир дивизии полковник Воронин, контужен бывший начальник штаба подполковник Могильный.

Значительная часть из 1150 человек пополнения, прибывшие от учебного батальона и тылов 253-й стрелковой дивизии, вышли из строя. В период 24–25 января 1943 г. мелкие группы окруженных 979, 981 и 983-го стрелковых полков вышли из окружения и прибыли в распоряжение дивизии в составе: здоровых 35, раненых 27 человек рядовых [288] .

Если сравнивать эти события с происходившими с ударной группировкой 1-й ударной армии, то можно найти много общего. Одинаков результат – окружение целых полков и большие потери личного состава. А ведь до вывода немцами своих войск с демянского плацдарма и «рамушевского коридора» оставалось немного времени.

В январе и феврале 1943 г. войска 11-й армии предпринимали попытки изменить ситуацию в свою пользу, но все были неудачны. 15–23 января 43-я гвардейская стрелковая дивизия вела наступление на Федорово, успеха не было.

До 8 февраля 202-я стрелковая дивизия безрезультатно атаковала Софронково и отм. 73.4. В середине февраля 254-я и 28-я гвардейская стрелковые дивизии безуспешно вели бои за Малое и Большое Степаново, Росино. Небольшой успех имела 26-я стрелковая дивизия: 15 февраля была прорвана оборона противника в районе Малого Степанова, враг отступил на 1200 м. Но ее совместное с 254-й стрелковой дивизией наступление на Сорокино было безрезультатно.

Глава 20 КОНЕЦ ДЕМЯНСКОГО ПЛАЦДАРМА

Подготовка очередного наступления

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом и на Северном Кавказе Ставка ВГК могла вплотную заняться Северо-Западом. После неудачного исхода пятой наступательной операции по разгрому демянской группировки командующий и штаб Северо-Западного фронта приступили к планированию новой операции. Этот план маршал С.К. Тимошенко направил 14 января 1943 г. И.В. Сталину. В документе отмечалось: войска Северо-Западного фронта имеют все возможности за счет внутренних резервов продолжать и закончить операцию, проводимую 11-й и 1-й ударной армиями по окружению демянской группировки. Эти ресурсы составляли шесть стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада и один танковый полк, находившиеся во фронтовом и армейских резервах. Войска 11-й и 1-й ударной армий должны продолжать наступление. Для лишения противника возможности маневра силами планировалось начать наступление 34-й и 53-й армий с целью овладения районом Демянска. Для этого планировалось создать две ударные группировки.

Первая группировка создавалась в 34-й армии в составе двух стрелковых дивизий (171-я и 245-я), одной стрелковой (161-я), одной танковой (60-я) бригад, одной пушечной и одной гаубичной бригад (из состава артиллерии 11-й армии), двух истребительных противотанковых артиллерийских полков, двух гаубичных артиллерийских полков большой мощности и трех дивизионов РС.

Вторая группировка создавалась в 53-й армии в составе трех стрелковых дивизий (235, 241 и 250-я), двух лыжных (41-я и 42-я), одной танковой (177-я) бригады, одного танкового полка (57-й), одного истребительного противотанкового артиллерийского полка, двух минометных полков РГК и двух дивизионов РС.

Эти предложения были учтены при окончательной доработке операции «Полярная звезда» в целях в кратчайший срок покончить с демянской группировкой и коренным образом изменить обстановку на Северо-Западном стратегическом направлении. Маршал С.К. Тимошенко принял решение о создании севернее и южнее «фамушевского коридора» двух ударных группировок: северная (27-я армия) и южной (1-я ударная армия). Они должны были одновременными встречными ударами образовать внутреннее кольцо окружения по западному берегу реки Ловать, тем самым обеспечить ввод в сражение Особой группы генерал-полковника М.С. Хозина (1-я танковая, 68-я армия, части артиллерии и гвардейских минометов) в направлении Старой Руссы – Пскова. Начало операции намечалось на 19 февраля 1943 г. [289]

В качестве эшелона развития успеха должна была выступить 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, которая после завершения формирования 8 марта 1943 г. должна была сосредоточиться в районе Осташкова. 68-я армия генерал-лейтенанта Ф.И. Толбухина была сформирована 30 января 1943 г. на базе управления участвовавшей в сражении за Сталинград 57-й армии. Армию Толбухина можно было смело назвать воздушно-десантной: в ее состав вошли 1, 5, 7, 8 и 9-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, 37-я стрелковая дивизия, 33-я и 137-я стрелковые бригады.

Для «Полярной звезды» предполагалось использовать 1-ю и 11-ю артиллерийские дивизии и отдельные артиллерийские полки Донского фронта. Сталинградские части растаскивались по всему Северо-Западу для развития наступления на запад.

Вечером 7 февраля Тимошенко вместе с членами Военного совета 1-й танковой армии вылетел на ее КП, развернувшийся в глухой, утопающей в снегах деревушке Зайцево. Командующий фронтом знал, что в армию входили 3-й механизированный, 6-й танковый корпуса, 112-я танковая бригада, две стрелковые дивизии и четыре лыжных бригады, 62, 63, 64, 7-й отдельные танковые полки, части обеспечения и обслуживания.

По сути дела, ваша армия – ударная, по нашим предвоенным взглядам, – констатировал Тимошенко, – она способна и прорывать оборону противника, и развивать успех в оперативной глубине, и рейдировать во вражеском тылу, вести, если потребуется, устойчивую оборону. Организм крепкий, однако, довольно громоздкий и трудно управляемый. Нужны надежные средства связи, прежде всего радио, и подвижные, в первую очередь – авиация связи, как минимум, эскадрилья У-2. Хорошо должны знать общий замысел и частные задачи командиры соединений, трудно придется штабу, но его начальник генерал М.А. Шалин, судя по всему, дело свое знает.

Затем маршал приказал доложить, как обстоят дела с материально-техническим обеспечением. Картина вырисовывалась отнюдь не радужная. Сложно решались задачи подвоза боеприпасов, ГСМ, продовольствия. Как всегда, давала о себе знать застарелая болезнь в снабжении танкистов запчастями. По указанию маршала Тимошенко активизировалась работа по освоению боевого опыта. Начальник политуправления Северо-Западного фронта генерал А.Д. О कोरोков, вспоминая об этом, писал:

«...Командующий выслушал мой доклад. Суть дела заключалась в следующем. В одной из поездов в 11-ю армию работники политуправления фронтом подметили, что враг применяет не совсем обычный прием инженерного оборудования обороны. Фашисты обливали амбразуру дзотов водой так, что получался толстый слой наледи, строили снежные валы и также поливали их водой. Лед сверкал на солнце, поэтому днем очень трудно было засечь огневую точку. А пытаясь овладеть «ледяным» дзотом, бойцы скользили, падали, небольшой подъем становился неприступным, словно горная вершина. Прифронтовая газета «За Родину» напечатала сообщения о ледяных амбразурах противника: доску с отверстием для ствола пулемета фашисты обкладывали льдом и заливали водой, а также о том, что толщина панциря может достигать метра. Здесь же помещались рекомендации по борьбе с такими сооружениями. Об этой новинке у противника и доложил маршалу Тимошенко. Он отнесся к ней очень серьезно, приказал подготовить снеговой вал и ледяные амбразуры, чтобы тренировать на них готовящиеся к штурму батальоны. Многим бойцам выданы были даже специальные альпинистские ботинки. По приказу Тимошенко войска всего фронта стали подобным образом готовить и свои огневые точки».

Совещание в Хмели

8 февраля представитель Ставки маршал Советского Союза Г.К. Жуков, главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов и маршал авиации А.А. Новиков прибыли на КП 1-й ударной армии в Хмели, где их встречал только что назначенный командующим 1-й ударной армией генерал-майор Г.П. Коротков, занимавший до этого должность командующего 53-й армией: 10 февраля там под руководством Г.К. Жукова состоялось совещание, на которое были приглашены командующий фронтом С.К. Тимошенко, командующие 1-й ударной и 53-й армиями, а также командиры их дивизий. Было решено с 24 часов 10 февраля правофланговую группировку 1-й ударной армии (53-я гвардейская, 129, 166, 235, 245 и 380-я стрелковые дивизии, 45-я, 86-я стрелковые бригады), а также 13-ю и 27-ю артиллерийские дивизии, 57-й и 226-й танковые полки переподчинить 53-й армии. Ей передавался также участок фронта до Залучья. Взамен 1-я ударная армия получала 2, 3 и 4-ю гвардейские воздушно-десантные, 250-ю стрелковые дивизии, 27, 36, 37 и 184-й отдельные танковые полки. Основные усилия 1-я ударная армия переносились на левое крыло фронта. Войска фронта должны начать операцию 15 февраля, а 27-я и 1-я ударная армии – 18 февраля [290].

В полдень 13 февраля маршал Г.К. Жуков и маршал С.К. Тимошенко выехали на КП 6-й воздушной армии. Ее командующий генерал Ф.П. Полынин доложил маршалам о порядке управления авиацией. Из доклада следовало, что самолеты, уходя на задание и при возвращении с него, должны связаться по радио с КП Полынина, размещавшегося в каменном доме в деревне Сельцо. В доме с чердака на крышу вырубили проем, в котором соорудили деревянную вышку с маленькой площадкой на 3–4 человека. Сюда вынесли микрофоны и динамики от радиостанций, открытых в 300–500 м в капонирах.

На вышке во время действий авиации находились командующий воздушной армией, его заместитель, помощник начальника связи по радио. Иногда вызывался метеоролог. Когда самолеты пролетали КП и приближались к линии фронта, с ними вступали в радиосвязь авиационные представители соединений. Они сообщали наземную и воздушную обстановку, по возможности наводили самолеты на цель.

Тимошенко и Жуков с командармом поднялись на вышку, и как раз в это время в небе появилась группа Ю-87. По радио последовал приказ истребителям на перехват цели. Четверка «ястребков» стремительно атаковала «юнкерсов». Два самолета загорелись, третий потянул за собой шлейф дыма, а остальные, беспорядочно сбрасывая бомбы на расположение своих войск, бросились враспынную. Впечатление было настолько сильным и ярким, удар истребителей так молниеносен и красив, что маршалы испытали глубокое удовлетворение, и Тимошенко тут же приказал представить

всю четверку воздушных бойцов к награждению орденами Красного Знамени.

Поздним вечером 14 февраля ночная авиация фронта, несмотря на снегопад и низкую облачность, произвела около 600 боевых самолето-вылетов. На немцев и их укрепления было сброшено более тысячи бомб. И когда зимний рассвет сквозь мглу снегопада приоткрыл землю, были отчетливо видны результаты бомбежки. Как потом установили воздушные разведчики, они подавили и уничтожили до тридцати артиллерийских и минометных батарей. А главное – самолеты У-2 держали всю ночь вражеские войска в напряжении. Как доложил Тимошенко, на своих крошечных самолетах У-2 летчики производили до десяти вылетов за ночь. Некоторые машины возвращались буквально изрешеченными пробоинами от пуль и осколков зенитных снарядов, но на них летали, пока работали моторы.

Накануне наступления на аэродромах шестой воздушной армии шла подготовка к боевым полетам. На самолеты подвешивались бомбы, снаряжались пушки и пулеметы. По взлетно-посадочным полосам ползали тракторы, очищая их от снега.

Летчики к сражениям готовы

Наша воздушная армия в то время представляла довольно внушительную силу. На время проведения наступательной операции придали три авиакорпуса – бомбардировочный, штурмовой и истребительный (ими командовали генералы В.А. Судец, Е.М. Белецкий, В.Г. Рязанов) и пять армейских полков, вооруженных в основном самолетами ПО-2 (У-2) (649, 674, 597, 642 и 677-й). Всего у нас было 209 истребителей, 221 штурмовик и 250 бомбардировщиков. По числу истребителей мы превосходили противника. Правда, бомбардировщиков у нас было не больше, чем у противника. Зато мы располагали штурмовиками, которых они не имели вообще.

Силы для операции готовились немалые. По плану взаимодействия 11-ю армию должны были поддерживать 239-я, 240-я истребительные, 243-я штурмовая и 242-я ночная бомбардировочная авиадивизии, а также Краснознаменный бомбардировочный авиаполк, 53-ю армию – 1-й штурмовой и 1-й истребительный авиакорпуса. В дальнейшем часть авиации переключилась на поддержку 34-й армии, а затем – 27-й и 1-й ударной армий. Мглистый рассвет 15 февраля 1943 г., когда заговорили пушки, авиаторам принес немало огорчений [291].

В этот день соединения 11-й и 53-й армий перешли в наступление. Немцы яростно сопротивлялись. Упорными были бои в районе «рамушевского коридора». Здесь каждый шаг продвижения был связан с огромными трудностями. Приходилось преодолевать болота, густые кустарники, леса, минные поля под интенсивным огнем противника из дзотов и дотов. Положение осложнялось еще и тем, что авиация не могла оказать поддержку наступающим из-за низких свинцовых туч и сильного снегопада.

Следующий день не принес авиаторам удовлетворения. Вьюга продолжалась и немного стихла только к вечеру. Чтобы как-то помочь наземным войскам, генерал Польшин приказал отобрать самые опытные экипажи штурмовиков и отправить на задание. Удался удар штурмовиков ИЛ-2 33-го гвардейского штурмового полка по вражеской колонне, идущей на помощь немцам из Старой Руссы.

На третий день наступления погода улучшилась и позволила авиации оказать действенную помощь пехоте. Аэродромы ожили, поднимая снежную пыль, самолеты один за другим стали уходить на задание. Особенно удачно действовала 243-я штурмовая авиадивизия по поддержке войск 11-й армии. Мощным артиллерийским огнем противник прижал пехоту к земле. Пятерка штурмовиков во главе со старшим сержантом В. Васильчиковым обнаружила артиллерийскую батарею, сбросила бомбы, а потом начала уничтожать гитлеровцев из пулеметов. Артиллерийский огонь противника заметно ослаб. Наша пехота снова устремилась вперед. Другие группы в этот же день уничтожили немало танков и артиллерийских орудий.

Кроме «илов», в штурмовках участвовали и самолеты ПО-2. Например, командир эскадрильи капитан А.П. Ерофеевский точным попаданием бомбы взорвал вражеский бензовоз.

18 февраля погода позволила включить в боевую работу истребителей. Такого большого количества самолетов здесь ни у нас, ни у немцев никогда раньше не было. Противник перебросил в этот район несколько истребительных и бомбардировочных частей из состава воздушного флота Рихтгофена.

В частности, прибыла 54-я истребительная эскадра подполковника Трауглофта,

укомплектованная отборными асами. Она летала на истребителях «Фокке-Вульф-190», считавшихся неуязвимыми.

19 февраля над передним краем четверка наших истребителей под командованием старшего лейтенанта Смирнова провела бой с шестью истребителями противника. Было сбито три немецких истребителя. Четверка потерь не имела. Герой Советского Союза Алексей Смирнов в небе Приильменя уничтожил 20 самолетов врага. За время войны довел свой боевой счет до 34 и в феврале 1945 г. был удостоен второй медали Золотая Звезда.

Накануне этого знаменательного воздушного боя, 19 февраля, воздушная разведка определила, что противник начал отход из района Демянска на запад. Об этом было доложено командующему фронтом. Авиация перенесла свои удары на отступающие колонны. В воздухе то и дело завязывались жаркие схватки.

20 февраля произошел воздушный бой, о котором надо рассказать особо. Наша четверка сражалась против многочисленной группы «фоккеров», «мессеров», не потеряв ни одного своего, сбила пять вражеских машин.

Вот что рассказал об этом поединке командир группы майор Николай Мачерин: *«Нас было четверо, а немецких самолетов несколько десятков. Силы далеко не равные, тем не менее мы решили атаковать».*

Я подаю команду «Внимание» и приблизился к самой кромке облаков. За мной последовали товарищи. Расчет был прост: фашисты нас не заметили, и наше нападение будет внезапным. Чтобы спутать врагу карты, я решил атаковать первую группу бомбардировщиков. Дистанция между ней и остальными небольшая. Стоит нарушить строй впереди идущих, и получится неразбериха. Так оно потом и вышло. Выбрав удобный момент, подаю команду, правда, не совсем обычную: «Бей фашистскую сволочь!»

В первой же атаке я сбил флагмана. «Юнкерс» задымил, перевернулся и вскоре врезался в землю. Малышевский и Заболотнев тоже сбили по «юнкерсу». Расчет наш оправдался: немецкие самолеты смешались, получилась неразбериха. Бомбардировщики тут же начали освобождаться от бомб и уходить в облака. Бомбы накрыли их же войска. Потом схватились с немецкими истребителями. Их было 12, нас трое. Царев, увлекшись, погнался за «юнкерсами». На Заболотнева сразу навалились шесть «фоккеров». Малышевский, подоспев на помощь товарищу, первой же очередью сбил одного из них.

На мою долю выпало драться с «мессерами». Два из них, круто пикируя, стали уходить. Используя преимущество в высоте, я тоже устремился вниз и сбил еще одного. Разгром врага был полный» [292].

21 февраля, в последний день боев за Демянск, истребители 6-й воздушной армии провели семь воздушных схваток, в которых уничтожили 12 самолетов врага.

Выгрузка в районе Осташкова – Соблаго и выдвижение к линии фронта частей воздушно-десантных дивизий и группы Хозина не прошли незамеченными для противника.

Гитлер дает согласие на вывод

Генерал-полковник Цейтцлер старался убедить Гитлера дать санкцию на отвод сил из «бастиона на Валдае», но тот сначала был глух ко всем аргументам. «Держаться» – был его девиз. Передовые «крепости» фронта, как он полагал, станут стартовыми позициями для будущих наступлений. Гитлер по-прежнему оставался приверженцем стратегии завоевания Советского Союза посредством оккупации его обширных просторов и экономически важных территорий.

Когда во второй половине января 1943 г. стало ясно, что 6-я немецкая армия погибла в Сталинграде, потому что вовремя не получила приказа отходить с Волги на Дон, генерал Цейтцлер снова обратился к Гитлеру за разрешением избавить 100 000 человек в Демянске от судьбы 6-й армии, спасти эти важные для сухопутных войск Германии дивизии. Гитлер не отклонил запрос категорически, теперь он колебался между здравым смыслом и упрямством.

Военный хроникер Верховного главного командования Хельмут Грейснер 30 января 1943 г. записал: *«Вчера фюрер запросил информацию о снабжении района Демянска, чтобы решить вопрос об его эвакуации. В этой связи он, между прочим, заметил, что пока находит сложным решить вопрос в пользу эвакуации, потому что все еще предполагает предпринять операцию в направлении*

Осташкова, чтобы блокировать прорыв в линии фронта».

31 января 1943 г. Гитлер, убежденный наконец тяжелыми известиями с Волги, уступил настойчивым требованиям Цейтцлера. На следующий день, 1 февраля, Цейтцлер в телеграмме 16-й армии дал 2-му корпусу «зеленый свет» на эвакуацию. Отход фактически по бездорожью должен был производиться постепенно, с тем чтобы не оставить ни одного орудия. *«Эвакуироваться в течение семидесяти дней»*, – указывалось в приказе Верховного главного командования. Офицеры корпуса считали, что отход должен произойти за сроки вроде двух с половиной месяцев. Как показали события, отход был закончен за одну седьмую указанного времени, поскольку командование 2-го корпуса самостоятельно готовилось к эвакуации задолго до того, как поступил приказ. Уже с середины января по молчаливому соглашению с 16-й армией начальник штаба генерал Лаукс производил необходимые приготовления. Были сформированы эвакуационные и рабочие колонны, проложены рельсовые пути, построены бревенчатые дороги, создана система трасс, радиально выходящих из шляпки «гроба» в «коридор», позволяющая выводить одновременно несколько колонн. К работам привлекались и пленные. Работали снегоочистители. Так появилось «Шоссе № 1», «Деревянная авеню», «Курфюрстендамм» и «Силезский променад».

Немцы ускользают

Все лишнее из тыловых хранилищ: дополнительные машины и оборудование – свезли к узкоколейной железной дороге, которая начиналась сразу за рекой Пола и шла через «коридор» в район Старой Руссы. Все привезенное собрали в нескольких складах. Оставили только сани, самоходные и на конной тяге, чтобы использовать для отхода по глубокому снегу.

Когда наконец 1 февраля 1943 г. поступил приказ эвакуироваться, основные приготовления были уже завершены. Корпус информировал начальника Генерального штаба сухопутных войск, что теперь возможно сократить эвакуационный период до 40 дней. Но и это слово не было последним.

немедленно. Было 17 февраля 1943 г. И 17 февраля был отдан приказ на начало вывода войск. Немцам нужно спешить. Атаки дзотов в лесу по болоту были сложным делом, но рано или поздно немецкая оборона была бы прорвана.

Первыми 19 февраля вышли 32-я и 329-я пехотные дивизии. За ними последовали 12, 30 и 122-я дивизии. Собственно Демянск немецкими войсками был оставлен 22 февраля. Погода сыграла на руку противнику. Неожиданно наступившая оттепель, дождь со снегом позволили отступающим пехотным дивизиям отойти по заранее подготовленным дорогам.

В результате в полосе предстоящего наступления 1-й ударной армии, где до этого находились только части 21-й авиаполевой дивизии, заняли оборону три пехотные дивизии (32, 329 и 30-я), объединенные в корпусную группу Хене.

Опять погода помешала

Насторожило Тимошенко донесение, поступившее от Катуква. Он доложил, что армия утром 17 февраля вышла в исходный район, однако началось бурное снеготаяние, по полям и оврагам начался разлив воды. Некоторые машины, пущенные для пробы по грунтовой дороге, пройдя сотню-другую метров, погрязли в талом снегу почти по самую башню.

– Надеемся на мороз, – завершил доклад командующий танковой армией.

Оттепель вывела из строя оба зимника из района Осташкова к линии фронта. Дивизионные колонны растянулись на много десятков километров, большая часть артиллерии и автомашин с боеприпасами, продовольствием и горючим застряли в глубокой грязи раскисших дорог. Чтоб как-то выйти из ситуации, по указанию Г.К. Жукова с Калининского фронта сюда была спешно переброшена 54-я инженерная саперная бригада, из группы Хозина – 59-я бригада, из 1-й танковой армии – 10-я инженерно-минная бригада.

В крайне тяжелых условиях оказался личный состав выдвигающихся дивизий. Предполагалось, что 150 км от станции выгрузки до района сосредоточения бойцы пойдут на лыжах, но из-за оттепели это оказалось невозможным. Пришлось с лыжами на плечах, в валенках идти по лужам и грязи. В итоге в район сосредоточения части дивизий прибывали измотанными до предела. Исходный район для наступления заблаговременно подготовить не удалось. Мягкая зима с продолжительными оттепелями в декабре – феврале, при снежном покрове 50–70 см способствовала незначительному промерзанию болот.

«В районе предстоящих действий множество болот, а там, где их нет, проступали грунтовые воды, – вспоминал главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов. – Проложить здесь дороги стоило огромного труда. Особенно доставалось артиллеристам. Для большинства огневых позиций следовало строить прочные деревянные настилы, чтобы орудия при стрельбе не утонули в трясине. На это требовалось длительное время».

Неблагополучно обстояли дела и с накоплением материальных средств. Несмотря на увеличение перевозок по узкоколейной железной дороге и автотранспортом, использование для перевозок 674-го армейского авиационного полка, удавалось покрывать лишь текущий расход. Отдельные автоколонны преодолевали расстояние от Осташкова до Марево (103 км) за двое-трое суток.

Срывались запланированные сроки начала операции. Такое положение весьма тревожило Ставку, вызвало недовольство у И.В. Сталина. 20 февраля Г.К. Жуков получил телеграмму Верховного главнокомандующего, в которой указывалось: *«В районе Демянска противник начал поспешно отводить свои части на запад. Есть опасность, что ему удастся отвести свои дивизии за реку Ловать и намеченная нами операция «Полярная звезда» может быть поставлена под угрозу срыва. Считаю абсолютно необходимым начать операцию Трофименко, Короткова и Хозина ранее установленного срока на три-четыре дня»* [293].

Но даже неиссякаемая энергия Жукова и его выдающиеся организаторские способности не могли спасти положение. Ни 27-я, ни 1-я ударная армии, ни группа Хозина к наступлению не были готовы. Несмотря на принятые меры, войска 27-й армии перешли в наступление лишь 23 февраля, а 1-я ударная армия – 26 февраля, когда противник уже успел отвести свои части с демянского плацдарма и занять позиции севернее и южнее западного выхода из «фамушевского коридора».

Накануне, 25 февраля, была проведена разведка боем передовыми дивизиями 1-й ударной

армии. Было установлено, что противник не только прочно занимает оборону, но и значительно усилил ее в огневом отношении. Утром 26 февраля после трехчасовой, но слабой из-за недостатка боеприпасов артиллерийской подготовки, не нарушившей систему огня противника, части первого эшелона 1-й ударной армии по глубокому снегу двинулись в атаку. Артиллерия, выпустив отпущенные ей на артиллерийскую подготовку снаряды, резко снизила интенсивность огня. Авиации, действовавшей небольшими группами самолетов, не удалось надежно подавить вражескую оборону.

Танки, большей частью американские: громоздкие, имевшие слабую броню, узкие гусеницы и бензиновые двигатели, — еще на подходе к переднему краю обороны противника стали застревать, попадая на участки незамерзающих болот, останавливаясь, искать обходы. В этих условиях части ударной группировки армии с большим трудом удалось продвинуться всего на 1–3 км. Выйдя на ряде участков на восточный берег Полисти, они были вынуждены здесь закрепиться.

Наступление, возобновленное 27 февраля, не получило развития, хотя войны сражались самоотверженно. Так, танк заместителя командира роты 37-го отдельного танкового полка младшего воентехника Н.С. Малыгина первым ворвался в опорный пункт врага, но был подожжен и отсечен от пехоты. Экипаж не покинул машину и продолжал вести бой. Когда же в танке уже нельзя было находиться, танкисты покинули машину и начали уничтожать гитлеровцев из автоматов. В рукопашной схватке герои погибли. Н.С. Малыгин был посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

Более успешно действовали войска 34-й и 53-й армий, которые, преследуя части демянской группировки противника, к исходу 28 февраля вышли на берег реки Ловать. В тот же день маршал Жуков представил И.В. Сталину доклад № 43 о переносе сроков начала операции «Полярная звезда». В нем отмечалось, что план операции был рассчитан на то, чтобы прорвать слабую оборону противника и, введя в сражение Особую группу генерала Хозина, быстро выйти в тыл его ленинградско-волховской группировки. При этом предполагалось, что демянская группировка будет окружена 1-й ударной, 27, 53 и 34-й армиями. Однако противник, заметив сосредоточение 1-й ударной, 27-й армий и Особой группы генерала Хозина, отошел за реку Ловать, рассчитывая занять оборону по реке Полисть с предпольем до реки Редья, а возможно, и по реке Ловать. Далее Жуков пишет: *«Прогноз показывает с 15.3.1943 г. теплую погоду, я очень боюсь, что мы сядем со своей группировкой в здешних болотах и труднопроходимой местности, не достигнув своей цели по «Полярной звезде» [294].*

Он предложил ограничиться выходом войск Северо-Западного фронта на реку Полисть, отказаться от ввода в сражение особой группы генерала Хозина, захватить Старую Руссу и подготовить исходный район для весеннего наступления. К этому времени усилить данную группу 34, 53-й армиями, тремя воздушно-десантными дивизиями 1-й ударной армии [295].

3 марта в состав фронта вошла 68-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Толбухина. Армию ввели в сражение 14 марта в стыке 11-й и 53-й армий. Новое наступление фронта, начатое 14 марта, имело своей ближайшей задачей освобождение Старой Руссы и в дальнейшем выход на реку Шелонь на участке Сольцы – Дно. Но эта операция из-за полного бездорожья успеха не имела. Были решены только отдельные частные задачи. 68-я армия к 17 марта вышла к Редье, а 18 марта на этот рубеж вышли и остальные войска фронта. 21 марта был захвачен плацдарм на реке Полисть, севернее Старой Руссы, войска достигли предместьев города западнее Ловати. На этом рубеже фронт перешел к обороне.

Причины неудач

В результате неудовлетворительной организации наступления командующим и штабом Северо-Западного фронта демянской группировке противника удалось избежать окружения и разгрома. В то же время войска фронта в течение полутора лет сковывали на этом направлении значительную группировку 16-й армии противника (около 100 тысяч солдат и офицеров). Враг был лишен возможности усилить за ее счет группировку на южном крыле Восточного фронта, что облегчало советским войскам ведение наступательных операций на Верхнем Дону, под Харьковом и в Донбассе, где было сосредоточено главное внимание Ставки ВГК.

Немцы не хотели признавать свое отступление поражением. Ситуация была патовой. Красная

Армия не смогла ликвидировать демянскую группировку, с другой стороны, немецко-фашистские войска не смогли развить дальнейшего наступления.

Да, наши потери в танках были велики. Но под Демянском Германия потеряла почти половину транспортного флота, которого не хватало для наведения «воздушного моста» в Сталинграде.

Говоря о причинах затяжного характера действий войск фронта и его неудач, бывший начальник штаба 1-й ударной армии генерал В.В. Корчиц отмечал: *«Причинами неудач под Старой Руссой и у «рамушевского коридора» были, прежде всего, конечно, лес и болото, непроходимость болот и дорог, потом слабая материально-техническая обеспеченность войск: мало танков, мало авиации, мало артиллерии, а то, что есть, опять же вязнет в болоте. Порою каждый снаряд надо много километров нести на себе... Довоенная теория оперативного искусства требовала, чтобы вести наступательную операцию в направлении главного удара, надо сосредоточить силы, в два-три раза превосходящие врага... Наши силы почти всегда были растянуты в ниточку, у нас не было вторых эшелонов...»* [296].

А вот мнение бывшего командира 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии генерал-лейтенанта П.Г. Кузнецова: *«Почему же не была уничтожена демянская группировка противника? Почему ей удалось выйти из-под ударов наших войск?»*

Ответы на эти вопросы наша военная печать дала вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Мне, участнику боев у «рамушевского коридора», остается только подтвердить серьезные ошибки, допущенные командованием Северо-Западного фронта и командованием наступающих армий, как при подготовке, так и в ходе операций.

Наиболее крупным недочетом явилось то, что ни в одной из трех операций, проведенных с конца ноября 1942 года по вторую половину февраля 1943 года, не было создано решающего превосходства над противником в артиллерии, танках, авиации и другой боевой технике на направлениях главных ударов за счет ослабления других, второстепенных участков фронта.

Фронтное командование переоценивало силы врага, опасаясь его активных действий, и не решалось пойти в смелую перегруппировку. Из общего количества войск, которыми располагал фронт, лишь половина соединений входила в состав наступающих армий, да и эти силы использовались не полностью.

Ни в одной из операций не было создано мощной артиллерийской группировки, которая позволила бы быстро и без значительных потерь сокрушить вражескую оборону. Еще хуже было со снарядами, их хватало только на один-два часа боя. Вот почему артиллерийская подготовка не столько разрушала и подавляла, сколько сигнализировала врагу о готовящемся наступлении.

На второстепенных участках фронта противник не сковывался активными действиями наших войск. Вражеское командование имело возможность быстро стягивать на угрожающие направления необходимые резервы, снимая часть сил, даже дивизии в полном составе, с пассивных участков фронта.

При подготовке и проведении операций не использовалась оперативная маскировка, не принимались меры к тому, чтобы ввести противника в заблуждение путем демонстративных действий. Недооценивались ночные действия войск.

Между ударными группами, действовавшими на встречных направлениях, отсутствовало тесное оперативное взаимодействие.

Намечавшийся успех на фронте наступления одной группы часто совпадал с затуханием операции на участке действий другой. Разведка всех видов велась слабо. Управление войсками не соответствовало требованиям боя. Штабы нередко отрывались от войск, отсиживались в блиндажах. Задачи войскам ставились на карте. Дивизии, как это было с 26-й стрелковой, с дивизиями Штыкова, Разанова и другими, бросались в бой неподготовленными, с ходу. Это приводило к тому, что начавшееся наступление или захлебывалось в самом начале, или развивалось слишком медленно.

В результате всех этих серьезных недочетов ни одна операция не увенчалась успехом. «Рамушевский коридор» продолжал оставаться открытым. И когда противник почувствовал нависшую над ним настоящую угрозу, он воспользовался нашим промахом и ускользнул.

Но уроки СЗФ не прошли бесследно. Командование и войска сделали из них необходимые выводы» [297].

Список используемой литературы и источников

- Асмолов А.Н.* Фронт в тылу вермахта. – М.: Изд-во политической литературы, 1987.
- Безыменский Л.А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. – М.: Мысль, 1964.
- Бердников Г.И.* Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1985.
- Бердников Г.И.* Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард» Демянского района. 1991.
- Бескин И., Бескина Т.* Правда фронтового разведчика. – М.: Яуза, 2010.
- Васильченко А.* Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. – М.: Эксмо, 2008.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1989.
- Военно-исторический сборник. Великая отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. – М.: Эксмо, 2007.
- Вернер Хаупт.* Группа армий «Север». Бой за Ленинград. – М.: Центрполиграф, 2005.
- Винцер Б.* Солдат трех армий. – М.: Прогресс, 1971.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. – М.: Воениздат, 1968–1971.
- Дайнес В.О.* Советские ударные армии в бою. – М.: Яуза, Эксмо, 2009.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1975.
- Ивакин Алексей.* Десантура-1942. В ледяном аду. – М.: Эксмо, 2010.
- Ивановский А.Л.* Утерянные победы Красной Армии. Война могла закончиться намного раньше... – М.: Яуза, Эксмо, 2008.
- Исаев А.В.* Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знаем. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. – М.: Воениздат, 1974.
- Исаев А.* Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Карель Пауль.* Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. – М.: Эксмо, 2003.
- Кайюс Беккер.* Военные дневники Люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2005.
- Кислинский В.С.* Нет ничего дороже: Документальный очерк. – Л.: Лениздат, 1983.
- Крафт Герберт.* Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. – М.: Яуза-пресс, 2010.
- Кузнецов П.Г.* Дни боевые. – М.: Воениздат, 1964.
- Мамонов О.В.* Остановленный блицкриг. Типография «Виконт». В. Новгород, 2011.
- Перро О.* Крепость Холм. Специальное приложение к альманаху «Троицкий летослов». Тривант, 2010.
- Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. – Л., 1973.
- Полынин Ф.П.* Боевые маршруты. – М.: Воениздат, 1981.
- Смыслов О.Е.* Окопная правда войны. – М.: Вече, 2008.
- Рыбалко Я.Н.* Старорусцы. Зовнішторгвидав Украина, 1994.
- Русский архив: Великая Отечественная война: Ставка ВГК.
- Толкач М.Я.* Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. – М.: Яуза, 2010.
- Ульянов В.Б.* Награды вермахта и ваффен СС. – М.: Издатель Ульянов – Литература для историков и коллекционеров, 2002.
- Ханс Киллиан.* В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. – М.: Центрполиграф, 2005.
- Швабедиссен В.* Сталинские соколы. – Минск: ООО «Харвест», 2003.
- Шмелев Н.А.* С малых высот. – М.: Воениздат, 1966.
- Южнее озера Ильмень: Сб. воспоминаний. – Л.: Лениздат, 1980.
- Heinzich Behzen.* 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden, 1970.
- Mazsch und Kampfe dez SS – Toten Kopf – Division Bielefeld,* 1984.
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
- Материалы музея средней школы пос. Любница Новгородской области.
- Материалы газеты «Авангард» Демянского района, 1991 г.
- Центральный архив Министерства обороны.

Примечания

- 1
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 2
Южнее озера Ильмень. Сб. воспоминаний. – Л.: Лениздат, 1980. С. 5.
- 3
История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М.: Воениздат, 1974. Т.3. С. 238.
- 4
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1975. С. 273.
- 5
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 6
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. – М.: Центрполиграф, 2005. С. 173.
- 7
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 38.
- 8
Рыбалко Я.Н. Старорусцы. Зовнішторгвидав Украина, 1994. С. 225.
- 9
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 10
Военно-исторический сборник. Великая отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. – М.: Эксмо, 2007. С. 89.
- 11
Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
- 12
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 13
Исаев А.В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знаем. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 41.
- 14
Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. – Л.: Лениздат, 1983. С. 32.
- 15
Исаев А.В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знаем. С. 39.
- 16
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 17
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
- 18
Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. – М.: Эксмо, 2008. С. 45.
- 19
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden, 1970. С. 280.
- 20
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 315.
- 21
Крафт Герберт. Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. – М.: Яуза-пресс, 2010. С. 156.
- 22
Крафт Герберт. Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. С. 190.
- 23
Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 50.
- 24
Крафт Герберт. Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. С. 201.

25

Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. – М.: Яуза, 2010. С. 83.

26

Крафт Герберт. Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. С. 202.

27

ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.

28

Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 50.

29

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 320.

30

Крафт Герберт. Фронтовой дневник эсэсовца. «Мертвая голова» в бою. С. 90.

31

Смыслов О.Е. Окопная правда войны. – М.: Вече, 2008. С. 204.

32

Там же. С. 211.

33

Смыслов О.Е. Окопная правда войны. С. 201.

34

Смыслов О.Е. Окопная правда войны. С. 202.

35

Смыслов О.Е. Окопная правда войны. С. 412.

36

Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. С. 140.

37

Смыслов О.Е. Окопная правда войны. С. 204.

38

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 320.

39

Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. С. 140.

40

Гальдер Ф. Военный дневник. – М.: Воениздат, 1968–1971. С. 71.

41

Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. М.: Из-во политической литературы, 1977. С. 26.

42

Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. – Л.: 1973. С. 19.

43

Там же. С. 145.

44

Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 29.

45

Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 34.

46

Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 36.

47

Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. С. 158.

48

Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. С. 165.

49

Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 43.

50

Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. С. 119.

51

Перро О. Крепость Холм. Тривант, 2010. С. 34.

- 52
Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. С. 180.
- 53
Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 76.
- 54
Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области 1941–1944. С. 244.
- 55
Асмолов А.Н. Фронт в тылу вермахта. С. 108.
- 56
Безыменский Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М.: Мысль, 1964. С. 248.
- 57
Там же. С. 249.
- 58
Исаев А.В. Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знаем. С. 278.
- 59
Там же. С. 279
- 60
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 152.
- 61
Гальдер Ф. Военный дневник. С. 99.
- 62
Там же. С. 105.
- 63
Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. С. 90.
- 64
Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. С. 180.
- 65
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 144.
- 66
Винцер Б. Солдат трех армий. – М.: Прогресс, 1971. С. 315.
- 67
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 48.
- 68
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. – М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 398.
- 69
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 397.
- 70
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 398.
- 71
Василевский А.М. Дело всей жизни. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1989. С. 142.
- 72
Карель Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. – М.: Эксмо, 2003. С. 316.
- 73
Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 154.
- 74
Перро О. Крепость Холм. С. 26.
- 75
Перро О. Крепость Холм. С. 72.
- 76
Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 153.
- 77
Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. С. 170.

- 78
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 83.
- 79
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 119.
- 80
ЦАМО. Ф. 1432. Оп. 1. Д. 19.
- 81
Карель Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. – М.: Эксмо, 2003. С.
- 32.
- 82
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 280.
- 83
Карель Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. С. 303.
- 84
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 295.
- 85
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 181.
- 86
ЦАМО. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 18.
- 87
ЦАМО. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 18.
- 88
ЦАМО. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 18.
- 89
ЦАМО. Ф. 1440. Оп. 1. Д. 18.
- 90
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 197.
- 91
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 201.
- 92
Ханс Киллиан. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. С. 202.
- 93
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 340.
- 94
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 369.
- 95
ЦАМО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 20.
- 96
Смыслов О.Е. Окопная правда войны. С. 273.
- 97
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 359.
- 98
ЦАМО. Ф. 936 сп. Оп. 10562с. Д. 2/ОП.
- 99
Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 385.
- 100
ЦАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–258.
- 101
ЦАМО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 20.
- 102
ЦАМО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 20.
- 103
Кузнецов П.Г. Дни боевые. – М.: Воениздат, 1964. С. 91.
- 104

- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
105
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
106
- Там же.
107
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
108
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
109
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
110
- ЦАМО. Ф. 1464. Оп. 1. Д. 21,37.
111
- Mazsch und Kampfe dez SS – Toten Kopf – Division Bielefeld, 1984. С. 330.
112
- ЦАМО. Ф. 1464. Оп. 1. Д. 21, 37.
113
- Heinrich Behren. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielen. С. 365.
114
- Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
115
- Материалы музея средней школы пос. Любница Новгородской области.
116
- ЦАМО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 28.
117
- Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 68.
118
- ЦАМО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 29.
119
- Там же.
120
- Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 78.
121
- Mazsch und Kampfe dez SS – Toten Kopf – Division Bielefeld, 1984. С. 353.
122
- ЦАМО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 28.
123
- Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 59.
124
- Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 124
125
- Там же. С. 125.
126
- Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 127.
127
- Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 127.
128
- Там же. С. 128.
129
- Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 128.
130
- Там же. С. 129.
131

- Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 131.
132
Там же. С. 176.
133
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 132.
134
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 133.
135
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 41. л. 201.
136
ЦАМО. Фонд 7 гв. СД. Оп. 1. Д. 10. л.3.
137
ЦАМО. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 10.
138
ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8758. Д. 2. л. 329–330
139
ЦАМО. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 10.
140
Там же.
141
Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 107.
142
Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 113.
143
Кайюс Беккер. Военные дневники Люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне 1939–1945. – М.: Центрполиграф, 2005. С. 383.
144
Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 117.
145
Там же. С. 118.
146
Кайюс Беккер. Военные дневники Люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне 1939–1945. С. 385.
147
Винцер Б. Солдат трех армий. С. 350.
148
Карель Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. С. 165.
149
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 123.
150
Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. С. 175.
151
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. – М.: Воениздат, 1985. С. 62.
152
Там же. С. 63.
153
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 137.
154
Там же. С. 137.
155
Там же. С. 138.
156
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 139.

157

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 142.

158

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 69.

159

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 72.

160

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 146.

161

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 75.

162

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 77.

163

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 153.

164

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. – М.: Яуза, 2010. С. 25.

165

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 28

166

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 36.

167

Там же. С. 30.

168

Исаев А. Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. С. 148.

169

Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 130.

170

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 39.

171

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 61.

172

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 65.

173

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 101.

174

Ивакин А. Десантура-1942. В ледяном аду. – М.: Эксмо, 2010. С. 310.

175

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 111.

176

Ивакин А. Десантура-1942. В ледяном аду. С. 311.

177

Ивакин А. Десантура-1942. В ледяном аду. С. 289.

178

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 170.

179

Там же. С. 181.

180

Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 182.

181

- Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 222.
182
Там же. С. 225.
183
Там же. С. 227.
184
Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 229.
185
Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 246.
186
Толкач М.Я. Десантники Великой Отечественной. К 80-летию ВДВ. С. 275.
187
Там же. С. 323.
188
Ивакин А. Десантура-1942. В ледяном аду. С. 316.
189
Карель Пауль. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. С. 35.
190
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 84.
191
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 85.
192
Там же. С. 85.
193
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 86.
194
Материалы музея пос. Парфино Новгородской области.
195
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 89.
196
Там же. С. 89.
197
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 96.
198
Русский архив: Великая Отечественная война: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2) – М.: Терра, 1996. С. 162.
199
Mazsch und Kampfe dez SS – Toten Kopf – Division Bielefeld, 1984. С. 350–365.
200
Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 161.
201
Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 96.
202
Швабедиссен В. Сталинские соколы. – Минск: ООО «Харвест», 2003.
203
Военно-исторический сборник. Великая отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. С. 281.
204
Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 13.

205

Рыбалко Я.Н. Старорусцы. С. 153.

206

Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 83.

207

Швабедиссен В. Сталинские соколы. С. 162.

208

Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 112.

209

Рыбалко Я.Н. Старорусцы. С. 221.

210

Там же. С. 224.

211

Полынин Ф. П. Боевые маршруты. – М.: Воениздат, 1981. С. 183.

212

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 163.

213

Там же. С. 163.

214

ЦАМО. Ф. 1462. Оп. 1. Д. 21.

215

ЦАМО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 1.

216

ЦАМО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 20.

217

ЦАМО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 20.

218

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 305.

219

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 305.

220

ЦАМО. Ф. 1580. Оп. 1. Д. 1.

221

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 309.

222

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 315.

223

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 322.

224

ЦАМО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 8

225

ЦАМО. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 1.

226

Кислинский В.С. Нет ничего дороже: Документальный очерк. С. 99.

227

ЦАМО. Ф. 1705. Оп. 1. Д. 14.

228

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 325.

229

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 101.

230

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 165.

231

ЦАМО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 1.

232

ЦАМО. Фонд 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 13.

233

ЦАМО. Фонд 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 13.

234

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 140.

235

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 176.

236

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 177.

237

ЦАМО. Ф. 1110. Оп. 1. Д. 34.

238

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 385.

239

ЦАМО. Фонд 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 13.

240

ЦАМО. Фонд 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 13.

241

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 110.

242

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 250.

243

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 111.

244

Бескин И., Бескина Т. Правда фронтового разведчика. С. 112.

245

Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 252.

246

Mazsch und Kampfe dez SS – Toten Kopf – Division Bielefeld, 1984. С. 319.

247

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 113.

248

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 114.

249

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. С. 118.

250

Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 13 апреля.

251

Васильченко А. Демянский котел. Упущенная победа Красной Армии. С. 268.

252

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 415.

253

Heinzich Behzen. 290 Jufanterie-Division / Chzonic in Bielden. С. 439.

254

Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 16 апреля.

255

- Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 16 апреля.
256
Там же.
257
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 16 апреля.
258
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 20 апреля.
259
Там же. 1991. 23 апреля.
260
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 23 апреля.
261
Там же.
262
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 25 апреля.
263
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 25 апреля.
264
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 27 апреля.
265
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 27 апреля.
266
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 27 апреля.
267
Там же. 1991 г. 1 мая.
268
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 1 мая.
269
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 1 мая.
270
Там же.
271
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 1 мая.
272
Бердников Г.И. Трагедия под Цеменой. Газета «Авангард». 1991. 1 мая.
273
Южнее озера Ильмень. Сб. воспоминаний. С. 70.
274
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
275
ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 200.
276
ЦАМО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 19.
277
ЦАМО. Фонд 43-й гвардейской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 13.
278
ЦАМО. Ф. 1412. Оп. 1. Д. 1.
279
Там же.
280
ЦАМО. Ф. 1103. Оп. 1. Д. 30.
281
Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 156.
282

Там же. С. 168.

283

ЦАМО. Ф. 1464. Оп. 1. Д. 41.

284

Южнее озера Ильмень: Сб. воспоминаний. С. 71.

285

Материалы музея средней школы пос. Любница Новгородской области.

286

ЦАМО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 19.

287

Там же.

288

ЦАМО. Ф. 1171. Оп. 1. Д. 19.

289

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 193.

290

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 197.

291

Полынин Ф.П. Боевые маршруты. С. 241.

292

Полынин Ф.П. Боевые маршруты. С. 247.

293

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 199.

294

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 200.

295

Там же. С. 22.

296

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 203.

297

Кузнецов П.Г. Дни боевые. С. 177.